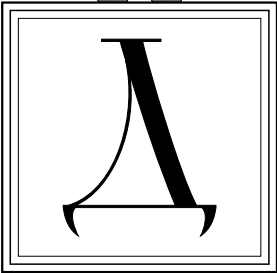
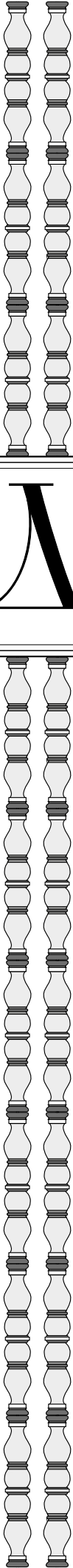
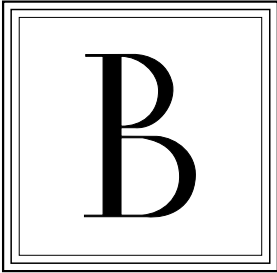

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ Временник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцать третий

Ростов-на-Дону
2024

К ЧИТАТЕЛЮ

Тридцать третий выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Немалое место на страницах альманаха занимает интересная личность, раскрывающаяся на фоне своего времени. Мы вспоминаем наших краеведов Михаила Сенюткина, Виталия Сидоренко, Татьяну Марутову, Евгения Халдаева, лётчика-героя Ивана Утюскина и фельдшера Григория Задёру, художника Александра Шендерова и писательницу Наталью Суханову, предпринимателей Торлецких и Фёдора Солодова, оставивших заметный след в истории региона и России.

Событием в культурной жизни области стали Десятые Коршиковские чтения «Краеведение на Дону: история и современность», состоявшиеся на двух площадках в Ростове и Таганроге. Несколько статей в альманахе подготовлены по материалам Чтений.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12 — 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавадакер
Ответственный за выпуск А. В. Желябовская

Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой, Н. Н. Зайцевой и Л. К. Поповян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

ISBN 978-5-6053172-0-3

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2024
© А. С. Козаченко, художественное оформление, 2024

Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов
возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Раскидистые ветви платана. <i>Кавказцы Денибек и итальянцы Ленци</i>	5
---	---

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

СКОРИКОВ Д. Д. «Действительно почётный ростовец» (<i>Ф. Н. Сологов</i>)	41
ДЗЮБА В. А. Ростсельмаш в моей судьбе	49

ПОСЕЛЕНИЯ

ВЕГЕРИН В. И. Ведерниковская станица. — Краткое медико-топографическое описание станицы Ведерниковской 1-го Донского округа. <i>Публикация В. И. Вегерина</i>	69
ЗАЙЦЕВА А. С. Графский дом на окраине хутора	73
БЕЛАШ Д. С., ПОЛУПАНОВ А. Н., РУДЬ М. А. Александровск-Грушевский или хутор Поповка? <i>О том, как в ХХI веке переписали историю г. Шахты</i>	79
БАНДУРИН Н. С. Троицкая ярмарка в слободе Криворожье	86

НАШИ КРАЕВЕДЫ

МИНИНКОВ Н. А. «Религиозный казакоман» Михаил Сенюткин	92
СИДОРЕНКО В. Т. Владикавказская железная дорога в переломные годы. 1917—1920. <i>Вступительная статья и публикация С. В. Сигоренко</i>	98
ГРИДАСОВА Ж. П. В чём сила твоя, друг? (<i>Е. В. Халдаев</i>)	112

МУЗЕИ

ЧИБИСОВА С. П. Донской музей : <i>От идеи до открытия в собственном здании</i>	122
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ШТАВДАКЕР Л. А. Современная краеведческая периодика	135
ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Два города в судьбе художника (<i>А. С. Шендеров</i>)	140
ПУГАЧЁВА Т. Л. Жила такая умная женщина (<i>Н. А. Суханова</i>)	144
ХЕЙФЕЦ О. А. «...Внутри её была любовь» (<i>Т. А. Марутова</i>)	151

ДЕСЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЗАЙЦЕВА А. С., СМИРНОВ В. А. Краеведение на Дону: история и современность (<i>Ростов-на-Дону — Таганрог, 19-20 сентября 2024 г.</i>)	155
СМИРНОВА А. Г. О роли Императорского Московского археологического общества в становлении и развитии краеведения в России (1864—1923)	160
ТОКАРЕНКО С. Ф. Донские низовые казачьи городки	175
КАЗАРОВА Н. А. Фельдшер Григорий Задёра	189
ПЕРЕПЕЧ Л. Н. Женская учебная коммуна имени Артюхиной	195
МОРОЗОВА О. М. Мировая культурная традиция и первые советские революционные памятники	206
ШПАГИН С. А. Ростовская стачка 1902 года. Осмысление исторического события и объекта историко-культурного наследия	213
АФАНАСЕНКО В. И. В памяти и сердце — навсегда! <i>Судьба и любовь капитана И. М. Утюскина</i>	218

ПРОЩАНИЕ

ШТАВДАКЕР Л. А. Бесценный дар. <i>Памяти Э. В. Тимошенко</i>	227
--	-----

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	231
------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	235
-------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	235
------------------------------	-----

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

РАСКИДИСТЫЕ ВЕТВИ ПЛАТАНА

Кавказцы Денибек и итальянцы Ленци

Благодаря найденным архивным документам и сохранившимся воспоминаниям старшего поколения, мне посчастливилось совершить увлекательное путешествие во времени и пространстве: из Ростова-на-Дону первой половины XX века перенестись на два века назад в Тифлис и Астрахань, сделать короткую остановку на рубеже XVIII—XIX веков в городе-крепости Челябине, побывать в канун войны 1812 года в приграничном Волочиске, посетить Императорскую Академию художеств, оказаться на Кавказе в разгар русско-турецкой войны 1877—1878 годов, погостить у калужских помещиков и узнать детективную историю о фальшивом алмазе. Но сначала немного из истории Ростова.

С момента своего основания город сделался родным домом для людей разных национальностей. Первыми жителями теперешнего города-миллионника стали военнотружущие гарнизона крепости, именованной в честь Св. Димитрия Ростовского. После указа императрицы Екатерины II к востоку от форпоста обосновались переселенцы из Крыма, среди которых были греки, армяне, валахи и грузины. К 1897 году в Ростове проживали около 120 000 человек. Из них 94 673 горожанина называли родным языком русский, 11 183 — еврейский, 5612 — украинский, 1182 — армянский, 1444 — польский, 1182 — немецкий, 1171 — татарский.

Ростов-на-Дону привлекал людей различных сословий в первую очередь перспективой работы. Именно так можно объяснить, что уездный доктор из Калужской губернии потомственный дворянин Константин Александрович Кондратович (1860—1935) принял решение переехать вместе с женой Марией Алексеевной и детьми на Дон. Константин Александрович поступил ординатором в больницу Северо-Кавказской железной дороги и в Николаевскую больницу, получил степень доктора медицинских наук и обзавёлся обширной частной практикой [1, с. 46]. Новым родовым гнездом, в котором

супруги прожили почти полвека, стала квартира на Малом проспекте (ныне улица Чехова).

Константин Александрович Кондратович происходил из древнего польского рода герба Са-ракомля¹, известного с XVI века [1, с. 41]. Мария Алексеевна (1863—1941) в девичестве носила кавказскую фамилию Денибек; её мать, урождённая Ленци, имела итальянские корни.

Глава I. Род Денибек

Фамилия

Фамилия Денибек (Данибек, Денибег, Данибег) имеет тюркское происхождение. В странах Ближнего и Среднего Востока слово «бек» («бег») являлось титулом знати: в Персии его присваивали военным, в Османской империи — сановникам. У тюркских народов Кавказа беками называли дворян-землевладельцев. В сочетании с именем титул «бек» становился частью личных имен, а затем фамилий. Сражавшийся против русских войск в Кавказскую войну последний правитель Илисуйского султаната, лезгин по национальности, звался Даниял-беком (Даниель-беком). Фамилии с тюркскими корнями нередки в Закавказье. У армян, предки которых проживали в Персии и Османской империи, встречаются фамилии, содержащие в своей основе слово «бек»: Мирзабекиан, Аганбекиан, Якшибекиан, Хаджибекиан и другие. В Грузии фамилия Данибег получила типичное окончание «швили», означающие «сын, отпрыск, потомок». Известным носителем фамилии является грузинский путешественник XVIII — начала XIX века Рафаил Данибегашвили. Переселившиеся в Россию представители рода Денибек стали писаться на русский лад Денибековыми.

По семейным рассказам предки Марии Алексеевны Денибек происходили из Грузии. Её дочь Нина Константиновна Молявко-Высоцкая (в девичестве Кондратович) предполагала,

¹ В Польше существовало понятие «гербовое родство», когда десятки или даже сотни фамилий, не состоящих в генетическом родстве, объединялись под одним гербом.

что фамилия Денибек родовитая и внесена в 6-ю часть Дворянской родословной книги Российской империи (ДРК)¹ [2, л. 1]. Армянские историки уверены в армянских корнях рода Денибек [3]. Грузинские исследователи называют Денибек грузинскими дворянами [4]. Найденное в российских архивах первое упоминание о представителе семьи Денибек относится к 1760 году [5, л. 1]. Далёкий пращур Марии Алексеевны — мещанин, католик по вероисповеданию Реваз Залиев сын Денибеков проживал с семьёй в Астрахани и владел шёлковой фабрикой. Попытаемся разобраться, какие из перечисленных сведений верны.

Грузинское дворянство

История грузинского дворянства состоит из двух этапов: дворяне в Грузинском царстве и грузинские дворяне в Российской империи. Со времён средневековья грузинское дворянство делилось по степени знатности на высшую знать, называемую тавадами, и широкий класс безземельных дворян — азнауров. Подобно европейским феодалам, тавады имели родовые поместья. Азнауры, напротив, не имели потомственных земельных владений, а служили царю, князьям-тавадам и духовенству за возможность прижизненно владеть землёй и крестьянами. В сравнении с российским служилым дворянством грузинские мелкопоместные дворяне-азнауры обладали меньшими правами.

После присоединения грузинских царств к России по императорскому указу 1801 года населению Грузии были обещаны свобода отправления веры, неприкосновенность собственности и сохранение правового социального статуса. Грузинская аристократия проявила желание быть уравненной в правах с российским дворянством. В 1817 году дворянам Грузии был отведён год для предоставления доказательных документов в местные судебные органы. Документы следовало сопровождать показаниями 10—12 свидетелей, подтверждающих владение претендентов землёй в течение тридцати лет. Количество желающих получить признанные дворянские привилегии в России было так велико, что через два года появилась специальная

инструкция, по которой дворянами-князьями признавались лица, указанные в Георгиевском трактате 1783 года, лица, которым дворянство было жаловано грузинским царём Георгием XII, и обладатели пожалованных грамот столетней давности. Право собственности на недвижимое имущество теперь не могло служить единственным доказательством дворянства. После рассмотрения специальными следственными комиссиями и утверждению Верховным правительством Грузии дела о дворянстве поступали в Департамент герольдии Правительствующего сената Российской империи. С 1838 года, когда управление Грузией подверглось реформированию, грузинские дворяне и князья по решению Государственного совета России стали считаться единой категорией.

Обосновавшаяся в России в середине XVIII века семья Денибек не имела возможности официально оформить принадлежность к российскому дворянству. Сфера деятельности — фабричное производство — и капитал позволили главе семейства Ревазу Денибекову приписаться к мещанскому (городскому) сословию города Астрахани.

Служба в российской армии была ступенью как для представителей государствообразующей нации, так и национальных этносов продвигаться по социальной лестнице и вслед за чином получить дворянский титул. С петровской эпохи каждый, кто выслуживал первый обер-офицерский чин (прапорщик, корнет) или награждался любым орденом, получал права потомственного дворянства. Именно по такому пути пошли сыновья Реваса Иосиф и Степан Денибековы, поступив на военную службу.

Армяне в Грузии

Армяне селились в Грузии испокон веков. В Средние века и период феодализма жители армянских меликств² массово покидали родную землю, не желая находиться под гнётом арабов, персов, турок. Переезжать в Грузию армянские семьи продолжили в XVIII веке, особенно при царе Ираклии II. По данным переписи населения в Тифлисе³ в 1803 году количество

¹ Дворянская родословная книга (ДРК) — документ, оформляющий привилегии дворянской части населения каждой губернии Российской империи. В 6-ю часть ДРК были вписаны столбовые дворяне. Доказательством древнего происхождения столбовых дворян являлись записи в Столбцах — средневековых списках о предоставлении поместий на время службы.

² Меликство означает княжество.

³ От старогрузинского названия Тфилиси имя города эволюционировало в Тбилиси. Тифлис — арабо-персидско-турецкое название грузинской столицы, утвердившееся в европейских языках и в дореволюционной России.

проживавших армян превышало 90 процентов. С XII века по 1917 год городскими головами традиционно назначались представители самой многочисленной в Тифлисе армянской диаспоры. Лишь в XIX веке численность армянского населения в городе начала постепенно снижаться. Местом компактного проживания армян в грузинской столице исторически являлся район Авлабар.

Переселенцы искали в Грузии безопасную жизнь. Грузинские цари видели в приходе соседей благо для государства. Умелые мастера-армяне развивали ремёсла, участвовали в строительстве городов, способствовали процветанию торговли. С армянами в грузинской столице связан целый пласт культурной жизни. Начиная с правления царя Давида Агмашенебели¹ в грузинской армии создавались армянские войсковые части, в которых армяне сражались плечом к плечу с грузинами против общих врагов.

Толерантность грузинского общества прошлых веков позволяла представителям армянской диаспоры интегрироваться в высшее сословие. Известны имена двух армянских князей, получивших высокие чины при дворе царицы Тамары: Захаре стал наместником-военачальником, Иване — атабеком². История рода Денибек в Грузии является ещё одним примером высокого уровня доверия в межэтнических отношениях.

Католическая церковь в Грузии

При разделении в XI веке христианской церкви на западную и восточную Грузия пошла по пути Греческой православной церкви и никогда с него не сворачивала. Однако, начиная со времён крестовых походов, ватиканские эмиссары настойчиво пытались привнести на Кавказ католическую веру. Первая епископская кафедра Римской церкви была открыта в Тифлисе в 1329 году. В 1615 году монахи-капуцины появились в городе Гори, а через десять лет в Грузии утвердились представители Тевтонского ордена. В 1626 году папа Урбан VIII делегировал в Тифлис своего представителя Авита-Болли. Будучи искусным дипломатом, он заручился поддержкой царя Теймураза I и продвинулся в деле учреждения постоянной католической миссии. Последовавшие за ним посланцы веры

получили инструкцию на первых порах обращаться с проповедью лишь к проживавшим в Тифлисе и окрестностях армянам и для завоевания доверия населения заниматься врачеванием, торговать, давать деньги в рост. Совершая литургию в нецерковном облачении, миссионеры скрывали свой сан: жители Тифлиса знали их как врачей и купцов. При царском дворе латиняне³ развлекали придворных умелыми речами, музыкой и пением. С местным духовенством они держались почтительно и побуждали к богословским беседам. Будучи более образованными по сравнению с грузинской аристократией и духовенством не только в вопросах богословия, но и философии, истории, поэзии, приезжие проповедники успешно завоёвывали молодые умы. Среди новых последователей Ватикана были представители царского двора, простые обыватели, армяне и грузины. Успех миссионеров-латинян продолжался до тех пор, пока в 1755 году они не склонили в свою веру католика Антония и нескольких высоких церковных иерархов. После этого Грузинская православная церковь соборным постановлением запретила деятельность Ватикана на территории, находящейся под её юрисдикцией. Но даже после этого католическая церковь в Грузии продолжала функционировать.

В рапорте, датированном августом 1823 года, грузинский гражданский губернатор генерал-майор Р. И. Ховен сообщал генералу А. П. Ермолову о том, что в Грузии находятся три армяно-католические общины — в Тифлисе, Гори и Кутаиси. Самая большая из них, в 80 домов, проживает в столице, где при католическом храме служат монахи-францисканцы и капуцины, а главой ордена является патер Филипп. Он же возглавляет всю Католическую церковь в Грузии [6]. Приверженцы Армяно-католической церкви именовались в Грузии франками.

Денибеки в Грузии

Согласно грузинским источникам, семья Данибегашвили жила с первой половины XVIII века в Тифлисе и *«принадлежала к той части грузинского народа, которая начиная с XVI в. была приобщена к католицизму итальянскими и французскими миссионерами в Тбилиси⁴ и Месхети»* [7, с. 54—55]. «Несколько

¹ Давид Строитель.

² Атабек — высокий сельджукский титул, в смысловом значении означающий «регент», использовался в Грузинском царстве.

³ Латиняне — в данном контексте последователи Римской католической церкви.

⁴ Так в источнике.

поколений рода занимались торговлей с Индией, совмещая торговлю с выполнением дипломатических поручений грузинских царей» [7, с. 55]. Из дарственной грамоты царя Георгия XII, выданной Рафаилу Данибегашвили перед поездкой в Индию в сентябре 1799 года, известно, что дед путешественника, которого также звали Рафаилом, служил царю Теймуразу II в звании «дагбаши» или десятника. Отец путешественника Осефа (Иосиф) находился на службе у царя Ираклия, пожаловавшего ему должность «хутасис-тави»¹. Сам Рафаил вслед за отцом получил «хутасис-тавство», т. е. имел чин командира пятисот воинов. Семья издавна владела полученными «от шахов и царей» землями, крепостными крестьянами и домами в Тифлисе, за садом у Лурдж-Монастери и «выше него находящейся пашней — оттуда вниз до рва у поймы, купленном от Габашвили ручьём со своим истоком» [7, с. 66]. При захвате и разорении Тифлиса войсками Ага-Магомед-Хана в 1795 году дарственная грамота царя Ираклия была утеряна. Повторный документ был составлен при царе Георгии XII и отдан на хранение коллежскому советнику Эгнате Туманову [8]. Копия находилась у матери Рафаила Данибегашвили, которая под именем католички Анны-Розы фигурирует в русской переписи населения города Тифлис 1803 года [7, с. 55]. В списке государственных сановников Грузии, датированном 1786 годом, записан получавший жалованье из царской казны Иосиф Данибегашвили. Сыновья Иосифа и Анны-Розы — Иосиф и Рафаил — пошли по стопам деда и отца и стали эмиссарами грузинских царей в Индии. На армянском кладбище в Дели сохранилось захоронение Антона сына Хатина Денибегова из Тифлиса, скончавшегося 16 сентября 1801 года [9]. Возможно, он являлся их близким родственником. Несмотря на связи Грузии и Индии с древних времён, как таковой грузинской диаспоры в XVIII веке в Индии не было, и адресатами царской дипломатической корреспонденции являлись жившие за морем-океаном представители армянского сообщества.

В прошении о назначении пенсии от 1807 года, написанном на грузинском языке, фамилия Иосифа, брата Рафаила, звучит как Динибегов. В письме армянского католикаса Ефрема² Овакиму Лазареву³ от 14 мая 1815 года написано: «Прегъявитель сего послания

азнив [азнаур — Е. В.] Овсеп Овсепян Динибекяни, проживающий в Тифлисе, родом франк, ныне с высокопочтенными патерами Филиппом и Онуфрием прибыл сюда для обедни и поклонения Св. нашему престолу. Брат его, благородный Рафаэл, вернувшись из Индии, находится там — в Москве или Санкт-Петербурге, а сам [Иосиф — Е. В.] также готовится прибыть к нему. Зная же вашу любовь к своему народу и попечение обо всех находящихся на чужбине в этих краях — он попросил у нас поручительскую грамоту о себе на ваше имя <...> это муж благочестивый и ревностный к нашему Св. престолу и к нам, как и покойный отец его Иосиф — старинный мой любимый знакомый и друг» [10].

В Государственном историческом книгохранилище Армении Матенадаране хранятся написанные на армянском языке три письма, в которых упоминается Иосиф Данибегашвили (в оригиналах Овсеп Динибекян). Первое письмо является ответом Иосифу католикаса Гукаса Карнеци (1780—1799) от 9 ноября 1781 года, второе письмо содержит сведения об Иосифе и адресовано духовному предводителю армян Грузии архимандриту Карапету, третье письмо адресовано Шаамиру Шаамиряну (он же Шамир-Ага), проживавшему в Индии известному борцу за освобождение армянского народа. В письме сообщается о том, что податель его привёз из Индии подарки для католикаса от местных армян. Среди них была историческая карта Армении, специально изготовленная в Венеции по заказу Шаамиряна [11].

Путешественник Рафаил Данибегов

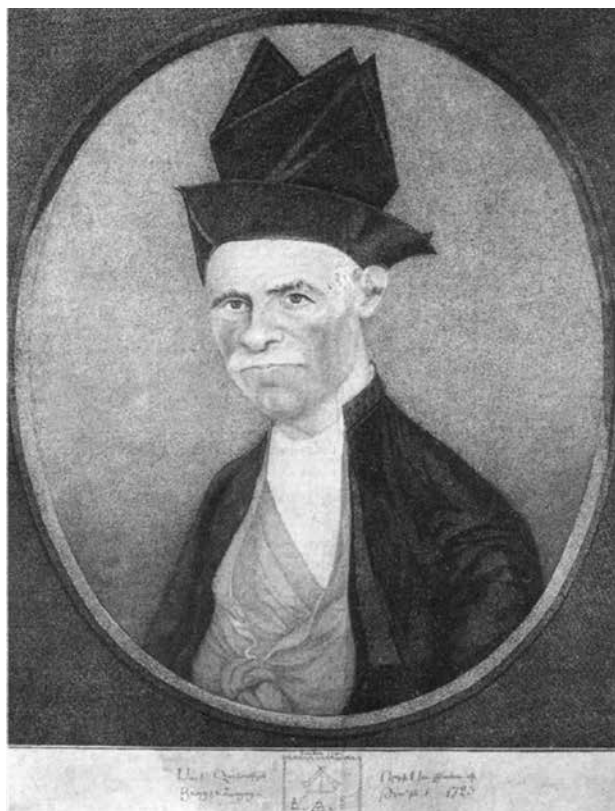
Самостоятельно Рафаил Иосифович Данибегашвили (Данибегов, Денибеков) начал ездить в путешествия с 1795 года, но, возможно, он сопровождал в поездках отца ранее. Всего он совершил пять путешествий: первое с 1795 по 1796 год, второе с 1797 по 1798-й, третье с 1799 по 1813-й, четвёртое с 1815 по 1820-й и, наконец, последнее, пятое, — с 1822 по 1827 год. О первой поездке в Индию известно, что путешественник отправился в неё по приказу царя Ираклия II. Во вторую поездку царь поручил ему доставить в Мадрас грамоту для Шаамиряна.

Третья поездка по продолжительности пути и времени — более 20 000 км за 14 лет — является самой длинной, и о ней Рафаил рассказал

¹ Хутасис-тави — глава пятисот воинов (груз).

² Католикос Ефрем (Епрем) был во главе Армянской Апостольской церкви с 1809 года по 1830 год.

³ Е. Л. Лазарев, представитель жившей в Москве богатой армянской семьи, на средства которой было открыто в 1815 году «Армянское господ Лазаревых училище» для воспитания детей из бедных армянских семей.

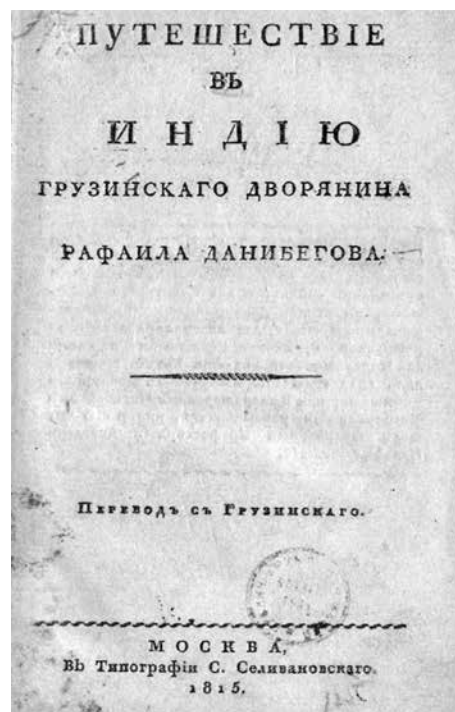
Шаамирян Ш. С., армянский общественный деятель и просветитель (1723—1798) (Рувикс)

в изданной в России в 1815 году книге. Маршрут пролегал через Семипалатинск, Омск, Тибет, Бирму, Кашмир, царство Пегу и далее в Мадрас. В этот раз Данибегашвили вёз грамоту царя Георгия XII сыну Шаамиряна. Пятое путешествие продолжалось 5 лет и началось из Астрахани. Данибегашвили пересёк Каспийское море, побывал в Мазандаране (современный Бендер-Шаах), Тегеране, Имфакане, Ширазе, Абушире (сейчас Бушир). От берегов Персидского залива он доплыл до Бомбея. Обрато Рафаил возвращался через Лахор (Пакистан), Кашмир, Кабул, Бухару, Орск и Оренбург. В Оренбурге путешественник виделся с генерал-майором Г. Ф. Генсом, председателем оренбургской пограничной комиссии, который письменно засвидетельствовал его рассказ.

Российские власти, проявляя большой интерес к рынкам Средней Азии и далёким регионам — Пенджабу, Кашмиру, Тибету — помимо традиционного торгового пути через Астрахань по Каспийскому морю в Персию поддерживали развитие торгового пути по Оренбургскому направлению: в Бухару, Хиву, Ташкент, Кашгар. Только за период с 1748 по 1755 год на Оренбургскую линию из стран Востока было доставлено вырученных

за товары до 50 пудов золота и до 4 тысяч пудов серебра (в основном индийские рупии). Купцы, осуществлявшие восточную торговлю, выполняли двойную миссию — пополняли казну и приносили полезные сведения о далёких землях.

После присоединения Грузии к России губернский секретарь, звавшийся теперь на русский манер Рафаилом Осиповичем Данибеговым¹, стал посланцем империи в заморских странах.

Обложка книги Р. Данибегова, изд. в 1815 г. (Российская государственная библиотека)

Книгу «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова» путешественник сопроводил благодарственным посвящением императору Александру I: «Всемилостивейший Государь. Благоклонное и отеческое внимание Вашего Императорского Величества на каждого сына России, по возможности сил содействующего к общему благу, и великодушное, снисходительное одобрение самомаleastшего труда, предпринимаемого для пользы Отечества, даст мне смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества ничтожный труд мой. Странствуя осьмнадцать лет по Индии и пространным землям, вокруг нее лежащим, я собрал некоторые черты обычаев и нравов обитателей тамошних, образа их жизни, их богослужения и некоторые сведения

¹ В деле о духовном завещании фамилия Рафаила Иосифовича Денибеков [13].

о качествах самой земли. По возвращении моем в отечество, желая россиянам, моим соотечественникам, передать все виденное и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и с жителями, перевел сие путешествие с грузинского на язык российский» [7, с. 59—60].

Рафаил помимо грузинского, армянского и русского языков владел несколькими восточными. Умение быть дипломатом он сочетал с коммерческими способностями. *«Мы видим в Данибегове энергичного и делового человека с большим житейским опытом, просвещённого и любознательного, который активно изучает многообразные проявления окружающей жизни, в чём ему помогают острая наблюдательность и общительный характер <...> Всем наблюдениям Данибегова сопутствует критическая оценка, мерилами для которой в наибольшей степени служат его практицизм, гуманность и христианские убеждения»* [12]. Его наблюдения ценны, в первую очередь, с этнографической точки зрения. Описание народов и стран дают представление о жизни и обычаях государств Центральной Азии и Индии на рубеже XVIII—XIX веков. Рафаил Иосифович был первым из жителей Российской империи, побывавшем в Бирме. Литературный дар позволил ему изложить путевые заметки в интересной не только для учёного, но и обывателя форме. Их значение сопоставимо с книгой «Путешествие за три моря» Афанасия Никитина.

В начале осени 1827 года Р. Данибегов вернулся в Москву из своего последнего, пятого, путешествия в Индию и поселился в доме Кознова, располагавшемся в 1-м городском квартале. По свидетельству знакомых он посетил ярмарку, после чего занемог. Благодаря обнаруженному в ЦИА Москвы документу [13], удалось установить, что Рафаил Иосифович Данибегов ушёл из жизни 12 декабря 1827 года. В этот день зашедший к Данибегову квартальный надзиратель обнаружил тело усопшего. Описывать имущество и опечатывать квартиру, как положено по протоколу, представитель власти не стал. Его ошибка привела к цепи событий и последовавшему их расследованию.

Проживавшая в Тифлисе вдова брата покойного губернская секретарша Настасья Арутюновна Данибегова обратилась к *«главноуправляющему»* Грузией графу Ивану Паскевичу Эриванскому с письмом, в котором она обвинила грузинского дворянина Чрдилели¹ и викария

московской римско-католической Петропавловской церкви Фронта Видзинского в присвоении по подложному завещанию полмиллиона рублей. Абрам Антонович Чрдилели, двоюродный брат покойного, был с ним близок и имел в квартире Рафаила Иосифовича *«полное распоряжение»* [13, л. 7]. Вместе с тёткой княжной Марией Петровной Чиковани² (в документе Чекоановна) А. А. Чрдилели жил в Мясницкой части Москвы в доме грузинского царевича Окропира³.

Здесь надо дать небольшое историческое отступление. Подписание Георгиевского тракта устанавливало протекторат России над Восточной Грузией и гарантировало сохранение царской власти и её преемственность в пределах автономии. После смерти в декабре 1800 года грузинского царя Георгия XII российский император Павел I, несмотря на обещание поддержать на престоле царского сына Давида, издал указ об упразднении Картли-Кахетинского царства и присоединении Грузии к России. Командующему российскими войсками в Грузии генералу И. П. Лазареву было поручено вывести представителей царской грузинской династии за пределы Грузии. Вдовствующая царица Мариам Георгиевна решила на побег. Но скрыться царице не удалось: русские солдаты окружили дворец, и генерал Лазарев вошёл в царицыны покои. Гордая Мариам не пожелала стать пленницей и нанесла смертельный удар кинжалом Лазареву. Царица была схвачена, арестована, выслана в Россию и заточена вместе с детьми в Рождественский монастырь в Белгороде. Спустя некоторое время император Александр I милостиво разрешил грузинским царевичам вернуться из ссылки и поступить учиться в кадетский корпус в Петербурге или в Московский университет. Таким образом вошедший в историю как князь Окропир Георгиевич Грузинский, один из восьми детей последнего грузинского царя, оказался в Москве. Вместе с братом Ираклием царевич выкупил часть земли в Москве в районе Пушечной и Рождественской улиц и застроил её. В принадлежащих братьям домах жило много соотечественников. Через восемь лет монастырского заточения царица Мариам также получила дозволение жить в первопрестольной. В её свите находился дворянин Чрдилели [14].

После получения жалобы невестки Р. И. Данибегова граф Паскевич обратился с письмом

¹ Чрдилели — грузинский дворянский род.

² Чиковани — знатный княжеский грузинский род, имевший герб.

³ Окропир — златоуст (груз.)

к великому князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, московскому вице-губернатору, и делу был дан ход. В квартире Чрдилели при обыске были найдены *«чемодан с бельем, принадлежащим покойному Денибекову, два его портфеля, лисья, крытая синим сукном шуба [13, л. 9], рукописная книга [возможно, это была новая книга Рафаила Иосифовича — Е. В.] и «два билета сохранной казны один в 10 795 рублей, другой в 7395 рублей» [13, л. 22 об.]*. Чрдилели объяснил обнаруженные билеты тем, что для покрытия долгов покойного кузена продал московским купцам привезённый из Индии Рафаилом Иосифовичем шёлк.

Согласно воли скончавшегося Данибекова Чрдилели отправил на нужды церкви 1000 рублей тифлисскому патеру Филиппу¹ и некоторую сумму матери Рафаила Иосифовича, а также дал вольную служившему у Данибекова индийцу Семёну Семёнову [13, л. 26].

Таким образом, по совокупности имеющихся сведений, проживавшие в Тифлисе в XVIII — начале XIX века Денибеки (в Грузии они именовались Данибегашвили, в армянской среде — Динибекян, в России Данибеговыми или Денибековыми) являлись смешанной грузино-армянской семьёй и принадлежали к грузинскому дворянскому сословию.

Глава II. В Астрахани

Губернский город

Расположенная в волжской дельте Астрахань с допетровских времён являлась важным транспортным узлом и связывала Европейскую часть России не только с Сибирью и Кавказом, но и через Каспийское море со Средней Азией, Персией и Индией. Соседство с народами Поволжья, Кавказа и кочевниками-степняками изначально сформировало город как многонациональный. Активная торговля способствовала поселению в нём гостей из заморских стран.

Территориально Астрахань делилась на три части: Кремль, в котором находились административные здания и дома привилегированных горожан, густо заселённый Белый город с торговыми лавками и конторами, Земляной город, где селился простой люд и располагались склады и ремесленные мастерские.

К Земляному городу примыкали армянская и татарская слободы, разнообразившие городскую картину изысканной архитектурой

армянской церкви, высоким силуэтом минарета и гулом восточного базара. Управление Астраханью с XVIII века строилось по типу западноевропейских городов. Учреждённый в петровское время городской магистрат осуществлял судебные, административно-полицейские и налоговые функции. Согласно правовому статусу населения от 1721 года и жалованной грамоте городам 1785 года городское население делилось на разряды. Дворянство, духовенство, иноземные купцы не относились к гражданам, а потому не подлежали городскому тяглу и не участвовали в городском самоуправлении. Остальное население подразделялось на «регулярных граждан» и «подлых людей», т. е. чернорабочих. Граждане, в свою очередь, также делились на разряды. К «первостатейному» разряду относились банкиры, крупные купцы, доктора, аптекари, живописцы, серебрянники (ювелиры), ко второму — мелочные торговцы и ремесленники. В магистрат избирались исключительно «первостатейнейшие» люди. За податным городским населением закрепилось название «мещанство». Само слово «мещанин» имело польское происхождение и означало «городской житель». Понятие «мещанин» изменилось после 1785 года. По жалованной грамоте Екатерины II грамоте население теперь состояло из шести категорий. Мещане стали относиться к менее статусной по сравнению с купцами группе.

Астраханский городской магистрат просуществовал до 1776 года, а затем передал свои функции губернскому магистрату. В Астрахани, как многонациональном городе, имелись национальные органы самоуправления — Татарских и калмыцких дел контора и Армянский (Азиатский) суд, называемый Ратгауз. Он просуществовал до 1840 года и в своей деятельности опирался на «Судебник астраханских армян», в котором российские законы интерпретировались согласно практической деятельности армянских купцов.

Исторически основными промыслами горожан были рыбный и соляной. С начала XVIII века в окрестностях города и за рекой Ахтубой начало развиваться шелководство.

Армянская диаспора в Астрахани являлась одной из самых многочисленных. Армянские купцы активно вели торговлю с Персией, доставляя из-за моря хлопок, шёлк, сафьяновую кожу.

Среди негоциантов, возивших товар через Астрахань, были богатые купцы Степан

¹ До 1800 года в Тбилиси службы Римско-католической церкви отправлялись в частном жилом доме. В 1805—1808 годах усилиями патера Филиппа Фораньяна был построен храм во имя Успения Богородицы.

*Католический собор Успения Пресвятой Богородицы. Астрахань.
Фото из открытых источников*

и Реваз, звавшиеся по отцу Залиевыми¹. «Армянин Степан Залиев» вплоть до 1785 года жил в Тифлисе [15], а Реваз Залиев сын с середины XVIII века обосновался с семьёй в Астрахани. Начиная с 1769 года, в документах Реваз Залиевич пишется с фамилией Денибеков, а вместо национальности указывается его вероисповедание — католик [16, л. 1—1 об.].

Католическая Астрахань

Первые попытки Ватикана прислать дипломатические миссии в Астраханский край приходятся на Средние века. Вслед за дипломатами на Волгу приехали миссионеры. Начало проповеднической деятельности положили монахи-францисканцы, за ними появились монахи-капуцины. Сарай-Бату, столица Золотой Орды, располагавшийся в 130 км от современной Астрахани, стал центром католического епископства. В XVI веке прихожанами католической церкви были несколько армянских семей-беженцев. К XVII веку число последователей

латинской веры возросло за счёт прибывших в Астрахань купцов. В моду католицизм в Российской империи вошёл в петровские времена. Католическое население начало пополняться не только за счёт католиков, переселявшихся из Закавказья, но и неофитов². После появления указа о вызове в Россию иностранцев и обещание им свободы вероисповедания католичество стали принимать обычные горожане, государственные и политические деятели. Благодаря удачному местоположению Астрахань стала отправной базой для распространения католицизма в нехристианские восточные земли. По времени основания астраханский костёл являлся третьим после петербургского и московского. Когда старый, воздвигнутый в 1721 году, храм обветшал, на его месте был заложен в 1762 году новый каменный во имя Успения Богородицы. Как и в Грузии, армяне составляли большинство прихожан костёла. Отношения между армянами, сторонниками традиционной Апостольской церкви, и армянами-католиками часто носили антагонистический характер.

¹ Зали — осетинское имя, Заал — грузинское имя. Возможно, что вторая «а» была утеряна при русском написании.

² Неофиты — новые приверженцы религии, учения.

Раскол порой проходил внутри семей. Разразившийся в 1750—1760 годах межконфессиональный конфликт в армянской среде оказался настолько серьёзным, что городские власти не смогли его проигнорировать.

Во второй половине XVIII века на смену капцуинам пришла миссия иезуитов, ордену которых симпатизировал император Павел I. Благоприятные времена для иезуитов в Астрахани закончились в 1820 году после издания Александром I указа об их высылке из России.

Подобно многим астраханским католикам сыновья Реваза Денибекова, поступив на русскую службу, из католической веры перешли в православную.

Астраханские армяне

Диаспора армян в Астрахани складывалась за счёт выходцев из Закавказья и Персии. Если в самом начале XVIII века армянская колония составляла порядка 200 человек, то на момент I ревизии 1724 года численность армян в городе выросла до 700—800 человек. По данным II ревизии 1747 года в Астрахани проживало 1512 армян обоего пола. Во второй половине XVIII века количество лиц армянской национальности превысило пять тысяч человек [17]. Помимо торговли астраханские армяне активно осваивали текстильную мануфактуру. Сырьё использовали привозное: шёлк, хлопок и красители поступали из Азии. При царе-реформаторе стало развиваться отечественное шелководство. Астраханский климат подходил для разведения тутовника, и Пётр I запретил вырубать тутовые деревья под угрозой смертной казни. В 1720 году на реке Ахтубе был учреждён шёлковый завод.

Первая астраханская шёлковая мануфактура, начавшая выпускать товар в 1734 году, была основана армянскими фабрикантами. В 1769 году в городе было девять «указных»¹ фабрик (четвёртая часть от всех фабрик в России), из которых пять принадлежали армянам [18, с. 230]. В 1780-х годах в Астрахани работали 250 шёлковых фабрик, из которых у 209 были владельцами армяне.

Удачное соединение купеческих капиталов, доступного сырья и рабочей силы превратили

Астрахань второй половины XVIII века в центр текстильной промышленности. Спросом в Европейской части России пользовались не только шёлковые ткани — плотный атлас и лёгкая тафта, но и хлопчатобумажные пестряди, кумачи², коноваты³, шерстяная ткань бракан, смешанные мухояры⁴.

Российское правительство, уделяя большое значение развитию торговли со странами Востока, ценило перспективу русско-персидской торговли через Астрахань и Каспийское море. В середине XVIII века образовались три торговые компании: «Российская в Константинополе Торговая Компания», ведущая торг через Темерниковский порт у устья реки Темерник (в черте современного Ростова-на-Дону); «Компания Персидского торгова» и «Торговая в Хиву и Бухару Компания».

Компанию Персидского торгова основал в 1758 году армянский купец Манвел Исаханов⁵ совместно с русскими купцами И. Матвеевым, Б. Твердышевым и другими. Учредительный капитал составил 600 тысяч рублей (4 тысячи акций по 150 рублей). Директором был назначен астраханский купец первой гильдии Фёдор Кобяков. Указом Сената компании было дано монопольное право вести торговлю с Ираном в течение 15 лет. Братья Исахановы, происходившие из персидского города Новая Джульфа, торговали с Россией и часто бывали в Астрахани. Для того, чтобы получить возможность беспоплавно провозить товары, они приняли российское подданство и были приписаны к мещанскому сословию Санкт-Петербурга. Из пяти кандидатов, запросивших право на открытие Персидского торгова, Сенат сделал выбор в их пользу [19, с. 230—231].

Челобитная императрице Елизавете Петровне

Монополия одной компании на русско-персидскую торговлю больно ударила по астраханским купцам, в первую очередь армянским. В октябре 1760 года 38 купцов подписали челобитную императрице Елизавете Петровне.

Документ, хранящийся в РГАДА, начинается словами: *«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет*

¹ Государство в лице Мануфактур-коллегии (упразднена в 1779 году) удовлетворяло прошения фабрикантов об открытии ткацких фабрик посредством вписывания их в указы. Такие фабрики назывались указными. Некоторые фабрики открывались частным порядком, т. е. без включения в общий государственный реестр.

² Кумач — хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, окрашенная в ярко-красный, реже синий цвет.

³ Коноват — вид азиатской шёлковой ткани.

⁴ Мухояр — старинная хлопчатобумажная ткань с примесью шерсти или шёлка.

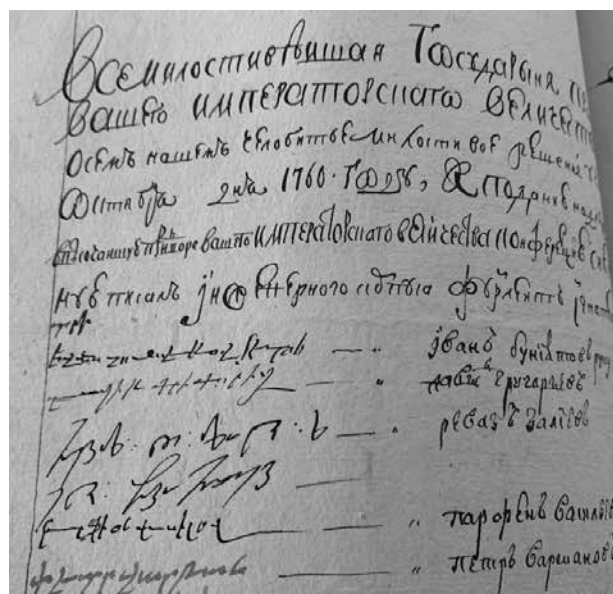
⁵ Иногда писался как Иссаханов.

Петровна, самодержца всероссийская, государыня всемилостивейшая. Бьют челом обретающиеся в вечном Вашего Императорского Величества подданстве, вступившие в Россию из разных мест ис персидской и турецкой областей армяны и католики — астраханские мещаня — Сергей Иванов, Иван Бунятов, Давыд Григорьев, Петр Вартанов, Реваз Залиев, Парфен Васильев с товарищи» [20, с. 80].

Большинство из подписавших челобитную купцов покинули Персию и, опасаясь за свою жизнь после смерти правителя Надир-шаха и последовавшими за ней волнениями, обосновались в России.

Живя «в приграничном городе Астрахани», они платили «по окладам подати бездоимочно, да сверх того на коште своем» содержали «от себя для салдацкого жительства построенные ими же казармы» [20, с. 81]. Деятельность появившегося в заморской торговле компании-монополиста сильно ударила по их карману. Купцы жаловались: «Товары наши пролежали в судах праздно, за которые суда отдали мы <...> в судовую компанию за содержание при банке <...> То есть провозных денег за каждое судно по договорному числу за прокат взято напрасно» [20, с. 84]. Стали испытывать жизненные трудности люди сопутствующих профессий — «прикащики и толмачи и работники» [20, с. 85]. Нелестную характеристику в челобитной получили персонально Исахановы. По мнению подписантов братья являлись финансово несостоятельными и не могли вложить в дело свой собственный капитал. «За неплатеж долгов содержались под караулом долгое время: Манвел в Астрахани, Артемий — в Москве», а их отец, находясь в Астрахани, «жительство за неимением двора своего имел на гостином армянском дворе в казенной лавке в крайней скудости» [20, с. 82]. Директора Ф. Кобякова купцы оценили как «малокапитального» и «безнадежного» [20, с. 83]. Ни он, ни Исахановы не смогли заполучить нужные 400 тысяч рублей путём продажи акций. Из-за недоверия учредителям и директору желающих участвовать в проекте не оказалось ни среди астраханских, ни среди столичных негоциантов. Отрицательным результатом деятельности новой компании стало резкое снижение торгового оборота и, как следствие, уменьшение пошлинных сборов. Под угрозой закрытия оказались многие астраханские фабрики и мануфактуры. По язвительному замечанию купцов Персидскую компанию следовало назвать не торговой, а извозной.

36 человек поставили свои имена под челобитной на армянском языке, и только двое

Фрагмент листа с подписями астраханских купцов под челобитной. Третьим поставил свою подпись на грузинском языке Реваз Залиев.

(РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 2985. Л. 684 об.)

подписались по-грузински, в том числе Реваз Залиев [20, с. 92].

Челобитная сыграла свою роль. Через год Сенат принял решение отозвать монополию у Персидской компании. Еще через год Екатерина II отменила монопольные привилегии почти у всех торговых компаний.

Против монополизма Персидской компании Реваз Залиев выступал не только как купец, но как фабрикант.

Фабрикант Реваз Залиев сын Денибеков

В 1765 году астраханские мануфактуры выпустили шелковых изделий на сумму 46 707 рублей, что составило 8, 4% стоимости общероссийской продукции. Больше всего производили тканей и изделий в Астрахани фабрики «перса Садыка Казымова (на 9650 рублей), армян Авеля Багдатьяева и Сергея Иванова (на 8279 руб.), Реваза Залиева (на 8523 рубля)» [18, с. 232].

«В 1766 г. шелкоткацкая фабрика Реваза Залиева произвела продукции на 8125 руб. 71 коп., которую фабрикант реализовал полностью, получив при этом 8816 руб. 20 коп., на 8,5 % больше. Если производство средних бахчей¹ обошлось Р. Залиеву по 7 руб. 20 коп. топа, то при продаже их он получил 8 руб. за топу². Малые бахчи были изготовлены по цене 3 руб. 05 коп., а проданы по 3 руб. 30 коп.» [18, с. 230]. Ткач-профессионал

¹ Бахча — большой тонкий платок.

² Топа — кипа.

мог за два дня выткать одну топу, в год — максимум 150 топ и получал за свою работу примерно 200 рублей. В 1769 году фабрика Реваза Залиева, имевшая 19 станов, занимала по объёму производства второе место в городе.

Часто владельцы с целью экономии использовали труд учеников. Иногда ученичество становилось формой труда без оплаты. Информация о найме учеников поступала в «записные книги» Астраханской крепостной конторы. Так, из записи от 31 января 1765 года известно, что Реваз Залиев нанял на работу девять человек [18, с. 241]. Среди них Ефрем Никитин, принятый *«для вертения насоса от вышеописанного числа впредь на год»*, *«рядил одиннадцать рублей»* [18, с. 241]. Посадский человек Иван Срыпунов, взятый *«для ткания бахчевых и коноватных платков»* на три года, просил за каждую сотканную топу на первые 9 месяцев по 40 копеек, а на последующие 2 года и 3 месяца — по 80 копеек [18, с. 241]. Жена разночинца Устинья Дмитриева нанялась для мотания шёлка на два года по 30 копеек за каждый смотанный фунт. Для *«тканья шёлковых платков»* по 40 копеек за платок были приняты татарин бухарского двора Аширмамет Айвазов на два года и астраханский армянин Артемий Егоров на год [18, с. 241]. В 1765 году *«мещанин, католик, фабрикант»* Реваз Залиев через своего поверенного Ивана Назарова обратился в Астраханскую губернскую канцелярию с доношением о розыске ученика: *«Прошлого 1762 году ноября 6-го дня подвластной наместника ханства Калмыцкого Абуши Кундрова татарин Мурат Султангильдеев по данному своему договору, засвидетельствованному в бывшей Астраханской татарской и калмыцкой дел конторе, нанялся на работу на оную хозяина моего Залиева фабрику для обучения фабричного мастерства обещанного числа впредь на полтора года и взял себе от моего хозяина в запрос денег сорок рублей, которых в том своем договоре записал»* [21, л. 2]. Договор между учеником и владельцем фабрики был подкреплён клятвенным письмом, написанным по-калмыцки, и поручительством судьи. Султангильдеев обязался не переходить на другие фабрики, пока не отработает всей суммы, полученной от фабриканта, но слово не сдержал и исчез, оставшись должным хозяину 27 рублей 30 копеек. По этому случаю Калмыцкой и татарской дел конторой была выпущена «Премемория»¹, объявлявшая в розыск в калмыцких улусах беглеца, и выдан

ордер правлением Астраханской губернской канцелярией. Ордер гласил, что татарин-беглец должен быть найден и отправлен в Астрахань [21, л. 7].

Будучи человеком предприимчивым, Реваз Залиев не ограничился выпуском товаров из привозного сырья и занялся разведением шелкопряда на принадлежащей ему рядом с Кизляром земле. Население левого берега Терека с начала XVIII века активно занималось шелководством. В 1770 году *«астраханского мещанина и фабриканта католика Реваза Залиева сына Денибекова жена ево Татьяна Богданова дочь»* написала челобитную императрице Екатерине II [22, л. 1]. Поводом для письма стала отобранная у мужа из-под шёлкового завода земля. В челобитной Татьяна Денибекова сообщала, что 25 августа 1760 года Мануфактур-коллегия издала указ, по которому *«реченному»*² *моему мужу фабриканту Денибекову на разведение шелковичного ево завода Астраханской губернии в Кизлярской крепости главнокомандующим тамо генералейтеном отведена и отдана была празднолежащая порожняя земля по реке Кизлярке идущи позади огорогов грузинского священника Егора Матвеева и католика Багдасара Айвазова»* [22, л. 1]. Билет³, выданный Денибекову, означал, что выделенная под посадку тутовых деревьев земля ещё не занята. Вовремя обработать и засадить землю деревьями Денибеков не успел из-за дефицита свободных рабочих рук: вольных людей с паспортами в округе крепости не нашлось. В то время как сам Денибеков уехал по делам в Петербург, вопреки закону комендант Кизлярской крепости полковник Иван Фёдорович де Бокберг отобрал билет у Татьяны Денибековой и отдал землю грузину Тамазу Романову с товарищами.

Благодаря сохранившемуся в Астраханском архиве плану городской усадьбы Денибекова [23, л. 6] точно известно место расположения его шёлковой фабрики. Состоящая из нескольких сооружений фабрика находилась в Белом городе рядом с церковью Рождества Христова. До настоящего времени считалось, что последнее упоминание о храме относится к XVI веку. Мы можем утверждать, что Христорождественская церковь в Белом городе существовала вплоть до 1777 года.

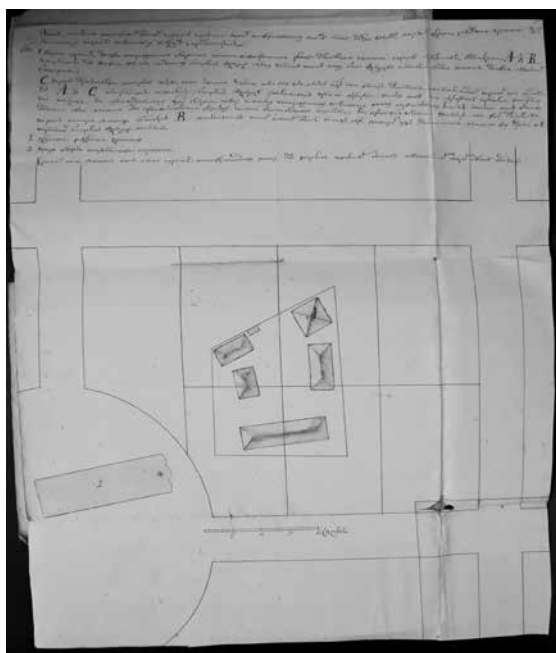
Именно в этот год из-за строительства фабрикантом новой мотальной избы между городской администрацией и Денибековым случился

¹ Премемория — прошение, приказ (устар.).

² Речённый означает названный (устар.).

³ Билет — официальная документ в России в XVIII — XIX веках.

конфликт. В 1763 году молодая императрица Екатерина II дала старт градостроительной реформе. Согласно её указу, дабы уменьшить угрозу уничтожения городских построек в пожарах, городское строительство должно было идти не хаотично, а по утверждённому плану. Прямыми проспектами и широкими площадями следовало заменить случайно возникшие улицы и переулки. Реваз Денибеков вознамерился провести перестройку своей фабрики и начал с мотальной избы, которая топилась по-чёрному и находилась в состоянии износа. Однако его намерения не совпали с планами городской администрации.

План фабрики Реваза Денибекова в Астрахани.
(ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 4574. Л. 6)

Выданный астраханским губернатором Иваном Варфоломеевичем Якоби командиру первого батальона, полковнику Михаилу Степановичу Лебедеву ордер гласил: «Он [Денибеков. — Е. В.] испросил меня, но не о постройке вновь, а о починке той избы и других по дому переправ <...> но совсем вновь начал строить ту избу, невзирая ни на какие запрещения. За такому ево послушание приказать сломать, как она еще недостроена, дабы на нее смотря, другие не могли своевольничать. Когда же он оную окончил, то обязать ево (неразб.), чтоб он, когда формальное строение в Астрахани начнется, то сию построенную им вновь избу сломал» [23, л. 1]. Билет, который получил Денибеков, повторял содержание ордера. Правда, потом в деле появился план фабрики с пометками, говорящими о смягчении вердикта. В двух зданиях

фабрики разрешено было поменять из-за износа крыши, а один из корпусов за ветхостью позволено было сломать и «на сем же месте той же меры построить уже до потолков из новова леса» [23, л. 5 об.].

Развитие производства и торговли влекло за собой становление кредитно-финансовых отношений. Обращение с финансами требовало строгую фиксацию договорённостей между партнёрами и контроль за их соблюдением.

В процессе обращения торговых и фабричных капиталов между участниками нередко возникали споры. В 1762 года Багдасар Сафаров, будучи партнёром Реваза Залиева по ткацкой фабрике, требовал увеличения выплат с его доли от прибыли и обратился в Ратгауз с просьбой о назначении третейского судьи [5, л. 10 об.]. Приложенная к делу переписка между истцом и ответчиком велась на грузинском языке.

Формы вексельных операций, которые купечество широко использовало с начала XVIII века, были различны [24, с. 162]. Наиболее распространённой формой в торговле являлась выдача долга под вексель. Т. е. кредитная операция заменялась вексельной, а вексель становился узаконенной гарантией возврата взятых денег. В случае неуплаты кредитор его опротестовывал. Поручителем выступал одобритель (посредник), который обязывался возместить за неплатёжеспособного должника хотя бы часть суммы. Судьи Армянского суда закрепляли подписями и печатями кредитные сделки и выступали таким образом в роли гарантов векселедавца. Другой функцией Ратгауза было право принимать к протесту неоплаченные векселя. После судебного обсуждения по решению суда векселя взыскивались с неплатильщика. Распространённой формой вексельных операций был переходно-обменный вексель, по которому, сдав деньги в одном месте, можно было потребовать от частного лица, или государственного учреждения, или конторы их получение в другом городе.

В 1767 году в астраханский Ратгауз обратился Реваз Залиев сын Денибеков с векселем, данным ему голландским купцом армянского происхождения Баласом Моисеевым [24, с. 163]. С помощью векселя Реваз Залиевич рассчитывал получить причитающиеся ему деньги с должников Моисеева в Астрахани — Парфёна Васильева, жены купца Ивана Попова и других на сумму 2940 рублей.

Начатое в 1787 году дело по вексельной претензии армянина Ивана Назарова к католику и фабриканту Ревазу Залиеву сыну Денибекову через два года из Ратгауза поступило

в Астраханский словесный суд. По указанию Сената словесные суды, появившиеся с 1754 года при городских магистратах и не являвшиеся исполнительной властью, призваны были решать торговые споры, особенно вексельные и ярмарочные, в восьмидневный срок. Рассмотрев дело по содержанию, словесный суд объявил, что «*никакого производства учинить невозможно*», т. к. ответчица, вдова Денибекова, неоднократно и «*потайно*» отлучалась из Астрахани в Кизляр [25].

В 80-е года XVIII века спрос на некоторые виды текстильной продукции уменьшился. Конкуренцию астраханским фабрикам стали составлять шёлковые мануфактуры Поволжья. Сыновья Р. Денибекова предпочли другие занятия, и фабрика закрылась.

Родство астраханской и тифлисской ветвей фамилии подтверждается следующими фактами: российские Денибековы происходили из грузинских дворян [26, л. 53; 27, с. 112]; обе ветви в XVIII веке исповедовали католицизм и были интегрированы в армянское деловое сообщество; грузинский язык являлся родным для представителя первого поколения семьи Денибек в России; имена Иосиф и Рафаил представляются семейными.

Дочь Реваза Денибекова Екатерина вышла замуж за первогильдийного астраханского купца католика Михайлу Татусова сына Алабова [28]. Их сын Рафаил, подобно известному путешественнику Рафаилу Данибегову, совершил длительную исследовательскую поездку в Среднюю Азию совместно с этнографом Иваном Шопеном.

Глава III. Дело о фальшивом алмазе

Коммерческие дела связывали Реваза Денибекова с Бухарским ханством. В Бухаре его интересы представлял приказчик Якуп Ширмазанов. В середине 1760-х годов он купил для хозяина по выгодной цене очень крупный алмаз и отправил его в Астрахань со знакомыми индийскими купцами. Когда камень оказался у Денибекова, выяснилось, что алмаз — умелая подделка. Вместо огромного диаманта фабрикант получил кусок горного хрусталя. Подозрение попали купцы из Индии Мутирам Диарамов, Амардас Мултанеев, Майгар Чандырбанов и Мутирам Лачирамов. По просьбе Р. Денибекова в 1767 году дело о подмене камня начал рассматривать астраханский Ратгауз¹.

Затем рассмотрение перешло в более высокую местную судебную инстанцию — Астраханскую губернскую канцелярию. В ходе слушаний допросу подверглись свидетели со стороны ответчиков и судьи Ратгауза. Двоих из них, Иогана Попова и Мартирова Власова, решено было «*за разноречивое в допросах показание вместо наказания кнутом и ссылку на галеры посадить в тюрьму на хлеб и воду на месяц. Потом свободя, отослать в Армянский суд при указе с тем, дабы их впредь ни в какое свидетельство не принимать и в торги не допускать, кроме черной работы на торге*» [29, л. 3]. Губернская канцелярия 13 ноября 1768 года вынесла решение о виновности индийцев и предписала им выплатить Денибекову 60 тысяч рублей и оплатить в казну пошлину за судебное производство [16, л. 1 об.].

Индийцы, настаивая на своей непричастности к подмене, вознамерились подать апелляционную жалобу в Правительствующий сенат.

Согласно закону 1762 года апелляцию в высшую инстанцию следовало подавать лично в течение четырёх месяцев. Для поездки в столицу купцы должны были найти поручителей и обзавестись паспортами. Потерпевшая сторона высказала опасения, что индийцы, «*ознав уже по том решении свою виновность, могли бы из России утечь*», и потому предлагала «*учинить по их женам предосторожность*» [16, л. 1]. В конечном счёте заморские гости за свой кошт добрались до Петербурга. В мае 1769 года в Юстиц-коллегию поступил сенатский указ, к которому были приложены челобитные от индийских купцов.

В этом же году в Юстиц-коллегию от лица Реваза Денибекова обратился обер-директор Русско-персидской торговой компании Богдан Исаханов [16, л. 1]. Причиной такого выбора поверенного могли быть налаженные связи Исахановых в Петербурге. В своё время, добиваясь получения монополии на торговлю с Ираном и зная «*о любви императрицы Елизаветы Петровны к драгоценным камням, они обещали приложить все старания к отысканию алмазных вещей и доставке их к царскому двору*» [19, с. 229]. Обещаниями Исахановы не ограничились и в августе 1752 года передали камергеру Волжинскому для Елизаветы Петровны алмазы на «*немалую сумму*» [19, с. 229]. Второй причиной выбора Богдана Исаханова в качестве представителя в Юстиц-коллегии предположительно является родственная связь: жену Реваза Денибекова звали Екатериной Богдановной².

¹ В документе суд называется Азиатским.

² Богдан — редкое имя для жителей армянской национальности Астрахани XVIII века.

Достаток обеих семей был сопоставим, Денибеков и Исахановы занимались схожим видом торго и потому вполне могли скрепить партнёрские отношения брачными узами.

6-й департамент Правительствующего сената¹ 1 ноября 1770 года принял решение в пользу индийцев и предписал *«иск армянина Реваза Денибекова уничтожить»* и *«как он тот свой иск произвел вымыслено, то по указу 1724 года февраля 5 дня штрафовать ево такую суммою, какой искал. Из нее две части отдать в гошпиталь, третью индейцам, а четвертую в воспитательный дом»* [29, л. 3 об.]. Пошлину в размере 6 тысяч рублей 40 копеек, заплаченную индийскими купцами в губернскую канцелярию, ответчикам не вернули, а взыскивали как штраф. Судья Армянского суда Васканов *«за непорядочное производство дела»* — на допросы был допущен истец Денибеков, допросы велись не по установленным законом правилам — был оштрафован на 100 рублей [29, 3 об. — 4]. Смотритель над Ратгуазом ассессор Белов, в обязанности которого входило *«смотрение за судьями в порядочном производстве дел <...> за учинение по голосу судьи Васканова определения о допросе с пристрастием одного свидетеля, что самым делом и исполнен был, и кровопролитие зделав»* [29, л. 4], был отстранён от судебных производств. Два других судьи оштрафованы и посажены в острог на хлеб и воду. Переводчик Мильянов за собственноручную приписку в протоколе допроса лишён чина [29, л. 4 об.]. Губернатору Н. А. Бекетову, который не пресёк начавшиеся в Армянском суде *«происки Ревазовы»*, надлежало *«поднести Ее Императорскому Величеству всеподданнейший доклад»* [29, л. 5]. Сенат осудил Бекетова за то, что *«к предосудению своему с укорительными и поносительными им, индейцам словами, заключил, что, оне, индейцы, якобы ненадежного состояния и народ обманчивый и пронирыливой»*, и подчеркнул, что такие слова *«у нас в отечестве на нынешним их основании терпимы быть не могут»*. Бекетов *«за таковые ево поступки <...> заслуживает отрешения от дел»* [29, л. 5 об.]. Так, из-за фальшивого алмаза один из фаворитов Елизаветы Петровны, плодотворно управлявший Астраханской губернией с 1763 года, генерал-майор Никита Афанасьевич Бекетов, попал в немилость.

На решение департамента Сената в 1771 году *«армянин»² Реваз Денибеков и Астраханской губернии губернатор Бекетов подали*

Портрет астраханского губернатора Н. А. Бекетова. Масло. Неизвестный художник. (Государственный исторический музей, г. Москва)

к Ее Императорскому Величеству свои прошения», в которых они назвали *«Сенатское определение несправедливым»* и *«просили о Высочайшем Ее Императорского Величества сего дела рассмотрении»* [29, л. 5 об.]

Российская Фемида с решениями не спешила. Именной императорский указ был объявлен только 31 января 1780 года. Генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский слыл неподкупным чиновником и доверенным лицом императрицы Екатерины Алексеевны. Проведённое заново расследование установило, что Денибеков обратился в правоохранительные органы с иском против заморских купцов *«лишь по причине распечатания индейцами привезенного из Бухарии камня без него»* [29, л. 6]. Других доказательств вины индийцев Денибеков не предоставил. Бухарский приказчик и по совместительству *«товарищ в прибыли и барыше»* [29, л. 6] хозяина Якуп Ширмазанов был уличён в нечестности: взяв *«у бывшего там в Бухарии от индейской торгующей в Астрахани компании прикащика татарина Миралия Мирбагиева в разные времена на покупку для него, Мирбагиева, камней под видом задатков пять*

¹ 6-й департамент функционировал в 1763—1805 годах и вёл разнообразные судебные дела.

² Единственный раз, когда в найденном документе указана национальность Реваза Денибекова.

сот червонцев, но не доставя ему, Мирбагиеву, ни каменье, ни денег, напоследок занемог» [29, л. 6]. В присутствии свидетелей Ширмазанов признался, что эти деньги он раздал за долги. В залог истраченных червонцев Ширмазанов дал Мирбагиеву камень в форме миндаля и весом в 33 карата, назвав его алмазом. Присутствующие при сей передаче свидетели «о доброты того камня не знали» [29, л. 6 об.]. Ширмазанов тогда же пояснил, что если он выздоровеет, то заплатит потраченные червонцы, а камень заберёт себе. «Есть ли же умрет, в таком случае отвезти оной камень в Астрахань и продать. Деньги же с прибытком по обряду купеческому взять ему, Мирбагию, себе. А ежели в пятисот червонных чего не достанет, то получить от хозяина армянина Реваза Денибекова по прозбе его, Ширмазанова» [29, л. 6 об.]. Следствие рассудило, что камень был куплен не для Денибекова, а являлся средством расплаты за долги и по сему не мог быть собственностью астраханского фабриканта. Сам Мирбагиев, не считая камень настоящим алмазом, отослал его в Астрахань без осторожности, с которой следовало передавать драгоценность. Ювелир в Астрахани, которому был показан камень, сначала признал его настоящим алмазом, а потом, рассмотрев внимательно, утвердился во мнении, что это горный хрусталь. Свидетели подтвердили, что камень являлся тем самым, который они видели в Бухаре. Допрошенные астраханские гранильщики, «кроме которых подделать было некому, показали, что они вовсе такого камня не гранили. Удостоверяя при том, что в короткое время и прежде как через неделю такой грани сделать не можно» [29, л. 7]. Бывший губернатор Бекетов поддержал Реваза Денибекова без доказательств, основываясь лишь «на слухе, что настоящий камень из Астрахани выслали и продан оной в Багдаде более чем за пятьдесят тысяч рублей» [29, л. 7 об.].

В результате иск Денибекова был вторично уничтожен, «индейцы от платежа по тому иску освобождены правильно», «поступки бывшего губернатора замечены основательно» [29, л. 8]. К счастью Бекетова, последние годы служившего сенатором и по собственному желанию со службы уволившегося, «суждение о нем само по себе остается без действия» [29, л. 8]. Вместо него наказанию подверглись служители губернской канцелярии.

В 1789 году чаши весов правосудия сравнялись. Новый вердикт гласил, что «предписанного взыскания с Реваза Денибекова полагать не следовало, ибо сим указом, хотя и повелено, кто неправдою станет бить челом и в том пред судом обличен будет, таков сего штрафования такую же долю, о какой бил челом. Но тут же изъяснено, что сие неправое челобитие не в том разуме, что кто в обыденной тяжбе обвинен будет, но на таких, которые видя свое дело, о котором хочет бить челом, неправое, а сочинить будто правым какими подлогами. Со стороны Денибекова иск произведен по встретившимся ему основаниям и никакого подлога к подкреплению его иска кроме доказательств разными [неразб.] личностями им не сделано» [29, л. 8 об.]. К моменту выхода императорского указа Реваза Денибекова уже не было в живых. Дело было отослано в архив Кавказского наместнического правления [29, л. 9].

Очень вероятно, что история с фальшивым алмазом повлияла на судьбу сына Реваза Денибекова. Значительную часть жизни Иосиф Реватович (Романович) Денибеков отдал службе в уголовных судах.

Глава IV. Человек на своём месте.

Осип Романович Денибек

Сыновья Реваза Денибекова Иосиф (Осиф, Осип) 1756 года рождения и Степан начали путь в самостоятельную жизнь с воинской службы. Иосиф был зачислен капралом в лейб-гвардии Преображенский полк в сентябре 1780 года [30, л. 8 об. — 9]. Через два месяца он произведён в прапорщики, в апреле 1782 года «выпущен в Таганрогский драгунский полк подпоручиком» [30, л. 8 об. — 9] и закончил военную службу в 1785 году поручиком. Последнее упоминание о Степане Денибекове относится к 1789 году. Он в чине поручика Кавказского мушкетёрского полка, являясь наследником отца, требовал долг в размере 80 рублей с коллежского асессора Григорьева [31]. Летом того же года братья Денибековы заключили купчую крепость о продаже каменного дома, «состоящего в Астрахани в приходе церкви Воздвижения»¹ [32, л. 2]. Купчая была выдана двум женщинам — жене Осипа надворной советнице Катерине Денибековой и невесте Степана Денибекова.

Уйдя с военной службы, Осип Реватович поступил дворянским заседателем в Астраханский

¹ Первое упоминание о храме в Честь Воздвижения Креста Господня в Астрахани относится к 1628 году. По описанию, данному в 1705 году голландским путешественником Корнелием де Бруином, он располагался в Белом городе и был вторым по значению после соборного. Ныне храм утрачен, и точное его местоположение неизвестно.

уездный суд Кавказского наместничества. Помимо судебной работы коллежский ассессор находился при соляных делах бывшего Камышинского комиссарства, *«где в решении оных успешное радение действительно оказывал»* [33, л. 351]. В октябре 1786 года он получил месячный отпуск для поездки в Москву и Петербург, после которого серьёзно заболел и не находил в себе силы *«к продолжению статской службы»* [33, л. 351]. В связи с состоянием здоровья он написал на высочайшее имя прошение *«уволить от нынешней должности, а за беспорочную службу в Астраханском уездном суде и справление сверх оной при соляных делах должностей наградить чином»* [33, л. 351]. Сенат в резолюции от 14 января 1787 года постановил дать Денибекову чин надворного советника и *«за болезненными припадками, не позволяющими отправиться к должности, от оной уволить»* [33, л. 351]. Излечившись довольно скоро, Денибеков приступил к обязанностям председателя губернского астраханского магистрата Кавказского наместничества. В 1789 году он снова занемог, был поставлен на вакансию в Герольдию, выздоровел и через 3 года получил назначение советником в Уфимскую уголовную палату с последующим производством в коллежские советники. Проживая с семьёй в Уфе, Осип Романов Денибеков с женой дворянкой Екатериной Яковлевой Наврозовой и детьми Яковом (1783 г. р.), Иваном (1784 г. р.) и Екатериной был вписан в 3-ю часть Дворянской родословной книги Оренбургской губернии [34, с. 57]. Важно отметить, что на первых порах гражданской службы в 1786—1787 годах Денибеков именовался Ревазовым сыном, т. е. Ревазовичем [33, л. 351]. Позднее он изменил своё отчество на более привычное для русского слуха — Романович [26, л. 53].

В 1797 году Денибеков становится городничим молодого города Челябинска, за 50 лет прошедшего путь от военной крепости Челябинска до уездного центра Оренбургской губернии [26, л. 53 об. — 54]. Управление городом осуществляла шестигласная городская дума, состоящая из городского головы и представителей городских обывателей, купцов, посадских людей, цеховых мастеров и казаков. Городничий, поставленный с 1782 года во главе города вместо воеводы и выполнявший по большей части функции полицейского характера, напрямую подчинялся губернатору, губернскому правлению и казённой палате. Почтовые тракты соединяли Челябинск с Уфой, Троицком и Екатеринбургом. По V ревизии 1798 года в городе проживало 1228 мужчин и 1336 женщин. К началу XIX века

Герб города Челябинска, утверждённый в 1782 г.
(сайт Гереальдика.ру)

помимо обывательских домов в нём было три церкви, из которых две каменные, богадельня, церковная школа, городской общественный дом, городническое правление, войсковая казначья изба, гостиный двор и шесть купеческих лавок. Купцы в основном занимались пограничным торгом. Правительство рассматривало Челябинск как опорный армейский пункт, поэтому неприятной повинностью для горожан являлся постой войск [35]. В должности городничего Осип Денибеков проявил себя как представитель судебной системы, приняв активное участие в расследовании уголовных преступлений и проведя учёт колодников в Оренбургской губернии [36]. Будучи человеком государственным, он приложил много сил для умножения городской казны, находя не только злостных неплательщиков податей, но и изыскивая новые неординарные способы пополнения государственного бюджета. Благодаря его стараниям в 1800 году были взысканы *«штрафные деньги с небывших у исповеди больше 3-х лет»* [37].

Прослужив городничим шесть лет, Осип Романович в 1805 году направляется в Кавказскую казённую палату советником. В 1805 году Денибеков становится председателем Кавказской палаты уголовного и гражданского судов. В том же году его переводят в Смоленскую палату уголовного суда, где он получает чин статского советника [30, л. 8 об. — 9.]

По представлению министров юстиции князя П. В. Лопухина в 1807 и 1810 годах, князя Д. И. Лобанова-Ростовского в 1818 году и *«через указ Правительствующего Сената»* в 1820-м за усердные труды *«по приведению»* находящихся на рассмотрении палаты дел *«к окончанию и очищению от них палаты»*, за *«производство и решение дел»* Осип Романович

получал трижды высочайшее благоволение [30, л. 9 об. — 10]. В 1814 году Денибеков участвовал в работе комиссии, учреждённой для исследования причин многочисленных недоимок по винным откупам, и сполна проявил талант расследователя. Отправившись в Вязьму «по случаю двух разнообразных изысканий к исследованию казённого интереса» он «открыл на пользу казне с лишком 70 000 рублей» [30, л. 9 об. — 10]. В 1820—1821 годах, благодаря его усердию, казна получила недоимок свыше миллиона рублей, а Осип Романович — орден Св. Анны II степени с алмазными знаками. В 1821-м по поручению начальства Денибеков побывал в городах Белуга и Сычёвка, где личными распоряжениями оставил «свиристующие в рекрутских партиях заразительные болезни и этим предоставил безопасный путь следовать чрез города гвардейскому корпусу» [30, л. 9 об. — 10]. Как старший член комиссии «для продовольствия крестьян» он внёс свой вклад в решение проблемы «по произшедшему от неурожая голода» [30, л. 9 об. — 10].

За период с 1820 по 1821 год Денибеков путём взимания недоимок в губернии пополнил казну на сумму свыше миллиона рублей. В 1821, 1823—1824 годах, состоя в Смоленском губернском правлении, Осип Романович «исправлял должность губернатора» [30, л. 9 об. — 10]. За период с 1823 по 1824 годы, благодаря «его побуждению», было «собрано государственных недоимок от разных лиц более 500 000 рублей» [30, л. 9 об. — 10]. Очередной заслуженной наградой О. Р. Денибекова стал орден Св. Владимира IV степени. От дел Осип Романович отошёл «по болезненным припадка» по собственному прошению и «впредь до выздоровления и за получением от болезней облегчения <...> был причислен по Герольдии кандидатом к определению в должности по именному Высочайшему Его Императорскому Величеству указу» [38, л. 16]. Указ от 15 февраля 1829 года провозгласил «находящемуся не у дел статскому советнику Денибекову быть председателем Кавказского областного суда» [39]. Через месяц Осип Романович приступил к новым обязанностям и исполнял их вплоть до 1836 года, когда по высочайшему повелению «по преклонности лет» был уволен от службы [40].

Сыновья его Яков и Иван «состояли в военной службе в чинах обер-офицерских и майорских, и уволены в отставку подполковниками» [38, л. 46 об.].

Яков Осипович Денибеков начал службу в гарнизонном батальоне Троицкой крепости прапорщиком в 1798 году, был переведён

в Верхнеуральский гарнизонный батальон, из него — в Севастопольский пехотный полк и закончил воинскую службу в Екатеринославском гренадёрский полку. Он участвовал в нескольких военных кампаниях и был уволен «за болезнь подполковником с мундиром и за свыше 20-летнюю службу с определением на инвалидное содержание» [38, л. 7—7 об.]. Женился Яков Денибеков на дворянке Марии Андреевне Никоновой и по отставке сделался калужским помещиком. По VI ревизии ему принадлежало в Калужском уезде Калужской губернии село Воскресенское с четырьмя «благоприобретёнными» мужскими душами [38, л. 40 об.]. С 1826 по 1830 года он находился по выборам в должности уездного предводителя дворянства. В 1831 году Я. О. Денибеков обратился в губернское дворянское собрание с просьбой вписать его вместе с отцом статским советником Осипом Романовичем, братом Иваном Осиповичем и детьми — Иосифом (1820 г. р.), Александром (1821 г. р.), Екатериной (1824 г. р.), Елизаветой (1826 г. р.), Алексеем (1828 г. р.) Яковлевичами и Петром (1823 г. р.), Александром (1825 г. р.), Иосифом (1826 г. р.), Екатериной (1826 г. р.), Марьей (1829 г. р.) Ивановичами — в «приличную часть Дворянской родословной книги губернии» [38, л. 23]. Николай (1832 г. р.) и Татьяна (1836 г. р.) Яковлевичи [38, л. 34—34 об.] были вписаны позже, в 1843 году. Свою просьбу Яков Осипович сопровождал словами: «Хотя род Денибеков происходит из древних грузинских дворян, но по каким обстоятельствам на предков моих доказательств не сохранилось, мне неизвестно, желая сопричислиться в сословие благородного дворянства Калужской губернии представляю <...> поколенную роду нашему роспись, засвидетельствованную Кавказской области Ставропольском окружном суде 1829 сентября 13го» [38, л. 9].

Дворянское депутатское собрание Калужской губернии заключило внести просителя вместе с многочисленными членами семьи в ДРК Калужской губернии [38, л. 2].

Иван Осипович Денибеков, как и брат, начал службу подпрапорщиком в 1798 году в Троицком гарнизонном батальоне. Последним местом его службы стал 4-й карабинерный полк [38, л. 43]. По отставке он исправлял гражданские должности в Тверской губернии и имел за женой Прасковьей Николаевной, дочерью поручика Станкевича [38, л. 43 об.], в сельце Маркове Ржевского уезда 74 души. В 1846 году Иван Денибеков изъявил желание быть вписанным в ДРК Тверской губернии, добавив младших детей Варвару (1830 г. р.) и Владимира (1834 г. р.).

р.). Его прошение было удовлетворено, и Иван Осипович с семейством, включённый в 3-ю часть ДРК, положил начало тверской ветви Денибек.

В 1825 году младший сын Осипа Романовича, состоящий на службе в Смоленской палате уголовного суда, титулярный советник Андрей Денибеков (1795 г. р.) [30, л. 13] подал прошение о включении его с семейством — женой, «*прапорщицей дочерью Александрой Захаровой Повало-Швейковской*» и детьми Авдотьей (Евдокией) (1824 г. р.) и Анной (1825 г. р.) [30, л. 13] — в ДРК Смоленской губернии.

Составляя родословную роспись и пытаясь связать основоположника рода в России Реваза Залиева сына Денибекова со своим отцом Осипом Романовичем, сыновья включили в родословное древо несуществующую в реальной жизни персону — Романа Ревазовича Денибекова [38, л. 44 об.].

Глава V. Генерал Александр Яковлевич и капитан Николай Яковлевич Денибековы

Вхождение в состав Российской империи двух грузинских царств — Картли-Кахетинского и Имеретинского — поставило перед правительством сложные военные и геополитические задачи. Грузию от России отделял Северный Кавказ, населённый не признающими власть Петербурга горцами. Настроенные воинственно кавказцы не только создавали напряжённость на границе, но и постоянно тревожили дерзкими набегами приграничные территории Российской империи. Для усмирения непокорных народов в 1815 году из войск, расположенных на Кавказской линии, был образован Отдельный Грузинский (позже переименован в Кавказский) корпус. Обличённый диктаторскими полномочиями генерал Алексей Ермолов немедленно приступил к активным действиям. Перейдя Терек в 1817 году, русские войска дали старт началу войны. Жестокость Ермолова при подавлении кавказцев на первых порах приносила видимые результаты, и ничто не предвещало затяжного характера войны. Отставка А. П. Ермолова в 1827 году с последующим назначением командующим корпусом генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича, с одной стороны, и распространение на Кавказе мюридизма, объединившего разрозненные общества чеченского и дагестанского народов в единую

религиозную общность, с другой стороны, привели к тому, что Кавказская война стала самой долгой из всех, что вела Российская империя. Объявивший себя имамом Гази-Мухаммад, духовный и одновременно военный лидер кавказцев, объявил русским «газават»¹. Боевые действия из Чечни и Дагестана распространились на Большую Кабарду, Черноморское побережье и Прикубанье. Кавказская война переплелась с русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войнами. В 1834 году советалимов² избрал новым имамом Шамиля, человека недюжинного ума и отчаянной храбрости, и противостояние ещё больше обострилось.

Тактика боевых действий на Северном Кавказе [41] отличалась от обычно применяемой российскими войсками: залповой стрельбы без прицеливания, наступления широким фронтом, штурма вражеских укреплений. В Дагестане война велась в горах, в Чечне — в лесах. В Чечне лучшим временем для военных операций считалась зима, когда земля твердела, реки обмеливали, деревья и кустарник сбрасывали листву. В Дагестане, напротив, весной открывались горные перевалы, и появлялся подножный корм для лошадей, а с наступлением глубокой осени всякие действия становились невозможными. Дожди размывали и без того труднопроходимые тропы. На стороне русских была сильная артиллерия, но она имела превосходство на открытой местности. Проблему создавали бывшие на вооружении у царской армии гладкоствольные ружья, в то время как горцы использовали нарезные стволы. Существенным недостатком являлась необученность солдат прицельной стрельбе. Передвижение войск в горных условиях осуществлялось путём построения в виде каре. По середине двигался обоз, по бокам его располагались войска; впереди шёл авангард, сзади — арьергард, слева и справа — боковые прикрытия. Таким небыстрым способом приходилось транспортировать тяжёлые орудия, боеприпасы, запасы провианта, фуража и дров. Для продвижения артиллерии и обозов военные вынуждены были валить лес и прорубать просеки, что само по себе было делом небезопасным и иногда заканчивалось кровопролитным сражением. В рукопашном бою, несмотря на смелость кавказцев, преимущество было за регулярной армией, поэтому горцы избегали прямых столкновений, предпочитая партизанскую тактику. Они совершали

¹ Газават — согласно Корану «священная война» мусульман против представителей других верований, препятствующих распространению ислама.

² Алимь — признанные и авторитетные знатоки теоретических и практических сторон ислама.

Осада аула Ведень. 1859. Рисунок. Худ. Т. Горшельт. (Фото с сайта «Кавказские реалии»)

стремительные наскоки из-за леса или завалов с захватом пленных и лошадей. Чаще всего их ударам подвергался арьергард. Иногда они применяли тактику «одного дерева». На гигантском буке под покровом листвы размещались до 40 человек, которые буквально обрушивали на движущееся каре дождь из пуль. С годами русская армия овладела тактикой ведения войны в горах и лесах, отдав предпочтение небольшим маневренным отрядам и заменив строгую, бездумную субординацию на верность и доверие.

Братья Александр и Николай Денибековы отличились на Кавказской войне ратными подвигами. Согласно послужным спискам оба брата происходили из дворян Калужской губернии, были православного вероисповедания¹, получили образование в частном учебном заведении и в возрасте 16 лет Александр [42, л. 77—77 об.] и 18 лет Николай [43] были определены родителем на воинскую службу.

Начав в 1838 году с рядового Бутырского пехотного полка, Александр Денибеков через два года был переведён в Навагинский пехотный полк. Боевое крещение подпрапорщик Денибеков принял в 1840 году, когда он в составе отряда генерал-майора Завадовского переправлялся через реку Кубань «для спасения аула

покорного Хамышейского владельца Жамбора» [42, л. 80 об.]. В 1849 году он выразил желание быть переведённым в Тенгинский полк, который к этому времени более трёх лет сражался на Кавказе. К месту прохождения службы поручик Александр Денибеков прибыл в марте 1850 года и получил под командование роту. Его младший брат Николай поступил в тот же полк унтер-офицером с зачётом трёх месяцев за рядового в мае 1850 года. Описание всех дел, в которых был А. Я. Денибеков, занимает в послужном списке 19 листов.

Александр и Николай участвовали в операциях и экспедициях в составе Чеченского отряда (сводное подразделение Кавказской армии, руководимое в 1859 году князем А. И. Барятинским) и оба героически отличились 1 апреля 1859 года при взятии чеченской резиденции Шамиля селения Ведено².

«Аул [Ведено. — Е. В.] расположен был на небольшой поляне, в ущелье реки Хулхулау. Окруженный крутыми лесистыми горами и защищенный валами из туров и бревен, он сам по себе представлял сильное укрепление, но шесть отдельных редутов, расположенных с запада, на гребне горы Ляни-Корт, еще более усиливали его оборону. Самый важный из всех

¹ Сведения о том, что генерал Александр Яковлевич и капитан Николай Яковлевич Денибековы принадлежали к Армянской Апостольской церкви, не соответствуют действительности.

² Старое название аула Ведень.

этих редутов был Андийский, с потерей которого неприятель не мог держаться в ауле» [44, с. 118]. Командир полковник Евдокимов решил направить основной удар именно на Андийский редут. Начальником штурмовой колонны, состоящей из 1-го батальона и 5-й стрелковой роты был назначен полковник Баженов. 31 марта осадные работы были закончены, и 1 апреля с 6-ти часов утра началось обстреливание неприятельских укреплений орудийным огнём. Горцы отвечали ядрами с редутов. В час дня на вершине горы Ляни-Корт показался сам Шамиль с кавалерией и пехотой, из которой он выделил 500 человек в помощь Ведено. Начала боя обозначила сигнальная ракета, выпущенная в 6 вечера. *«Баженов поставил своих тенгинцев вперед и двинулся к Андийскому редуту. Тенгинцы с оглушительным "ура" бросились с фронта и вихрем полетели к редуту. Впереди всех неслась пятая стрелковая тенгинская рота во главе со своим командиром, подпоручиком Денибековым. Кабардинцы двинулись в тыл атакованному редуту. Неприятель послал нам тучу пуль и картечи, но храбрецов ничто уже не могло остановить, они уже спустились в ров. А за рвом, в брешу разрушенного вала, стоит здоровенный чеченец с кинжалом и шашкою в руках и грозит смертью тому, кто осмелится подойти; за ним выглядывают несколько фанатиков, готовых крепко постоять за редут. В это мгновение из тенгинских рядов выскакивает маленький солдатик, по имени Иван Бурлак, бросается на горца и всаживает ему в грудь штык по самое дуло. Чеченец с мучительным криком хватается за ружье и мертвый падает на землю. В ту же минуту раздается молодецкое "ура", Денибеков [Николай Яковлевич. — Е. В.] вскакивает на вал, тенгинцы за ним — и начинается штыковая работа. Еще усилие — и все до последнего защитника редута уничтожены. Как только знамя 1-го батальона Тенгинского полка взвилось над Андийским редутом, торжественные звуки "Боже, Царя храни" и радостное "ура" всего отряда понеслись навстречу победителям. Генерал Евдокимов прискакал в укрепление и благодарил войска за победу»* [44, с. 119—120]. Тенгинцы были щедро награждены: главные герои получили ордена, 6 офицеров были повышены в чинах, 41 знак отличия направлен в 1-й батальон и 5-ю стрелковую роту [44, с. 120—121].

Командир 1-го батальона А. Я. Денибеков *«за отличия в делах против горцев»* произведён в подполковники и награждён императорскую короной к ордену Св. Станислава II степени с мечами [42, л. 78—78 об.].

Подпоручик Николай Яковлевич Денибеков был жалован орденом Св. Георгия IV степени [44, с. 120]. Весь Тенгинский полк получил знаки отличия на шапки с надписью «За покорение Чечни в 1857, 58 и 59 годах».

После взятия Ведено чеченские сторонники Шамиля прекратили сопротивление. Сам имам укрылся в ауле Гуниб в Дагестане, где 26 августа в результате смелой операции под командованием генерал-адъютанта А. Барятинского был окружён и пленён на почётных условиях. Война продолжалась ещё пять лет и закончилась с покорением Западной Черкесии и выходом русских войск к побережью Чёрного моря.

Николай Яковлевич Денибеков воевал на Кавказе до самого конца войны. В 1865-м он в чине штабс-капитана был переведён в Лейб-гвардии гренадёрский полк, получил второй орден Св. Георгия IV степени и ушёл из жизни в 1875 году в чине полковника Лейб-гвардии Финляндского полка [44, с. 121].

В 1863 году полковнику А. Я. Денибекову поручено было принять 2-й Владикавказский казачий полк. Через два года Александр Яковлевич был назначен командующим 4-й бригадой Терского казачьего войска. В 1871 году генерал-майор Денибеков — атаман 2-го военного отдела Терского войска. В 1877-м он принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов в качестве начальника Кобулетского отряда.

На кавказско-турецком фронте Кобулетскому отряду предстояло оттянуть силы противника, находящиеся у города Батума и воспрепятствовать высадке турецкого морского десанта. Костяк отряда образовывала 41-я пехотная дивизия. Турецкими силами руководил Дервиш-паша, русскими по началу — генерал-лейтенант И. Д. Оклобжю.

Отряд перешёл турецкую границу 12 апреля и двинулся в сторону побережья двумя колоннами. Левую колонну возглавлял генерал-майор А. Я. Денибеков (5¼ батальона, 6 горных орудий, ¼ сотни казаков) [45, с. 21]. Позже, в мае, после начала первой осады турецкой крепости Карс он принял командование всем отрядом. Русские сходу взяли Муха-Эстапе, овладели несколькими высотами, в том числе Самеба и Хуцубани. Солдаты в честь своего командира называли Хуцубанский курган Денибековым. 1 мая 1877 года на вершине кургана в развалинах православного храма был отслужен молебен, знамёна окроплены святой водой, низшие чины награждены Георгиевскими крестами [45, с. 23—24]. Несмотря на ряд удачных локальных побед в ходе Батумской операции перевес сил был на стороне турок. Они превосходили числом войск и количеством

орудий. Сражение за Цихидзирское укрепление продолжалось 14 часов, но захватить турецкий лагерь численностью до 30 тысяч человек не представлялось возможным. Ввиду малочисленности Кобулетского отряда было решено отступить. Спустя полгода стороны заключили перемирие. Новое противостояние в Черномории началось весной 1829 года. Война, в результате побед русских войск на Балканах, закончилась подписанием Андрианопольского мира.

Александр Яковлевич, безусловно, был человеком незаурядной храбрости. Он никогда не прятался за спинами солдат, а напротив, вёл бойцов за собой. *«Войска под личным начальством Денибекова двинулись для занятия этих высот...»* [45, с. 23]; *«Став сам лично в голове штурмующих, генерал-майор Денибеков <...> двинулся вперед ...»* [45, с. 31], *«Авангард генерал-майора Денибекова, под личным его начальством, двинулся двумя колоннами...»* [45, с. 29]; *«Генерал-майор Денибеков во главе штурмующих двинулся вперед. Батальоны ринулись в штыки»* [46] — так описывали со слов очевидцев военные историки дела под его командованием.

В сражениях Денибеков действовал умело и решительно. В журнале боевых действий Кобулетского отряда того периода описано повторное взятие Столовой горы и высоты Самеба: *«Генерал Денибеков рассыпал в цепь 1-й пластунский батальон и охотников 164-го пешего Закавказского полка и, назначив, 1-ю пешую Гурийскую дружину для сохранения связи с колонною генерала Шелеметева, с остальными войсками двинулся вправо к броду реки Кинтриша ... Войска эти, задержанные в своем движении пересеченной местностью, построившись в ротные колонны в две линии, имея 1-й и 2-й батальоны 164-го пехотного Закавказского полка впереди, а 2-й Кавказский стрелковый батальон — в резерве приблизились к броду и под учащённым и метким огнем турецкой пехоты и артиллерии начали переправу. Впереди шла цепь пластун, а за ними батальоны закавказцев¹...»* [45, с. 145—146]. В ходе Батумской операции начальник штаба отряда сообщал: *«Генерал Денибеков блистательно шел по узкой дороге; вооруженные жители, подкрепленные регулярными войсками, на каждом шагу представляли упорное сопротивление; потери значительные, все движения сопровождалось штурмом завалов, сакель, высот, ущелий и форсированием проходов; гурийцы [Гурийская дружина в составе*

Руины крепости в Цихидзири. Фото автора

Кобулетского отряда. — Е. В.] *гались прекрасной и были героями дня; действия горной батареи были полны самоотвержения»* [47, с. 56].

Денибеков прошёл путь от рядового до генерала. Его академией стали сражения с неприятелем в горах, лесах и на равнинах. Представленный 9 мая 1877 года Денибековым план оперативных действий говорит о нём как об опытном стратеге [45, с. 26—27]. В приказе от 12 июня по случаю окончания кампании Александр Яковлевич Денибеков очертил деятельность отряда и дал достойную оценку ратному труду солдат и офицеров. *«В течение двух месяцев со дня объявления войны вы, войска Кобулетского отряда, понесли труд, достойный полного внимания. В это время, не говоря о ежедневных перестрелках с кобулетцами², вы соорудили более 70 верст прекрасных дорог, разработанных заново в чрезвычайно пересеченной и лесистой местности, построили четыре укрепленных позиции значительных размеров, совершили четыре блестящих горных экспедиции и имели три крупных дела, в числе которых одно двухдневное сражение, где против вас действовала большая часть батумского корпуса³. Во*

¹ Закавказцы — воины Закавказского полка.

² Кобулетцы — местное население, принявшее ислам и поддерживающее в войне турков.

³ Батумский корпус противника.

всех этих делах несмотря на то, что мы не имели никаких крупных трофеев, вы вели себя героями и оставались победителями. Противник, значительно превосходивший вас числом войск, только один раз рискнул атаковать нашу позицию и, потеряв несколько сотен лучших своих войск, снова заперся в своем укрепленном Цихигзирском лагере. Ныне, когда высшему начальству угодно, чтобы несколько батальонов и батарей из состава Кобулетского отряда поспешили на другие театры военных действий, вы должны покинуть позиции, занятые вашими геройскими усилиями, и отойти несколько назад, чтобы исполнить с прежним героизмом новую задачу, предназначенную нам начальством. Прощаясь с частями войск, исключаемыми из состава Кобулетского отряда, я приношу как им, так и остающимся со мной генералам, штаб и обер-офицерам и нижним чинам мое душевное спасибо за их честную и героическую службу в составе Кобулетского отряда» [47, с. 255].

Александр Яковлевич ценил хороших лошадей и был умелым наездником. Так описывал сослуживец смотр войск с его участием: «Между тем начался объезд войск левой колонны генералом Оклобжио; генерал-майор Денибеков, начальник колонны, на великолепном рыжем кабардинце с азиатским седлом, провожал его по фронту колонны» [47, с. 26].

И, конечно, А. Я. Денибеков понимал и любил Кавказ. Последние годы службы он состоял при Кавказской армии и находился в распоряжении командующего Терским войском [48]. Выйдя в отставку в 1882 году, он остался во Владикавказе, где скончался и был похоронен.

Наградами А. Я. Денибекова за долгую службу были три ордена Св. Анны (III степени с бантом в 1852 году, II степени с мечами в 1867 году и I степени с мечами в 1878 году), два ордена Св. Владимира (IV степени с бантом за 25 лет службы в 1866 году, III степени в 1869 году), два ордена Св. Станислава (II степени с мечами в 1857 году и императорская корона к нему в 1860 году, I степени в 1873 году) и золотая сабля «За храбрость», врученная в 1877 году [49].

О личной жизни Николая Яковлевича сведений мало. Александр Яковлевич Денибеков имел гражданскую жену и троих дочерей. По рассказам мать девочек была очень красива. Вскоре после кончины Александра Яковлевича она умерла от туберкулеза [2, л. 6].

Глава VI. Итальянцы в России. Ленци

Из египетской Александрии в польский Волочиск

Фамилия Ленци (Lentzi, Lenzi) довольно распространена в Италии. В конце XVIII — начале XIX века некоторые её представители в поисках удачи приехали в Россию. В их числе — Иосиф Ленци, прапрадед Марии Алексеевны Денибек.

В 1785 году в Александрии впервые открылось Российское консульство, и назначенный на должность генерального консула майор Кондратий фон Тонус начал набирать штат. Предложение поступить на русскую службу получил находящийся в то время в Египте молодой тосканский дворянин Иосиф Ленци. Первым заданием энергичного, владеющего несколькими языками итальянца стала поездка в Константинополь с поручением к российскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Великой Порте Якову Булгакову. Из Константинополя Ленци был направлен в Петербург. В столице высочайшим повелением Иосиф, отныне писавшийся с русским отчеством Иванович, поступил прапорщиком в Екатеринославский гренадёрский полк и стал совмещать воинскую службу с исполнением тайных дипломатических заданий.

В чине подпоручика И. Ленци участвовал во взятии крепостей Очаков, Каушаны и Бендеры. Из Молдавии по личному распоряжению Потёмкина он в качестве секретаря-переводчика отправился в экспедицию в Средиземное море и, достигнув Ливорно, по поручению командующего экспедицией генерал-майора В. С. Томары отплыл в Триест. Выполняя «разные секретные порученности», Ленци неоднократно посещал российских консулов за рубежом и бывал при дворе в Петербурге. Вероятно знание Иосифом Ленци многих языков, в первую очередь итальянского и греческого, послужило причиной того, что в 1792 году он был оставлен именным высочайшим повелением в столице при наследнике, будущем императоре Александре Павловиче [50, л. 2 об. — 3 об.].

В бытность капитаном Екатеринославского гренадёрского полка католик «Серафим Иосиф Ленций» (51, л. 1) обратился в ноябре 1796 года к члену Святейшего Синода, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, архимандриту Александро-Невского монастыря Гавриилу за разрешением вступить в брак с дочерью «фершельного цеха мастера¹

¹ Правильно фельдшер; в данном случае военный врач.

Михайлы Степанова Легельского девицей Верой православного вероисповедания» [51, л. 4]. Жениху было от роду 29 лет, невесте 17. Для обоих брак являлся первым. Из того же документа известно, что Вера родилась в Петербурге, мать её звали Мария Антоновна. О Ленци сказано, что он происходил из итальянских дворян, его отец занимался торговлей, имя матери было София. [51, л. 2]. Дозволение на брак Ленци получил при условии растить детей в православной вере.

В 1799 году, закончив военную службу, Иосиф был принят в Тайную канцелярию¹. После роспуска Тайной канцелярии коллежский асессор Ленци получил должность начальника таможи в городке Волочиск², которую занимал вплоть до 1811 года. Затем надворный советник Ленци продолжил службу директором Цебровской таможни³. И, наконец, в 1821—1822 годах он стал управляющим Люблинской таможни [52].

Акрограмма из альбома Доротеи Ленци. Первые буквы названий растений образуют слово «гружба» на франц. языке. Вышивка (Государственный исторический музей. Москва)

В написанном на французском языке трактате Ленци предлагает меры по улучшению таможенного дела в России [53].

В должности директора таможен Иосиф Ленци проявил наилучшие качества и заслужил похвалы и награды. В 1808 году он «За содействие в переправе за границу для австрийских провинций волов по высочайшему повелению пригнанных и за приём австрийских чиновников по сему случаю командированных получил

Портрет Доротеи Ленци (?). Карандаш, акварель. Художник П. Ф. Соколов. (Государственный исторический музей. Москва)

от австрийского императора в знак монаршего благоволения золотую табакерку» [50, л. 4 об. — 5].

«За усердие, оказанное в поставке из заграницы знатного количества серы» в 1809 году И. Ленци был награждён бриллиантовым перстнем [50, л. 4 об. — 5].

Помимо таможенной работы, находясь на российско-австрийской границе, Ленци, продолжал исполнять секретные поручения. Важность такого рода заданий возросла со вступлением России в войну 1805—1807 годов. Тайные услуги, оказанные им, были отмечены военным губернатором Каменец-Подольска генерал-лейтенантом И. Н. Эссенем⁴, и Иосиф Иванович получил в награду именной перстень [50, л. 4 об. — 5].

Волынский губернатор М. И. Комбурлей в аттестате, выданном И. Ленци, отмечал, что директор Волочискской таможни в 1806—1807 годах «был употребляем мною по отличным его способностям в делах до заграничных в Австрийских

¹ В XVIII веке орган политического сыска и суда в России; просуществовал до 1801 года.

² Приграничный Волочиск вошёл в 1793 году в состав Российской империи и относился к Волынской губернии.

³ Цебров, небольшой город в Тернопольской губернии, ныне село.

⁴ Эссен И. Н. — губернатор Каменец-Подольска с 1803 по 1806 год.

владениях разведываний касающихся и верным исполнением препоручений моих весьма немало способствовал соображениям моим к выгодам и пользе службы его императорского величества и отечества относящимся, а сверх того имел поручение доставить к армии мне верной сто тысячную сумму государственными ассигнациями, несмотря на смутные тогдашние обстоятельства и опасности от рассеянных повсюду неприятелей, доставил и сдал с надлежащею верностью» [50, л. 4 об. — 5].

Вторым браком Иосиф Ленци был женат на польской дворянке по имени Доротея. В семье подрастало пятеро детей — Александр (1808 г. р.), Павел (1809 г. р.) и Владимир (1813 г. р.), София и Эмилия. Двери дома Ленци в Волочиске были гостеприимно открыты для друзей.

В коллекции Государственного исторического музея хранится рукописный альбом, принадлежащий Доротее Ленци [54]. Популярность альбомы получили в XVIII веке среди европейских студентов: отправляясь на каникулы, друзья оставляли в них друг другу пожелания. Со временем такие альбомы завоевали популярность у барышень и стали частью салонной культуры. В них гости оставляли записи, стихотворения или рисунки. В альбоме Доротеи Ленци помимо посвящений хозяйке на французском языке есть изысканные цветочные акрограммы¹ и портрет самой хозяйки салона. Авторство портрета приписывается известному акварелисту П. Ф. Соколову [54]. Датируется альбом 1807—1814 годами.

Как часто бывает, полоса удачи сменилась тёмной полосой. Положенный по выслуге лет чин Ленци не получил: его ходатайство осталось без ответа. А затем Иосиф Иванович и вовсе лишился должности.

О изгибах судьбы преданного слуги отечества поведал в письмах к княжне Варваре Туркестановой² близко знакомый с И. И. Ленци швейцарец Ф. Кристин³.

В письме, датированном 15 июля 1815 года, Ф. Кристин писал: «Судьба его (Ленци) странная.

Он состоял при государе, когда он был великим князем; государь и обе императрицы ему открыто покровительствовали: и граф Румянцев назначил его по особой рекомендации государя 14 лет тому назад начальником таможен. В то время как он занимал эту должность, он был всеми любим и уважаем: княгиня Борис [Анна Александровна Голицына, вторая жена генерал-майора Бориса Андреевича Голицына. — Е. В.] с семьей прогостила у него целую неделю в Волочиске, где его дом был истинным храмом гостеприимства. Граф Марков⁴ отзывался о нем с величайшей похвалой, а я лично и тем более. Когда г. Гурьев⁵ вступил в министерство, все сделанное его предшественником, было изменено, и он всюду поместил своих ставленников: Ленци⁶ очутился на улице с многочисленной семьей и, надо сказать к его чести, оказался бедняком. Он поехал в Петербург и в отсутствие государя просил покровительства государыни матери. Она приказала запросить министра, почему Ленци лишен места, и министр, чтобы выпутаться, довольно необдуманно заявил, что он был запутан в темные дела, и на том все кончилось.

Ленци, который умён и тактичен, понял, что, подняв крик, он уподобится глиняному котлу, борющемуся против чугуна. Он занялся собиранием фактов, самым неопровержимым образом доказывающих честность его управления. Вооружившись этими доказательствами, он вернулся в Петербург в прошедшем году и просил приёма у министра, чтобы убедить его в своей невиновности. Г. Гурьев уже был хорошо осведомлен, но сказанное императрице стесняло его: он не знал, как выпутаться, и чтобы избежать затруднений упорно отказывался принять Ленци. Граф Марков, напрасно употреблял все усилия и признался Ленци, что ошибка, сделанная министром, вредит ему, Ленци, больше всяких вин, если бы они за ним были. Однако Марков добился рода возмездия, и министр назначил Ленци вице-губернатором, но продолжая отказывать ему в приеме. Гурьев предоставил ему место тираспольского вице-губернатора⁷» [55]. В заключении Кристин

¹ Рисунок или вышивка в виде вышитых букетов цветов, первые буквы которых образуют слова.

² Варвара Ильинична Туркестанова — фрейлина двора императрицы Марии Фёдоровны, фаворитка Александра I.

³ Фердинанд Кристин, исполнявший обязанности российского поверенного в делах со Швецией при Екатерине II, на момент переписки жил в Москве и не занимал дипломатического поста. Приезжая в Москву, Ленци останавливался в доме Кристина.

⁴ Граф А. И. Марков (он же Морков), известный российский дипломат рубежа XVIII—XIX вв.

⁵ Гурьев Д. А. — министр финансов при Александре I.

⁶ В письме Кристин по-разному пишет фамилию Иосифа Ивановича Ленци.

⁷ Не соответствует действительности.

Портрет М. А. Корфа. Акварель.
Художник Э. П. Гау. (Государственный музей
А. С. Пушкина. Санкт-Петербург)

характеризует Ленци как человека надёжного и осторожного.

О том, как сложилась жизнь Ленци в следующие 20 лет, доподлинно неизвестно. Летом 1837 года германский город Эмс¹ посетил государственный секретарь барон М. А. Корф. Лицейский товарищ А. С. Пушкина Модест Андреевич Корф в пору своей службы в Комитете министров слыл человеком чутким к чужому горю: «От высшего до низшего все могли ожидать справедливого внимания к своим трудам и готовности помочь каждому в нужде» [56]. К судьбе Иосифа Ленци Корф тоже не остался равнодушным:

«При приезде моем в Эмс я был встречен общию молвою о бедственном положении одного из наших соотечественников, надворного советника де Ленци, проживающего здесь несколько уже лет. Я долгом счел посетить его и нашел старца, согбенного летами и жестоким недугом, в нищете, превышающей всякое описание. Прибыв сюда сперва для поправки здоровья и расстроясь потом совершенно в своем состоянии, он не только не имеет никаких способов возвратиться в Россию, — цель его желаний, — но существует уже давно только подаяниями благотворительности и в долг: все что у него

было, все, до сюртука и шинели, заложено; ветхой халат, в котором он меня принял — одна остающаяся у него одежда.

Бумаги Г. де Ленци свидетельствуют, что он более 35-ти лет состоял в нашей службе, военной и гражданской; что служба его, в разных немаловажных должностях, всегда сопровождалась особенным одобрением начальства; что он имел счастье пользоваться благоволением некоторых из Августейших членов и в 1834 г. был удостоен особенного за него ходатайства государыни великой княгини Анны Павловны [В августе 1834 года Анна Павловна подала императору записку, в которой просила оказать помощь Ленци. — Е. В.]; наконец, что прежнего порядочного состояния он лишился точно по стечению несчастных обстоятельств безо всякой собственной вины. Нынешнее положение его известно и посольству нашему во Франкфурте, от которого он получает возможное по средствам одного пособие. В России у него жена, два сына офицерами в гвардейской артиллерии, а третий в военных поселениях. Имея в виду все эти обстоятельства, равно как общее здесь мнение о неукоризненном поведении де Ленци и хороший о нем отзыв тайного советника Убри², пребывающие в Эмсе русские в день рождения государя императора сделали ему некоторое пособие, но избавив его на первый раз от голодной смерти, оно ничтожно для будущего. Одно чадолюбивое сердце монарха может извлечь этого заслуженного старца из бездны злополучия, в которую он невинно ввергнут. Долги г. де Ленци, без удовлетворения которых его отсюда не выпустят, простираются до 800 прусских талеров; сверх того до 500 талеров нужно ему для обратного проезда в Россию, потому что болезненное положение не позволяет ему ехать иначе, как в своем экипаже. Вот строгая, самая крайняя мера необходимого ему пособия, без которого он должен будет оставаться в Эмсе, вдали от семейства, в нищете, в страданиях, покамест не умрет или не запрут его в тюрьму» [57, л. 1—1 об.].

Письмо Корфа было показано А. Х. Бенкендорфу, а от него попало на стол к императору. Император повелел «извольт выдать г. де Ленци на уплату долгов и на возвращение в Россию пять тысяч рублей ассигнациями» [57, л. 5]. Казначейство деньги отпустило, но сумма долга оказалась вдвое больше. По словам самого Ленци «честолюбие не позволяет ему выехать из Эмса, не уплатив все долги и что к тому же

¹ Бад-Эмс — курорт, пользовавшийся популярностью у русских аристократов.

² Пётр Яковлевич Убри — с 1835 года российский посланник в Германском союзе.

болезненное его состояние не позволяет предпринять дальний путь зимой» [57, л. 12]. Решено было выдавать Ленци до весны 1838 года из путевых денег по 20 талеров в месяц, а остальную сумму поместить «для приращения из процентов» и поручить заботу о нём местному священнику Мюллеру [57, л. 13].

В 1841 году проживавшая в Царстве Польском вдова чиновника Доротея Ленци обратилась к властям с просьбой о назначении ей пенсии [58].

Дочь Ленци София в замужестве носила фамилию Принц и жила в Петербурге [59]. Старший сын Александр, майор полиции Охтинской части в Санкт-Петербурге, состоял по кавалерии [60]. Младший Владимир дослужился до подполковника [61]. На первых порах по военной стезе пошёл средний сын Павел.

О Павле Ленци — потомки и публицист И. С. Аксаков

Записанные семейные воспоминания являются сколь редким, столь и ценным для генеалогов материалом. Не секрет, что в такого рода повествованиях иногда встречаются ошибки, а оценка личностей может носить субъективный характер. Представляет интерес сравнение воспоминаний Н. К. Молявко-Высоцкой и Г. В. Месняева с архивными материалами и письмами литератора Аксакова.

«Scripta manent»¹ — так озаглавила дочь Марии Алексеевны Денибек свою рукопись [2]. Нина Константиновна Молявко-Высоцкая была дамой очень образованной, отличалась замечательной памятью и имела способности к писательству.

О своём прапрадеде она писала: «По преданиям родоначальником фамилии является Иосиф Ленци, итальянский выходец, будто бы преподававший свой родной язык кому-то из детей Павла I. Женат он был на девице Грузинской, родной сестре Жанетты Грузинской — второй супруги Константина Павловича², получившей титул княгини Лович» [2, л. 9].

Писатель Г. В. Месняев, также являвшийся праправнуком Ленци, не поддерживал эту версию: «Мне лично кажется, что это предание, како оно ни лестно, едва ли правильно, хотя бы потому, что такое высокое свойство с братом императора не дало потомкам Иосифа Ленци не только какого-нибудь блеска, но даже сколько-нибудь высокого общественного и служеб-

ного положения и материальных благ» [62, л. 2]. В действительности морганатическая супруга великого князя была дочерью польского графа Антона Грудно-Грудзинского. У Жанетты Антоновны (1791—1831) были две младшие сестры, Антонина (1794—1857) и неполнородная Тереза (1817—1887), и имена их мужей известны. Первая состояла замужем за Дезидерием Хлаповским, вторая — за Виктором Ф. Шолдрским.

А вот фамилия Грузинская косвенно связана с семьёй Ленци. Как мы помним, в Волочиске у Ленци гостила долгое время Анна Голицына, урождённая княжна Грузинская. Анна Александровна приходилась внучкой А. Д. Меншикову и грузинскому царю Бакару Вахтанговичу. В 1796 году её супруг Борис Голицын был назначен гофмаршалом ко двору великого князя Константина Павловича. Возможно, именно эта история породила семейную легенду о том, что Ленци состояли в родстве с Грузинскими и через них с великим князем Константином Павловичем.

Сын Анны и Бориса Голицыных Андрей был женат первым браком на Нине Фёдоровне Ахвердовой, дочери генерал-лейтенанта Ф. И. Ахвердова, назначенного с 1807 по 1811 год правителем Грузии.

Поэт и публицист И. С. Аксаков приходился Павлу Иосифовичу Ленци соседом по имению и в письме к родителям сообщал, что его знакомый «вдовец (он был женат на одной русской, Ахвердовой, от которой и досталось именование ему), хороший отец трёх детей или больше» [63, с. 289].

Н. К. Молявко-Высоцкая утверждала, что Павел Ленци «женат был на Анне Ивановне Мухановой» [2, л. 10]. «Род Мухановых очень хороший, и мать Анны Ивановны не хотела выдавать её за безродного полуиностранца [Павла Иосифовича Ленци — Е. В.] и не дала своего согласия на этот союз. Хотя Анна Ивановна была любимой дочерью, но мать не хотела простить непослушания, и молодая чета Ленцев жила в бедности» [2, л. 11—12].

Сведения о браке Павла Ленци с Анной Мухановой приводит в воспоминаниях Григорий Валерианович Месняев: «Фамилия Мухановых — одна из лучших старинных дворянских фамилий, записанных в 6-ю часть родословных книг. Многие Мухановы занимали высокие посты и при дворе, и на службе. Поэтому брак Павла Иосифовича с Анной Ивановной являлся для Мухановых мезальянсом и, кажется, был

¹ Scripta manent — Написанное остаётся (лат.).

² Константин Павлович — брат императора Александра I.

заключён помимо желания родителей Анны Ивановны. Ей поэтому было выделено незначительное приданное (может быть Богдановка)» [62, л. 3].

Почему же точный в деталях И. С. Аксаков допустил ошибку, назвав жену Павла Иосифовича Ахвердовой?

Среди дворянских родов Калужской губернии есть и Ахвердовы, и Ленци, и Мухановы. Род Мухановых, записанный в 6-ю часть ДРК, делился на несколько линий, две из которых именовались калужскими. Основателем второй калужской линии был прапорщик Макар Васильевич Муханов. Вслед за ним к калужским дворянам пожелал быть приписанным поручик Яков Алексеевич Муханов с сыном Иваном. Временное Присутствие Герольдии, «*найдя доказательств недостаточными для признания просителей в древнем дворянстве, отказало в утверждении этих определений*» [64, с. 207], и потомки просителей как военные были внесены во 2-ю часть ДРК по Калужской губернии. Иван Яковлевич Муханов, отставленный поручиком в 1800 году, дважды поступал во временное земское ополчение — адъютантом и сотенным начальником, а затем служил калужским земским исправником и состоял в уезде депутатом от дворянства. Он владел 19 душами в деревне Каменка Калужского уезда, 85 душами в части села Волконского Козельского уезда Калужской губернии, 17 душами в сельце Соколове Алексинского уезда Тульской губернии, 21 душой в сельце Горках Нерехтского уезда Костромской губернии [64, с. 217]. Женат Иван Яковлевич Муханов был на Евгении Алексеевне Рожновой (тоже из калужских дворян) и имел четырёх дочерей и сына. Самая старшая звалась Анной, самая младшая Юлией [27, с. 16].

Дворянский род Ахвердовых, подобно Денибекам, происходил из Грузии и имел армянские корни. Представители фамилии проявили себя с наилучшей стороны на полях сражений и на государственной службе. Николай Александрович Ахвердов¹, генерал-лейтенант, сенатор, военный губернатор Смоленска первым браком был женат на Юлии Ивановне Мухановой [65], родной сестре Анны Ивановны, и приходился Павлу Иосифовичу Ленци свояком. Вероятнее всего родство Анны и Юлии Мухановых породило ошибку у И. С. Аксакова.

«Где и на какие средства жили Ленци неизвестно. Надо полагать, что Павел Иосифович где-либо служил, тем и существовал. Он был человек просвещённый и, увлекшись передовыми

идеями своего времени, оказался причастным к делу Петрашевского. В какой мере был скомпрометирован Павел Иосифович неизвестно, но в результате он был сослан на житие в Пермскую губернию в 1849 году. Жена Анна Ивановна последовала за ним», — писала Нина Константиновна [2, л. 12—13]. По её словам, маленькие дети Павла Иосифовича во время ссылки оставались у бабушки Мухановой. Евгения Алексеевна своё нерасположение к зятю перенесла на внука, очень походившего лицом на отца. Внучку Елизавету Муханова, напротив, очень любила и всячески баловала.

Г. В. Месняев рисует похожий образ Павла Ленци и также сообщает о его смерти в ссылке. Анна Ивановна, по его словам, «*вскоре после вынужденной разлуки с мужем умерла от чахотки, развитию которой, наверное, способствовали те душевные терзания, которые были связаны с арестом и ссылкой мужа*» [62, л. 4].

Другого мнения о Павле Иосифовиче Ленци был И. С. Аксаков. В письме, отправленном в августе 1846 года из Калуги, он писал: «*Вчера вечером, т. е. после моего обеда, отправился я, получив зов, к моему новому приятелю, поляку Ленци, в деревню его, вёрст за 14, и вчера же воротился, часа в два ночи <...> Ленци — добрый, мягкий, образованный, умный человек, с тёплой душою, музыкант, живописец, литератор (впрочем, очень плохой), лет 35, уроженец Подольской губернии, живущий в России лет 20 <...> говорящий по-русски, по-французски, по-немецки, по-польски, но какой язык у него природный, не знаю, ибо он знает все хорошо, но ни одного из них в совершенстве, по-польски он забыл уже немного, да и родился он на австр(ийской) границе... Был он замешан, хотя невинно, в 1830 году, посидел в тюрьме и каземате, словом, человек интересный. Он так же, как и я, отсутствовал очень долго в Калуге, ездил в Петербург искать места по иностр(анной) корреспонденции, с хорошим жалованьем, ибо он человек не богатый, имения всего 50 душ, а пришло время воспитывать детей, и, кажется, ему обещали место. Я с ним познакомился довольно коротко; читал он мне вчера одну свою повесть (он пишет всегда по-французски), хорошую, но без достоинства в литературном и художественном отношениях. Видите, что это человек хороший — со слабостями, умный — с промахами, но добрый и честный, и такой, какого можно любить и уважать и который нескоро надоест, т. е. с которым о многом можно потолковать и поговорить»* [63, с. 289]. Спустя месяц Аксаков снова

¹ Племянник упомянутого выше Ф. И. Ахвердова.

И. С. Аксаков. (ИРЛИ. Санкт-Петербург)

наведася к Ленци в сопровождении Клементия Россета¹ и так описал поездку: «Вчера ездили мы с ним вместе к одному общему нашему знакомому, полуполяку Ленци, который скоро оставляет Калугу, в деревню, верст за 14. Там обедали (было много и других), провели время довольно скучно, но воротились довольно поздно, часу во 2-м ночи, потому что хозяин решительно не выпускал нас из дома» [63, с. 307].

Библиотекарь Императорской Академии художеств

Каким человеком на самом деле был полуполяк-полуйтальянец Павел Ленци?

Службу Павел Ленци начал в 1825 году фейерверкером 4-го класса батарейной роты № 5 лейб-гвардии в 1825 году. В этом же году для прохождения курса наук он был командирован в Варшавскую артиллерийскую школу, из которой вышел прапорщиком. В русско-турецкую войну 1828—1829 годов Ленци принимал участие в боях у крепости Ахалцихе и получил в награду серебряную медаль. Женившись на Анне Ивановне Мухановой, он в 1835 году вышел в отставку подпоручиком [66, л. 7].

Первенец Александр родился 4 декабря 1837 года и был крещён в калужской Благовещенской церкви [66, л. 9]. Через год у супругов родился сын Евгений, которому, к сожалению, была отпущена недолгая жизнь [66, л. 8]. Дочка Елизавета появилась на свет 19 апреля 1840 года и была крещена в Предтеченской церкви Калуги [66, л. 10]. В 1840 году П. И. Ленци был принят в чине провинциального секретаря на должность смотрителя богоугодных заведений Калужской губернии, с которой уволился по собственному желанию в 1846-м и направился в поисках службы в Петербург [66, л. 7 об.].

Судьба улыбнулась Павлу Иосифовичу, и в феврале 1848-го он получил должность заведующего библиотекой Академии художеств Министерства императорского двора. На новом месте пригодились знания языков, и Ленци по совместительству стал исполнять обязанности письмоводителя для иностранной переписки [67].

Библиотека Академии художеств, одно из старейших книжных собраний страны, входит в число ведущих библиотек мира [68, с. 17]. Уникальный фонд по изобразительному искусству и архитектуре помогал пополнять знания и формировать вкусы многих поколений деятелей искусств. Её устав был создан замечательным представителем века Екатерининского просвещения И. И. Бецким, следовавшим заветам французских энциклопедистов и считавшим залогом счастья правильное образование и воспитание. Статья в государственном бюджете на увеличение собрания библиотеки появилась в 1761 году. Ежегодно библиотечные фонды пополнялись не только книжными изданиями, но рисунками, гравюрами, картинами, скульптурами, медалями, древностями. Процесс формирования собрания состоял из нескольких стадий — информация об объекте, обсуждение целесообразности его поступления в Академию и сам акт приобретения.

Основой академического библиотечного фонда стала коллекция графа И. И. Шувалова

Для пополнения собрания, правильной комплектации фондов, составления описей и библиографических описаний, хранения культурных ценностей многое сделали А. И. Мусин-Пушкин, А. И. Строганов, А. Н. Оленин, А. Г. Ухтомский. Перестройка библиотеки по проекту известного архитектора К. А. Тона затронула не только интерьер конференц-зала, но и читальный зал, который имел восьмигранную форму и был оборудован шкафами

¹ К. Россет — приятель А. С. Пушкина.

Научная библиотека Российской академии художеств. Санкт-Петербург. (Фото из открытых источников)

и стеллажами для хранения книг. После реконструкции заведование было поручено опытному В. А. Эртелю, человеку энциклопедических знаний, имевшему степень доктора философии и владевшему многими иностранными языками, что позволяло ему лично вести зарубежную переписку. После его кончины место руководителя библиотеки в начале 1848 года занял П. И. Ленци. К марту 1848 года, через месяц после вступления в должность, новый библиотекарь принял в ведение поступившие книги [69] и разработал проект составления систематического каталога и порядка распределения книг в библиотеке [70]. В этом же году провинциальный секретарь П. И. Ленци был произведён в следующий чин — коллежского секретаря [71, л. 15 об.]. Павел Иосифович, проработавший в библиотеке всего 4 года, запомнился как человек широко образованный, тяготеющий к литературе и живописи, внёсший вклад в развитие библиотечного дела. «Он с большим интересом приступил к своей новой должности. В течение двух месяцев он самостоятельно разрабатывает проект систематического каталога, при этом вполне справедливо отмечает, что ныне существующие библиотечные классификации предназначены для библиотек со значительным фондом универсального характера. Поэтому П. О. Ленци, ориентируясь на специфику академического библиотечного фонда, предлагает следующий вариант решения данного вопроса. «Опись систематического каталога Библиотеки предполагается разместить так, что части, по которым Академия имеет много книг (как, например, изящные искусства), будут размещены во многие рубрики с имевшимися им большим числом подразделений, смотря по наличному числу принадлежащих к коим книг, напротив, отделы науки предполагается подразделить на подразделения или не подразделять вовсе, или применив только к названию отдела несколько пояснительных замечаний». Например,

раздел «Живопись» состоял из четырнадцати рубрик, «Архитектура» — из четырёх, «Скульптура и разное искусство» — из трёх и т. д. Внутри рубрик книги располагались в хронологическом порядке выхода их в свет. Каждый художественный раздел каталога включал в себя теорию, методiku, историю, практику отдельных технологических процессов, применяемых в определённом виде искусства. К систематическому каталогу был разработан «ключ», где основными условными обозначениями выступали буквы латинского алфавита: заглавные — для значительных по объёму рубрик, прописные — для небольших разделов. В задачу П. О. Ленци входило создание и алфавитного каталога. В отличие от современного алфавитного каталога в нём отсутствовали библиографические описания, а вместо них мы можем обнаружить фамилию автора или начальные слова заглавия книги с указанием номера, присвоенного определённому изданию по систематическому. При разработке своих каталогов П. О. Ленци придерживался уже сложившегося правила, заключавшегося в соблюдении строго систематического порядка в расположении изданий как на книжных полках, так и на страницах каталога. Система каталогов П. О. Ленци, где каждая рубрика была помещена в отдельную тетрадь, завершала собой целый ряд академических каталогов, которые создавались не на привычных нам карточках, а в форме сплошной записи в переплётённой конторской книге» [68, с. 60]. Недостатком каталогов Ленци была их ориентированность на уже сформировавшийся фонд. В дальнейшем предложенная система уточнялась. Помимо составления каталога, Павел Иосифович ввёл инвентарную книгу, названную им «Каталог вновь поступлённым книгам в библиотеку Императорской академии художеств», в которой в хронологическом порядке регистрировались поступающие в библиотеку издания.

С российским правосудием Павел Ленци сталкивался дважды, но к делу Петрашевского отношения не имел. В первый раз он находился под арестом с 19 июня по 30 октября 1831 года согласно секретному предписанию Московского коменданта генерал-майора К. Г. Сталя и приказу генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына. Аресты поляков явились следствием польского восстания 1830—1831 годов. Ленци участником восстания не был, и в 1845 году Государь император высочайшим приказом *«изволил бытность под арестом не считать препятствием к получению установленных наград и дальнейшему прохождению по службе»* [71, л. 11]. Второй раз правосудие заинтересовалось Павлом Иосифовичем в декабре 1851 года. По определению Санкт-Петербургского надворного суда он был подвергнут штрафу в размере 65 рублей серебром *«за недоставление сведений»* о выбывшем из его квартиры в неизвестном направлении брате Александре [71, л. 13]. К счастью, майор А. И. Ленци вскоре дал о себе знать.

Согласно составленному в феврале 1852 года формулярному списку, Павел Ленци был вдов. Сыновья Александр и Евгений находились при нём в Петербурге, воспитывались за его счёт и учились в 4-й Ларинской гимназии. Дочь Елизавета жила с бабушкой Евгенией Алексеевной Мухановой в имении [71, л. 18 об.].

В 1851 году у Павла Ленци случился апоплексический удар и с того времени он *«имел слабость в правой руке и ноге»* и *«чувствовал расстройство во всем своем организме»* [71, л. 1]. По настоянию врача Ленци принял решение взять отпуск и весной 1852 года уехал для выздоровления в имение в Калужскую губернию. Однако излечиться ему не удалось. *«Письмоводитель и библиотекарь при Императорской академии художеств, из дворян, сорока трех лет, римско-католического исповедания»*¹ [71, л. 9 об.] скончался 26 мая 1852 года [71, л. 16 об. — 17]. Оставшиеся в петербургской квартире Павла Иосифовича имущество — поношенное бельё и одежда, связки документов, фамильные портреты, масляные краски — перешли к его брату Александру [71, л. 20]. *«Бабка детей умершего библиотекаря»* обратилась с просьбой к герцогу М. Лейхтенбергскому² определить старшего сына Павла Иосифовича Александра в Горный институт [71, л. 23].

Жаль, что потомки Павла Иосифовича не смогли по достоинству оценить личность этого незаурядного человека.

Калужские помещики

Евгения Алексеевна Муханова дочерей Анну и Юлию не обделила. Анне в приданное она дала деревеньки Каменку, Богдановку и Филиппово в Калужском уезде Калужской губернии. Другая дочь Юлия Ивановна, в замужестве Ахвердова, получила от родительницы деревни в Нерехтском уезде Костромской губернии и Алексинском уезде Тульской губернии. В 1834 году Анна Ивановна носила фамилию Ленци (в документах Ленц), и на её деревни Калужский земский суд за неуплату долга наложил запрещения [72].

Елизавета Павловна Денибек, урожд. Ленци. Фото из семейного архива автора

В дальнейшем небольшая Богдановка в 50 душ перешла к Александру Павловичу Ленци, и потомки Ленци — Месняевы жили в сельце вплоть до 1917 года.

Любимая внучка Мухановой Елизавета получила в приданное часть села Волконского³ в Козельском уезде Калужской губернии.

¹ Павел Ленци исповедовал ту же веру, что и родители.

² Герцог М. Лейхтенбергский — с 1843 года президент Императорской Академии художеств, с 1844-го — главноуправляющий Горным институтом.

³ Н. К. Молявко-Высоцкая и Г. В. Месняев называют село Волконским.

«Своей бабушкой она была отдана замуж за калужского помещика Алексея Яковлевича Денибека. Алексей Яковлевич был значительно старше Елизаветы Павловны, так лет на 15, и к моменту женитьбы занимал уже довольно крупное положение <...> Надо думать, что брак этот не был по любви, а устроен бабушкой Мухановой, если не по расчёту, то по разуму. За Елизаветой Павловной бабушкой было дано хорошее приданное <...> и, женившись на молодой привлекательной барышне, А. Я. Денибек значительно преумножил своё состояние» [62, л. 5].

Алексей Яковлевич Денибек.
Фото из семейного архива автора

В отличие от братьев Алексей Яковлевич Денибек армейской службы не знал, а состоял в уезде по гражданским делам. Внешне Алексей Яковлевич выглядел представительно: «Собой был красив и высок; но громоздок и неуклюж, воспитание получил домашнее и вообще, как кавалер, был не блестящ. Человек, однако, он был хороший, неглупый, степенный, расчётливый и в уезде был уважаем» [2, л. 16].

В молодости Елизавета Павловна была очень хороша собой и весёлого доброго нрава. «Она отличалась очень живым характером, я бы сказал, лёгким характером, — вспоминал Месняев, — вообще присущим Ленцам; была

жизнерадостна, весела, любила общество, была добра и, что называется, душевна» [62, л. 4]. «После замужества жила она постоянно в деревне, занималась хозяйством, растила детей, а их у неё было 8 человек» [2, л. 16]. Евгений (1859—1935) после окончания Александровского военного училища некоторое время служил в Московской военной гимназии, но потом вернулся на родину, где состоял членом Калужского земского собрания и заместителем начальника 3-го земского участка Жиздренского уезда. Сергей (1865—1907) был делопроизводителем Псковского отделения Государственного Дворянского банка, затем оценщиком Донского отделения того же банка и жил два года в Новочеркасске, после снова вернулся в Псков, где и скончался. Владимир (1862 — в конце 1890-х гг.) и Иван (1868—1905), получив среднее образование, остались служить в Калужской губернии.

Владимир Алексеевич Денибек.
Фото из семейного архива автора

Дочери Юлия (1858—1930), Мария (1863—1941) и Зинаида (1866—1931) окончили гимназии, вышли замуж и разъехались. Юлия Алексеевна вслед за мужем М. И. Павловым,

Мария Алексеевна Кондратович, в девичестве Денибек. Фото из семейного архива автора

генерал-лейтенантом артиллерии, отправилась в Петербург, Зинаида с супругом поселилась в Калуге, семья Марии обосновалась в Ростове-на-Дону.

Во внешности Денибеков прослеживались кавказские черты, но более всех на предков походил Иван Алексеевич. На сделанной в Калуге фотографии Иван Денибек в суконном архалукке и мягких сапогах выглядит гостем из далёкого прошлого.

Поместье Волконское располагалось на берегу живописной речки Лукосны. Деревянный одноэтажный господский дом выглядел прочным и надёжным, но «был лишён даже таких, неизбежных для помещичьего дома средней руки атрибутов как балкон с фронтоном и белые колонны» [62, л. 5]. Он состоял из шести комнат и одной стороной выходил в чудесный яблоневый сад. «На лето к деду с бабушкой собирались все их дети, уже семейные с детьми <...> и жили целое лето» [2, л. 20]. Частым гостем в Волконском был юный Григорий Месняев, правнук Павла Иосифовича Ленци: соседняя Богдановка была в нескольких верстах.

В 1903 году Елизавета Павловна приезжала в Ростов навестить дочь и внуков. Ушла из жизни она через год, на Татьянин день. «Она ехала из Козельска к себе в деревню, по дороге с ней был приступ грудной жабы и умерла она в санях» [2, л. 18]. Алексей Яковлевич Денибек скончался 2 января 1897 года. «Завещания после себя он не оставил. Оба имения и все земли и лес — были не заложены, не в аренде, все в образцовом порядке» [2, л. 18]. По смерти отца Волконское унаследовал старший сын Евгений Алексеевич, а Воскресенское отошло Ивану Алексеевичу.

Денибеки были глубоко верующими людьми. В доме хранилось много старинных образов. «Елизавета Павловна незадолго до смерти решила каждого из своих внуков благословить образом. А внуков у неё было 16 человек!» [2, л. 20].

Путешествующий в 1968 году по калужской земле краевед Е. В. Николаев застал парк и сад. «Усадебный дом и деревянная церковь Волконского давно исчезли, но каменная церковь, построенная в 1771 году, цела. По другую сторону крошечной речки Лукосны на высоком и почти

Илья Львович Толстой и Иван Алексеевич Денибек (справа). Фото из семейного архива автора

*Евгений Алексеевич Денибек с женой Татьяной Николаевной, в девичестве Дьяковой.
Фото из семейного архива автора*

ровном месте расположен старый парк с великолепными прямыми, как стрела, аллеями. Пространства между аллеями засажены плодовыми деревьями. В русских регулярных парках это встречалось очень часто, но сами плодовые деревья мало где сохранились. А в Волконском деревья (конечно, далёкие потомки яблонь XVIII в.) и сейчас плодоносят. Почти отовсюду видна церковь: здесь она, как во многих русских парках, включена в систему внешних видов» [73]. Храм

в честь Владимирской иконы Божьей матери в селе Волконском вернулся к жизни в 2011 году.

Вместо заключения

В ноябре 1876 года в станице Сунженской был освящен каменный пятиглавый храм во имя Николая Чудотворца. Одним из инициаторов возведения храма стал командир 2-го Владикавказского казачьего полка полковник Александр Яковлевич Денибеков. По его распоряжению из войсковой кассы было выделено на строительство 9 тысяч рублей, остальные деньги собрали в виде пожертвований станичники [74]. В 1930-е годы храм был разрушен.

После смерти генерала Александра Яковлевича Денибекова и его гражданской жены родной брат Алексей Яковлевич удочерил оставшихся без родителей трёх девочек. Именным указом императора Александра III в 1894 году «воспитанницам земского начальника 3-го участка Козельского уезда Алексея Яковлевича Денибекова девицам Марии, Лидии и Елизавете Михайловным Зимогладовым»¹ было дозволено «принять взамен настоящих фамилии и отчества их фамилию его, Денибекова, и отчество по его имени, пользоваться правами личного почетного гражданства и вступить

Храм в честь Владимирской иконы Божией Матери в с. Волконском. Фото С. Меркулова. 2023 г.

¹ В метрических свидетельствах отцом девочек был записан урядник из станицы Сунженской Михаил Зимогладов [53, л. 1—2]. Местом рождения детей значилась станица Сунженская.

по отношению к нему, как воспитателю их, во все права и обязанности, установленные законом для лиц усыновленных» [75]. В семье теперь стало две Марии Алексеевны. Лидия (1876 г. р.) умерла в отрочестве. Мария (1873 г. р.) и Елизавета (1882 г. р.) из-за слабости здоровья жили в юности в Крыму у тётки Татьяны Яковлевны Денибек. Повзрослев, девушки переехали в Ростов. Мария Алексеевна (дочь генерала Денибекова) была замужем за помощником корабельного смотрителя Ростовской-на-Дону портовой таможни А. Н. Лисенко, ушла из жизни в 1919 году и похоронена на ростовском Покровском кладбище. Елизавета Алексеевна вышла замуж за Е. Я. Евлановского и, рано овдовев, скромно жила в Ростове в семье своей сестры М. А. Кондратович. Скончалась Елизавета Алексеевна в 1962 году. На ростовском Армянском кладбище нашли упокоение Кондратовичи: Константин Александрович, его жена Мария Алексеевна (родная дочь Алексея Яковлевича Денибека), их старший сын Александр Константинович, умерший в Гражданскую войну от ран, и младший Алексей Константинович, многие десятилетия трудившийся на ниве просвещения в Ростове-на-Дону [1, с. 47].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

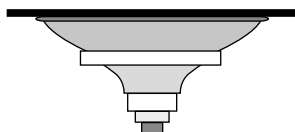
1. Бахин С. В., Филиппова М. А. Кондратовичи // Дворянский календарь : Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 10. СПб. : ВИРД, 2003.
2. Моляко-Высоцкая Н. К. Scripta manent : Краткие воспоминания о семье Денибек : Рукоп. 1960-е гг. // Личный архив Е. П. Высоцкой.
3. Крбемян В. Армяне — кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия трёх степеней, отличившиеся в войнах на Кавказе (1774—1879 гг.) // Веруем : Газета армянской общины Санкт-Петербурга. 2003. Ноябрь (№ 126). С. 7.
4. Гогитидзе М. Д. Под сенью российского орла : (биобиблиогр. справ.) Тбилиси, 2020. С. 166.
5. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Т. 1. Дополнительный. Вязка 42. 1762 г. Д. 173.
6. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Архив Главного управления наместника кавказского. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 467—468.
7. Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795—1827 / Очерк, коммент. и библиогр. д-ра геогр. наук Л. И. Маруашвили. М. : Прогресс, 1969.
8. Какабадзе С. С. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М. : Наука, 1967. С. 123—124.
9. Погосян/ (Хахбакян) Г. Г. Памятники армянской архитектуры и топонимики в Индии // Регион и мир. 2018. Т. 9. № 1. С. 68.
10. Мурадян П. М. Новые материалы о Рафаиле Данибегове (Данибегашвили) // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 1973, № 3. С. 185.
11. Григорян В. Новые сведения об Овсепе Динибекяне (статья на арм. яз., резюме на рус. яз.) // Историко-филологический журнал (Ереван). 1979. № 1. С. 103—112.
12. Орбели Р. Р. К литературной истории «Путешествия в Индию» Рафаила Данибегова // Страны и народы Востока / под ред. В. В. Струве и Д. А. Ольдерогге. Вып. V. Индия — страна и народ. М. : Наука, 1967. С. 211.
13. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 8. Д. 113 822. 1828 г.
14. РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. 1855 г. Д. 6. Тит. л.
15. РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Ч. 5. Д. 13. Ч. 19. Л. 246.
16. ГААО. Ф. 394. Оп. 4. Вязка 22. 1769 г. Д. 168.
17. Аветикян А. С. Армянская община Астрахани и её роль в социально-экономической и культурной жизни региона в XVIII — нач. XX вв. : Автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 14.
18. Хачатурян В. А. Роль армян в ткацкой промышленности Астрахани // Историко-филологический журнал. (Ереван). 1990. № 3.
19. Юхт А. И. Русско-армянская компания «Персидского торгова» в середине века // Историко-филологический журнал (Ереван). 1983. № 2—3.
20. Ананян Ж. Ценный документ по истории армяно-русских торгово-экономических отношений // Вестник общественных наук (Ереван) / Национальная академия наук Республики Армения. 1987. Т. 8. № 8.
21. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Вязка 425. 1765 г. Д. 2663.
22. Там же. Вязка 505. 1770 г. Д. 3182.
23. Там же. Вязка. 658. 1777 г. Д. 4574.
24. Ананян Ж. А., Хачатурян А. А. Роль кредита в деятельности армянского купечества в России (XVII—XVIII вв.) // Историко-филологический журнал (Ереван). 1986. № 2.

25. ГААО. Ф. 435. Оп. 1. Вязка. 84. 1790 г. Д. 1752. Л. 5—5 об.
26. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 481.
27. Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 года и Перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / Издал Н. Булычев. Калуга. 1908.
28. ГААО. Ф. 498. Оп. 1. Д. 492. Л. 341.
29. ОГАОО. Ф. 394. Оп. 2. Д. 32.
30. РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 1173.
31. ГААО. Ф. 435. Оп. 1. Вязка 62. 1768 г. Д. 1346. Л. 4.
32. Там же. Ф. 421. Оп. 2. Д. 146. Л. 2.
33. РГАДА. Ф. 246. Оп. 1. Д. 736.
34. Река времени. 2018. / Сост. и ответ. ред. М. И. Роднов; Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл». Башкирское регион. отделение. Уфа, 2018. С. 57.
35. Чернавский Н. М. Челябинск в его прошлом. 1736—1926 : (Хроника). Изд. 2-е, доп. / Объединённый гос. архив Челябинской обл. Челябинск, 2016. С. 34—40.
36. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Тит. л.
37. ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1 Д. 1562. Л. 1.
38. РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 1174.
39. Там же. Ф. 1341. Оп. 30. Д. 158. Л. 4 об.
40. Там же. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 127. Л. 1.
41. Савельев А. Е. Специфика боевых действий Кавказской войны 1817—1864 гг. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 1. С. 13—18.
42. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 11985.
43. Там же. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 406. Л. 347 об.
44. Лавров А. Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича полка. 1700—1900. Тифлис, 1900.
45. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 7, ч. 2. Журналы военных действий действующего корпуса и его отрядов / Сост. полк. Токмеев; Изд. воен.-ист. отд. штаба Кавк. воен. окр. Тифлис, 1911.
46. Гарковенко П. Война России с Турцией. 1877—1878 года : Подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу. Подвиги русских богатырей нашего времени, их биограф., очерки, рассказы, сцены и проч. / Составил по достоверным официальным источникам, корреспонденциям участвовавших и по словам очевидцев П. Гарковенко. М., 1879. С. 104.
47. Колюбакин Б. Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампанию 1877—78 гг. Новое изд., доп. обзором театра войны, новыми картами и планами и иллюстрир. портр., сценами, видами и типами / Издал В. Березовский. СПб., 1897.
48. Кавказский календарь на 1883 год / Издан при Главном упр. главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, Кавказским стат. ком. Тифлис, 1882. Отдел II. С. 107.
49. Список генералам по старшинству. СПб. : В военной типографии, 1880. С. 621.
50. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1818 г. Д. 194.
51. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 736.
52. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб. 1821. С. 815.
53. Ленци И. И. Самойлов М. И. Экономические сочинения И. И. Ленци и М. И. Самойлова : [Рукоп. составная]. [Б. м.], Первая половина XIX в. 35[5+29] л. + чист. нумерованные.
54. Филатова А. Рукописные альбомы XIX столетия // Блог исторического музея. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=10030&ysclid=m0w7nzydkd678973530> (дата обращения: 10.09.2024).
55. Переписка Кристина с княжной Туркестановой // Русский архив. 1913. Вып. 11. М., 1913. С. 867—868.
56. Грот Я. К., Стасов В. В. Воспоминания о графе М. А. Корфе // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 423.
57. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Отд. 3. Эксп. 1. 1837 г. Д. 160.
58. Опись дел архива Государственного Совета. Т. 21. Дела собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. С 1836 года по 1845 год. СПб. : Государственная типография, 1913. С. 208.
59. Волковское лютеранское кладбище. Генеалогический форум. URL: <https://forum.vgd.ru/post/343/4071/p1752526.htm?ysclid=lzzhb9q0xw940836258> (дата обращения: 10.09.2024).
60. ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1203. Л. 1.
61. Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 6319. Л. 1.
62. Месняев Г. В. Воспоминания. 1950 : [машинопечатный текст в листах] // Личный архив Е. П. Высоцкой.

63. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844—1849. М. : Наука, 1988.
64. Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых / Изд. Н. Н. Муханова. СПб., 1910. (на обороте тит. л. дата изд. 1909).
65. Алхазов Г. На службе отечеству. Гатчина : Изд-во НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ, 2017. С. 96.
66. РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1518.
67. Там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3376. Л. 1.
68. Беляев Н. С. История Научной библиотеки Российской академии художеств (1757—2000) / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб. : Изд-во «ЛЕМА», 2005.
69. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3319.
70. Там же. Д. 3405.
71. Там же. Оп. 2. Д. 56.
72. Годовой алфавит владельцам имений, значащимся в Сенатских объявлениях о запрещении на имения, за...месяц... года 1834, дек. СПб., 1834. С. 118.
73. Николаев Е. В. По Калужской земле (От Боровска до Козельска). М. : Искусство, 1968. С. 127.
74. К. М. Станица Сунженская // Терские ведомости. 1876. 25 нояб. (№ 48). С. 2.
75. РГИА. Ф. 1343. Оп. 44. Д. 1172. Л. 2—2 об.

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Д. Д. СКОРИКОВ

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОЧЁТНЫЙ РОСТОВЕЦ»

Ф. Н. Солодов. 1900 г. (Вся Донская область и Северный Кавказ на 1904 год. Ростов н/Д., 1904. С. 329)

Фёдор Николаевич Солодов — коммерции советник, предприниматель и общественный деятель, щедрый благотворитель и меценат является ярким представителем старого купеческого Ростова-на-Дону конца XIX века. На фоне относительной изученности и наличия сведений о предпринимательской и общественной деятельности почётного гражданина Ростова Ф. Н. Солодова оставались неизвестными основные факты его биографии и семейной жизни. Откуда он был родом, кем были и чем

занимались его предки, члены семьи, остались ли потомки?

Ф. Н. Солодов родился 21 декабря 1836 года в семье купеческого сына 3-й гильдии Николая Фёдоровича Солодова и его законной жены Пелагеи Ивановны. Дата рождения долгое время была неизвестна и установлена по метрической книге Покровской церкви города Старобельска за 1836 год¹. До этого год рождения ошибочно вычислялся на основе обнаруженного ранее послужного списка от 1903 года, где указан его возраст — 62 года [1, 1 об.].

Воспитание он получил домашнее. Известна точная дата смерти — 5 мая 1905 года [2].

Отец его, Николай Фёдорович Солодов, в 1855 году подал прошение о переводе из таганрогских 3-й гильдии купцов в ростовские [3], а в 1866 году, объявив о капитале в 6 тысяч рублей, он числится уже во 2-й гильдии [4]. В составе его семьи: жена Пелагея, дети Фёдор, Николай, и Александра [4]. Вероятно, Солодовы переезжают в Ростов из Таганрога около 1855 года. Большую роль в дальнейшем поиске сыграли сведения из первоначального списка пайщиков «Товарищества мельницы Ф. Н. Солодова» 1895 года [5]. Среди 19 пайщиков шестеро являлись старобельскими² мещанами, а двое, к тому же, носили фамилию Солодов. В Государственном архиве Харьковской области, в ревизской сказке о купцах города Старобельска за 1850 год, обнаружена запись о семье купца 3-й гильдии Фёдора Андреевича Солодова, деда нашего героя [6]. В его семье было четверо сыновей: Пётр, Никанор, Стратон и Николай; двое из них — Пётр и Николай — женаты. Имена и возраст членов семьи последнего полностью совпадали с разницей в пять лет с данными из ревизской сказки 1855 года [4],

Дмитрий Дмитриевич Скориков, научный сотрудник научно-хранительского отдела Ростовского областного музея краеведения. Сообщение на Десятых Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.) под названием: «Ф. Н. Солодов — предприниматель и общественный деятель Ростова, конца XIX — начала XX в.»

¹ ГАХО. Ф. 40. Оп. 110. Д. 441. Л. 16 об.—17. Документ не внесён в общий список источников и литературы, так как обнаружен, когда статья уже была готова к печати. — Д. С.

² В XIX веке Старобельск — уездный город Харьковской губернии. В настоящее время этот город является районным центром Луганской Народной Республики (ЛНР), расположен в 280 километрах от Ростова-на-Дону.

обнаруженной ранее в Государственном архиве Ростовской области. Дед Ф. Н. Солодова, Фёдор Андреевич, был причислен к купцам города Старобельска ещё в 1828 году, о чём была сделана запись в ревизской сказке за 1835 год [7]. Там же, упоминается, неженатый на этот год, его сын Николай, 22 лет. Его родной дядя, купец Пётр Фёдорович Солодов, в 1850-х годах был бургомистром городской ратуши Старобельска, и входил в комитет по строительству Свято-Николаевского собора в этом городе [8].

Отец, Ф. Н. Солодова, Николай Фёдорович, после 1850 года уезжает из Старобельска в Таганрог, и затем, около 1855 года — в Ростов-на-Дону, сделав свой выбор в пользу наиболее перспективного города. Вид промысла купца Николая Солодова пока не установлен, но, судя по всему, коммерческая деятельность Николая Фёдоровича была успешной, так как он переходит во 2-ю купеческую гильдию [4], а в 1870 году появляется в списке жителей Ростова-на-Дону, имеющих право быть избранными в присяжные заседатели по Ростовскому уезду [9]. Роль отца в судьбе Фёдора Николаевича несомненна, ведь, это по его воле он в подростковом возрасте оказался в Ростове-на-Дону, а в возрасте около 40 лет, уже владеет мельницей и избирается гласным в городскую думу, начиная карьеру общественного деятеля. Интересно, что, ещё дед Ф. Н. Солодова, Фёдор Андреевич, в 1838 году среди четырёх своих сыновей выделил именно, Петра и Николая, оставив их в купеческом сословии, а Стратона и Никанора перевёл в мещане [6, л. 13 об.]. Несомненный предпринимательский талант, организаторские способности Ф. Н. Солодова, тяга к общественным делам и благотворительности, вероятно, были проявлением семейных качеств Солодовых.

Жена Ф. Н. Солодова, Екатерина Николаевна, тоже происходила из купеческого сословия. В выше упомянутом послужном списке её мужа, она указана, как дочь борисоглебского купца [1, л. 2]. Её отец, Николай Тимофеевич Иванов, в 1860-х годах занимал пост городского головы [10], был почётным мировым судьёй, на его капитал строился Преображенский собор в Борисоглебске. В 70-х годах XIX века, Н. Т. Иванов покупает несколько тысяч десятин земли в селе Котельня¹ Елатомского уезда Тамбовской губернии. Здесь он занялся скотоводством, открыл лесопильный и винокурный заводы [11], продукция которых поставлялась, в том числе, и в Ростов на Дону. Купленные земли и заводы, впоследствии отошли его детям. Умер Николай

Тимофеевич в 1897 году в возрасте 86 лет и был погребён в ограде котелинской Никольской церкви, на нужды которой он жертвовал свои средства [12].

Расстояние между Котелино и Ростовом-на-Дону около тысячи километров. Когда и где познакомились Ф. Н. Солодов и Екатерина Николаевна неизвестно. Её братья елатомские купцы Ивановы, Максим и Иван Николаевичи, и сёстры, Анисия Николаевна, жена потомственного почётного гражданина С. Ф. Кожевникова, Ольга Николаевна, жена коллежского секретаря И. Н. Корнеева и Марфа Николаевна, вместе с её мужем, ростовским 2-й гильдии купцом И. Т. Трифоновым, входили в 1895 году в состав пайщиков «Товарищества мельницы

Церковь в с. Котелино. 1916 г.
Фото с сайта Соборы.ру

Ф. Н. Солодова» [5, л. 40].

После смерти мужа Екатерина Николаевна Солодова вошла в состав правления «Товарищества Ростовской на Дону паровой вальцовой мельницы» в качестве его председателя [13]. В 1906 году она выделила 4 тысячи рублей на учреждение двух стипендий имени Ф. Н. Солодова для учащихся Екатерининской женской гимназии [14]. В селе Котелино взамен деревянной построила новую Никольскую церковь.

Автором проекта стал ростовский архитектор Григорий Николаевич Васильев, он же осуществлял технический надзор при строительстве. В 1912 году «Тамбовские епархиальные ведомости» писали: «В настоящее время в Котелине строится на средства вдовы купца Солодовой обширный новый каменный храм;

¹ Ныне — село Котелино Кадамского района Рязанской области

постройка доведена до сводов» [15]. Осветили храм в 1916 году. В его подвальном помещении были построены двенадцать ниш-усыпальниц. В одной из них была похоронена Екатерина Николаевна [16], скончавшаяся в августе 1915-го, незадолго до окончания строительства храма [17].

У Фёдора Николаевича и Екатерины Николаевны была единственная дочь Аполлинария. 26 мая 1895 года в возрасте семнадцати лет Аполлинария вышла замуж за титулярного советника, доктора медицины Ивана Алексеевича Пашутина, 30 лет, на тот момент врача лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады [18]. Венчание проходило в Казанской церкви города Ростова-на-Дону.

И. А. Пашутин был сыном священника, родился в Новочеркасске. Окончил с отличием Императорскую Военно-Медицинскую академию. В 1902 году открыл зубо врачебную школу и лечебницу в Санкт-Петербурге, на Невском проспекте. Долгое время, перед революцией 1917 года, Пашутины проживали на Невском проспекте в доме № 103, а, напротив, в доме № 134 располагалось представительство и склад продукции «Товарищества Ростовской на Дону паровой вальцовой мельницы» [13].

У Пашутиных родилось четверо детей: Екатерина, Анатолий, Тамара и Фёдор. Иван Алексеевич умер в 1924 году,

А. Ф. Солодова. Фото из семейного альбома Н. И. Борисовой (Санкт-Петербург)

а Аполлинария Фёдоровна — во время блокады Ленинграда в 1942-м. Их потомки проживают в Санкт-Петербурге.

Семья Пашутиных. Слева направо: Анатолий, Екатерина, Аполлинария Фёдоровна, Иван Алексеевич, Тамара, внизу Фёдор. Фото не ранее 1903 г. Из семейного альбома Н. И. Борисовой (Санкт-Петербург)

Особняк Ф. Н. Солодова.
Почтовая карточка
«Ростов-на-Дону. Клуб союза
рабпрос». 1920—1930-е гг.
Из фонда Ростовского
областного музея краеведения
(РОМК КП 11020/16)

Современный вид особняка
Ф. Н. Солодова.

Контора и мельница
Ф. Н. Солодова. 1890-е гг.
Фото из альбома
В. Ф. Петрыковского,
сайт ДГПБ

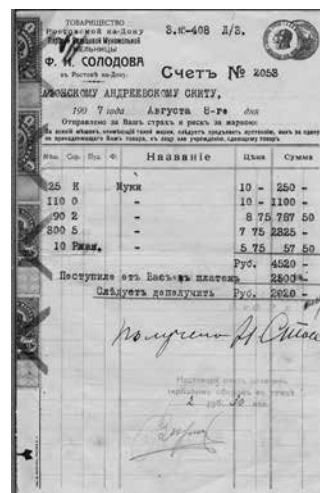
В Ростове-на-Дону семья Солодовых проживала в особняке в переулке Казанском (ныне Газетный), недалеко от улицы Большой Садовой. Сейчас в нём располагается один из отделов областного музея краеведения.

Здание является объектом культурного наследия регионального значения, обладает историко-архитектурной ценностью, как один из примеров особняка в стиле эклектика. В оформлении главного фасада использованы композиционные приёмы, а также штукатурный и лепной декор, характерные для классицизма и барокко. Особую ценность представляет и внутреннее убранство особняка с уникальными сохранившимися лепными потолками и оформлением интерьеров. Стилистические особенности постройки, а также анализ архитектурно-художественного облика позволяют утверждать, что здание состоит из двух разновременных построек. Правая часть, более ранняя, построена в середине XIX века, вероятно, по «образцовому» проекту [19]. В 1880-е годы первоначальное здание дома было расширено, за счет пристройки двухэтажного крыла по проекту архитектора Николая Александровича Дорошенко [19, с. 3]. Кроме особняка, на подворье Солодовых располагались хозяйственные постройки, паровая мельница, амбар, часть помещений которого использовались под контору.

Основным видом предпринимательской деятельности и источником материального благополучия Ф. Н. Солодова было производство и продажа муки. В этом деле он достиг впечатляющих успехов. «Человек большого практического ума, пользовался большим авторитетом и уважением среди торгового мира Ростова и прилегающего к нему района» [20]. «Как коммерсант, Ф. Н. пользовался солидной репутацией и довёл своё фабричное дело до идеала усовершенствованного, точно механически правильно и стройно действующего аппарата». — писали в прессе [21].

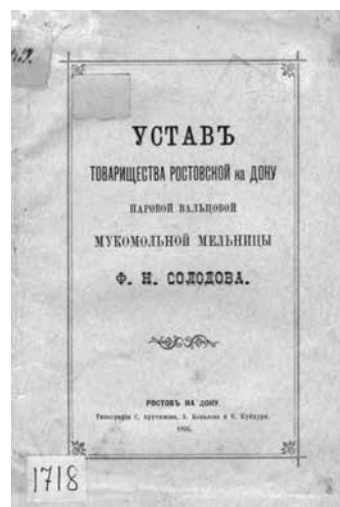
Как указывалось в дореволюционных справочниках и рекламных проспектах, паровая вальцовая мельница Ф. Н. Солодова была основана в 1870 году [22], и проработала без малого 50 лет. За этот период она пережила и пожар, и несколько модернизаций. Её техническое оснащение только совершенствовалось, а производственные мощности возрастали. В 1883 году на мельнице была паровая машина в 80 сил и 44 рабочих [23], а в 1914-м мощность двигателя составляла 650 л. с., и количество рабочих увеличилось до 200 [24]. При этом качество муки оставалось на высоком уровне, что неоднократно подтверждалось наградами

на специализированных выставках, в том числе и в Париже. Оптовые склады были в Санкт-Петербурге и Батуми, а представительства располагались в Москве, Риге, Ревеле (Таллине), Астрахани, Тбилиси, Севастополе. Поставлялась мука и за границу, например в Андреевский скит Афонского монастыря.

Копия счёта Андреевскому скиту Афонского монастыря из личного архива А. Н. Овчинникова (Ростов-на-Дону)

В 1894 году Ф. Н. Солодов меняет форму собственности, и организывает паевое товарищество. Устав «Товарищества Ростовской на Дону паровой вальцовой мукомольной мельницы Ф. Н. Солодова» был Высочайше утверждён 2 декабря 1894 года. Товарищество создавалось «для содержания и распространения действий паровой вальцовой мукомольной мельницы, ... а равно для торговли продуктами производства мельницы внутри империи и для вывоза их за границу» [25, с. 1].

Из фонда РОМК

Основной капитал составил 750 000 тысяч рублей, разделённых на 250 паёв, по три тысячи рублей каждый. Первоначальный список пайщиков состоял из 19 человек [5], большинство из которых были родственниками. Большая часть паёв, а соответственно и доходов, осталась у Фёдора Николаевича, его жены и дочери. Такая ситуация сохранялась до смерти Ф. Н. Солодова в 1905 году. Позже, в состав пайщиков и на руководящие посты, стали проникать люди «со стороны», в основном из числа конкурентов-мукомолов, в частности Я. О. и А. Я. Ходяковы, И. А. Супрунов и П. Е. Парамонов [24]. В 1916 году основной капитал был увеличен вдвое, до 1,5 миллиона рублей, и деятельность Товарищества активно продолжалась до 1917 года. А в 1920 году, в результате боёв в Ростове между отрядами белых и красных, производственные и складские здания мельницы были сильно повреждены. На сегодняшний день сохранилась лишь фасадная часть двухэтажного здания конторы мельницы в переулке Газетном и некоторые складские постройки в глубине двора.

Кроме предпринимательской деятельности Фёдор Николаевич принимал активное участие в городском управлении и общественных делах. Список исполняемых им обязанностей и занимаемых должностей впечатляет. На протяжении 30 лет, с 1875 года и до самой смерти, он избирался гласным в каждый состав городской думы и управы, работал в составе финансовой комиссии и комитета торговли и мануфактур. В разные годы назначался старшим гласным и заступающим городского головы, несколько раз выдвигался в кандидаты на пост городского головы. *«Как общественный деятель, Ф. Н. Солодов отличался отзывчивостью на всякие просветительные и благотворительные начинания, деловитостью и спокойной уравновешенностью взглядов. Его дельных советов искали все наши крупные городские деятели: резюме Солодова в думском зале обыкновенно принимались большинством (одно время, в бытность городским головой Е. Н. Хмельницкого, он являлся столпом думы, неперменным советником лорд-мера)»* [20]. «Ведомости Ростовской на Дону городской думы» и «Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы» вместе с послужным списком Ф. Н. Солодова, позволяют полно и достоверно восстановить этапы его *«долголетней и полезной общественной деятельности»*. В 1876 году назначен почётным членом Ростовского на Дону уездного попечительства детских приютов. В 1877 году состоял в Обществе попечения о больных и раненых воинов. С 1884 года — в составе учётного комитета Ростовского городского общественного банка. Член

Ростовского уездного, а позже окружного податного присутствия с 1885 года. С 1885 по 1903 год переизбирался председателем Ростовского биржевого комитета, оставил должность из-за болезни. С 1889 года по 1905 год возглавлял комитет Донских гирл. В 1894 году стал одним из соучредителей и вошёл в правление Ростовского на Дону купеческого банка. В 1896 году — в составе Учётного и ссудного комитетов Ростовской конторы Государственного банка.

В марте 1881 года вошёл в комиссию по сооружению памятника императору Александру II. А 5 мая 1881 года в составе депутации был представлен прибывшему в Новочеркасск императору Александру III. Через несколько лет Ф. Н. Солодов будет представлен ещё одному императору. В январе 1895 года он, вместе с И. С. Панченко и городским головой Е. Н. Хмельницким, в качестве представителей от Ростовского на Дону городского общества, отправился в Санкт-Петербург для принесения *«верноподданнических поздравлений по случаю бракосочетания»* Николая II и Александры Фёдоровны [26, с. 1—2]. А в ноябре 1895-го был избран в состав депутации для поездки на церемонию коронации Николая II [26, с. 306—307].

Будучи человеком передовых взглядов и понимая важность технического прогресса, в сентябре 1885 года Ф. Н. Солодов просит городскую управу разрешить ему соединить телефоном контору его мельницы с конторой мельницы Елизера и Маврогордато на Таганрогском проспекте [27]. В годы его руководства Комитетом донских гирл впервые в России была налажена линия радиосвязи, обеспечившая гражданское судоходство. Причем, эти работы проводил непосредственно сам изобретатель радио А. С. Попов [28].

Фёдор Николаевич уделял много внимания и делам благотворительности. В конце 1880-х годов в Ростове-на-Дону начался сбор средств на строительство городской больницы. Ф. Н. Солодов внёс из собственных средств 7,5 тысяч рублей на устройство палаты во втором двухэтажном корпусе [29]. 15 декабря 1893 года городская дума выразила благодарность Ф. Н. Солодову, который пожертвовал одну тысячу рублей для приобретения хирургических инструментов в Москве [30].

Многие городские образовательные учреждения долгие годы были под его попечением. Среди них: реальное (Петровское) и коммерческое училища, Екатерининская женская гимназия и приходское училище при Казанской церкви [1, л. 4 об., 7 об., 10 об., 13].

Проживая в приходе Казанской церкви Ф. Н. Солодов в разные годы был её попечителем

и старостой, жертвовал значительные средства на обновление и украшение церкви. Фёдор Николаевич входил также в состав попечительского совета домового церкви Екатерининской женской гимназии и избирался её старостой. В 1895 году на свои средства он устроил в ней иконостас, приобрёл богослужебную утварь и книги [26, с. 292].

Весной 1893 года епископ Екатеринославский и Таганрогский, Владимир, во время обозрения церквей Ростовского округа, посетил особняк Солодова, где был встречен *«радушным гостеприимством хозяев»* [31, с. 273]. Будучи председателем комитета донских гирл и пароходства, Ф. Н. Солодов *«любезно и нарочито»* предложил Владыке Владимиру пароход *«Коцебу»*, и лично сопровождал его при посещении Азова [31, с. 284].

С именем Ф. Н. Солодова связан приезд в декабре 1893 года в Ростов-на-Дону известного религиозного деятеля о. Иоанна Кронштадтского. Описывая детали визита, газета *«Приазовский край»* сообщала, что *«остановится о. Иоанн не у Г. С. Паршина, как это предполагалось раньше, а у местного общественного деятеля Ф. Н. Солодова»* [32]. В конце одного из насыщенных дней, о. Иоанн *«явившись в квартиру г. Солодова, где он ночевал, до глубокой ночи не ложился спать, а занялся чтением того множества писем и просьб, которые передавались ему»*. На следующий день, после утренней службы в Казанской церкви, *«заехав в квартиру Ф. Н. Солодова, где был приготовлен завтрак, о. Иоанн пробыл там не более 45 минут, после чего направился в дом И. С. Панченко»* [33].

В послужном списке Ф. Н. Солодова перечислены все ордена и медали, которыми он был награждён за заслуги в общественной жизни города и благотворительность в разные годы. *«Имеет орден Св. Анны 3-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени и серебряную медаль для ношения на шее на Станиславской ленте, и три золотых на Станиславской, Анненской и Владимирской лентах для ношения на шее, и серебряный знак Красного Креста, установленный 13 марта 1879 года»* [1, л. 1. об.].

В эти же годы, Фёдор Николаевич получил доступные лицам купеческого сословия чины и звания. Пробыв в составе 1 гильдии, положенные по закону 12 лет, в 1898 году возведён в потомственное почётное гражданство [1, л. 12. об.]. А через два года, в виду *«полезной деятельности на поприще отечественной торговли и промышленности»*, получил почётное звание коммерции советника [1, л. 13].

Наивысшей степенью городского общественного признания его заслуг стало присвоение звания почётного гражданина города. 10 декабря 1903 года городская дума отнеслась *«с живейшим сочувствием»* к предложению городского головы П. Ф. Горбачёва и 33 гласных о присвоении этого звания Ф. Н. Солодову, и постановила *«возбудить ходатайство в установленном порядке»* [34]. А 5 августа 1904 года последовало Высочайшее соизволение *«на присвоение Коммерции Советнику Ф. Н. Солодову звания почётного гражданина города Ростова на Дону»* [35]. *«Художественно исполненный диплом»* о звании был вручён Солодову городским головой П. Ф. Горбачёвым 1 мая 1905 года, а *«торжественное чествование»* переносилось до улучшения состояния его здоровья [36].

Однако 5 мая, спустя четыре дня после вручения диплома, на Светлой Седмице, в первый четверг после Пасхи, *«после продолжительной и тяжкой болезни»*, Фёдор Николаевич скончался. Он болел в течение нескольких лет. Ещё в 1900 году по состоянию здоровья отказался от очередного срока на посту председателя Биржевого комитета [1, л. 13 об.]. А последние два года практически перестал посещать заседания в городской думе. Похороны состоялись 8 мая; провожали покойного толпы народа на тротуарах от Казанской церкви до городского кладбища. В ростовских газетах, отдавая должное, описывались его дела и заслуги [20; 21]. *«...Он был человеком, сумевшим освободить свою репутацию от обвинений и упреков в своекорыстии, себялюбии, домогательствах и крикливом, вычурном афишировании себя ради собственного удовлетворения. Фёдор Николаевич был элементом, в котором общество не только всегда видело незыблемые начала справедливости, но и твердое беспристрастие и основы успокоения и примирения»*. *«...Почёта он не покупал, "тысячей" своих при жизни не показывал обществу и рублем людей в соблазн не вводил»*. *«"Почёт"» Ф. Н. Солодова заключался в самой жизни его...»*. Среди личных качеств выделялись: *«практический ум», «отзывчивость, деловитость и спокойная уравновешенность взглядов»*, а самого его называли *«самородком, силою ума и несокрушимой энергией добивающийся степеней известных», «столпом думы», «последним из могикан»* и *«действительно почётным ростовцем»*.

Благодарю Нину Игоревну Борисову, правнучку Ф. Н. Солодова (г. Санкт-Петербург) за предоставленную информацию и фотографии из семейного архива, а также за консультации Любовь Феоктистовну Волошинову (г. Ростов-на-Дону) и сотрудников Ростовского областного музея краеведения Татьяну Никитичну Абрамову, Александра Юрьевича Пилюгина, Татьяну Сергеевну Филяревич и Никиту Юрьевича Уварова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 3548.
2. Приазовский край. 1905. 6 мая. (№ 111). С. 1; Южный Телеграф. 1905. 6 мая. (№ 924). С. 1.
3. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 701. Л. 16—16 об., 49.
4. Там же. Ф. 589. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.
5. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 205. Л. 40—40 об.
6. ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 391. Л. 13—13 об.
7. Там же. Д. 297. Л. 1091 об.
8. Леоничев В. Летопись храма святителя Николая // Телегазета. (Старобельск). 2021. 20 янв. С. 1—2.
9. Ведомости Ростовской (на Дону) городской думы. 1870. 6 дек. (№ 49). С. 205.
10. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год / Изд. Тамбовским губернским статистическим комитетом. Тамбов : В типографии губ. правления, 1866. С. 95.
11. Указатель фабрик и заводов Европейской России : Материалы для фабрично-заводской статистики. / Составили по офиц. сведениям Департамента торговли и мануфактур П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1894. С. 143, 632.
12. Поучение при погребении елатомского купца Николая Тимофеевича Иванова // Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. 15 марта. (№ 11). С. 255—257.
13. Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Сост. инженер Л. К. Езиоранский; Изд. Торгового дома А. Срог и К^о; Т-во «Справочник» в С.-Петербурге. СПб., 1909. № 428.
14. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1906 год. Ростов н/Д., 1907. С. 65.
15. Обозрение Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. 26 мая. (№ 21). С. 731.
16. Никольский храм с. Котелино : сайт. URL: http://kadom.ru/kadomskij_rajon/nikolskij_hram_s_kotelino.html (дата обращения: 01.03.2023).
17. Государственный архив Рязанской области. Ф. 627. Оп. 259. Д. 85. Л. 174 об. — 175.
18. ГАРО. Ф. 226. Оп. 20. Д. 100. Л. 124.
19. Волошинова Л. Ф. Проект зон охраны. Раздел: Натурные исследования. Т. 2, кн. 16. Аннотация исторической застройки по пер. Газетному, пр. Ворошиловский, пр. Соколова, ул. Чехова, пер. Университетский, пр. Кировскому, пер. Журавлёва. Ростов н/Д., 1993.
20. Хроника // Приазовский край. 1905. 6 мая. (№ 111). С. 2.
21. Ф. Н. Солодов // Южный Телеграф. 1905. 7 мая. (№ 925). С. 2.
22. Тер-Абрамиан И. А. Донско-Азовский календарь на 1891 год. Ростов н/Д.: Типо-литография И. А. Тер-Абрамиан, 1890. С. 145.
23. Мельников Н. П. Современное состояние промышленности на Юге России в связи с сельскохозяйственной и заводской выставкой 1884 года в Одессе, устраиваемой Императорским Обществом сельского хозяйства Южной России / Издание Технического бюро инж.-технолога Н. П. Мельникова; составил инж.-технолог Н. П. Мельников. С прил. «Фабричного устава». С чертежами в тексте. Одесса : Славянская типография, 1884. (Без нумерации).
24. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / Составлено под рук. редакционного комитета, состоящего из членов Совета съездов представителей промышленности и торговли; Издали инж. пут. сообщ. Д. П. Кандауров и сын. Изд. 2-е. Петроград : Электро-типография Н. Я. Стойковой, 1914. № 501 Д.
25. Устав Товарищества Ростовской на Дону паровой вальцовой мукомольной мельницы Ф. Н. Солодова. Ростов н/Д. : Типография С. Арутюнова, А. Ковалёва и К. Кундури, 1896. 27 с..
26. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1895 год. Ростов н/Д.

- : Типография С. Арутюнова, А. Ковалёва и К. Кундури, 1896.
27. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1885 год. Ростов н/Д., 1886. С. 272.
 28. А. С. Попов — Э. Дюкрете. Письма и документы. 1898—1905 гг. / Санкт-Петербург. гос. электротехн. ун-т «ЛЭТИ»; Авторы-сост. Л. И. Золотинкина, Е. В. Красникова, М. А. Партала, Л. С. Румянцев, под ред. Л. И. Золотинкиной. СПб.: «Русская классика», 2009. С. 36.
 29. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1891 год. Ростов н/Д., 1893. С. 155.
 30. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1893 год. Ростов н/Д., 1894. С. 380.
 31. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1893. Отдел неофициальный. 1 июня (№ 11).
 32. К приезду отца Иоанна Кронштадского // Приазовский край. 1893. 9 дек. (№ 312). С. 2.
 33. Приазовский край. 1893. 12 дек. (№ 315). С. 5.
 34. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1903 год. Ростов н/Д., [1904]. С. 353—354.
 35. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1904 год. Ростов н/Д., [1905]. С. 333—334.
 36. Ростовская жизнь // Южный телеграф. 1905. 4 мая. (№ 922). С. 2.

В. А. ДЗЮБА

РОСТСЕЛЬМАШ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Родители. Детские годы

1929 год. На заводе «Ростсельмаш» работает моя будущая мама — Зинаида Карповна Симонова, а в 1931-м начал свою трудовую деятельность в ремонтно-механическом цехе завода мой будущий отец — Андрей Фёдорович Дзюба. Мама — ростовчанка, а папа приехал из Краснодарского края, из станицы Кущёвской, поселился рядом на съёмной квартире. Он подружился с мамиными братьями, Фёдором и Иваном, а через них — с моей мамой. В 1935 году отца призвали в ряды Красной Армии. В 1937-м папа окончил курсы младших командиров, а мама — курсы парикмахеров, и в октябре этого же года они создали семью. В ноябре 1938-го родился я, а 1 января 1941 года — мой брат Владимир. И чтобы мама могла работать в гарнизонной парикмахерской, мои родители пригласили для присмотра за нами мою двоюродную сестру Ольгу Егоровну Мержанову, 1929 года рождения, которую за строгое с нами обращение, я называл милиционером.

Помню первые бомбардировки немецкой авиации нашего аэродрома летом 1941 года и городка, где мы живём. Когда мы не успевали с мамой спуститься с третьего этажа, чтобы уйти в соседний дом в бомбоубежище, она вместе

А. Ф. и З. К. Дзюба. 1938 г.

Виктор Андреевич Дзюба, ветеран завода «Ростсельмаш», действительный член Национальной академии туризма России, мастер спорта СССР, заслуженный путешественник России

В. А. Дзюба — лаборант-периметрист (справа на переднем плане). 1956 г.

с нами залезала под стол и сидела до окончания налёта. В один из налётов, которые обычно проходили в ночное время, мы успели спуститься в подъезд нашего дома и нас и других жителей дома остановил в подъезде какой-то военный, который забежал в наш подъезд, и я как сейчас помню его слова: «не выходите, там сыплются осколки». В это же время в проёме двери подъезда я увидел как стена дома, в который мы собирались перебежать (там находилось бомбоубежище) вдруг слегка надулась и сползла с грохотом вниз. Днём мы пошли с сестрой к этому дому. В торцевой его части находился детский сад и стенки у этого дома уже не было, на полу лежало огромное количество цветных карандашей. На диванчике сидел одиноко плюшевый медведь. Этот зверь и до настоящего времени «живёт» у меня.

Вскоре, вместе с воинской частью, мы переехали на границу с Турцией и Ираном в г. Степанакерт. В 1943-м, после освобождения Ростова, отца перебросили на европейский театр военных действий и он участвовал в освобождении Украины, Румынии, Чехословакии и Венгрии, служил в Польше и Молдавии. В 1945—46 годах мы жили в Тирасполе. Затем отца направили

в Москву, а потом в Ростов. В этот период проводились реформы армии и отца уволили в запас, как и многих офицеров, которым до военной пенсии оставалось от нескольких месяцев до одного года. Так «отблагодарили» за ратный подвиг тысячи офицеров.

В 1954-м я закончил музыкальную школу имени М. Ф. Гнесина по классу аккордеона, а в следующем, 1955-м — общеобразовательную школу № 11. А мой отец в 1954-м вернулся к своей доармейской профессии токаря на Ростсельмаш, в ремонтно-механический цех; затем перешёл на теплоэлектроцентраль (ТЭЦ) завода, где доработал до пенсии, и к его боевым наградам прибавился орден Трудового Красного Знамени.

Волейбол

Я серьёзно увлекался спортом. К 17 годам уже имел первый разряд по волейболу. Тогда же, в 1956-м, меня пригласили в центральную заводскую лабораторию (ЦЗЛ) Ростсельмаша.

Рядом со зданием ЦЗЛ была хорошо оборудованная волейбольная площадка, на которой каждый обеденный перерыв кипели

страсти. Сражения шли по олимпийской системе, и на площадку приходили играть из других цехов и отделов, и в одиночку, и целыми командами. В центральной заводской лаборатории в то время была довольно сильная волейбольная команда. Капитаном команды, да и организатором всех спортивных состязаний был слесарь Юра Симененко. Поддерживал очень активно все спортивные мероприятия, и особенно волейбол, замначальника ЦЗЛ М. С. Смовт. Обо мне Юре Симененко рассказал работник пиromетрического отдела ЦЗЛ Владимир Канцин (он узнал о моём увлечении волейболом от моего отца). И 31 августа 1956 года я пришел в ЦЗЛ с формой, переоделся, стал в команду, и так получилось, что весь обеденный перерыв никто не смог обыграть команду ЦЗЛ. После обеденного перерыва я был принят лаборантом-периметристом в периметрический отдел ЦЗЛ.

Так началась моя трудовая карьера на Ростсельмаше длиной в 47 лет и четыре месяца — путь от лаборанта до главного энергетика завода «Копнитель» — одного из самых энергоёмких заводов производственного объединения Ростсельмаш. За эти годы я не пропустил ни одной ступеньки карьерного роста: лаборант, слесарь контрольно-измерительных приборов (КИП) от 1 по 5-й разряд, инженер по эксплуатации КИП ЦЗЛ, затем мастер по КИП в Теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) завода, начальник цеха тепловой автоматики ТЭЦ, заместитель начальника ТЭЦ по площадке № 3. После окончания строительства и ввода в эксплуатацию площадки № 3 ТЭЦ работал замначальника энергомеханического отдела, заместителем главного энергетика, главным энергетиком.

При этом спорт не оставлял: играл за команду ЦЗЛ в заводской спартакиаде, за сборную завода на городской спартакиаде; несколько игр провёл за сборную Первомайского района Ростова. И, если бы не дорожно-транспортное происшествие, где мы с инженером лаборатории сварки ЦЗЛ Виктором Негодаевым отделались небольшими травмами, волейбол я бы не оставил.

Моя ТЭЦ

На ТЭЦ я занимался модернизацией систем автоматики парогенераторов и вспомогательного оборудования. Для решения проектных задач предложил использовать студентов дипломников, чьи дипломы мне приходилось рецензировать.

По моей просьбе заместитель главного энергетика Юрий Фёдорович Солоднин

направил письмо в Ростовский институт сельскохозяйственного машиностроения (РИСХМ) проректору по науке Петру Ивановичу Русину с предложением привлечь для проектных работ наиболее грамотных студентов последнего курса, предоставив им темы реального дипломного проекта и прохождение преддипломной практики на ТЭЦ.

С Петром Ивановичем я был знаком — по окончании РИСХМа именно он предложил мне перейти работать в институт с перспективой направить меня в целевую аспирантуру. Предложение было заманчиво, но я стоял на заводе на квартирном учёте, у меня уже была семья, и я отказался. Мой брат, Владимир Андреевич Дзюба, после окончания института остался в аспирантуре, защитился и работал до пенсии в Ростовском инженерно-строительном институте доцентом.

Письмо, направленное в РИСХМ, сработало и студенты получили реальные проекты и хорошую производственную практику под моим руководством, а я проектно-сметную документацию на уровне рационализаторских предложений.

В одной из моих командировок в Москву ко мне в номер гостиницы «Россия» подселили мужчину примерно моих лет. Пока меня не было в номере (работал на двух заводах: «Манометр» и Московский завод тепловой автоматики) он посмотрел на столе мои бумаги, над которыми я работал. Вечером мы познакомились, представился он Владимиром Фотеевым [1]. Мы разговорились, разговор пошёл по командировочной теме. Прожили вместе мы четыре дня, я узнал, что он внук секретаря Владимира Ильича Ленина — Фотиевой и назвали его в честь вождя. Работает вторым секретарём Куйбышевского обкома партии по промышленности. Перед отъездом Фотеев предложил мне переехать в Куйбышев на любую из двух должностей: главным инженером на Безымянную теплоэлектроцентраль или на строящуюся Новокуйбышевскую. В этот период времени с работой у меня всё складывалось отлично, но беспокоил вопрос жилья (квартирная очередь на Ростсельмаше двигалась медленно). Я ему этот вопрос и задал: «Смогу ли я получить нормальное жильё, и в какие сроки, если приму его предложение?». Мы обменялись телефонами и разъехались. Осенью 1978 года у меня была командировка в Куйбышев (Самара) на кабельный завод. Я дозвонился до Фотеева, он пообещал гостиницу и содействие по кабельному заводу. Приехал я к нему прямо в обком. В его кабинете мы с ним примерно минут двадцать

общались. Потом на его машине меня отвезли в гостиницу «Волга». По своей командировке все вопросы я решил быстро и положительно, на вечер Фотеев пригласил меня в ресторан поужинать. За ужином он меня поблагодарил за «донской сувенир» (двух вяленых лещей) и на следующий день организовал встречу с руководством «Куйбышевэнерго». Мне ответили на все мои вопросы, в том числе и о «голодающем Поволжье», я даже сходил на рынок и убедился в состоянии продуктового ассортимента. Уезжая, попросил Фотеева дать мне письмо для моего перевода на имя руководства завода «Ростсельмаш» и в партком. Провожая меня, Владимир Константинович сказал: «Если не отпустят, то может получишь дальнейший рост, благодаря нашему письму».

Уехать в Куйбышев не удалось, в парткоме мне предложили положить на стол партбилет, а родители категорически воспрепятствовали моему переезду. Так закончилась моя третья попытка обзавестись жильём, как и две первые: одна в Дагестан — г. Хасавюрт на химкомбинат, где предлагали работу и мне и жене; вторая — в Азов Ростовской области на завод кузнечно-прессовых автоматов. А через относительно небольшой

промежуток времени проблемы жилья были решены. Приказом № 143 К генерального директора производственного объединения «Ростсельмаш» Юрия Александровича Пескова [2] меня назначают заместителем начальника ТЭЦ по площадке № 3 с окладом 230 руб. с доплатой из фонда зарплаты 15 руб. И, буквально, с этого дня у меня начался настоящий экстрим. Встаю на рассвете, в 6 — уже на строительной площадке; работаю с 9-ю монтажными и строительными организациями, плюс наше Управление капитального строительства (УКС), отдел снабжения завода и администрация строящегося завода «Копнитель». И этот марафон длится около трёх лет.

За это время удалось набрать, обучить и создать работоспособный персонал, получить два выговора по партийной линии, и к зиме 1986 года запустить первую очередь оборудования ТЭЦ площадки № 3 и подать тепло в готовые корпуса завода «Копнитель». За это же время Юрий Александрович учил меня как не заработать инфаркт, и дважды увольнял меня за 30 секунд. А знали мы друг друга с детства, когда жили оба на 4-й линии, он в доме № 47, а я в № 44. Потом он успел поступить в специальную военно-воздушную школу (спецшкола № 10), а я на год

На строительной площадке № 3 ТЭЦ завода «Ростсельмаш». 1984 г.

В цехе завода «Копнитель». 1980-е гг.

позже не смог этого сделать, так как школу расформировали [3]. Мы с ним учились в РИСХМе на одном потоке.

Однажды летом 1986 года под закат дня смотрю на мою строительную площадку идут четыре человека: Песков, наш министр Ежевский [4], секретарь горкома Донцов [5], и ещё один, мне показалось, что четвёртый очень похож на М. С. Горбачёва, но оказалось, что это наш новый секретарь обкома Власов [6]. Меня Юрий Александрович представил всей кампании, и я для всех провёл экскурсию по объекту. Особенно им понравилась своим оборудованием операторная дистанционного управления. Правда, в недалёком будущем эта встреча принесла мне много неприятностей, — я впервые понял, что такое интриги и зависть.

А было так, собираемся командным составом ТЭЦ на партийно-хозяйственный актив, стоим группой во Дворце культуры завода, мимо идут Власов, Песков, Ежевский, наши секретари парткома и наш профсоюзный организатор. Власов, проходя мимо, увидел знакомое лицо, то бишь меня, подходит и здоровается за руку, естественно все остальные делают то же самое и уходят в президиум. Прихожу вечером после мероприятия и рассказываю об этом эпизоде жене, а она мне говорит: «Ну, держись, на тебя

обрушится весь негатив, какой найдут или придумают». Так и получилось, и кончилось выговором по партийной линии. На что мне Песков сказал: «Ты делай дело, а выговор как записали, так и спишут».

Остановлюсь ещё на одном из эпизодов строительства мазутного хозяйства ТЭЦ (мазут как резервное топливо). Надвигалась поздняя осень, а из-за отсутствия трёх регуляторов температуры мазута прямого действия работа остановилась. Ни УКС завода, ни снабженцы длительное время не могли решить эту задачу. Тогда, главный энергетик завода Я. В. Илашвили [7], посылает меня в Казань в городской комитет партии, как молодого коммуниста, с сопроводительным письмом Ростовского обкома. Прилетел я в Казань ночью, шёл сильный снег, но самолёт всё-таки сел. Я остался в аэропорту и стал ждать утра. Утром на такси в горком, в 10.00 принял меня 1-й секретарь горкома. Повертел моё письмо и начал рассказывать про трудности, а меня в сон тянет и есть хочется. Я его прошу написать на письме резолюцию, чтобы мне хотя бы показали завод, и перечисляю на каких заводах я уже побывал. Секретарь угостил чаем и написал на письме необходимую мне резолюцию. Уже в дверях я, набравшись наглости, прошу записку для устройства

в гостиницу. Получаю записку и еду устраиваться в гостиницу «Казань».

На следующий день с раннего утра я — у замдиректора по сбыту. Сидит передо мной полный, рыхлый мужчина, лет под шестьдесят, безразлично смотрит на меня и на письмо, потом бросает письмо передо мной на стол и изрекает: «Помочь не могу». Я тут опять за своё: «Покажите хотя бы завод», и это снова работает. Мне секретарь выдаёт разовый пропуск, и я отправляюсь в тот цех, где изготавливаются регуляторы. Они идут передо мной на конвейере, как колбасы. Начинаю разговор с работниками. Для разговора меня хорошо подготовили мои друзья снабженцы Владимир Иванович Острянский и Леонид Васильевич Деревин, выдав мне жидкую валюту (спирт). Короче говоря, за каждый регулятор бутылка спирта и ужин в ресторане «Парус» возле гостиницы решают вопрос. Регуляторы приносят мне упакованные в номер, а потом скромный ужин на командировочные. Так регуляторы прилетели в Ростов и были смонтированы в мазутопроводы.

В конце декабря 1986 года ко дню рождения Юрия Александровича мне удалось вместе с подрядными организациями запустить тепловую сеть, загрузить один работающий котёл и подать тепло в цеха завода «Копнитель».

Прошли годы. В 2011-м, будучи в гостях у Пескова в Маргаритово, я получил в подарок от него книгу «Жизнь, отданная хлебу России» с тёплой дружественной надписью.

«Горная болезнь»

С моим другом Эриком (Эрнстом Львовичем Мерецким [8]) я подружился в 1950 году в пионерском лагере в посёлке Бимлюк, пригороде Анапы. После лагеря мы ездили друг к другу. Эрик жил в Рабочем городке, мечтал стать моряком, а я — в Нахичевани, и хотел стать летчиком. Нас объединял в том далёком детстве трамвай № 11. В нашей дружбе был почти восьмилетний перерыв — перемена места жительства, окончание школы, служба в Советской армии, поступление в ВУЗ. Вновь мы с ним встретились в туристском клубе завода «Ростсельмаш» и больше не расставались до самой его смерти.

Работал Эрик на заводе технологом, куда пришёл после окончания ВУЗа будучи уже альпинистом-разрядником. Наверное, от него я и заразился «горной болезнью».

Случилось это в 1961 году. Мне 23 года. Вместе с женой Людмилой Баклановой, лаборантом физического отдела ЦЗЛ, проходим плановый маршрут по туристической путёвке из Архыза Красная Поляна — Адлер.

Это был многодневный поход: группа проходила ежедневно от приюта к приюту по 20—23 км, преодолевая перевалы Пхия, Умпырь, Псеашхо и другие. Я выполнил норму «Турист СССР» и получил опыт передвижения в горах. Научился определять правильно продуктовый рацион (группа на всём протяжении маршрута несла продукты питания с собой и готовила еду сама), рассчитывать весовую нагрузку своих вещей

В походе в Сванетию. 1973 г. Слева в первом ряду В. Дзюба, третий во втором ряду руководитель похода Костя Волошин

и вещей группы, подгонять правильно снаряжение и другим секретам походной жизни.

На ТЭЦ, где я работаю в это время мастером, усилиями начальника электроцеха Александра Бабина и профорга Юрия Гудзенко создаётся туристская секция. С 1963 года я довольно часто бываю и в клубе туристов завода (он размещался в помещении бывшей конюшни, оставшейся после сельскохозяйственной выставки на территории парка имени Николая Островского). В 1972 году иду в спортивный горный поход 1-й категории сложности (к.с.) под руководством моего слесаря Кости Волошина. Потом были и другие походы 2-й и 3-й к. с. Последний запомнился мне на всю жизнь.

Мы собрались пройти перевал «Физкультурник» Главного Кавказского хребта (по этому маршруту с 1937 года никто не ходил). Получив некоторые скудные представления об этом перевале, решили рискнуть. Акклиматизация перед перевалом Донгуз-Орун и подъём на перевал с полной походной выкладкой (питание на весь поход, снаряжение — трикони, ледорубы, верёвки, и по приличной вязанке дров) прошли штатно, и спуск тоже, а вот дальше... Пишу сейчас, и перед глазами вижу: заросший лесом и крапивой в человеческий рост крутой склон, по которому мы должны были выйти на «Физкультурник».

С раннего утра, с перерывом на обед и до темна, без воды, мы брали этот склон. Очень хотелось пить, у меня начались уже галлюцинации, казалось, что где-то журчит вода, а когда увидели мух (обычных домашних) очень обрадовались, и мухи нас не подвели — вышли мы к пастухам. Нас вволю напоили, накормили и дали в дорогу сулугуни, мы же оставили им почти все свои медикаменты. Короче, так я впервые попал в горную страну Сванетию и побывал в её столице Накре. Поход закончили без травм. Кроме меня и Кости с нами были ещё три молодых парня, к сожалению, не помню, как их звали-величали.

В горах я побывал ещё раз: преодолел перевалы Бечо, Штернберга, Твибер, ночевал на леднике Шхельда.

Автомототуризм в Ростове

В начале 1970-х Александр Сафронов, бывший председатель нашего клуба, занимает должность зампреда Ростовского областного совета по туризму и экскурсиям по строительству (РОСТЭ) [9], председателем клуба назначен мой друг Э. Л. Мерецкий.

В командировках я несколько раз пересекался с Александром Сафроновым и даже жил с ним в одном номере, а потом и пользовался его связями в московской гостинице «Дружба». Из наших разговоров он знал, что кроме волейбола я ещё занимался мотоспортом в обществе «Трудовые резервы» у тренера Бориса Михайловича Экелик. Кроме того, с друзьями, водителем автотранспортного цеха Анатолием Восполитом и слесарем из кузнечного цеха Анатолием Ступко, которые, как и я, получили квартиры на улице Брестской, на своих мотоциклах при первой же возможности отправлялись с семьями в поездки на побережье Чёрного моря. Рыбалка, охота, любовь к природе выталкивала нас в незнакомое и неизведанное. Чуть позже к нашему коллективу присоединился токарь 2-го механосборочного цеха Алексей Кандабаров с семьёй. К 1973 году мы все, как передовики производства, получили от завода автомобили «Жигули». На предприятии реконструкция идёт полным ходом, идёт реконструкция и на ТЭЦ, а в моей спортивной карьере происходит резкий поворот.

Александр Сафронов предлагает мне создать в городе, да и в области, ещё один вид туризма — автотототуризм (АМТ).

Пытаюсь вникнуть в предложение, интересуюсь, что такое автотототуризм. Оказывается, он возник сравнительно недавно, в 20-е годы XX века. С 1966 года в Москве работает Центральный клуб автотототуристов (ЦКАМТ) под председательством первого Героя Советского Союза, лётчика А. В. Ляпидевского. Встреча с ним на заседании ЦКАМТ оставила свой след в душе.

В 1973—74 году с помощью Э. Л. Мерецкого, председателя клуба туристов и альпинистов «Планета», начинаю организовывать в клубе секцию автотототуристов, в состав которой пригласил членов секций горников и пешеходников, имеющих свой транспорт (автомобиль, или мотоцикл). Меня избрали председателем секции, а в бюро вошли рабочие «Ростсельмаша» водитель Анатолий Восполит и токарь Алексей Кандабаров.

В 1975 году в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне секция АМТ клуба «Планета» провела свой первый под моим руководством поход первой категории сложности (I к. с.) по Северному Кавказу. В этом же году команда клуба «Планета» участвует в качестве сборной Ростовской области во всероссийских соревнованиях «Ралли Слава», проводимых ЦКАМТ в Новороссийске, где попадает в десятку сильнейших команд страны.

В 1976-м — поход по городам-героям Европейской части СССР: Сталинград — Москва — Ленинград — Минск — Брест — Киев — Севастополь — Керчь — Новороссийск. Участники похода Анатолий Восполит, водитель автобазы завода, член бюро секции АМТ, и Вячеслав Кравцов, председатель Ростовского городского клуба туристов, выполнили норму на очередной разряд и подготовили материал для проведения масштабного мероприятия — похода «Дружба народов». В этом же году молодёжь из Ростова-на-Дону на трёх автобусах проехала по маршруту Ростов — Минск — Киев — Ростов.

В период с 1976 по 1989 годы автотуризм развивается бурно, в сферу деятельности секции АМТ вливаются работники ВУЗов: Ю. Н. Карагодин, кандидат технических наук, профессор и заведующий кафедрой Ростовского инженерно-строительного института (РИСИ), доктор технических наук, заслуженный деятель науки РФ Е. Е. Новгородский (РИСИ), ректор Ростовского института сервиса, доктор социальных наук В. Г. Ильин; молодые учёные из Ростовского государственного университета; работники завода «Гранит», Таганрогского завода имени Бериева. Налажена тесная связь с общественной организацией «Всероссийское добровольное общество автомотолюбителей» (ВДОАМ).

В 90-е годы общество преобразовано во «Всероссийское общество автомобилистов» (ВОА). В Ростове создаётся Ростовское региональное

отделение общественной организации ВОА, а по всей области — его отделения с секциями АМТ. Вместе с начальником отдела спорта и туризма ВДОАМ Виталием Александровичем Бородиным используем денежные средства общества для проведения городских и областных соревнований по автототуризму.

В 1977-м участвуем в ралли «Октябрь», уходим в Заполярье. Идём по бездорожью в Мурманск — грузимся вместе с машинами на теплоход «Вацлав Воровский», и через Баренцево и Белое моря приходим в Архангельск. Далее наш путь через Вологду лежит в Тулу. На итоговых соревнованиях, где становимся чемпионами СССР, завоёвываем главный приз — «Золотой самовар». Участники — работники завода «Ростсельмаш» Анатолий Восполит, Алексей Кандабаров, Людмила Дзюба и я; профессорско-преподавательский состав РИСИ в лице Юрия Карагодина и Александра Попова. С нами в экипажах наши жёны — группа поддержки: Таисия Восполит — повар, Нина Карагодина — врач, Зоя Кандабарова — фотограф и «летописец», и дети: Игорь Карагодин, Геннадий Восполит, Наташа и Зина Кандабаровы и мой сын Андрей, которые несут ответственность за внешнее состояние машин, за организацию и свёртывание временных лагерей (бивуака).

Объёмный отчёт о проделанной общественно-полезной работе к приходу в Тулу в походных условиях, а точнее, за время перехода

В пути на Вологду. 1977 г.

Застряли! На одной из дорог. 1978 г.

на теплоходе «Вацлав Воровский», успевает подготовить один из разработчиков маршрута, моя жена Людмила Ивановна (запасной водитель и штурман группы), так что автототуризм можно смело назвать и семейным видом туризма. Наши дети при подготовке маршрута вместе с водителями изучают правила дорожного движения, правила оказания первой помощи пострадавшим при дорожно-транспортном происшествии.

В 1978 году пробуем осваивать Поволжье, Урал и Казахстан. Красочная природа, густые леса, впереди — Магнитка, Стерлитамак, Оренбург, Кустанай, Уральск и очень труднопроходимые дороги (если можно их так назвать). Участники — Леонид Суховенко, Алексей Кандабаров и я, работники завода.

В 1981-м решаем посмотреть, а что там «за границей»? Участники — семейные экипажи: Анатолий и Таисия Восполит, Юрий и Алла Солодкины, Алексей и Зоя Кандабаровы, и я с Людмилой. Идём через Украину на пограничный переход Чоп, потом по Венгрии до Будапешта. Работает наша радиостанция «Маяк». Поля и дороги такие же как у нас, такое впечатление, что мы ещё в СССР, не замечаем как и попали в Чехословакию через границу. Везде нас встречают по-добрососедски, мне удаётся в г. Брно в местном университете повстречаться с другом моего отца военных лет, Ижилом. Он заведовал кафедрой «История КПСС». Мы тепло пообщались. Возвращались через пограничный переход Ужгород. Остались под большим впечатлением

от органа в Эгере (Венгрия) и «Могилы мира» недалеко от Брно (Чехословакия).

В 1982-м в секции АМТ появляются первые мастера спорта СССР — я и Алексей Кандабаров, и кандидаты в мастера спорта — Анатолий Восполит, Людмила Дзюба, Юрий Карагодин, перворазрядники — Леонид Суховенко и Юрий Солодкин. В секции занимается более 170 человек. В 1983 году проводится первый агитационный автопробег по местам боевой и трудовой славы Ростовской области. Участники: Д. С. Андросюк — от «Тяжпромэлектропроекта», Ю. Н. Карагодин и А. А. Жирнов — от РИСИ, С. Н. Нестеренков — от РОСТЭ, В. А. Бородин — от ВДОАМ, Владимир Дзюба — от фирмы «Омега», А. И. Восполит, А. З. Кандабаров, Л. М. Суховенко и я — от завода «Ростсельмаш». Много позже этот автомотопробег станет ежегодным, а в современной России получит название «Эстафета поколений».

В результате Ростовский областной совет по туризму и экскурсиям выпускает листовки со схемами туристских маршрутов размера А 4, несколько цветных плакатов размером 70х60 см и книгу по походам выходного дня для всех видов туризма [10], а совместно с обществом автототуристов — документ по развитию автототуризма в Ростовской области. Мною и начальником отдела спорта и туризма В. А. Бородиным составляется и утверждается инструкция и смета затрат на проведение мероприятий по автототуризму.

Здание спортивно-оздоровительного лагеря «Дигория». Северная Осетия — Алания (оборот обложки кн.: Мерецкий Э. Л. Там, где живут мои мечты. Ростов н/Д., 2008)

В эти же годы по инициативе Мерецкого и при активной поддержке секретаря завкома комсомола Павла Дядькова, второго секретаря парткома завода Юрия Солодкина и председателя профкома Михаила Романова закладывается спортивно-оздоровительный лагерь «Дигория» для детей и молодёжи на 180 человек в селе Стур-Дигора в Северной Осетии.

Он строился силами работников «Ростсельмаша». Не раз в выходные дни приезжали, к примеру, мы с Александром Бабиным, чтобы запустить отопление в готовых домиках. Много времени отдавали работе на этом объекте Анатолий Восполит и Костя Волошин, командированный для обслуживания дизельгенераторов. Силами моего же цеха по чертежам Мерецкого изготавливались металлические каркасы для столовой и игровой комнаты, прозванной нами «Монте-Карло». И это прозвище закрепилось навсегда. Открытие спортивно-оздоровительного лагеря «Дигория» состоялось 23 мая 1975 года.

Ростовская «Планета»

21 апреля 1979 года ведущим альпинистом, мастером спорта по альпинизму Иваном Васильевичем Слесовым [11] и основателем клуба туристов и альпинистов «Планета» мастером

Клуб туристов «Планета», г. Ростов-на-Дону. Открытка

спорта по туризму Александром Николаевичем Сафроновым [9], на тот момент заместителем председателя областного Совета по туризму и экскурсиям, был заложен камень с вершины пика Ленина в основание будущего нового здания. С этого дня началась «великая стройка», которая завершилась ровно через полгода.

Наш клуб строил весь альпинистский и туристский Ростов. Завод «Ростсельмаш» выделял людей, технику, материалы для скорейшего завершения строительства. Было объявлено соревнование среди секций на большее количество часов, затраченных на строительство. Наши спортсмены после работы и учёбы всё свободное время безвозмездно отдавали стройке.

Я помогал Мерецкому только в вопросах отопления и газификации клуба. В этот период много времени уходило на основную работу, продолжалась реконструкция ТЭЦ, строилась новая компрессорная станция, да ещё приходилось отвлекаться на строительство квартиры. В среднем мой рабочий день составлял 16—18 часов, выходных практически не было. К концу 1979 года в награду всем туристам и альпинистам было построено единственное в СССР такое оригинальное здание клуба. С восточной стороны здание оборудовали скальной стенкой для тренировок альпинистов и скалолазов.

Если при строительстве моя роль была мизерной — газопровод, котельни, отопление, то при его защите от торгашей, я думаю, что выложился по полной. Подключил ещё одного друга раннего детства, первого вице-президента Российской ассоциации социального туризма, председателя Ростовского областного отделения Национальной академии туризма России, заслуженного работника физической культуры Российской Федерации, члена коллегии Департамента по физической культуре, спорту и туризму Юрия Сергеевича Пономарёва [12]. А он начинает «бодать» директора департамента Бориса Алексеевича Кабаргина. Совместными усилиями всех, кто был в этом заинтересован, клуб удалось отстоять, и жизнь в нём продолжилась.

В лихие девяностые

1990-е годы вошли в историю под очень скользким названием «перестройка». Страна разваливается на суверенные государства, промышленность разворачивается, народу не платят зарплату и все пытаются выживать любыми способами, то же самое творится в спорте и туризме.

Из почти 2700 крупных предприятий осталось в живых около 670, граждане страны

потеряли работу и остались без средств существования, увеличилась смертность и снизилась продолжительность жизни.

Удаётся договориться с руководителем земельных угодий Аксайского района и взять землю под огороды для работников завода. Сажаем картофель, морковь, свёклу, фасоль, тыквы. Продаём с завода всё, что можно продать, выплачиваем из этих денег хотя бы часть зарплаты. Люди в отчаянии, но на работу ходят. Пытаемся делать газовые печи, медицинские кровати и автоприцепы. Тут уже не до спорта, на заводе есть случаи суицида.

Проезжаю иногда мимо завода и вижу, как когда-то самый современный энергонасыщенный завод смотрит из-за забора пустыми глазами своих корпусов на улицу «50 лет Ростсельмаша» (в настоящее время здесь тракторный завод). Разграбление шло на моих глазах, приезжали фуры из Турции, демонтировалось купленное за валюту самое современное оборудование, грузилось на фуры и они ночью, по-воровски, уходили с территории. Невольно вспоминаются слова таможенника из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «За державу обидно».

Мне пришлось переквалифицироваться. Поработал и начальником коммерческого отдела (снабжение, комплектация и сбыт), но это было не моё. И, как только мне исполнилось 60, подал заявление об освобождении от занимаемой должности и предложил одного из моих заместителей более молодых, подготовленных на эту должность. Кроме того, попросил директора ОАО «Копнитель» Виталия Назаровича Сенатос, если есть возможность, оставить меня на заводе в любой должности. И круг замкнулся.

Я становлюсь наладчиком контрольно-измерительных приборов в заводской лаборатории, а по совместительству советником главного инженера Вячеслава Ивановича Луговского до конца декабря 2003 года. Увольняюсь по сокращению штатов. Так заканчивается моя 47-летняя деятельность на заводе.

«Азовское море — море дружбы»

В секции АМТ оживление наступило только в 1999-м, когда в нас появилась потребность. Ассоциация сотрудничества городов России и Украины (директор Анатолий Александрович Один), мэр Ростова-на-Дону Михаил Чернышёв и заместитель головы г. Донецка Сергей Бешуля пригласили секцию АМТ клуба принять участие в гуманитарной экспедиции «Азовское море — море дружбы». Особую

роль в организации экспедиции сыграл бывший пресс-секретарь нашего мэра, главный редактор газеты «Ростов официальный» Дмитрий Алексеевич Котиков. Он стал её идейным руководителем. Его команда придумала девиз: «Под солнечным парусом», оформление автомобилей и значки. Мне досталась разработка маршрута экспедиции вокруг Азовского моря, который соответствовал нормативу спортивного похода второй категории сложности. Впереди были города: Таганрог — Мариуполь — Бердянск — Мелитополь — Гениченск — Джанкой — Симферополь — Севастополь — Ялта — Керчь — Темрюк — Славянск-на-Кубани — Приморско-Ахтарск — Ейск. После однодневного отдыха на Должанской косе — возвращение через Азов в Ростов-на-Дону.

Я собрал группу и составил график её работы. Финансовую поддержку нам оказал директор Департамента по физической культуре, спорту и туризму Борис Алексеевич Кабаргин. Выделенной им суммы в 30 000 руб. хватило для проведения десятидневной экспедиции.

Спортсмены секции АМТ «Планета» В. П. Сенченко, Вл. А. Дзюба, Л. М. Суховенко, И. С. Саранчев и я на пяти автомобилях собрались в путь. На борт взяли депутата Законодательного собрания Ростовской области А. Мирошниченко, представителя АзНИИРХа, кандидата медицинских наук Е. Алешню, менеджера-экскурсовода ЗАО «Ростовтурист» Л. Пастухову, оператора «Дон-ТР» М. Ткаченко, представителя Комитета по молодёжной политике Д. Рыбалко, главного редактора газеты

«Ростов официальный» Д. Котикова и запасного водителя В. Токарева, а так же взрослых и детей, членов семей спортсменов. Группа стартовала из Ростова 27 июля 1999 года.

На старте мэр города М. А. Чернышёв вручил участникам знамя экспедиции с девизом на полотнище — «Азовское море — море дружбы». Под этим знаменем мы прошли по всему маршруту. В каждом населённом пункте проходили различные встречи. В Таганроге мы возложили цветы к памятнику Петру I и сфотографировались, побывали на родине первооткрывателя Севера Г. Седова; в Бердянске нас принимала администрация города, на этой встрече мы рассказали о целях и задачах нашей экспедиции; в Мариуполе состоялась масштабная пресс-конференция по вопросам летнего отдыха на побережье Азовского моря; в Гениченске прошёл диспут по рыбоохранным мероприятиям нашего общего моря; в Симферополе экспедицию принимали в правительстве Республики Крым; в Севастополе мы побывали в воинской части, а затем с палубы корабля «Азов» наблюдали через перископ за стоящими на противоположном берегу бухты американскими кораблями. Ночевали спортсмены в матросском кубрике этой же воинской части.

Ялта, Керчь, Тамань, Темрюк, Славянск-на-Кубани, Приморско-Ахтарск... Каждый город оставил свой след в душе. Везде нас принимали как родных. После однодневного отдыха в станице Должанской на замечательных пляжах Должанской косы, мы побывали в Ейске

Экспедиция «Азовское море — море дружбы» на старте из Ростова. 27 июля 1999 г.

Юный участник экспедиции Витя Дзюба на приёме у мэра М. А. Чернышёва. Ростов-на-Дону, 1999 г.

и Азове. Задача экспедиции — исследование южного и юго-восточного побережья Крыма — была выполнена. Дома, в Ростове, нас встречали тепло. По итогам экспедиции было много публикаций в СМИ и приём у мэра Чернышёва с шампанским и награждениями.

Двадцать лет спустя, 27 июля 2019 года в 5 утра, после долгой и кропотливой работы, из Ростова-на-Дону без особой помпы и без побережья Азовского моря со стороны Украины, стартовала экспедиция «Азовское море — море дружбы 20 лет спустя». На этот раз экспедиция исследовала юго-западное и северное побережье Крыма. Мы едем по Крымскому мосту.

К моему сожалению, из прежнего состава экспедиции остался я один. Не смог принять участие Дмитрий Алексеевич Котиков (живёт и работает в Москве, полковник, пресс-секретарь Департамента таможенной службы России), но с его мамой Верой Григорьевной, как и 20 лет назад мы встретились в Джанкое, где она проживает. Виталию Павловичу Сенченко в этом году исполнилось 93 года, его жена Евгения Степановна умерла; по болезни не смогли принять участие Леонид Михайлович Суховенко и Людмила Петровна Пастухова, а дети Дмитрий и Евгений Суховенко, Николай Чередниченко, Витя

Дзюба, которые были с нами, уже выросли, имеют семьи и им не до экспедиции.

Борис Алексеевич Кабаргин умер. Так же потеряна связь с организаторами М. А. Чернышёвым, С. Бишулей, директором Ассоциации сотрудничества городов России и Украины А. Одиным. С остальными участниками прошлой экспедиции мои попытки связаться не увенчались успехом.

За двадцать лет сильно ухудшились отношения с братским народом Украины и Азовское море теперь не море дружбы, а море раздора. Радует единственное — полуостров Крым — это Россия, и на полуострове происходят грандиозные преобразования. Мы их увидели своими глазами, фотографировали, записывали, устанавливали связи, и после обработки полученного материала через СМИ рекомендовали посещение Крыма труженикам завода «Ростсельмаш», ростовчанам и жителям Ростовской области.

«Эстафета поколений»

После увольнения с завода я стал работать инструктором по спорту и туризму в Ростовском региональном отделении общественной организации «Всероссийское общество автомобилистов» (ВОА). Полученное ранее звание

«Эстафета поколений». Начало маршрута. 2005 г.

инструктора-методиста обязывало заниматься не только чисто спортивными мероприятиями, но и разными организационными вопросами.

В 2000-е годы разрабатываются два автопробега совместно с Комитетом по молодёжной политике администрации Ростовской области и Советами ветеранов, городским и областным, при поддержке Правительства Ростовской области. Первый посвящался 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, второй, под названием «От тихого Дона до Тихого океана», — 420-летию присоединения Сибири к России.

2005 год, 25—28 апреля. По городу Ростову на своих автомобилях «Ока» движутся участники Великой Отечественной войны, представляющие свои районы города: Н. И. Пикалов и Г. А. Коротков — Ворошиловский, В. Я. Криворуцков — Железнодорожный, П. Д. и Н. Д. Столяровы — Кировский, В. П. Тесленко — Ленинский, В. Л. Рысов и Т. К. Тертенбаев — Октябрьский, К. С. Яньшин — Первомайский, И. И. Тараненко — Пролетарский, С. М. Кушелев и В. М. Кубанцев — Советский. На Гвардейской площади они проводят митинг, затем едут по Большой Садовой до площади Карла Маркса. Здесь также проходит митинг у вечного огня на посту №1. Маршрут продолжается до Парка авиаторов. После

митинга у мемориала «Защитникам ростовского неба» ветераны возвращаются на Гвардейскую площадь, завершая первый этап автопробега. Отсюда же стартует второй этап автопробега — по 16 населённым пунктам Ростовской области. В его составе участники Великой Отечественной войны (В. А. Бородин, В. П. Сенченко, И. Н. Лесной, Н. И. Фомичёв, В. М. Поляков) и представители ещё трёх послевоенных поколений граждан СССР (условно их дети, внуки и правнуки). Среди них М. А. Карпов, Ю. Ф. Милявский, А. З. Кандабаров, А. А. Терзиян, Л. М. Суховенко, А. И. Солнцев, А. И. Восполит, Вл. А. Дзюба, А. К. Рыбальченко, Л. А. Рыбальченко и её внуки Гриша, Маша и Катя.

«Эстафету поколений» — автопробег в 1000 км по местам боевой славы Дона в 2005 году в условиях новой страны России организовали секция АМТ клуба «Планета», Ростовская региональная общественная организация Всероссийского общества автомобилистов, городской и областной Совет ветеранов, Комитет по молодёжной политике администрации Ростовской области и главы администраций на местах. Спонсорскую помощь в денежном выражении 20 000 руб. оказала компания «Бизон» (генеральный директор С. Л. Суховенко).

Автопробег, посвящённый 60-летию Великой Победы. г. Морозовск

С 2009 года «Эстафета поколений» становится уже автомотопробегом, так как в секцию вошёл клуб байкеров «Пламенный мотор» (президент клуба Сергей Александрович Морозов). Отныне «Эстафета поколений» становится трёхэтапной. Совместно с ООО «Ростов-Тур» ведём изыскательскую работу о подвигах сыновей бывших республик Средней Азии СССР в Великой Отечественной войне на территории Ростовской области и по местам их захоронений. Так в качестве третьего этапа уже в 2010 году проходит автопробег по республикам Средней Азии. Участники доставляют в кيسетах землю с могил героев на их родину. Землю же с могил наших земляков, умерших в госпиталях Ташкента и Душанбе, так же в кисетах, доставляем в Ростов-на-Дону и предаём земле в День скорби на мемориале «Кумжинская роща» у могилы с останками бойцов, найденных поисковиками.

В этот же период времени проводятся мото-маршруты по Кавказу и республикам Украина и Белоруссия, по северу европейской части России (руководитель Сергей Морозов).

В год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне (2010 г.) автопробеги объединял общий девиз: «Исторически обусловлены жить вместе» [13]. 1-й этап — по местам боевой славы

Ростовской области — спортивно-патриотический автомототуристический маршрут второй категории сложности. Участники маршрута вместе с встречающими в населённых пунктах Ростовской области молодёжными, спортивными, ветеранскими, партийными организациями и властными структурами возлагали цветы и гирлянды к братским могилам павшим в боях за свободу Отечества и участвовали в траурных митингах. На этом этапе мы получили подтверждение, что в боях за освобождение Ростовской области отличились и погибли калмык Эрни Деликов (похоронен в станице Раздорской), казах Нуркен Абдиров (станция Боковская, в хуторе Конькове), узбек Юсуп Юлдашев (в г. Белая Калитва), из Таджикистана Иван Лабодин (в селе Рязское). 2-й этап — по территории бывших союзных республик: Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Республики Калмыкия — спортивно-патриотический автомототуристический маршрут высшей категории сложности под названием «Евразия 2010». Экспедиция «Евразия 2010» по поручению Ростовского епархиального управления побывала во всех православных храмах по маршруту, встречалась и со священнослужителями и верующими, вносила пожертвования на восстановление храмов и вручала от Ростовского епархиального управления иконы Донской Божьей матери.

На следующий год я разработал маршрут по пути М. А. Шолохова в Казахстан и предложил его министерству культуры Ростовской области. В это время министерством культуры разрабатывался сценарий праздника «Шолоховская весна» и мой проект маршрута вставили в сценарий. С удовлетворением могу отметить, что маршрут по пути М. А. Шолохова в Казахстан удался. Мы тогда смогли пообщаться с Бисеном Жумагалиевым, 90-летним другом Михаила Александровича, который рассказал много интересного. Подробности этой встречи и фотографии — в изданной малым тиражом брошюре «Исторически обусловлены жить вместе» [13].

В 2015-м удаётся провести традиционную трёхэтапную «Эстафету поколений» с заездом на Украину, с посещением музея «Молодой гвардии». Валентина Андреевна Лыкова, инструктор клуба «Планета», во время автомотопробега, на митинге в станице Глубокой читает стихи своего отца, участника Великой Отечественной войны. Местные ветеранские, молодёжные организации и отдельно ветераны, а также представители власти на местах пишут нам благодарности.

В этом же году в клубе мне в торжественной обстановке вручают удостоверение и знак «Заслуженный путешественник России».

От тихого Дона до Тихого океана

В 2005 году на коллегии Комитета по молодёжной политике я представил проект организации экспедиции «От тихого Дона до Тихого океана». А уже в апреле 2006-го на выездной коллегии Комитета по молодёжной политике в хуторе Пухляковский Усть-Донецкого района приняли решение: «Экспедиции по пути Ермака Тимофеевича из Ростова-на-Дону до Владивостока — быть!» Тем более, что в 2005-м исполнилось 420 лет присоединения Сибири к России Ермаком Тимофеевичем «со товарищи». Оргкомитет экспедиции возглавил заместитель главы Администрации Ростовской области Александр Иванович Бедрик. Руководителем экспедиции согласно приказам по клубу «Планета», по региональной общественной организации Всероссийского общества автомобилистов и Ростовскому отделению Национальной академии туризма России, назначили меня.

10 июня 2006 года небольшой митинг у памятника Ермаку Тимофеевичу в Новочеркасске; освящение воды тихого Дона. Экспедиция стартовала тремя экипажами в составе мастера спорта А. З. Кандабарова и кандидата в мастера спорта Л. М. Суховенко, новичка в автотуризме

С. А. Михеева, оператора телевидения А. И. Тернового, менеджеров-экскурсоводов О. И. Костюковой и Л. П. Пастуховой. Обязанности врача в экспедиции взяла на себя А. В. Тикунова, член клуба «Планета» (секция водников), врач по профессии. Путешествие продолжалось на трёх машинах 45 дней. 24 000 км пути по Сибири и Дальнему Востоку проехали участники экспедиции.

Кстати, наши отечественные автомобили ВАЗ-2106 и ВАЗ-1111 «Ока» преодолели бездорожье достойно и пришли, хоть и с дефектами, но вовремя, к финишу, а немецкий «Фольксваген» под Иркутском сломался. Мы его доставили на станцию техобслуживания на эвакуаторе и оставили с водителем Михеевым. Он пришёл в Ростов-на-Дону через десять дней после ремонта в Иркутске.

Впечатления о путешествии сохранились в путевом дневнике автоэкспедиции Ростов-на-Дону — Владивосток под названием «Освоение Сибири и Дальнего Востока донскими автотуристами», вышедшем тиражом в 1000 экземпляров [14].

Но одна из нас, экскурсовод Ольга Костюкова, рассказывала о нём, наиболее эмоционально. Пожалуй, дам ей слово:

«О ближайших соседях — Волгоградской, Саратовской, Куйбышевской, Ульяновской областях, республиках Татарстан и Удмуртия мы многое знали, но чем дальше на восток шёл маршрут, тем ярче становились впечатления. Покоряли своей мощью сибирские реки: Кама, Чусовая, Иртыш, Енисей, Лена, Амур. Запомнился отдых на берегах озера Байкал, необыкновенно вкусный копчёный омуль, знакомство со столицей Бурятии, городом Улан-Удэ и посещение Иволгинского дацана, где находится уникальная усыпальница с нетленными мощами буддийского монаха Хамбо-Ламы Итигэлова. В Чите удалось побывать в музее декабристов. Там до сих пор сохранилась бревенчатая Михайло-Архангельская церковь, где венчались Иван Анненков и француженка Полина Гебль. Столица Еврейской автономной области город Биробиджан покорили своими фонтанами и оперативностью местного телевидения, которое сопровождало нас во время знакомства с городом, а вечером уже показали сюжет по местному каналу.

Дорога «баловала» разнообразием: асфальт перемежался разбитыми участками и просто бездорожьем, километрами щебёнки пополам с грязью, деревянными липкими мостками и бродами через реки. Иногда приходилось разбивать палатки, готовить на костре, устраивать санитарный день на берегах водоёмов. Труднее всего

давалась частая смена часовых поясов, организм сопротивлялся и досыпал в первой половине дня на ходу. <...> Бодрый дух поддерживало знакомое имя — Ермак ... Кстати, одна из основных целей нашей экспедиции — побывать на месте гибели Ермака в Тобольске, посмотреть какими стали края, по которым прошли его отряды в далёком XVI в. Эту задачу мы осуществили и кроме Тюменской области отдали дань восхищения Новосибирску и Омску, Кемерово и Красноярску, Иркутску и Кургану, республике Башкортостан. <...> И, наконец, 29 июля 2006 г. в 17.20 мы увидели у дороги ... высокую колонну с кораблем-парусником наверху — граница Владивостока. Пришли в город очень удачно — отмечался День Военно-Морского флота. Участники автопробега оценили красочный водный парад Тихоокеанского флота, поднялись на высокую сопку к зданию университета, откуда открывается потрясающая панорама бухты Золотой Рог, побывали на старейшем укреплении города — Безымянной батарее, в доме-музее исследователя Приморья В. Арсеньева и в уникальном музее автомотостарины. Но самое большое впечатление осталось у нас от океанской прогулки. На небольшом катере мы прошли по бухте вдоль всего города к острову Русский, оценили размах восточного порта России и, высадившись на живописном островке, вылили-таки воду тихого Дона в Тихий океан!» [15]. Воду из океана привезли в Ростов-на-Дону и также в торжественной обстановке вылили в Дон.

Во время путешествия был создан документальный фильм «От Тихого Дона до Тихого океана».

Домой возвращались победителями. Встретили нас общественность Новочеркасска, присутствовали представители компании «Бизон» во главе с генеральным директором. А в нашем родном клубе был организован банкет. По итогам работы экспедиции, теперь уже Министерством по физической культуре и спорту, был устроен приём в гостинице «Ростов» и замминистра, уважаемый Борис Алексеевич Кабаргин, вручил всем участникам экспедиции, выпущенные накануне памятные медали «420 лет присоединения Сибири к России Ермаком» и почётные грамоты.

Дорогами казачьего шляха

Казачий шлях — это пути-дороги донских казаков, соединявшие хутора и станицы Войска Донского, по которым они передвигались по своим нуждам — службе, торговым и семейным надобностям. В нашем же случае — это

дороги через Ростовскую область, альтернативные магистралям М 4 «Дон» и М 21. На севере трасса начинается с хутора Нагибин и следует через станицы Казанскую, Вёшенскую, Боковскую, Обливскую, города Морозовск, Волгодонск, Зимовники (через Ремонтное на Калмыкию и Астрахань), Сальк, Песчанокопскую с выходом на Ставрополь, Краснодар и Крым. По ним в летний сезон движется нескончаемый поток автотуристов, направляющихся на берега Азовского и Чёрного морей, на курорты Ставропольского, Краснодарского краёв и Крыма, предгорья и горы Кавказа.

Как заинтересовать автотуристов на этой трассе, задержать транзитных путешественников в нашем крае, показав свои достопримечательности?

Уже в 2009 году был разработан маршрут дороги, альтернативной М 4 «Дон», как наиболее безопасный с точки зрения дорожно-транспортных происшествий и наиболее насыщенный по туристско-познавательной и оздоровительной тематике [16]. Он был поддержан должностными лицами туристского сообщества, заинтересованными в развитии въездного и внутреннего туризма, но, к сожалению, полностью не реализован. Используется автомототуристами Ростова и области для походов выходного дня [17], любителями путешествий на автомобиле, мотоцикле и велосипеде [18] и в автопробегах как вторая ступень туристского мастерства (по Положению о значке «Турист России»).

А в 2011 году по этому маршруту работала экологическая экспедиция по проекту Ростовской региональной общественной организации «Центр содействия экологическим инициативам "Экомост"» (руководитель проекта И. Ф. Черкашина) [19]. Для передвижения был использован мой автомобиль и я, как его водитель и автор маршрута «Казачий шлях». В качестве научного сотрудника к проекту был привлечён В. Ф. Чеснок.

С Валерием Фёдоровичем я был знаком ещё со времён, когда наша страна была СССР, а он — директором археологического музея-заповедника «Танаис». Мы с ним разработали десятидневный автомобильный маршрут «Вехи Боспорского царства» (к сожалению, остался на бумаге). Потом была ещё одна попытка осуществить маршрут уже перед Олимпиадой в Сочи, и тоже что-то не получилось.

Вместо заключения

К 90-летию завода «Ростсельмаш» (2019 г.) многих ветеранов завода, в том числе и меня, пригласили на завод и показали каким он стал сейчас. Я на заводе не был лет 25, завод, конечно, не узнать, но мне удалось оторваться на 7 минут от экскурсии и забежать на ТЭЦ, где я долгое время работал сначала мастером, а потом и начальником цеха тепловой автоматики. Мне было приятно увидеть, что многое из того, что было сделано мною, ещё живёт, а в газете «Ростсельмаш» обнаруживаю своё интервью [20].

Прочитав небольшой отрывок в несколько строк, вспоминаю, как участвовал в юбилейном мероприятии, посвящённом 50-летию завода. 100 человек, альпинисты, туристы клуба «Планета», представители парткома, профкома и завкома ВЛКСМ завода поднялись на безымянную вершину Кавказа в районе алыплagerя «Дигория» с целью назвать эту вершину «50 лет «Ростсельмаш»».

Мы привезли тогда с собой юбилейную стелу и установили её на вершине. Вспомнились мне и стихи инструктора парткома завода Виктора Величкина, написанные к этому событию:

«Рубить ступени до седьмого пота,
И камнепада нам не избежать.
Кто там сказал? Что это не работа
Пик безымянный именем назвать».

Потом я поднимался на этот пик и в 60-летие завода и участвовал в восхождении к 70-летию «Ростсельмаша» — завода, который стал моей судьбой.

ПРИМЕЧАНИЯ

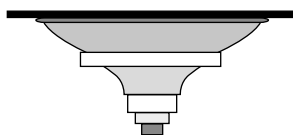
1. Фотеев Владимир Константинович (1935), советский государственный и политический деятель, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, народный депутат СССР, член Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, внук Л. Фотиевой, секретаря В. И. Ленина. (Энциклопедия Рувики. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Фотеев,_Владимир_Константинович (дата обращения: 18.08.2024).
2. Песков Юрий Александрович (1936—2020), генеральный директор завода «Ростсельмаш» в 1978—1996 гг. URL: (См.: Песков Юрий Александрович // Донской временник. Краеведение Ростовской области : сайт. URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPersonalii.aspx> (дата обращения: 18.08.2024).
3. Специальная военно-воздушная школа в Ростове-на-Дону (1940—1955). См.: Мялова О. Ростовская лётная школа //

- Донская государственная публичная библиотека : сайт. URL: <https://dspl.ru/blog/don-so-vsekh-storon/pole-bitvy/rostovskaya-lyetnaya-shkola/> (дата обращения: 18.08.2024); Колтун О. Н. Ростовские «спецы» // Донской временник : краеведческий альманах / Донская государственная публичная библиотека. Вып. 30. Ростов н/Д., 2021. С. 145—151.
4. Ежевский Александр Александрович, советский государственный деятель (1915—2017). В 1980—1987 гг. — министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. (См. : Ежевский Александр Александрович // Глобалмск.ру : Московский бизнес-портал. URL: <https://globalmsk.ru/person/id/12003> (дата обращения: 18.08.2024)
 5. Донцов Алексей Александрович (1936), советский хозяйственный, государственный и политический деятель. В 1984—1988 гг. — первый секретарь Ростовского-на-Дону городского комитета КПСС. (см. : Энциклопедия Рувики. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Донцов,_Алексей_Александрович (дата обращения: 18.08.2024).
 6. Власов Александр Владимирович (1932—2002), советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Ростовского обкома КПСС (1984—1986); министр внутренних дел СССР (1986—1988); председатель Совета министров РСФСР (1988—1990). (Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Власов,_Александр_Владимирович (дата обращения: 18.08.2024).
 7. Илашвили Яков Владимирович, главный энергетик завода «Ростсельмаш» в 1960—1980-е гг. (См.: «Ростсельмаш». История. Т. 2 : Зрелость (1949—1979) / [Н. В.Стариков, В. П. Трут, Н. В. Рыжкова и др.; под общ. ред. Ю. А. Пескова ; отв. ред. И. М. Узнауров]. Ростов н/Д. : Новая книга, 2005. С. 572).
 8. Мерецкий Эрнст Львович (1938—2007), мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР. Работал инженером-технологом на Ростсельмаше. Член президиума Ростовской областной федерации альпинизма (с 1966 г.), председатель правления клуба (1973—1979) и директор «Планеты» по 1990 г., начальник альпинистского лагеря «Дигория» (1976—1990), директор спортивного комбината «Ростсельмаш» (1990—2003). По инициативе Эрнста Львовича в 1999 году возле «Планеты» установлен мемориальный обелиск памяти погибших «планетовцев». (См. Донской туризм: история и современность. URL.: https://vk.com/wall-191665757_870 ; Эрнст Львович Мерецкий — помним // Планета : клуб альпинизма и туризма : сайт. URL: <https://club-planeta-rostov.ru/post/view/id/1598> (дата обращения: 18.08.2024).
 9. Сафронов Александр Николаевич (1940—1986), мастер спорта СССР, инструктор горного туризма. Был председателем областной федерации туризма, членом президиума всесоюзной федерации. Один из создателей уникального здания клуба туристов и альпинистов «Ростсельмаш» и первый председатель правления клуба «Планета», у которого появилась первая в стране скальная стенка для тренировок и соревнований. Клуб туристов сейчас носит его имя. 22 августа 1986 года поблизости от вершины Гестола на Центральном Кавказе разряд молнии поразил группу туристов из Ростова-на-Дону. В числе погибших был и А. И.Сафронов. (См.: Сафронов Александр Николаевич (1940—1986) // Mountain.ru : [сайт]. URL: <http://www.mountain.ru/mkk/pers/safonov.shtml> (дата обращения: 18.08.2024); Памяти Александра Сафронова : [подборка статей] // Записка в тур : История развития спортивного туризма Ростовской области /Авт.-сост. А Розанов. Ростов н/Д. : Релиз-Дон; Дониздат, 2009. С. 44—49.
 10. Нестеренков С. Н., Караев Н. И. Маршруты выходного дня. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1988. 93, [1] с.
 11. Слесов Иван Васильевич (1936—1979). Работал мастером экспериментального цеха ГСКБ (конструкторское бюро завода «Ростсельмаш»). Спортивное становление связано с альпинистским клубом «Планета» завода «Ростсельмаш». Совершил более 80 восхождений на вершины Кавказа, Памира и Тянь-Шаня. Погиб при восхождении на п. Революции в 1979 г. (См.: Слесов Иван Васильевич (1936—1979) // Клуб альпинистов «Санкт-Петербург» : сайт URL: <http://www.alpkлубspb.ru/persona/slesov.htm>(дата обращения: 18.08.2024).
 12. Розанов А. Маэстро туризма : [Пономарёв Юрий Сергеевич] // Записка в тур : История развития спортивного

- туризма Ростовской области / Авт.-сост. А. Розанов. Ростов н/Д. : Релиз-Дон ; Дониздат, 2009. С. 279—282.
13. Дзюба В. А. Исторически обусловлены жить вместе : Некоторые итоги экспедиции «Евразия 2010 и 2012». [Б.м.], 2012. [Без пагинации].
14. Освоение Сибири и Дальнего Востока донскими автотуристами : Экспедиция июнь — август 2006. От тихого Дона до Тихого океана. Ростов н/Д., 2008.
15. Костюкова О. Автомототуризм — история и современность // Турист. 2018. № 4. С. 35—36. В статье использованы путевые записи руководителя экспедиций В. А. Дзюбы.
16. Туризм на Дону. 25 лет общественной деятельности по развитию туризма в Ростовской области : сб. материалов о деятельности РОНАТ и действительных членов НАТ Ростовской области / Рост. регион. отд-ние межрегион. обществ. организации «Национальная академия туризма» (РОНАТ). Ростов н/Д., 2021. С. 37—42.
17. Автотуризм. Походы выходного дня : [буклет] / Учебно-спортивный центр. Клуб «Планета». [Ростов н/Д., б.г].
18. Экскурсионные маршруты по Ростовской области для любителей путешествий на автомобиле, мотоцикле и велосипеде // Экскурсии и путешествия по Донской земле : Каталог / Министерство по физической культуре, спорту и туризму Ростовской области, ЗАО «Ростовтурист». Ростов н/Д., 2003.
19. Создание реестра социально-экологических инициатив г. Ростова-на-Дону и муниципальных образований Ростовской области в свете устойчивого развития территорий : Отчёт по проекту / Министерство внутренней и информационной политики Ростовской области, Рост. регион. обществ. организация «Центр содействия экологическим инициативам "Экомост"». Ростов н/Д., 2011. 48 с.
20. Характер ростсельмашевца с годами не меняется [интервью В. А. Дзюбы] // Ростсельмаш : еженедельная газ. коллектива компании. 2019. 22 июля. С. 3.

ПОСЕЛЕНИЯ

В. И. ВЕГЕРИН

ВЕДЕРНИКОВСКАЯ СТАНИЦА

Фото автора

В трёх километрах восточнее г. Константиновска, на высоком крутом берегу Дона, расположен старинный казачий хутор Ведерников, известный уже в течение более трёх столетий как один из центров донского (российского) виноделия. До XIX века это была богатая станица Ведерниковская. С проведением административной реформы по «Положению об управлении Донского войска 1835 г. Область войска Донского была разделена на 7 округов и Ведерниковская станица была назначена центром Окружного управления 1-го Донского округа [1]. Этим же Положением предписывалось соединение станиц Ведерниковской и Бабской под именем Константиновской. Процесс объединения, а по сути — переселения, был довольно длительным и завершился только к 1864 году [2]. После образования на старом месте станицы Ведерниковской остался хутор Ведерников, а на прежнем месте станицы Бабской — хутор Бабский. Но если Бабский со временем вошёл в состав станицы Константиновской, то хутор Ведерников существует и по сей день и вписывается

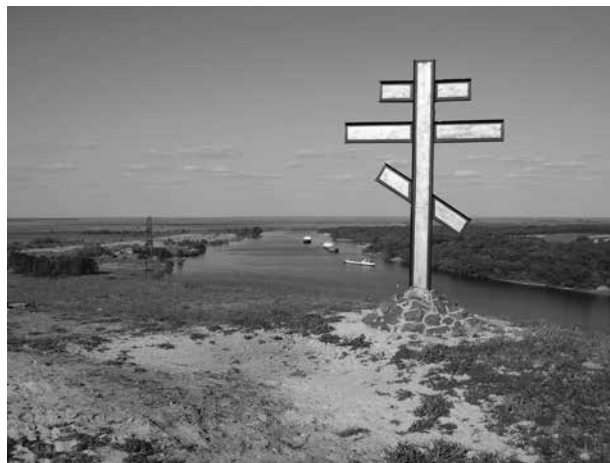

Фото из открытых источников

в славную историю Дона как место исторических событий, и как один из центров зарождения виноградарства в России.

Одно из первых документальных упоминаний о Ведерникове (тогда ещё казачьем городке) встречается в отписках городских воевод

Василий Иванович Вегерин, преподаватель педагогического колледжа, г. Константиновск. Сообщение на Десятых Коршиковских чтениях (Таганрог, 20 сентября 2024 г.) под названием: «Ведерниковская станица в первой половине XIX в. По материалам ГАРО»

о действиях отрядов С. Разина на Волге и Каспийском море от 20 ноября 1669 года: «*Да с Царицына писал к великому государю Ондрей Унковской ноября де в 20 день. — Приезжали з Дону на Царицын донские казаки 2 человека и сказывали, что Стенька Разин с товарищи меж Кагальника и Ведерникова зделали городок земляной*» [3]. «*О первоначальном заселении как Бабской, так и Ведерниковской станиц сведений не добыто, но в исторических актах в первый раз о них упоминается под 1672 годом*» (Ист. описание з.в. Д. Т. II, стр. 570)[2].

Первое упоминание о хуторе Ведерников как о месте с чрезвычайно развитым опытом виноградарства и виноделия датируется 1756 годом:

«*Нестарание нашего народа поныне о сем бывшее большей частью происходит от сомнения о натуральном положении наших земель; почитая, что они подвержены меньшей теплоте, нежели какая надлежит к выращиванию виноградных лоз. Однако сие сомнение можно бы отложить, если бы только принять за образец состоящий в Донских казаках город Черкасск, а особливо так называемую Ведерниковскую станицу, в которой ныне виноградные сады приведены в такое размножение, что тамошние жители при всем своем довольствии сего фрукта еще и продажей его пользуются; а и того лучше, что с немалым успехом упражняются в делании вина с особливым искусством, так что оно в рассуждении доброты Крымскому, Волосскому [Молдавскому. — В. В.] и некоторым другим Европейским винам не уступает, а во вкусе, хотя не совсем, однако несколько, Шампанскому равняется, не смотря на то, что не более назад тому пятнадцати лет, как к сему у них охота вкоренилась. Почти всяк из тамошних обывателей изрядные у себя сады имеет, а со временем [которого продолжением всякое начинаемое дело в совершенство приводится], можно надеяться, несколько применяясь к их рачению (старанию), что вино их может чужестранные и превзойти, хотя правда, что доброта вина больше бывает от хорошего винограда, однако не меньше того от искусства и знания мастеров...*» [4].

О развитой традиции виноградарства в Ведерниковской упоминает также доктор философии и член разных учёных обществ первой половины XIX века Пётр Кеппен, в своей книге «О виноделии и винной торговле в России»: «*...На Дону, особенно в Ведерниковской станице, жители, около 1740 года, начали в большом количестве разводить виноградные сады...*» [5].

Эта традиция активно развивалась и в советский период. Так, в колхозе «Ленинский путь»

продуктивно работало Ведерниковское виноградное звено. На базе этого звена 23 января 1965 года Постановлением Совета Министров СССР был создан винодельческий совхоз «Ведерники», который успешно просуществовал до конца 80-х гг., пережил перестройку, реформы Горбачёва и ряд организационных преобразований. С 2015 года ООО «Винодельня Ведерниковъ» входит в группу компаний «Абрау-Дюрсо». Продукция «Винодельни Ведерниковъ» успешно соперничает с мировыми винными брендами.

Попытки более глубокого исследования хутора Ведерниковского были предприняты в 40-х гг. XIX в. В данной публикации представлено «Краткое медико-топографическое описание станицы Ведерниковской 1-го Донского округа», составленное в 1846—1847 гг. штаб-лекарем Аркадием Ивановичем Бабичевым (родился ок. 1799 — умер от холеры 25 июля 1847 г.)

О личности автора известно, что он казак станицы Новочеркасской, окончил Харьковский университет и в период с 30-х по 40-е годы служил окружным лекарем 1-го Донского начальства [6]. В конце своей службы он составил «Краткое медико-топографическое описание станицы Ведерниковской 1-го Донского округа» [7], которое отправил в Новочеркасский статистический комитет. Труд А. И. Бабичева, медика Новочеркасских богоугодных заведений, надворного советника, кавалера и члена-корреспондента Новочеркасского статкомитета, был принят со следующим уведомлением:

«*Доставленную Вашим Высокоблагородием при отношении с № 5 статью Вашего сочинения "Медико-топографическое описание Ведерниковской станицы" Новочеркасский статистический комитет, по рассмотрении оной одним из непременных членов, принял с благодарностию. Уведомляя о сем Вас, считаю нужным присовокупить, что Комитет весьма желает о продолжении трудов Ваших на пользу его и на будущее время*» [подпись выцвела] [7, л. 5 об., 9].

По всей видимости, А. И. Бабичев был из когорты лучших представителей донской интеллигенции, т. е. человеком не только образованным, но и любознательным, с разносторонними интересами и склонностью к исследовательской работе. Его «Краткое медико-топографическое описание ...» составлено в традициях русского просветительства — к «общественной пользе» и хранится в Государственном архиве Ростовской области.

Современному читателю и исследователю родного края, несомненно, будет интересен

этот труд. Документ приводится ниже с сохранением авторской орфографии.

Выражаю свою признательность А. Б. Изюмскому и Е. В. Милосавлевич за предоставленный документ.

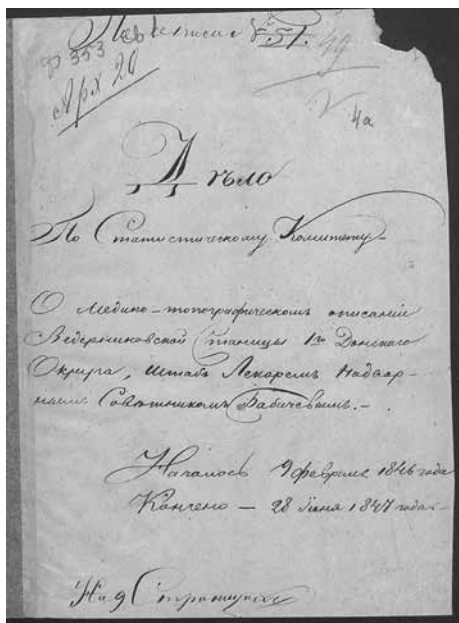
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Положение об управлении Донского войска: Части I, II и III с приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими приложениями. СПб., 1835. С. 396.
2. Сулин И. М. Краткое описание станиц области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1892. 15 авг. (№ 16). С. 688.

3. Выпись в приказе Казанского дворца по отпискам городских воевод о действиях отрядов С. Разина на Волге и Каспийском море. № 106. 1670 г. февраля // Крестьянская война под предводительством Степана Разина. : сб. док. Т. 1 : 1666 — июнь 1670 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 111.
4. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, июль, 1756 года. СПб., 1756. С. 68—69.
5. Кеппен П. О виноделии и винной торговле в России, сочинение Петра Кеппена.... СПб. : В типографии К. Крайя, 1832. С. 70.
6. Корягин С. В., Логинов С. Д., Сердюков В. А. Сердюковы и другие. М. : Русаки, 2012. С. 70—71. (Генеалогия и семейная история донского казачества; вып. 106).
7. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 48.

КРАТКОЕ МЕДИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАНИЦЫ ВЕДЕРНИКОВСКОЙ 1-ГО ДОНСКОГО ОКРУГА

Составлено штаб-лекарем Бабичевым.
Начато 8 февраля 1846 г. Окончено 28 июня 1847 г.

Обложка дела, составленного штаб-лекарем Бабичевым (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 48)

Ведерниковская станица, в которой я постоянно находился по должности окружного медика 14 лет, получила название свое, как говорят старики, будто бы от богатого казака по прозвищу Ведерникова, первого поселившегося

на настоящем месте; — она занимает небольшое и весьма неровное на полугоре пространство близ правого берега реки Дона, имеющее каменисто-глинястой грунт земли; станица эта составляет главное место и центр почти первого Донского округа, где находятся присутственные места, как то: судное и сыскное окружные начальства, казначейство, окружной оспенный комитет, окружной лазарет, приходское училище, почтовая контора, винной подвал и тюрьма в начальственном дворе состоящая.

Строение примечательное: деревянная небольшая и старая церковь с недавно сделанным иконостасом, хотя малым но резьбою и позолотою украшенным; все вообще иконы простой работы без окладов и по старообрядческой форме написаны; Войсковой деревянной большой дом покрытый тесом, в котором находятся означенные присутственные места, казначейство и оспенный комитет; приходское же училище, окружной лазарет и почтовая контора помещаются в лучших наёмных домах на первой случай поместительных, винной деревянной старой подвал, прочие дома деревянные, малые из разного леса без всякого плана построенные, покрытые камышом или соломой, без малейшего порядка наброшенного на кровли, исключая весьма немногих покрытых тесом, каковыя всех вообще считается в самой станице 152^{ва}. Улицы правильной ни одной неимеется. Жителей мужеска пола, состоящих из казаков и нескольких чиновников 1118 душ, каковыя

преимущественно занимаются вывозкою и добыванием из Маноческих соляных озер соли, скотоводством, а частью и садоводством. При въезде в станицу с северной стороны на самом возвышенном и ровном месте находилось не большое крепостное укрепление, зделанное, как сказывают старожилы, во время нападения горцев на Романовскую станицу, для наблюдения за движением оных и защищения во время нападения; остатки этого укрепления еще и теперь несколько видны, как то: насыпной земляной вал, от времени почти уничтожившийся и несколько приметной еще ров, занимающие небольшое четверугольное пространство, с которого места на реку Дон и по течению онаго в верх и вниз довольно далеко можно видеть предметы, но только находящаяся таперь в окружности этого укрепления постройка скрывает все виды.

Ведерниковская станица имеет четыре хутора, в недалеком расстоянии от оной расположенные; с южной, задонской стороны в восьми верстах от станицы, Висловский и Дурновский в недалеком расстоянии один от другого расположенные; с северо-восточной, Камышной и Россошинской, один в 7^{ми}, а другой в 30^{ти} верстах от станицы; в хуторах живут люди более зажиточные и имеют страение лучшее нежели в самой станице, исключая Войскового дома и других, занимаемых окружным лазаретом и приходским училищем; это происходит от того, что все почти зажиточные люди для большого распространения хозяйства своего перешли на жительство в хутора. С восточной стороны станицы по полуторе разведены виноградные а частью и древесные сады до хутора Камышного, на семь почти верст простирающиеся.

Поева земли в юрте Ведерниковской станицы преимущественно состоит из чернозема вообще плодородна, исключая задонской части юрта идущего к реке Салу, где земля несколько солонцоватая и менее плодородна; для оранья употребляется плуг, которой вспахивает землю гораздо глубже, нежели обыкновенная русская соха.

Главные реки: Дон, которой с восточной стороны протекает поблизости станицы, разливаясь весною на восемь и более верст орошает пространные луга, производящие обильная паства и сенокос, каковой все жители преимущественно производят в лугах, как во избежание дальней перевозки из поля сена, так и по всегашнему урожаю в лугах трав; прочие реки, как то Черная, Быстрик и Песчаная, весьма малы мелки и летом пересыхают, а поэтому и не делается об них подробного описания,

они все находятся в лугах. Озера: Воинское, Баклановское, Горелое и Креповское, также находятся все в лугу и на левой стороне Дона; они хотя небольшие но довольно рыбные; из поясненных озер преимущественно изобилуют рыбою и раками Дурное и Воинское; среди станицы несколько ниже присутственных мест к южной стороне находится непрерывно и сильно текущий с холодною, легкою и чистейшею водою родник, окруженный деревянною огорожею и покрытый досками, из онаго все решительно почти жители пользуются водою исключая немногих живущих над Доном; да и те в летнее жаркое время по неимению ледников освежаются из онаго холодною водою.

Леса: кроме небольшого количества вербы, талы и тополя никакого другого леса не имеется; в Дубовой балке близ хутора Камышного, хотя и был прежде караичевой и дубовой лес, годной для разных мелких поделок, но оной почти весь уничтожен; что касается до многих других произрастений, находящихся в юрте Ведерниковской станицы, преимущественно упомяну здесь только те, которые употребляются в лекарство в аптеках а имянна: царский скиптр, шалфей, мята, маун или валериана, ромашка, бузина, стрючковой перец, тысячелиствянник или деревей, донник, рожа желтая и красная, редка, хрен, чьясок, лук, морковь, пырей, золототысячник, девятисил, болиголов, вѣх, дурман, красавица или сонная одурь, мак, заря или любисток, лен, конопля, щавель обыкновенной и конской, марена, роза садовая, шиповник, богородцкая трава, чебор, ложечная трава, зверобой, цикорий, Божье дерево, чернотыльник, крапива, подбел, хмель, полынь, рыпейник, солодковой корен, дрок, употребляемой от укушения бешеных животных.

Известнейшия животныя млекопитающия: волк, лисица, заяц, сурок, еж, хорек, ласточка и проч.

Птицы: орел, коршун, копчик, журавль, дрофа, гусь, утка, карапатка, ибис, кулик, галка, ворона, скворец, жаворонок, воробей и проч.

Земноводныя известнейшия: черепаха, лягушка, ящирица, уж, гадюка серая или козюлка, желтобрюх и проч.

Рыбы: осетр, севрюга, стерлядь, сом, окунь, щука, судак, ерш, золотой и обыкновенный чебак, карп, линь, карась и проч.

Высоких, отдельных имеющих собственное название гор и обширных долин, заслуживающих внимания, неимеется; каменные посредственной величины скалы находятся с восточной стороны станицы по близости Дона. Железных и медных руд неоткрыто, но медный и железной

колчадины случалось иногда нечаянно находить в малых кусочках по близости означенных скал в урочище называемом Хрястица. Земляной уголь и меловка находятся при подошве горы на рубеже Ведерниковской станицы, при самой дороге, идущей по течению Дона к западу, где таперь на новом распланированном отличном месте имеющем более песчаной грунт земли, на полугоре и ровнине обращенной к Дону, должны по Высочайшей воле поселаться таперь Ведерниковская и Бабская станицы и соединясь вместе составят одну Константиновскую станицу, каковые и таперь имеют уже в земле, воде, хлебопашестве, скотоводстве, рыбной ловле и покосе общее довольствие и одно станичное правление, находящееся до времени переселения еще в Ведерниковской станице.

Климат: никакой почти не имеет разницы с ново-черкасским. Господствующие ветры: северо-восточной и юго-западной. Из болезней наиболее показываются перемежающиеся, гастрические лихорадки нервно-воспалительного свойства и поносы а особенно в осеннее и летнее время, сие последнее от излишнего употребления плодов и разной овощи несовершенно еще созревших, и понеимению базаров в станице от всегдашнего употребления заготовленного соленого свиного мяса и рыбы, и непомерного после того питья согрешившей воды а особенно во время полевых летних работ.

Скотские болезни чаще всего случающиеся: хромота и ящер, которой естли бывает соединен с гнилою горячкою, то производит неизбежную гибель скота; на котором чума около восьми лет в Войске Донском показывающаяся,

неоднократно истребляла большое количество онаго.

Характер жителей, в физическом и нравственном их отношении

Жителя станицы от природы здорового и крепкого телосложения, плотны статны и росту более нежели среднего; наружной их вид совершенно сходен с прочими в Войске Донском живущими казаками, волосы по большей части темно-русые, очертание лиц полное и кругловатое, характер оных подходит более к сангвиническому, они во всем проворны и быстры, езда верхом на лошадях составляет первое их удовольствие; что же касается до Религии то большая часть их содержит Расколическую секту, а поэтому они ни малейшего неимеют попечения о храме Господнем; пища их ничем не различествует от употребляемой вообще на Дону, вместо иностранных напитков употребляют они хлебное и своего произведения виноградное вино и квас.

Размножение и смертность жителей

Число родившихся, как в прежние годы, так и в минувшем 1845 превосходит количество умерших.

Новочеркасских богоугодных заведений
медик, штаб-лекарь, надворный советник
Бабищев.

Публикация В. И. Вегерина

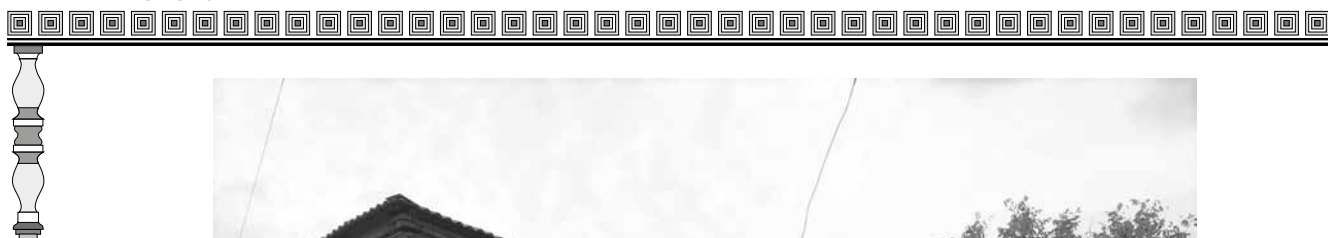
А. С. ЗАЙЦЕВА

«ГРАФСКИЙ ДОМ» НА ОКРАИНЕ ХУТОРА

На берегах небольшой речки Грушевки был хутор с очень распространённым названием Поповка, теперь это часть города Шахты. Хутор есаула Фёдора Попова состоял из восьми дворов, в которых числились мужского пола 32 и женского пола 29 душ малороссиян, «оставшихся ему от покойной его жены, урождённой Себряковой, и заселён был... одним из предков последней войсковым атаманом

Фроловым в 30-х годах XVIII столетия. ... Хутор этот весной 1805 года был переселён на рч. Грушевку, на место занимаемое ныне казачьим хутором Кривянской станицы Поповкою» [1, с. 181]. Связано это с тем, что земли Попова понадобились для возведения столицы донского казачества. Пожил он в этих местах совсем недолго. Хутор был куплен в 1811 году с аукциона полковником Гавриилом Грековым

Александра Сергеевна Зайцева, журналист, г. Шахты. Сообщение на Десятых Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.) под названием: «Купеческий род Торлецких в истории ростовского региона и России»

Дом Мамсуровых. г. Шахты. Фото А. С. Зайцевой

[1, с. 212]. На территории хутора обнаружили залежи угля, камня, песка и глины. К началу XX века вся территория хутора была изрыта добытчиками полезных ископаемых [1, с. 89]. Это стало настоящей проблемой для местных жителей, ведь территории всех этих предприятий как правило не огораживались и угодить в какую-нибудь яму не составляло труда. Особенно опасно было передвигаться по хутору в тёмное время суток [2]. С тех пор многое изменилось, карьеров и шахт на территории бывшего хутора теперь нет, но дома столетней давности, хотя и немногие, ещё можно отыскать. Среди них один выделяется особой статью. Местные жители называют его не иначе как «графский дом». Этот дом принадлежал Мамсуровым, не графам, но людям необычным.

Роман и Лидия Мамсуровы попали в эти места благодаря каменному карьере, который они получили от братьев Лидии в качестве свадебного подарка. Роман Александрович Мамсуров — капитан дальнего плавания в отставке, вначале был служащим на нём. Став владельцами, молодожёны построили дом рядом с карьером и переехали в хутор. Родом Роман был скорее всего с Кавказа, но о нём известно мало. По словам старожилов, человек он был неплохой, прогрессивных взглядов. Роман Мамсуров активно использовал технические новинки

в производстве, одним из первых в городе ввёл девятичасовой рабочий день и назначил приличную оплату труда, может быть поэтому после революции, когда карьер национализировали, его не прогнали, а оставили в качестве управляющего. Он также активно участвовал в общественной жизни города, был председателем ревизионной комиссии Александровск-Грушевского общества потребителей [3].

*Л. А. и Р. А. Мамсуровы. 1900-е гг.
Фото из семейного архива Ю. И. Маланина*

Лидия Александровна Мамсурова, в девичестве Торлецкая, родилась 28 апреля 1885 года в Москве. Окончила в 1904 году Московское Мариинское училище (Мариинский институт) Ведомства Императрицы Марии [4]. Лидия преподавала в местной земской школе, на открытие которой приезжал сам атаман Войска Донского М. Н. Граббе. А после революции учила детей музыке [5]. До 30-х годов семья продолжала здесь жить. Затем начались репрессии. В 1937 году Романа Мамсурова арестовали как врага народа, в неволе он и погиб. После этого Лидия уехала, оставив места, в которых была счастлива около четверти века.

Начало семейной жизни Мамсуровых совпало с окончанием строительства Патриаршего Вознесенского войскового собора, где они обвенчались. Примечательно, что в строительстве этого храма активное участие принимали родные братья Лидии. Сергей Торлецкий был изобретателем пустотелого кирпича [6].

С. А. Торлецкий. Фото из семейного архива Ю. И. Маланина

Именно такой кирпич использовали при возведении верхней части барабана главного купола. Делали эти кирпичи по специальному заказу на заводе гончарных изделий Торлецкого

Общества Екатеринославской губернии. У Николая Торлецкого, который был гласным городской думы г. Новочеркасска [7], имелась «столярно-механическая мастерская на ул. Почтовой № 6 (ныне ул. Пушкинская)»¹.

Н. А. Торлецкий. Фото из семейного архива Ю. И. Маланина

Здесь делали опалубку или арматуру для бетонных работ. Бетонными работами в строящемся храме заведовал Василий Торлецкий [8], он же отвечал за настилку полов метлахской плиткой [9]. Позже Василий участвовал в установке памятника Ермаку (заливка фундамента) [10].

Его контора получала подряды на возведении многих объектов Ростова-на-Дону, это: железобетонный мост через реку Темерник [11, с. 706—714], новые городские бойни (будущий Ростовский мясокомбинат на ул. Текучёва) и дома в районе железнодорожного вокзала, мощение дорог [11, с. 348—350, 724—726], работы по перекрытию генерального коллектора. Говорят, что и мощение улиц Александровска-Грушевского не обошлось без него. Василий Торлецкий был также представителем Управления Кавказских минеральных вод (вместе с П. И. Авцыным) по продаже кисловодского нарзана

¹ Вырезка предоставлена автору Ю. И. Маланиным; источник не указан. — А. З.

для Москвы, Крыма и Юга России (контора его находилась в Ростове-на-Дону на ул. Большая Садовая, 164 [12]. Он успевал заниматься и общественной деятельностью. Василий Александрович Торлецкий являлся почётным членом ростовского городского попечительства детских приютов [13].

В. А. Торлецкий.

Фото из семейного архива Ю. И. Маланина

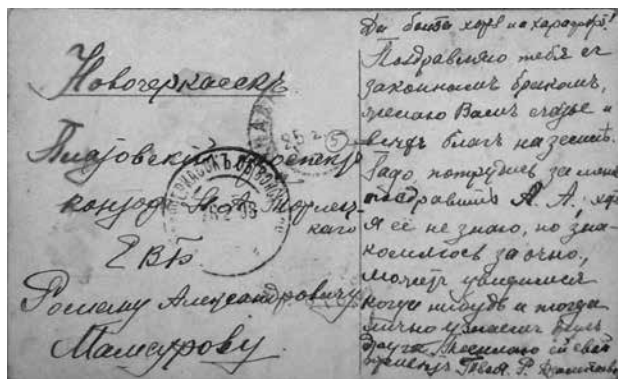
В 1920-е годы Василий Торлецкий проживал в Ростове-на-Дону, его ценили за знания и опыт. Он занимал руководящие должности в городских коммунальных учреждениях [14, 15].

Мужчины рода Торлецких не в одном поколении занимались строительством и заслужили для всех потомков по мужской линии звание потомственных почётных граждан.

Основателем династии считают Логина Григорьевича Торлецкого (ок. 1770 — ок. 1844). О нём известно, что был купцом 1-й гильдии, коммерции советником, избирался городским головой г. Бобруйска Минской губернии. При его участии в 1817 году в Бобруйске внутри крепости был построен каменный дом по оригинальному не типовому проекту известного петербургского архитектора Александра Егоровича Штауберта [16]. Этот дом сохранился, краеведы и архитекторы именуют его — «Дом Торлецкого». С архитектором Штаубертом Логин Торлецкий ещё не раз имел дело и даже нёс с ним вместе ответственность за разрушенные постройки. В июле 1824 года обрушились два свода казармы около Слуцких ворот. Согласно контракту, подрядчик Л. Торлецкий должен был «ответствовать за прочность работ», поэтому на него возложили обязанность возместить половину суммы ущерба, архитектор Штауберт тоже понёс наказание за ошибки в расчётах, но в меньшей степени. Вторую половину суммы ущерба поделили среди нескольких участников этого строительства. Наказали и тех, кто утверждал

В. А. Торлецкий на своём автомобиле. Сидит справа. 1900-е гг. Фото из семейного архива Ю. И. Маланина

Открытка, адресованная Р. А. Мамсурову. 1908 г. Фото из частной коллекции

проект и тех, кто должен был контролировать работы [16]. Но этот эпизод с неудачным строительством скорее исключение. В конце 1830-х годов предприимчивый бобруйский купец Логин Торлецкий был приглашён самим государем императором в Москву, где он совместно с сыновьями Василием и Александром построил крупнейший в Москве кирпичный завод в Лефортово [17]. На производстве завода трудилось 832 человека, а годовой доход составлял 132 500 в рублях серебром. Торлецкие получили крупные подряды на строительство зданий в центре Москвы, участвовали в возведении такого значимого объекта, как Большой Кремлёвский дворец. При этом строительстве они получали за тысячу кирпичей по 15 рублей, тогда как обычная цена составляла 12 с полтиной [18].

При строительстве железной дороги Москва — Санкт-Петербург Александр Логинович Торлецкий получил крупный подряд на возведение Николаевского (Ленинградского) вокзала на Каланчёвке, а также строительство с чистой отделкой всех промежуточных станций и локомотивных зданий (депо), складов, сараев и других необходимых станционных строений. Эта деятельность принесла ему миллионное состояние и славу. О нём даже писал Николай Некрасов в стихотворении «Железная дорога». Вот эти строки:

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы смотреть...
Праздний народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
Ладно... нешто... молодца! молодца!
С Богом, теперь по домам, — поздравляю!
Шапки долой, коли я говорю!
Бочку рабочим вина выставяю
И недоимку дарю!

У Логина Григорьевича было четверо сыновей: Александр, Василий, Фома и Трофим. Ветвь Торлецких, которой принадлежал поповский карьер под Шахтами — потомки Василия. Его сын Александр Васильевич Торлецкий служил в страховом агентстве в Москве и вёл скромный образ жизни. Здесь встретил свою любовь — Софью Керцелли [19]. Софья происходила из большой музыкальной семьи. Она являлась правнучкой Ивана Францевича Керцелли — дирижёра и композитора. Он совместно с отцом и братом организовал первое в России общедоступное музыкальное училище (школу), где обучал композиции и игре на клавише [20]. Надо сказать, что тяга к музыке и искусству была не только у Александра Васильевича. Так, его двоюродный брат Александр Александрович Торлецкий финансировал строительство Московской консерватории, был гласным Московской городской думы и дружил с другим российским меценатом Сергеем Третьяковым, а также композиторами Петром Чайковским и Антоном Рубинштейном [16].

Когда Александр Васильевич умер, Софья какое-то время жила у сына Василия в Ростове-на-Дону, а когда их дочь Лидия вышла замуж и стала жить в хуторе Поповка под Шахтами, переехала к ней. Софья Керцелли умерла в 1925 году, её похоронили на городском кладбище г. Шахты. В те года ещё хоронили на старом кладбище, за счёт которого в будущем расширили центральный городской парк культуры и отдыха, поэтому могила не сохранилась.

Но вернёмся к Мамсуровым. В частной коллекции открыток нашлось странное послание, адресованное Роману Александровичу Мамсурову. На открытке изображена влюблённая парочка.

Автор письма женщина. Она написала чернилами маленькие букочки на их руках: «Л» — женщины и «Р» — мужчины. Начинается письмо с загадочной фразы, кажущейся сначала какой-то тарабарщиной. Однако, оказалось,

что это приветствие по-осетински, написанное русскими буквами. Затем женщина поздравляет Романа с законным браком, при этом возникает вопрос, а не намёк ли это на его отношения вне брака, может был какой-то «незаконный» брак? Она желает всех благ, передаёт привет А. А., желает познакомиться с ней в будущем. Правда первая буква выглядит так, как будто её хотели исправить на «Л». Из этого следует, что имеется в виду либо супруга Николая Торлецкого, которую звали Александра, либо супруга Романа — Лидия. Но ни один из вариантов не даёт представления, кто же писал письмо. В конце подпись: «Твоя Р. Дзампаева». Ясно одно — это близкая знакомая Романа, но кто она? То ли это давняя зазноба Романа Мамсурова, то ли какая-то его родственница. Удивляет и дата письма, и то, что пришло оно не на адрес, где проживал Роман с Лидией, а в Новочеркасскую контору Николая Торлецкого. Совершенно не понятно, почему такое запоздалое поздравление с бракосочетанием, ведь, согласно семейному преданию, это событие произошло вскоре после освящения Вознесенского кафедрального собора в Новочеркасске, т. е. в 1905 году, а на почтовом штемпеле год — 1908! О существовании этой женщины потомкам Торлецких ничего не известно.

Как бы там ни было, семейная жизнь Романа и Лидии длилась до его гибели в застенках НКВД. После этого Лидия покинула Поповку и переселилась вначале в Ростов-на-Дону. Там, чтобы затеряться, был заключён брак с неким Хасаном Дзаховым. Дзахов, кстати, тоже осетинская фамилия. Об этом человеке также никакой информации не имеется. В Ростове-на-Дону Лидия жила на квартире у бывшего белогвардейского офицера Ивана Афанасьевича Соляника, у того была больная жена. После её смерти Лидия и Иван поженились и, чтобы не попасть в жернова репрессий, уехали в Норильск. Спустя какое-то время они вернулись, но поселились уже в Днепропетровске. Детей у пары не было. Супруги купили автомобиль и много на нём путешествовали, приезжали в Ростов-на-Дону. Заезжали и в Шахты. Последний раз хозяйку каменного карьера видели в этих местах в 1957 году. Умерла Лидия Мамсурова в 1968 году. Пока на Поповке добывали камень в доме Мамсуровых располагалась контора управления каменного карьера. После закрытия предприятия дом перевели в жилой фонд. Карьер засыпали породой из угольного отвала, затем рекультивировали. Теперь окна «графского дома» смотрят в поле, по которому вьются, протоптанные жителями тропинки. Весной оно покрывается зелёной травой и яркими

цветами, а летом под жарким солнцем краски блекнут, как это и бывает в степи. И дом, похожий на крепость, в жарком мареве раскалённого воздуха кажется миражом заплутавшему путнику.

Выражаю благодарность Юрию Ивановичу Маланину (г. Балашиха) за предоставленные фотографии из семейного архива.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 8. Новочеркасск : Частная донская типография, 1908.
2. *Проезжий*. Хутор Поповка, Кривянской ст. // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1914. 9 февр. (№ 7). С 4.
3. *Мамсуров Р.* Ответ председателя ревизионной комиссии Александровск-Грушевского О-ва потребителей Р. А. Мансурова гражданам «кооператорам-работникам»; *Бугаенко Р., Подгорнов П.* В редакцию народной газеты; *Шапиро Н., Саломатин Г.* и др. По поводу письма кооператоров-работников к гражданину Р. А. Мамсурову // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 7 мая (№ 7). С 3.
4. Московское Мариинское училище (Мариинский институт) Ведомства Императрицы Марии // Архивный поиск по Москве и Московской области : [сайт]. 2023. URL: http://www.genarh.ru/Spiski_Imp_Marii.htm (дата обращения: 26.04.2024).
5. *Волобуев В.* Хозяйка каменного карьера // К вашим услугам. 2012. 29 февр. (№ 9). С.15.
6. Авторское свидетельство на изобретение № 27174. Описание пустотелого камня для кладки стен к авторскому свидетельству С. А. Торлецкого, заявленному 5 сентября 1930 г. (заяв. свид. № 75962). О выдаче авторского свидетельства опубликовано 31 июля 1932 г.
7. Памятная книжка Области войска Донского на 1914 год / Изд. Обл. войска Дон. статист. ком. Новочеркасск : Эл. типография Ф. Туникова, 1914. С. 28.
8. История соборного храма // Патриарший Вознесенский Войсковой Всеказачий собор : [сайт]. 2020. URL: <https://soborpatriarha.ru/?p=172> (дата обращения: 26.04.2024).

9. Общее описание хода работ по сооружению Вознесенского Кафедрального Собора // Храмы Новочеркасска: [сайт]. 2020. URL: <https://www.vsobor.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 28.04.2024).
10. Кислякова Г. Г. История создания памятника Ермаку в Новочеркасске (к 100-летию со дня открытия) // Краеведческие записки : Сб. науч. тр. Вып. 7 / Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск, 2005. С. 10—15.
11. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1908 г. Ростов н/Д. : Типография М. И. Осадченко, 1909.
12. Нива. 1902. № 25. С. 4.
13. Памятная книжка Области войска Донского на 1916 год / Изд. Обл. войска Дон. статист. ком. Новочеркасск : Обл. войска Дон. типография, 1916. С. 218.
14. Весь Ростов-на-Дону на 1923 год. Ростов н/Д. : 1923. С. 163.
15. Весь Ростов на Дону на 1925 год. Ростов н/Д., 1925. С. 58.
16. Торлецкие // Энциклопедия Бобруйска : BOBR.BY бобруйский интернет-портал: [сайт]. 2018. URL: <https://wiki.bobr.by/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 26.04.2024).
17. Атлас промышленности Московской губернии / Составлен Л. Самойловым. М. : Университетская типография, 1843. С. 68.
18. Торлецкие // Википедия : [сайт]. 2017. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 26.04.2024).
19. Софья Ивановна Торлецкая (Керцелли) // GENI : [сайт]. 2024. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%A1%D0%BE%D1%84%D1%8C%D1%8F-%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F/6000000112414899822> (дата обращения: 27.04.2024).
20. Керцелли Иван Францевич // Википедия: [сайт]. 2023. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B8_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 28.04.2024).

Д. А. БЕЛАШ, А. Н. ПОЛУПАНОВ, М. А. РУДЬ

АЛЕКСАНДРОВСК-ГРУШЕВСКИЙ ИЛИ ХУТОР ПОПОВКА?

О том, как в XXI веке переписали историю г. Шахты

История города Шахты ведёт своё начало с 1867 года, когда по Высочайше утверждённому мнению Государственного Совета «Об устройстве на Грушевском руднике в Земле войска Донского горного поселения и о штате Полицейского управления на означенном руднике» впервые назвали «Горное Грушевское поселение ... горным городом со всеми правами, присвоенными городам вообще» [1]. Однако долгое время Грушевское горное поселение не считали городом. «С 1839 года при руднике существовало поселение Грушевка. Вот оно и узаконено в 1867 году под вышеуказанном названии» [2]. 4 августа 1881 года император Александр III «высочайше повелеть соизволил: Грушевское горное поселение, находящееся в области войска Донского

переименовать в город Александровск-Грушевский» [3].

А в 1883 году последовало высочайше утверждённое мнение «Об учреждении общественного управления в городе Александровск-Грушевском» [4], давшее городу упрощённое городское управление. «В 1892 году высочайше утверждено применение к Александровску-Грушевскому городского положения. В 1900 году произведена замена упрощённого городского управления Городской думой и Городской управой и впервые выбран городской голова, которым стал горный инженер Б. М. Файвишевич (1853—1915), известный общественный деятель того времени» [2].

В начале XX века дату основания города Александровск-Грушевский связывали то с 1881-м, то с 1883 годом. Так в 1911 году газета «Южный

Денис Андреевич Белаш, директор ГАУ РО «Агентство развития молодёжных инициатив», г. Ростов-на-Дону; Андрей Николаевич Полупанов, горный инженер, г. Шахты; Михаил Анатольевич Рудь, горный инженер, г. Шахты. Сообщение на Десятых Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону 19 сентября 2024 г.)

телеграф» писала: «8 августа исполнится 30 лет со дня переименования Грушевского горного поселения в город Александровск-Грушевский» [5]. Гласный Файвишевич даже хотел отметить эту дату, но поддержки в городе не получил. Об этом же юбилее писала и «Александровск-Грушевская маленькая газета» [6].

Однако до революции датой основания, а не переименования города [Примечание авт.] считался 1883 год, когда было введено городское управление. «До 1883 года Область войска Донского имела только один город Новочеркасск. В 1883 году при балках Грушевке и Атюкте, в степной местности, отстоящей от Новочеркаска на 36 вёрст, учреждён был второй город Александровск-Грушевский» [7, с. XIV]. В конце 1906 года в газете «Донские областные ведомости» вышел очерк «Город Александровск-Грушевский» [8]. «Александровск-Грушевский ещё молодой — ему пошёл 24 год» — писал неизвестный автор. На этой же дате основания города Шахты настаивал и краевед В. И. Горностаев. «Сходство между городом и горным городом также мало как скажем между городом или городком или городищем. Особенность горных городов в девятнадцатом столетии состояла в том, что они находились в подчинении областного Горного управления. Действительно, с 1867 года Грушевское горное поселение состояло в подчинении управления горной и соляной частями Области войска Донского и только в 1883 году, когда введено городское управление, освободилось от его опеки» [2]. «В 1914 году увидела свет статья М. Б. Краснянского "Александровск-Грушевск и его прошлое" (перепечатана с поправками и дополнениями в 1920 году в газете "Красный шахтёр" под названием "Город Шахты и его прошлое"...)» [9, с. 149].

В 1930—1960-е годы история города сводилась к деятельности большевистских организаций. «Что тогда могли предложить местные краеведы? К Зеленский — брошюру "Шахтинские горняки на пути к большевизму" (1931), Б. Лунин — статью "История города Шахты" (1941). А после — книги Г. Малашенко "Шахтёры Дона в борьбе за власть Советов" (1957) и Н. Молчанова "Шахтёры Дона в борьбе за коллективизацию" (1959)" [9, с. 150]. Неудивительно, что «своё 100-летие город Шахты отмечал накануне 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» [10]. На въезде в город со стороны посёлка Каменоломни установили памятный знак с датой основания города — 1867 год. Эта дата, отмеченная в первой книге по истории города, выпущенной в 1974 году коллективом

авторов под руководством кандидата исторических наук Г. В. Малашенко [11], стала официально признанной датой его основания. Ситуацию не изменила даже поправка, сделанная во втором, переработанном и дополненном издании этой книги, где авторы вернули 1883 год как дату основания города [12]. 1867 год был зафиксирован в Уставе города, принятом в ноябре 2005 года [13]. Так и было до 2010 года. А в 2010 году с изменением первой статьи Устава города Шахты, он стал старше сразу на 62 года [14].

Сколько же лет нашему городу? Мы не ставим себе задачей отстаивать 1883 год как дату основания города или опровергать другую дату — 1867 год, более привычную для поколения «советских» жителей г. Шахты. Но невозможно согласиться с переписанной в XXI веке историей города, при этом закреплённой в городском Уставе.

Обратимся к Уставу муниципального образования «Город Шахты» — (в редакции решения Городской думы г. Шахты от 15.02.2010 № 655): «Весной 1805 года есаулом Фёдором Поповым был заложен хутор Поповка на берегу реки Грушевка. Дата регистрации первого населённого пункта — хутора Поповка — 21 апреля 1805 года в Журнале войсковой канцелярии 1805 года, является датой основания города Шахты. (См. «Сборник областного войска Донского статистического комитета», выпуск 8, Новочеркасск, 1908 г., стр. 181)». Увы, вышеприведённой цитаты из Устава города мы не найдём в указанном «Сборнике областного войска Донского статистического комитета» (выпуск 8, Новочеркасск, 1908 г., стр. 181)». Настоящая цитата, принадлежащая Ивану Михайловичу Сулину, автору статьи «Материалы заселения Черкасского округа», сообщает читателю следующее: «хутор есаула Фёдора Попова, состоявший из 8 дворов, в коих числилось муж. пола 32 и женск. пола 29 душ малороссиян, доставшихся ему от покойной его жены, урождённой Себряковой, и заселён был здесь одним из предков последней войсковым атаманом Фроловым в 30-х годах XVIII столетия. Хутор этот весной 1805 года был переселён на рч. Грушевку, на место занимаемое ныне казачьим хутором Кривянской станицы Поповкою [Журн. войск. канц., 1805 г., апреля 21, № 16] [15, с. 181]. Т. е. хутор не был основан есаулом Поповым, а лишь переселён в 1805 году на речку Грушевку, при этом, — «на место, занимаемое ныне казачьим хутором Кривянской станицы Поповкою». Это событие и зафиксировано в апреле 1805 года в «Журнале войсковой канцелярии». Ниже И. М. Сулин даёт сведения

о хуторах станицы Кривянской. «Поповка — на рч. Грушевке. В этом хуторе живут казаки и крестьяне; последние принадлежат к Сулиновской волости. Возникновение на этом месте названного хутора последовало по причине основания города Новочеркасска, на месте которого прежде находился хутор есаула Фёдора Попова ... переселённый сюда весною 1805 года (Журн. войск. канц. 1805 года, апреля 26-го, № 16, войск. арх.) [15, с. 186]. При этом здесь дата записи — 26 апреля 1805 года, хотя указан тот же номер записи — 16-й, на странице 181, относящийся к 21 апреля. К сожалению, проверить правильность указанных дат пока не представляется возможным: в Государственном архиве Ростовской области отсутствуют «Журналы войсковой канцелярии» за апрель 1805 года.

Можно ли считать записанную в Уставе г. Шахты от 15.02.2010 года дату «регистрации первого населённого пункта — хутора Поповка — 21 апреля 1805 года в Журнале войсковой канцелярии 1805 года» датой основания нашего города, а назначение хутора Поповка его «первым населённым пунктом»? Каким образом спустя сто сорок три года после официального признания Грушевского горного поселения горным городом (1867) возник вопрос о дате его основания от хутора Поповки? К этим вопросам добавил свою «лепту» М. Б. Краснянский. В своей статье «Город Шахты и его прошлое» он пишет: «...на Грушевке каменный уголь открыл войсковой старшина Попов. <...> войсковой старшина Попов бросил Новочеркасск и переехал в Грушевку, где основал хутор его имени (Поповку)» [16]. В статье «Из истории горного дела на Дону» Михаил Борисович предложил и другую дату основания Грушевского горного поселения и хутора Поповки — 1807 год. Он пишет: «Грушевское горное поселение, основанное в 1807 году и так названное с 3 октября 1867 г. и переименованное потом в 1881 году в город Александровск-Грушевск, составляло до 1867 года составную часть юрта Новочеркасской станицы, а впоследствии совсем выделилась из станицы [17, с. 303].

«Спереводом Черкаска в Новочеркасск (1805) [формулировка некорректна. — Прим. авт.] войсковой старшина Попов свой хутор перевёл на речку Грушевку и основал в 1807 году хутор "Поповский". Вслед за Поповым туда (несколько выше) перебрался войсковой старшина Власов, который основал хутор Власово-Грушевский,

тоже в 1807 г. (Журнал войсковой канц. 5 марта 1807 г. № 5. Войсковой архив) [17, с. 304].

Здесь мы видим уже две разные даты — 1805 и 1807 годы и обе со ссылкой на «Журнал войсковой канцелярии». Несомненно, что опечатки или ошибки в датах, которые пока не представляется возможным проверить по другим источникам не могут претендовать на дату основания города, как и сама дата заселения того или иного места.

Рассмотрим как административно и территориально взаимодействовали Грушевское поселение и хутор Попова. Для определения факта связи возникновения города Александровска-Грушевского с существованием хутора Поповки нами было проведено исследование по нескольким направлениям: административное подчинение; территориальное расположение; географический центр роста населённых пунктов; доля казаков в общем составе жителей; мнение о дате создания города до 2010 года. Обратимся к литературным источникам. В 1838 году в «Кратком исчислении главнейших месторождений каменного угля в России» даны сведения о Грушевском месторождении: «Грушевское месторождение в земле войска Донского, при реке Грушевке, близ хутора Попова. <...> Месторождение это принадлежит войску Донскому. Оно лежит в 35 верстах от Новочеркасса¹, в 60 верстах от Ростова и в 120 в. от Таганрога. В нём добывается угля до 50 000 пуд. угля в год, который продаётся большею частию в Новочеркаске, а иногда доставляется в Ростов и Таганрог» [18, 19, 20]. То есть уже тогда грушевский уголь располагался вне хутора Поповского. В 1845 году документально подтверждается, что «Первая разработка каменного угля ... началась на р. Грушевке, лет тридцать пять назад тому <...>. Здесь добывание каменного угля, антрацита, производится в одной версте от посёлка Поповки, на правой стороне речки» [21]. Согласно «Списку населённых мест Земли Войска Донского от 1864 года», по состоянию на 1859 год «главное развитие каменноугольной промышленности сосредоточено на рч. Грушевке в 33 верстах к северо-востоку от Новочеркасска, где в последнее время устроилось поселение, соединённое с Новочеркасском и Доном (Аксайскою станицею), недавно открытою железною дорогою [22, с. VII—VIII]. Временное поселение углепромышленников Черкасского округа (при реке Грушевка и балке Атюкше). Данные по количеству населения — отсутствуют (прочерки). Находилось

¹ Расстояние угольного месторождения от Новочеркасска в цитатах указано согласно источникам. — Примечание авт.

оно в 33 верстах от Новочеркасска, угольных разработанных шахт — 103, хозяев — 91 [22, с. 7]. В этом же документе указан и владельческий посёлок Поповский [22, с. 3]. Он входил в Кривянский юрт Черкасского округа и располагал всего 11 дворами и 55 жителями. К Новочеркаску Поповский располагался на 3 версты ближе Временного поселения. О развитии в нём каменноугольной промышленности не упоминается. В то же время, в 1860-е годы, об интересе к Грушевскому поселению свидетельствуют несколько литературных источников. В «Материалах для географии и статистики России...» (1863) отмечено: «Главное развитие каменноугольной промышленности сосредоточено на речке Грушевке, в 32 верстах к северо-востоку от Новочеркасса, где устроилось поселение с церковью, лавками, рынком и домом смотрителя. Из приложенной пред этим ведомости видно, что грушевские каменноугольные копи занимают пространство 127 десятин земли, разделённых на участки от 1 500 до 4 500 кв. саж. на одно лицо. <...> Кроме Грушевского посада, по всей этой местности разбросаны деревянные строения для рабочих и шахтохозяев, и амбары, под которыми находятся конные машины для проходки шахты» [23, с. 349—350].

В 1863 году проездом из Петербурга в Крым Грушевку посетил цесаревич Николай. В книге «Письма о путешествии Государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» в связи с этим описана история поселения и его современное состояние. «Селение Грушевка находится верстах 30 от Новочеркасса, при ничтожной степной речке Грушевке. Поселение это было названо антрацитными копиями. Первым основанием ему послужили временные жилища углепромышленников, большею частью вырытые в земле; стены тех ям обкладывались диким серым камнем (он здесь в изобилии), а земляные кровли приходились в уровень с поверхностью земли. Но по мере расширения разработки и сбыта угля начали воздвигаться более прочные жилища и даже здания довольно красивые. Теперь каменные и деревянные строения тянутся на несколько вёрст прямой линией. В середине линии находится довольно обширная площадь, застроенная со всех сторон лавками и красивыми домиками. Здесь есть и церковь во имя святых апостолов Петра и Павла...» [24]. Илиодор Фёдорович Фелькнер в своей книге «Каменный уголь и железо в России» (1874) пишет: «после 1864 года поселение Грушевки превращено в посад, где раздаются участки в собственность на определённых, весьма не тягостных условиях, и что в настоящее время оно имеет вид

промышленного городка» [25]. Хутор Поповский при этом не упоминается.

Итак, к началу 1860-х годов Грушевское горное поселение входило в юрт Новочеркасской станицы [22, с. VII—VIII], позже вышло из-под её подчинения; хутор Поповский входил в те годы в юрт Кривянской станицы [22, с. XXIII]. В 1897 году в справочном издании первой российской переписи было отмечено: «Город [Александровск-Грушевский. — Прим. авт.] этот образовался из Грушевского горного поселения, созданного здесь правительством в 60-х годах в видах возможно большего развития каменноугольной промышленности. Рабочий люд созывался сюда со всех концов России чрез газетные публикации. Было предложено держать здесь поселенцев как каменно-угольных рабочих, но крестьяне, поселившись на балке Грушевка, встретили настолько благоприятные экономические условия, что вскоре перестали работать в шахтах, сделались сами хозяевами и обратились в горожан» [7, с. XIV]. В этом издании Поповский также представлен как хутор Кривянской станицы [7, с. 14]. В 1911 году в прессе Александровск-Грушевского активно освещался вопрос устройства городского водопровода. Так, наиболее вероятным вариантом источника воды были колодцы хутора Поповского. Для этого представители городской власти ездили в Кривянскую станицу. Тогда газета «Южный телеграф» писала: «Хотя решено арендовать землю у Кривянской станицы для проходки колодцев, но придётся ли проходить их — неизвестно... большинство не желает пользоваться водой из поповских колодцев, а предпочитает брать её у себя на городской земле, хотя и на более значительной глубине» [26].

Уже в советское время Шахты и Поповка также были административно разделены. В «украинский» период Шахты входили в Шахтинский округ, а хутор Поповка — в Шахтинский район Шахтинского округа [27]. Немного изменилось и после возвращения территории в РСФСР. Согласно переписи 1926 года город Шахты напрямую входит в Шахтинско-Донецкий округ, а хутор Поповка входит в Поповский сельсовет Шахтинского района Шахтинско-Донецкого округа [28, 389]. Спустя восемь лет (в 1934 году) хутор Поповка входит в Шахтинский район наравне со станцией Каменоломни, посёлками Гуково и Власовка [29]. В соответствии с Постановлением Президиума Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета от 3 мая 1936 года рабочий посёлок Каменоломни со всеми землями включён в черту г. Шахты. Видимо, в этот момент Поповка также включается в г. Шахты. Через два

года из состава города Шахты был выделен Октябрьский (сельский) район. Он включал пять сельских и два поселковых сельсоветов: Киреево-Кадамовский, Керчикский, Мокро-Логовский, Сидорово-Кадамовский и Ягодинский с подчинением последнему колхозов «Ударник», «Серп и Молот». К Придонскому поселковому совету относился совхоз «Комсомолец»; к Каменоломнинскому — колхоз «Красный хлебороб» и совхозы №7, 10, 11 Облсовхозтреста и «Горняк» [30]. Поповка в состав Октябрьского района не вошла, предположительно оставшись в городе Шахты.

Из анализа документов видно, что административное подчинение у Поповки было следующее:

1805—1920 — Поповка относится к Кривянскому юрту / станице;

1920—1936 — Поповка входит в Шахтинский район;

с 1936 — Поповка входит в состав города Шахты.

Обратимся к картам, чтобы нагляднее увидеть, что первые сто тридцать три года своего существования Поповка не относилась к Александровск-Грушевскому. Важной ремаркой к картам является запоздалость их издания: порой они отставали от документов от пары до десятка лет.

1839. Карта (план) «Приблизительный пласт месторождения антрацита при хуторе Поповом на речке Грушевке». Согласно этому плану уголь добывается в квадрате реки Грушевка и современных улиц: ул. Пролетарская — ул. Алма-Атинская — ул. Ленина, т. е. фактически в двух км от хутора Поповского [31];

1861. Грушевское антрацитовое месторождение отделено от хутора Попов [32];

1863. На карте Земли войска Донского [23, с. 594] показаны Грушевский посад [23, с. 350] и месторождение на реке Грушевке при пос. Поповом [23, с. 349]. От Грушевского посада оно отделено.

1864. Грушевское антрацитовое месторождение на законодательном уровне (Закон № 40666) определялось как территория между хуторами Попова, Власова и балкой Аюктуктёнок [33];

Карта Стрельбицкого: Поселение углепромышленников находится в паре вёрст от Поповского [34];

Карта Шуберта: Грушевское горное поселение также в паре вёрст от Поповского [35];

1913. Карта Грушевско-Власовского антрацитового отвода: город Александровск-Грушевский отделён несколькими километрами от хутора Поповского [17, с. 303].

1926. Карта Шахтинско-Донецкого округа. Город Шахты и Поповка разделены пустой территорией [36];

1938—1941. Карта РККА: Шахты и хутор Попов находятся на расстоянии друг от друга [37].

Итак, на картах с 1805 по 1938 годы Поповка и Александровск-Грушевский (Шахты) отделены друг от друга. Следует также отметить, что улицы Грушевского горного поселения возникали вдоль выхода свиты пластов на поверхность, а улицы хутора Поповского — вдоль русла реки Грушевки.

Остановимся на этническом составе этих двух населённых пунктов. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Александровск-Грушевском было 4,4% казаков от общего числа населения [7, с. 6], в хуторе Поповском — 65,5% [7, с. 14]. Спустя пять лет доля казаков в городе уменьшилась до 1,3% [38] и оставалась практически на том же уровне до 1913 года — 1,4% [39]. В 1926 году в Шахтах проживало 6,2% казаков [28, с. 357], в хуторе Поповском — 49% [28, с. 389].

Но вернёмся к дате основания города. Если брать за дату основания города первое поселение на его нынешней территории, то на карте Теврюнникова 1797 года в районе нынешнего посёлка имени Воровского располагался хутор Вящевской. К тому же в 1802 году основан хутор Сидорово-Кадамовский. Отчего же администрации г. Шахты не обратить своё внимание к этим ранее возникшим населённым пунктам?

Занимаясь исследованием истории города, члены клуба краеведов «Корни твои» заинтересовались и мнением по этому вопросу специалистов Института российской истории Российской академии наук. Из письма А. А. Горского, доктора исторических наук, заместителя директора по научной работе Института российской истории РАН, руководителя Центра источниковедения истории России членам клуба краеведов «Корни твои» от 14 мая 2024 года: *«при определении дат основания городов наиболее обоснованным является учёт времени основания (или первого упоминания в источниках) на месте города поселения городского типа. Что касается случая с городом Шахты, то исходя из такого критерия появление на его месте сельских поселений (хуторов) или основание рудника за дату основания города приняты быть не могут»* [40]. И риторический вопрос к власти города Шахты: если наш город возник из хутора Поповский, то почему Грушевские рудники не назывались Поповскими, Грушевское горное поселение — Поповским, а Александровск-Грушевский не стал Александровск-Поповским?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2-е (1825—1881) : Т. 42. 1867. : Ч. 2 : Законы (44895—45355). СПб., 1871. С. 121—122.
2. Горностаев В. И. Горный город — это ещё не город // Донской временник. Год 2007-й : краеведческий библиотечно-библиографический журнал / Донская государственная публичная библиотека. Ростов н/Д., 2006. С. 120.
3. Полное собрание законов Российской империи : Собрание третье (1881—1913) : Т. 1 : со дня возшествия на престол Государя императора Александра Александровича по 31 декабря 1881 года. : от № 1—585. СПб., 1885. С. 259.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881—1913) : Т. 3. 1883 : от № 1293—1933. СПб., 1886. С. 14.
5. Алекс. — Грушевский // Южный телеграф. 1911. 9 июня. (№ 2992). С. 3.
6. Александровск-Грушевская маленькая газета. 1911. от 14 авг. (№ 1). С. 1.
7. Список населённых мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года. Ч. 1. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1905.
8. О. Город Александровск-Грушевский // Донские областные ведомости. 1906. 29 окт. (№ 232). С. 2.
9. Горностаев В. И. Александровск-Грушевский, где твоя история? // Донской временник. Год 2008-й. Ростов н/Д., 2007. С. 149—150.
10. Шахты : Историко-краеведческий очерк о городе. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1974. С. 5.
11. Малашенко Григорий Васильевич (1919—1989), историк, организатор Ростовского института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарно-социальных наук (см.: Витюк О. Г. Григорий Малашенко — человек эпохи // Донской временник. Год 2007-й : краеведческий библиотечно-библиографический журнал / Донская государственная публичная библиотека. Ростов н/Д., 2006. С. 64—65).
12. Шахты : Историко-краеведческий очерк о городе. Изд. 2-е, переработанное, дополненное. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1986. С. 5.
13. Об утверждении Устава муниципального образования «Город Шахты» — городского округа Ростовской области : Решение Городской думы г. Шахты от 8 ноября 2005 г. № 106 // Городская дума г. Шахты. URL: http://shakhty-ksp.ru/ksp/lowmaker/r_gdsh_106_08-11-2005.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
14. Устав муниципального образования «Город Шахты» — (в ред. решения Городской думы г. Шахты от 15.02.2010 № 655). // Городская дума г. Шахты. URL: https://www.shakhty-duma.ru/?page_id=1391&ysclid=lxeo30zzza418980390 (дата обращения: 12.06.2024).
15. Сулин И. Материалы к заселению Черкасского округа // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 8. Новочеркасск : Частная донская типография, 1908. С. 179—220.
16. Краснянский М. Б. Город Шахты и его прошлое // Красный шахтёр. 1921. 13 окт. (№ 84). С. 2.
17. Его же. Записки донского штейгера : Юбилейный сборник за 20 лет корреспонденций, заметок, исследований, докладов и т. п. материалов по вопросам горного дела и горного образования на Юге России 1893—1913». Т. 1. Ростов н/Д., 1915.
18. Земледельческая газета. 1838. 8 марта (№ 19). С. 147.
19. Коммерческая газета. 1838. 19 февр. (№ 22). С. 85—86.
20. Санкт-Петербургские ведомости. 1838. 22 февр. : Прибавление к СанктПетербургским ведомостям. № 41. С. 179.
21. Каменный уголь (антрацит) в Войске Донском // Земледельческая газета. 1845. 2 марта (№ 18). С. 138.
22. Списки населённых мест : XII : Земля Донского Войска. По сведениям 1859 г. / Издан Центральным статист. комитетом Министерства внутренних дел; обработан ред. И. Вильсоном. СПб., 1864.
23. Краснов Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Земля войска Донского / Составил член-сотрудник Императорского Русского географического общества, генерального штаба штабс-капитан Н. Краснов. Спб. : В типографии Департамента Генерального штаба, 1863.
24. Победоносцев К., Бабст И. Письма о путешествии Государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М. : В типографии Грачёва и комп., 1864. С. 532—533.

25. *Фелькнер И.* Каменный уголь и железо в России / Сочинение И. Фелькнера. С картою Донецкого каменноугольного края; Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. СПб. ; М., 1874. С. 151.
26. Алекс.- Грушевский // Южный телеграф. 1911. 9 авг. (№ 3051). С. 3.
27. Список населённых пунктов Донбаса : Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь — февраль 1923 г.). Т. 6. Киев, 1924. С. 186—187.
28. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю / Северо-Кавказское краевое статистическое управление. Отдел переписи. Ростов н/Д., 1929.
29. Азово-Черноморский край и его районы : справочник / Азово-Черноморское краевое упр. народно-хозяйственного учёта. Ростов н/Д. : Изд. Союзоргучёта, 1935. С. 179.
30. Октябрьский район Ростовской области : официальный портал администрации. URL: octobdonland.ru (дата обращения: 12.06.2024).
31. *Иваницкий*, штабс-капитан. О месторождении антрацита при хуторе Поповом на речке Грушевке, в Земле войска Донского // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. Ч. 3. Кн. 7. СПб. : В типографии И. Глазунова и К., 1839. С. 25—44; [на с. 128 карта (план) «Приблизительный пласт месторождения антрацита при хуторе Поповом на речке Грушевке»].
32. *Фелькнер И.* Взгляд на состояние каменноугольной промышленности в Земле войска Донского и об антрацитовом Грушевском месторождении // Горный журнал. 1861. № 3. СПб. : В типографии Иосафата Огризко, 1861. С. 385—448. [В конце статьи: Геологический план Грушевского бассейна (чертёж 15)].
33. Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2-е. : Т. 39. Отд-ние первое. 1864. От № 40457—41518. СПб. : В типографии 2-го Отд-ния собств. Её императорского Величества канцелярии, 1867. С. 210.
34. Карта Стрельбицкого — ранние листы 1: 420 К 1871 года // РЕТРОМАР : сайт. URL: https://retromap.ru/1418711_z11_47.697747,40.185241&leftfull=100&leftback=100 (дата обращения: 12.06.2024).
35. [Карта Шуберта]. Ряд XXVII. Лист 19. (Области войска Донского // Геопортал Русского географического общества. URL: <https://geoportal.rgo.ru/node/841> (дата обращения: 12.06.2024).
36. Карта Шахтинско-Донецкого округа 1926 г. // Это место : сайт. URL: http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_shakhty-1926/ (дата обращения: 12.06.2024).
37. Карта РККА центральных областей Европейской части СССР. Сборная карта, составленная из листов карт Генерального Штаба Красной Армии. Использованы листы из квадратов О-36, О-37, N-36, N-37. Издание 1938—1941 годов. Масштаб 1:100,000 — 1 км в 1 см. URL: <https://retromap.ru/m14194126?ysclid=lwd99c46k9213308206> (дата обращения: 12.06.2024).
38. Памятная книжка Области войска Донского на 1904 год / Издана обл. в. Д. статистическим комитетом под ред. члена-секретаря Ив. П. Попова. Новочеркасск : Обл. войска Донского типография ; Частная донская типография, 1904. Отдел IV Статистические сведения. С. 388.
39. Памятная книжка Области войска Донского на 1915 г. / Изд. Обл. войска Донского статист. комитетом. Новочеркасск : Обл. войска Донского типография, 1915. Отдел III : Статистические сведения. С. 9.
40. Письмо заместителя директора Института российской истории РАН А. А. Горского от 14.05.2024 № 14105-2115.4-25 // Архив краеведческого клуба «Корни твои», г. Шахты.

ТРОИЦКАЯ ЯРМАРКА В СЛОБОДЕ КРИВОРОЖЬЕ

Фрагмент Генеральной карты Земли войска Донского. 1797 г. Фото из Интернета

А что же на самом деле таит история Криво-
рожской ярмарки? Какие истины скрываются
под слоем легенд и преданий? Попробуем в этом
разобраться.

О том, как появилось Криворожье, какие люди стояли у его истоков местные рассказывают следующее. В незапамятные времена, когда берега Калитвы представляли собой густые непролазные чащобы, с обилием наполненные разной живностью, в месте нынешней слободы жительствова­ли собаководы. Они ютились в землянках, но сдавали собак в пользование за условленную плату знатным людям, съезжавшимся сюда ради охоты из безлесных местностей. Однажды в эти края прибыл богатей из малороссийского села Федоривки. В беседе со старшим собаководом он посетовал, что уже

86

не молод и не так просто даётся ему преодолевать большие расстояния для охоты. Можно было бы охотиться и дома, но нет у него таких ловких собак, какими обладали здешние. Назревала сделка. От денег старший собаковод отказался, а предложил обмен: собаку на хорошего мастера по строительству жилищ, ибо не гоже им было продолжать жить в землянках. Барин согласился и по прибытии на родину отправил на Калитву лучшего из своих мастеров по фамилии Яцик (в современности — Яценко). Он имел четырёх сыновей и слыл лучшим по строительному делу в своем краю. Постепенно вдоль реки стали вырастать крестьянские хаты [2]. Такой историю слободы видят криворожане.

Между тем, ревизская сказка 1795 года, составленная хозяйкой-помещицей Марфой Степановной Краснощёковой, не сообщает сведений о фамилии криворожских крестьян Яцик, Яценко или чего-то сходного, жительствоющих в слободе в период 1782—1795 гг. [3] На этой территории носители данной фамилии появляются гораздо позднее в качестве выходцев из Екатеринославской губернии. На этом завлекательная криворожская легенда не выдерживает критики. Хотя всё-таки можно допустить, что предание имеет под собой некоторую историческую основу, но изначально рассказывало о другой фамилии, возможно породнившейся с пришлыми позднее Яценко.

Если же обратиться к документальным источникам, то появляется информация о существовании Криворожья в качестве казачьей станицы «Кривороженской». В 1735 году генерал-майор Алексей Тараканов при обращении в Военную коллегию даёт описание земель, где предполагает создать поселение: «...по речке Белой Калитве, и прочим речкам, где преж сего были донских казаков Дёхтева, Скородумовская, Кривороженская станицы за их вину оттуда высланы, а жилища их разорены... ныне лежат в пусте» [4]. Отсюда явствует, что Криворожье существовало задолго до 1735 года и успело уже не только возникнуть, но и потерпеть насильственное сселение. По всей видимости это произошло в период Булавинского восстания 1707—1709 гг., когда на Дону по царскому указу массово разорялись казачьи городки.

Вторым рождением Криворожья принято считать 1739 год. Источники сообщают, что тогда, по окончании войны с турками, «возвратился на реку Калитву» Иван Матвеевич Краснощёков — прославленный донской казак, бригадир Войска Донского. Здесь он стал устраивать хутора, принимая беглых крестьян, которым давал по пять рублей «на обзаведение» и льготы

И. М. Краснощёков (Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник. СИАМЗ КП 16894/10)

от барской работы сроком на пять лет [5]. Причастность бригадира к возрождению Криворожья подтверждается донесением внука Ивана Матвеевича, Павла Краснощёкова в 1810 году: «гег мой при жизни своей, жительствова не отдельно с его сыном, а моим дядею генерал маиором Фегором Краснощокowym, и были между сословием, войска донского побывшем тогда войсковым Атамане Степане Ефремове первыми. Войсковое правительство, уважая заслугам их дозволило занять им землю, но не оставить на следству память собственную стяжанием и на пополам поселили на ней пришедших из разных мест малороссиян. Обзавели их хозяйством, составили из них слободы, Криворожскую, Свиновскую, Ольховорожскую» [6]. С тех пор начинается непрерывная история Криворожья, правда теперь в качестве крестьянской слободы.

Как может показаться на первый взгляд, нет ничего значительного и занимательного в криворожской истории. Обычная донская слобода, каких в области было свыше шести десятков. Однако было здесь то, что основательно отличало Криворожье от других слобод Войска Донского. Речь идет о ежегодной Троицкой

ярмарке. Вообще, сразу стоит оговориться, что на Дону существовало их до 70, *«но из них достойны внимания наиболее 8»* [1]. Имеются ввиду Урюпинская, Михайловская (Крещенская), Луганская, Митякинская, Цымлянская, две Черкасские (Троицкая и Воздвиженская) и наконец Криворожская. Именно о ней мы и поведем своё повествование.

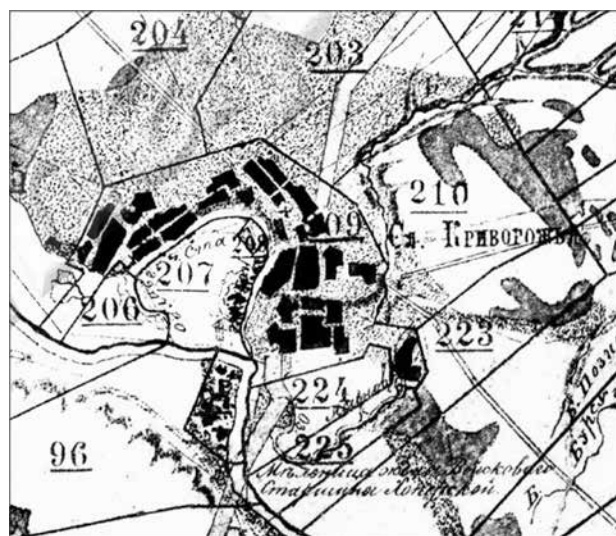
1867 год. Август месяц. Время, когда крестьяне в массе своей пребывали в полях на сезонных работах, а селения приходили в запустение. В тот самый момент обстоятельства привели в Криворожье сотрудника Статистического комитета, войскового старшину Бажкова. Его визит оказался скорее случайным, нежели намеренным. И тем не менее, нужно отдать должное, он проявил профессиональный интерес к слободе и сколько было возможности пообщался с местными. Отсутствие значительной части крестьянства создало некоторые препятствия в удовлетворении Бажковым интереса, но он быстро нашел выход. *«Я обратился в местное волостное правление, — пишет он, — отыскал писаря NN, который, сколько мог передать, сообщил мне сведения о ярмарке»* [7, л. 12]. Беседа со служащим местной администрации заставила статиста прийти к выводу, что *«не мешало бы заняться подробным описанием Криворожской ярмарки, потому что она, как говорят о ней, едва ли не наилучшая после Урюпинской ярмарки в войске Донском»* [7, л. 13]. С этим он обратился в Комитет и был услышан.

Весной следующего 1868 года на Троицкую ярмарку в Криворожье был направлен сотрудник статистического комитета Яков Тетеревятников тщательным образом изучивший ее. Он ознакомился с товарами, представленными на торгах, получил сведения о ценах, подсчитал обороты торговли, обратился и к истории. В областной газете «Донской вестник» была опубликована его отчётная статья о проделанной работе.

Ссылаясь на слова помещиков, на чьих землях собственно и помещалась тогда ярмарка, он говорит, что основание её ими возводится ко временам императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761). По сохранившемуся преданию, она пожаловала ярмарку прославленному Краснощёкову *«за дела его со шведами»*. Якобы существовала и грамота императрицы, но в начале XIX столетия затерялась и была утрачена. Подводя исторический итог, Тетеревятников обобщает: *«Троицкая ярмарка существует более 120 лет, т. е. древнейшая из ярмарок войска»* [8]. Хотя последнее утверждение вполне может оспариваться. Подтвердить или опровергнуть

время возникновения криворожского торжища пока нельзя за отсутствием наиболее конкретных и главное синхронных данных.

Наименование ярмарки — Троицкая — обусловлено приходом здешней церкви Святой Троицы. Проводилась она также в Троицкий период: в течении двух недель до праздника и двух недель после. Самые охочие торговцы, съезжались к ярмарочному полю за неделю до начала торгов. Здесь устраивались балаганы, лавки, ренсковые погреба, а также прочие заведения (трактиры, кабаки, оптовые магазины и т. п.). По сведениям «Памятной книжки...» в 1874 году на ярмарочной площади было выстроено 188 торговых помещений [9]. *«До 1866 года владельцы (помещики) делали сами денежный сбор за места лавок, палаток и проч., а с того времени передали в откуп купечества, которое ежегодно платит по 3500 р. сер. На время ярмарки купечество от себя устраивает контору сборов, назначает депутатов по 2 человека от всех строений торговой промышленности, которые следят как за честным сбором, раскладкою за места по роду торговли, так и за выручкою сумм, имея в виду благотворительную цель такого рода, чтобы остаток за выручкою 3500 р. откладывать в кассу, <...> а затем по собрании суммы построить из остатков доходов каменную церковь»* [7, л. 15].

Фрагмент Генерального плана
Донецкого округа. 1880 г.
Фото из Интернета

Не вполне разрешённым остаётся вопрос о точном местонахождении ярмарки. Дело в том, что «Планы дач генерального и специального межевания Донецкого округа Войска Донского» согласно с «Генеральным планом Донецкого

округа» представляют всё дело так, что ярмарочный участок не просто принадлежал разным владельцам, но и не являлся целостным, располагаясь буквально вокруг всей слободы [10]. Расставить все точки над «i» в этом вопросе поможет только топографическая съёмка угодий Криворожья 1844 года, на сегодняшний день, к сожалению, не доступная нашему вниманию.

Начинаясь, ярмарка «стягивала к себе» людей и капиталы не только из всей Донской области, но и с разных концов России. По приблизительным подсчётам в 1868 году здесь присутствовало около 100 000 человек. Сюда посылали фабричные и колониальные товары, а взамен получали скот, сырьё, зерновой хлеб, вина домашних виноградников. В ассортименте можно было встретить лимоны и апельсины, продаваемые татарами [8].

В среднем на Криворожскую ярмарку приходилось ежегодно до 10—15 тыс. лошадей, 25—30 тыс. крупного рогатого скота, и тысяч до 40—45 овец, привозилось до 200—300 тыс. пудов сырья. Торг живым товаром шёл настолько бойко, что пригнанные партии скота раскупались в 1—2 дня и угонялись на выкорм на пастбища Новохопёрского уезда Воронежской губернии, в Кубанскую область, на луга рек Москвы и Оки [11].

Однако не только продукты, промышленные изделия, скот и сырьё можно было встретить на одной из самых значительных ярмарок Дона. Активно здесь торговали и людьми. До отмены крепостного права это был один из самых ходовых товаров. Характеризуя дореформенный период (до 1861) историк Евграф Савельев пишет:

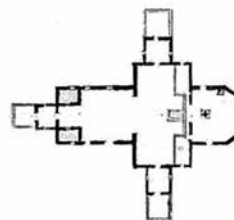
«В первой половине прошлого [XIX-го] столетия на Дону рабство царило в полной силе, как и в центральной России и Украине. Крестьян продавали, меняли на лошадей, охотничьих собак, проигрывали в карты и вообще распоряжались ими как своей неотъемлемой собственностью, живым инвентарём. Главным невольничьим рынком была ярмарка в слободе Криворожье Донецкого округа, куда привозили для продажи крестьян также из других губерний и невольников из Азии» [12].

И если крестьяне, проживавшие среди казачества, «служившего живым примером свободы личности и инициативы своего труда», в меньшей степени испытывали тяжесть зависимого положения, то среди крестьянского населения, загнанного «в глушь Миусского и Донецкого округов», царили беспросветный «гнёт и произвол...» [12].

Все ярмарочные дни, как правило, сопровождалась массовыми гуляниями. Для увеселения

публики в каждом трактире *«попеременно и залом без умолку гремела и рыпела музыка на различных инструментах, пели и просто кричали с разными вариациями хоры больших и малых песенников и певиц, сначала было запрещённых, но потом дозволенных»* [8, с. 39]. Имел место бильярд, а для вечерних развлечений ярмарочной публики г. Колесников устраивал автоматическо-механический театр, с автоматами в рост человека и музыкой.

Среди шумного веселья между продавцами и покупателями, увликая от внимания караульных казаков, исполнявших полицейские обязанности на ярмарке, появлялись плуты, охочие до чужого добра. Уже знакомый нам Тетеревятников сообщает по этому поводу интересные факты: *«В былые времена Криворожская ярмарка особенно славилась в простонародьи карманщиками — мазуриками, которых бывало здесь по несколько станов. Тогда их промысел имел удачу. Появилась было и теперь одна шайка и без сведения полиции открыла уже свои действия. Но на первой же жертве — дьяконице К., попавшая в просак. Цыганка, выхватившая у ней 100 р. из кармана, была поймана и дело передано судебному следователю»* [8, с. 38—39].

Архитектурный чертёж с отмывкой и план деревянной церкви в слободе Криворожье. 1829—1835 гг. (Новочеркасский музей истории донского казачества. НМИДК КП 2515637)

Ярмарка не раз выступала двигателем преобразований в Криворожье. Например, в 1870 году на торговой площади была построена и освящена липовая часовня *«в память чудесного спасения от злодеев, двукратно посягавших (в 1866 и 1867 гг.) на жизнь в Бозе почивающего Государя Императора Александра II»* [13, с. 194]. Спонсором этого мероприятия выступило торгующее здесь купечество [14]. Оно же при общем собрании ещё раньше рассудило, что действующая приходская церковь сильно обветшала и непременно нуждается в перестройке.

Прошло немало лет, но поставленная цель всё же была достигнута и в 1892 году на средства прихожан и купечества Криворожской ярмарки была возведена новая каменная Троицкая церковь [13, с. 194]. К слову, старое деревянное здание было продано вместе с иконостасом (без икон в серебряных ризах) в посёлок Туроверо-Глубокинский за 4000 рублей [13, с. 379].

Видно, что купцы, принимавшее участие в ежегодных торгах, не были равнодушны к жизни слободы столь радушно принимавшей всех на свои земли. Но с течением времени их заинтересованность в благоустройстве снижалась. И на это были свои причины.

Во второй половине XIX века ярмарка хоть и держалась на плаву, но год от года всё-таки теряла свои позиции. Кажется, сам рок предопределял это.

В разгар торгов 1879 года на Криворожье обрушилось настоящее бедствие — торговые ряды объят страшный пожар. Огонь быстро переносился от одной лавки к другой, поглощая временные строения и пожирая размещённые в них товары. Понесённые убытки оценили в 289 100 рублей [15, л. 1]. Поначалу было причиной возгорания признали умышленный поджог. Заподозрили в этом купца Пастухова, торговца углем. Проведённое расследование заседателя Деревянкина не выявило его причастности и, видимо, поэтому не удовлетворило пострадавшее купечество, уличившее его «в пристрастиях» к обвиняемому. Наведавшийся на место Донецкий окружной начальник должен был рассудить по праву, внести ясность. Он произвёл собственное дознание и уведомил наказного атамана, что возгорание, вероятно, всё же не было кем-то спровоцировано, а произошло по случайности. Обвинения в отношении Пастухова, по его словам, строятся лишь на домыслах пострадавших и основываются на том, что пожар начался с угольной лавки купца и что подобное с ним случалось двумя годами ранее, когда у него сгорела постоянная лавка в самом Криворожье. Понятно, что такая

аргументация виновности Пастухова не могла удовлетворить следствие. И всё же огонь вспыхнул именно там. Скорее всего загорелась вязанка сена, лежавшая около пастуховской лавки и рядом стоящей, кстати, тоже угольной [15, л. 2—3]. Быстро распространяясь, пламя охватывало торговые места, заставляло купцов и покупателей вставать на борьбу с ним. Сложно сказать понёс ли кто-то наказание за случившееся, но вполне вероятно, что если и так, то это был не купец Пастухов.

Сравнивая масштабы ярмарки 80-х и 90-х годов XIX века, нельзя не прийти к выводу, что она неуклонно и значительно сокращалась. Основанием этого современники рассматривали чуму рогатого скота, повлекшую за собой не только гибель лучшего отборного поголовья, но и отвадившую солидных покупателей. В начале 90-х ярмарка была совсем закрыта, но на закате десятилетия начала возрождаться, однако новый недуг — сельскохозяйственный кризис, имеющий своим последствием сильное понижение цен на скот и хлеб, — не давал ярмарке быстро вернуть свои обороты до прежней широты [11].

Охарактеризованное выше сокращение ярко представлено в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» за 1890 год. Здесь говорится, что год этот выдался крайне неудачным для долгожданных троицких торгов. Криворожская ярмарка не дала ожидаемого результата и, как свидетельствуют документы, прошла вяло. *«Пригон скота был очень небольшой, особенно мало было овец. Торговля овцами началась ранее обыкновенного за неделю, т. е. с 5 мая, и к 10 числу, вследствие закупки всех партий, в которых было 5000 голов, торговля ими закончилась. В среднем выводе овцы продавались по 3—5 р. за голову. Рогатого скота к 12 мая было пригнано около 17 000 голов, из этого числа быков 14 000 и около 3000 коров. Лучшие донские быки продавались от 90 до 120 р. за пару (цены ниже средних), коровы от 10 до 22 р. за голову»* [16].

С каждым годом теряя прежнее положение, Криворожская ярмарка пришла к своему концу в XX веке. Донской учёный-статистик Иван Тимощенко свидетельствует, что большой вред слободе Криворожье нанесла железная дорога со станциями Тарасовской и Миллерово. *«Она почти совершенно убила её знаменитую прежде скотскую и мануфактурную Троицкую ярмарку и оттянула от неё — как лучшие промышленные силы, так и капиталы. Троицкая здешня ярмарка падает год от года всё более и более. В последние годы в слободе Тарасовке открылись ещё две значительные ярмарки:*

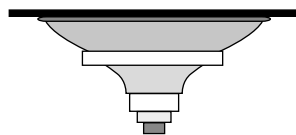
Сретенская и Фоминская (на Фомино воскресенье), и это, наверное, окончательно убьёт Криворожье, как ярмарочный и промышленный пункт» [17].

Надо полагать в скором времени Криворожье окончательно утратило своё значение как торговый центр.

Прошло с тех пор много лет, теперь это история. Причём настолько давняя, что в неё легко вписываются и надежно приживаются мифы разного толка. Нам важно суметь отличить действительность от вымысла, отделить их, дабы не создавать путаницы, не порождать заблуждение, а распространять только истинное знание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822—32 годах / Издание Областного правления войска Донского. Новочеркасск : Обл. войска Донского типография, 1891. С. 179, 227.
2. Интервью Ивана Ивановича Яценко (1935—2022) автору статьи. 2018 год // Личный архив Н. С. Бандурина.
3. ГАРО. Ф. 391. Оп. 24. Д. 215. л. 139—183 об.
4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 9. : 1733—1736. СПб, 1830. С. 818.
5. [Краснов П. Н.] Картины былого Тихого Дона : Краткий очерк истории войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. Изд. 1-е. СПб., 1909. С. 178.
6. РГИА. Ф. 1330. Оп. 4. Д. 251. Л. 2.
7. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 124.
8. Тетеревятников. Криворожская Троицкая ярмарка в 1868 году // Донской вестник. 1868. № 10. С. 37—39.
9. Памятная книжка Области войска Донского на 1877 год / Издана Обл. войска Донского статист. комитетом под ред. секретаря С. Номикосова. Новочеркасск : Обл. войска Дон. типография, 1876. Отд. 2. С. 42.
10. Алфавитный список владельцев потомственных дач и участков Области войска Донского Донецкого округа. [Б. м., Б. г.]. С. 214—215, 232.
11. Торгово-промышленная Россия : Справочная книга для купцов и фабрикантов / сост. под ред. А. А. Блау. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1899. С. 397.
12. Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим : историко-статистический очерк. Новочеркасск : Донская епархиальная типография, 1917. С. 34.
13. Шагрина А. В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века — 1920 г. : Справочник / Южный научный центр Российской академии наук. Ростов н/Д. : Антей, 2014..
14. Донские епархиальные ведомости. 1870. 15 окт. (№ 20). С. 613—614.
15. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1879.
16. Вестник финансов, промышленности и торговли : Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1890. № 22. 3 (15) июня. С. 517.
17. Тимощенко И. Из поездки по Донецкому округу. Волость Кривороженская // Приазовский край. 1900. 15 июля (№ 186). С. 4.

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Н. А. МИНИНКОВ

«РЕЛИГИОЗНЫЙ КАЗАКОМАН» МИХАИЛ СЕНЮТКИН

М. Х. Сенюткин
(Донцы XIX века. Ростов н/Д., 2003. С. 439)

Михаил Христофорович Сенюткин (1825—1879), историк и литератор, редактор «Донских войсковых ведомостей» (1851—1858), рассказывая о военных делах донцов *«настаивал, что славные его предки издревле оказались на Дону особым действием Промысла Божия»* [1]. Такая позиция позволила историку донского казачества более позднего поколения, Павлу Петровичу Сахарову, выпускнику Харьковского университета и ученику известного историка Д. И. Багалея, назвать Сенюткина *«религиозным казакоманом»*. В этой оценке сказалось различие

в культуре донцов двух поколений. П. П. Сахаров, сын донского священника неказачьего происхождения, родился в 1884 году, через 59 лет после рождения М. Х. Сенюткина. В качестве историка он сформировался в условиях социокультурных потрясений начала XX века, когда для интеллигенции, в том числе из казачества и из церковной среды по своему происхождению, стало весьма характерно критическое отношение к религии и увлечение атеизмом. Отсюда полное неприятие П. П. Сахаровым религиозного объяснения истории, в том числе истории казачества. Что же касается характеристики им М. Х. Сенюткина в качестве казакомана, то к началу XX века подобная характеристика ещё сохранялась на Дону в общественной жизни. Появилось же она в период буржуазных реформ императора Александра II, когда среди формировавшейся казачьей интеллигенции возникла идея, согласно которой облегчение тягот военной службы создаст предпосылки для подъёма экономики и культуры на территориях расселения казачества. Странники этой идеи получили название прогрессистов. Их противников, которых было значительно больше и которые были сторонниками сохранения традиционного казачьего уклада и воинского образа жизни, называли казакоманами [2].

Родился М. Х. Сенюткин 9 сентября 1825 года в семье казачьего дворянина станицы Усть-Медведицкой, центре одноимённого сысского начальства [3]. Особенностью его сознания как личности, принадлежащей к небольшому по численности сообществу казачества, имевшему славное боевое прошлое, был глубокий интерес к своей истории. Сенюткин живо интересовался своими предками. Необычной судьбе одного из них, Захара Петровича Сенюткина, Михаил Христофорович посвятил очерк.

В жизни Захара Сенюткина было несправедливое обвинение, окончившееся тюрьмой,

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

К 200-летию со дня рождения М. Х. Сенюткина

лишением дворянства и звания честного казака. Захар Петрович загладил это обвинение подвигами в русско-турецкой войне 1768—1774 годов и получил от фельдмаршала графа Румянцева в 1772 году *«открытый лист»*, которым восстанавливалось звание *«честного Войска Донского казака»*. Текст этого *«открытого листа»* М. Х. Сенюткин приводил в своём очерке полнотью [4, с. 53—54].

После окончания юридического факультета Харьковского университета Сенюткин поступил на службу в должности канцелярского служителя в хозяйственной экспедиции войскового правления. В следующем, 1849 году, его приняли на службу в две экспедиции, поземельной и хозяйственной, в дьяческой должности, относящейся к организации делопроизводства, с пожалованием чина сотника. В 1851 году он становится переводчиком при войсковом правлении и редактором *«Донских войсковых ведомостей»*.

«С 1852 года под редакторством М. Х. Сенюткина в газете появляется неофициальная часть: история края, история культуры, быт донских станиц, интересные личности. В 1854 году печатаются статьи об Иване Платове (отце знаменитого атамана), о Пугачёве, отражающие отношение официальных властей Донской области к стихийной борьбе беднейшего казачества и крестьянства...» [5].

Вообще в печати того времени неофициальные отделы газет заслуженно пользовались особым интересом читателя и способствовали увеличению числа подписчиков.

Об успешной его службе свидетельствовало повышение в чинах. В 1853 году он был произведён в есаулы, в 1860-м — пожалован чином войскового старшины, в 1871-м — чином подполковника. После семилетнего руководства редакцией *«Донских войсковых ведомостей»* Сенюткин в 1858 году, в соответствии со своим юридическим образованием, был избран дворянством Усть-Медведицкого округа Земли войска Донского на должность судьи окружного сыскального начальства. В 1863—1867 годах Сенюткин трудился в должности товарища председателя войскового коммерческого суда. Как писал сам Михаил Христофорович в очерке *«Нечто о волках на Дону»*, он в период крепостного права имел своих крестьян, и *«отношения у нас с крестьянами были всегда чисто патриархальные»* [4, с. 88].

За время своей службы Сенюткин опубликовал ряд произведений в *«Донских войсковых ведомостях»*, а также в журналах *«Современник»* и *«Военный сборник»*. Свои публикации

он объединил в сборнике *«Донцы»*, вышедшем в свет в 1866 году в Москве и посвящённом наследнику престола, будущему императору Александру III. Большая часть публикаций касается донской истории. Как историк он был вполне подготовлен. На это указывает хотя бы его статья *«Несколько слов о годе. По поводу нового года»*, в которой он проследил историю календарей от египетского до юлианского и григорианского, а также говорил о датах нового года в разных культурах [4, с. 145—154].

Сенюткин много работал в новочеркасском войсковом архиве вплоть до 1858 года, когда в архиве случился пожар. За это время он написал и опубликовал два очерка из истории донского казачества 70-х — начала 80-х годов XVIII века: *«Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачёва в 1773 и 1774 годах»* [6, с. 1—88] и *«Военные действия донцов против ногайских татар в 1777—1783 годах»* [6, с. 90—180]. Очерки основаны на использовании архивных документов и литературы. Как настоящий историк, он оценил значимость документов как источников информации и некоторые из них опубликовал.

В первом очерке Сенюткин обратил особое внимание на внутреннее положение Дона накануне и в период событий 1773—1774 гг. По его оценке, это были *«чёрные годы для Дона»*, когда на казаков обрушились *«все бедствия»*. Опасность, писал он, исходила для них от Пугачёва *«со страшною толпою своих сообщников»*, угрожали казакам также *«нагайские татары, черкесы»* и *«крымско-турецкий хан Девлет-Гирей»*, с востока опасность исходила от *«киргиз-кайсаков и дербетовских калмык»*, которые разоряли хутора, *«угоняя целые стада лошадей и рогатого скота»*. Также опасность представляли, как писал Сенюткин, *«множество разбойников и бродяг всякого рода, самовольно вышедших из России или бежавших от страха, наведённого Пугачёвым»* [6, с. 1]. В то же время, отмечал он, казаки, способные нести боевую службу, находились не на Дону, но на театре военных действий русско-турецкой войны, на Кавказе или действовали против пугачёвцев. Очень мало оставалось на Дону артиллерии. Также, указывал Сенюткин, сказывались последствия неурожая 1773 года. В столь тяжёлом положении, однако, проявлял распорядительность наказной атаман полковник Семён Никитич Сулин, деятельность которого Сенюткин оценивал очень высоко. Конечно, характеристика Сенюткиным общего положения на Дону за 1773—1774 гг., при всей своей чёткости достаточно беглая. Тем не менее, она представляет немалый интерес

для современных историков, для которых повседневность жизни и проявления культуры повседневности составляют всё более интересный объект научного исследования.

Не меньше внимания привлечёт характеристика Сенюткиным предводителя восстания, Емельяна Пугачёва. Интерес к этой характеристике, пожалуй, не в содержании её самой по себе (она весьма стандартна для дворянских историков), а в том, что Сенюткин относился к историографии не только казачьей, но и дворянской, как донской казак-дворянин. Она в том, насколько устойчивым было в дворянской среде резко негативное отношение к восставшему народу и к его предводителю, которое проявлялось со времени написания по горячим следам восстания «Краткой повести о бывших в России самозванцах» его современником князем М. М. Щербатовым.

И, наконец, особое внимание вызовет критика Сенюткиным А. С. Пушкина, который, по его мнению, в своём историческом труде, посвящённом восстанию, «выставляет донцов не иначе, как предающихся самозванцу». Пушкин, по словам Сенюткина, «умалчивает о таких блистательных подвигах, совершённых донцами в сию смутную эпоху, которые засвидетельствованы весьма замечательными людьми того времени, как-то: Михельсоном, графом Паниным и князем Потёмкиным» [6, с. 11]. Аналогичное критическое отношение к изображению Пушкиным казаков в Пугачёвском восстании выражал историк уральского казачества, современник Сенюткина, Иоасаф Игнатьевич Железнов в своей «Критической статье на Историю Пугачёвского бунта А. С. Пушкина» [7]. По словам этого историка, Пушкин был неправ, когда заявлял, что «яицкие казаки выдумали самозванца, чтобы иметь предлог побуйнить и посвоевольничать». Согласно Железнову, наоборот, «Пугачёв обманул, обольстил простых и бесхитростных казаков, выдав себя за государя» [7]. По существу, в данном случае всё-таки ближе к истине были не казачьи историки, но Пушкин, поскольку и яицкие казаки были вовсе не такими наивными и сами использовали Пугачёва в своих интересах и активно участвовали в восстании, и часть донских казаков даже поддержала восставших [8].

Заметной особенностью исторических сочинений Сенюткина было его внимание к человеку в истории. Прежде всего, он стремился представить выдающихся казаков, причём не только их боевые подвиги, но и выделить их человеческие достоинства. Особенно заметна в этом отношении характеристика атамана

Алексея Ивановича Иловайского, который находился на своем посту с 1775 по 1796 год. По оценке Сенюткина, данной им в очерке «Военные действия донцов против нагайских татар в 1777—1783 годах», атаман Иловайский «*был человек деятельный, набожный, добрый, честный, преданный престолу и отечеству, доступный для всех и за то любимый и уважаемый казаками*». Но, в соответствии с темой очерка, этот атаман, «*русский по происхождению и казак душою*», имел «*постоянное нерасположение ... к нагайцам*» [6, с. 95]. Целую серию очерков Сенюткин посвятил донским старшинам. При работе над этой серией Сенюткин ставил перед собой задачи как научные, так и такие, в которых выражалось стремление представить русскому обществу исторические заслуги донских казаков. Было обычно, писал он, что «*деды наши, подобно гревним римлянам, служа отечеству из чести, мало заботились о наградах за службу и многие из них за блистательные подвиги довольствовались скудными наградами*» [4, с. 11]. В публикациях, исходивших от казачьих авторов, подобное стремление было заметно ещё со времени выхода в свет восьмого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где говорилось, что происхождение казаков «*не весьма благородно*» [9]. Но Сенюткин, прямо сравнив казаков с римлянами, которые в мировой культуре считаются воплощением боевой доблести, вводил образ казака-героя в контекст европейской культуры, близкой российскому дворянству. Что касается старшинского звания, которое получали наиболее заслуженные казаки, то можно согласиться с выводом Сенюткина, согласно которому казаки, имевшие это звание, «*пользовались на Дону большим влиянием*» с того времени, когда при Петре I упало значение Войскового круга, а царь стал утверждать войскового атамана [4, с. 8]. Во всяком случае, при изучении вопроса о чинах и чинопроизводстве у донских казаков исследование Сенюткина о донских старшинах заслуживает самого серьёзного внимания.

Особое внимание уделял Сенюткин своим землякам, казакам Верхнего Дона. Он опубликовал в 1857 году большую статью «Несколько слов о верховцах, по поводу статьи А. Леонова: о происхождении слов — чага и тума» [4, с. 113—127].

А. А. Леонов, известный донской поэт, журналист и собиратель фольклора в своей статье «О происхождении слов — чага и тума» [10] дал несколько характеристик казакам Верхнего Дона, которые возмутили Сенюткина. Даже французы, писал Сенюткин, не отнимали

у казаков *«общечеловеческого достоинства — разума»*, но отнимал казак Леонов [4, с. 113]. В то же время, отрицая негативные характеристики верховцев, данные Леоновым, Сенюткин признавал различия между казаками Верхнего и Нижнего Дона, и видел причину их в *«различии их происхождения»* [4, с. 121]. Состояла она в том, что верховцы *«чисто русские люди»*, *«в них русских дух, русская могучая натура, русская славянская кровь, почти без всякой примеси посторонних начал»*. В то же время на Нижнем Дону *«русский элемент, положенный в основание казачества, весьма много поглощён малороссийским и азиатским»*, и указывал на *«влияния» «греков, армян, турок, черкес, татар и даже калмык»* [4, с. 122]. Различия, указывал Сенюткин, проявлялось во внешнем виде, в особенностях речи, в занятиях и особенностях характера. В целом несходство между казаками на Нижнем и Верхнем Дону отмечались разными авторами, начиная с генерала А. И. Ригельмана и есаула Е. Н. Кательникова. Указывали на них также авторы, писавшие после Сенюткина, включая географа В. В. Богачёва, автора вышедших в 1919 году *«Очерков географии Всевеликого войска Донского»*. Но кое-что интересное в этот известный в целом вопрос Сенюткину внести удалось. Говоря об учёбе детей из верховых и низовых казаков в новочеркасской гимназии, он обратил внимание, что *«верховые дети в науках часто превосходят низовых, но зато редко равняются с ними в искусствах (как-то: рисовании, музыке и танцах)»*; такие различия заметны и *«между девицами»* [4, с. 124].

При всём своём интересе к прошлому казачества талантливому историку и писателю Сенюткину не удалось создать общего труда по донской истории. Но свои мысли он высказал в очерке *«Взгляд на историю Войска Донского»* [4, с. 157—192]. По его мнению, донская история заслуживает самого внимательного и серьёзного изучения, а из числа тех, кто писал на эту тему, он считал достойным только В. Д. Сухорукова. Сенюткин решительно отрицал точки зрения о происхождении казаков от амазонок, хазар, черкес и татар, подчёркивая их русское происхождение. В то же время он признавал влияние *«малороссиян»*, которых в XVI—XVII вв. называли черкасами, и от которых произошло название Черкасского городка, ставшего с 1644 года столицей Войска Донского [4, с. 163]. Не менее решительно он отрицал распространённую в историографии точку зрения, согласно которой раннее сообщество донских казаков представляло собой *«скопище бродяг, разбойников и беглецов из земли русской»*

[4, с. 163]. По мнению Сенюткина, разбойники не могли *«составить правильное сообщество»*, как не составили такое сообщество, по его словам, такие сообщества, как *«алжирские пираты, итальянские бандиты и иллирийские ускоки (разбойники)»* [4, с. 165]. Не разбойники, но *«вольные выходцы из земли Русской, воины христовы, обрекшие себя на вечную брань с магометанами за веру Христову, за Русь православную»* [4, с. 166].

Не в силах, однако, понять движущие силы и характер сложного процесса возникновения казачества, Сенюткин сослался на *«дело Провидения, которого пути непостижимы»*. *«Промысел невидимо управляет судьбами царств и народов, спасая избранными из них чудными средствами от гибели»*, — писал он. Такими *«избранными»* народами были разные, в том числе среди них он видел *«Русь, ослабленную междоусобиями и беспорядками удельной системы»*. Для спасения *«избранной»* Руси от *«беспорядков удельной системы нужны были татары»*, также посланные Провидением. Эти же татары *«дали средство умным московским князьям сплотить»* Русь *«из разных кусков в одну твёрдую несокрушимую массу»*. Но затем *«избранной»* Руси потребовалось спасение уже от татар, и для этого *«нужны были быстрые, отважные и непобедимые витязи — казаки»* [4, с. 168], которые и были посланы Провидением. В качестве доказательства он указывал, что *«донцы в продолжение своего существования остаются верны своему призванию — вечной брани с врагами отечества»* [4, с. 169].

Возникшее, по высшей воле, согласно Сенюткину, донское казачество имело свою *«первоначальную (древнюю) историю»*, которую он не без налёта романтизма сравнивал *«с лунною ночью»*, и писал, что *«туманный мрак облегает первое появление донцов на Руси»*. Оно, считал Сенюткин, произошло значительно раньше общепринятой даты, 1549 года, от которой имеется первое упоминание о донских казаках. Иначе, по его мнению, донские казаки просто не смогли бы к концу XVI века иметь цепь городков по Дону, стать *«грозою» «для турок, татар и черкес»*, и даже *«завоевать Сибирь, утвердиться на Кавказе, оцепить своими пикетами почти всю Россию от Дона до Амура и берегов Тихого океана»* [4, с. 169]. Первые *«пра-родители»* казаков, запорожских и донских, появились, на взгляд Сенюткина, со второй половины XIV века, причём предками донских казаков были *«по всей вероятности новгородцы — потомки варяго-русов»*, *«люди военные, славянолюбивые и вместе набожные»* [4, с. 171].

Он приводил доказательства, в которых использовались сомнительные лингвистические изыскания. Так, слова «атаман» и «станция» он возводил к норманнским «Watman» и «stan»; проводил параллель между названием Новгорода Великим и употреблением слова «Великое» в отношении Войска Донского. Он также в качестве аргумента приводил летописное известие о побегах и поездках новгородцев на Волгу, что, якобы «без сомнения», вело к образованию волжского и донского казачества [4, с. 208]. Последующий текст направлен на доказательство верной службы Войска Донского России. Он приводит при этом слова из народной песни, согласно которой за участие во взятии Казани в 1552 году царь пожаловал казакам, которых возглавлял атаман Ермак, «славный тихий Дон со всеми его реками и проточками». Версия о пожаловании Дона казакам за «казанскую службу» была распространена и популярна среди донцов, однако никакого научного подтверждения её нет, и казаки появились на Дону не по царскому пожалованию. Это, очевидно, понимал Сенюткин, но не опроверг её. Говоря о походе казаков в Сибирь, он заявлял, что поход проходил под предводительством «донского атамана Ермака Тимофеевича» [4, с. 173]. Но даже на Дону Ермака донским казаком совершенно справедливо не признали, поскольку источники не содержали сведений, позволявших делать такой вывод. Поэтому на памятнике Ермаку в Новочеркасске В. В. Микешина и В. А. Беклемишева, поставленном в 1904 году, была надпись «Ермаку донцы», но без указания на то, что выдающийся атаман был донским казаком.

И в дальнейшем, согласно Сенюткину, вся история Войска Донского представляла собой непрерывную цепь боевых подвигов и верной службы самодержавию. Он при этом отметил особо взятие Азова в 1637 году и Азовское осадное сидение 1641 года. Но он не мог умолчать о Степане Разине и Разинском восстании. О С. Разине Сенюткин писал, как о «человеке, на самом деле одарённом блистательным военным талантом, необыкновенною силою воли, отвагою и предприимчивостью». Но для своей деятельности он, в отличие от Ермака, не имел «достойного поприща». Поэтому он «ознаменовал жизнь свою только разбоями», и «кончил её, как злодей, проклинаемый церковью» [4, с. 180]. Упоминание Разинского восстания давало повод Сенюткину заявить о связи между историей донского казачества и народными восстаниями, поскольку в русской культуре XVII—XVIII вв. был распространён взгляд на казаков как не только на разбойников,

но и как на бунтовщиков. Такой взгляд Сенюткин решительно отрицал. Эти бунты, по его словам, «всегда составляли аномалию в жизни казачества». В доказательство он приводил факты, когда сами казаки участвовали в подавлении «бунтов» не только Разина, но и Кондратия Булавина и Емельяна Пугачёва. Впрочем, Сенюткин понимал, что для Булавинского восстания имелись объективные причины, которыми являлись «крутые меры Петра Великого» [4, с. 181] в отношении донских казаков.

Со времени Петра I Сенюткин видел наступление нового этапа в истории Дона. Заключался он в том, что с этого времени донцы уже не вели войны самостоятельно, но только в составе российской армии [4, с. 182—183]. Это верно, но такая характеристика нового периода в донской истории была далеко не полной и неглубокой. Всего через несколько лет после публикации книги Сенюткина, в 1872 году, когда отмечалось двухсотлетие со дня рождения Петра I, в «Донских областных ведомостях» приводилось изложение речи учителя новочеркасской гимназии Норова на торжественном заседании по случаю юбилея. В этой речи значение петровских реформ для Дона связывалось не только с подчинением казачества государству, но и с возможностью для донских казаков «принять участие в плодах той великой реформы, которая несла к нам истинный свет европейского просвещения, добытого тысячелетиями исторической жизни западных народов» [11]. Но следов постепенно распространявшегося «европейского просвещения» на Дону Сенюткин не замечал и уделял в заключении своего очерка внимание боевым подвигам выдающихся донских военачальников, получивших титул графа, Фёдора Петровича Денисова и Матвея Ивановича Платова.

Общей истории донского казачества Сенюткин создать не успел. Но, судя по этому очерку, если бы она была написана, она не выходила бы за рамки военной истории, с объяснением со ссылкой на волю Провидения. Ко второй половине XIX века, когда на базе позитивизма формировались вполне научные модели исторического исследования, концепция истории со ссылкой на высшие силы не могла быть принята наукой. Но видение истории донского казачества Сенюткиным вполне соответствовало традиционному мировоззрению донского сообщества. Отсюда основание для характеристики Сенюткина П. П. Сахаровым в качестве казакомана. Тем более, что даже в очерке, посвящённом донской торговле («Заметки на проект Положения о торговле в Войске Донском»),

он заявлял, что «*Войско Донское было, есть и будет для России всегда необходимо нужно не своею промышленностью, а своею боевою силою — ничем незаменимою лёгкою кавалериею и артиллериею*» [4, с. 135]. В этом Сенюткин видел то, что тем самым донское казачество «*идёт своим путём к прогрессу*» [4, с. 135]. Но в то время, когда традиционалист Сенюткин видел путь к прогрессу в сохранении лёгкой казачьей кавалерии, разворачивались модернизационные процессы, в том числе на Дону, и промышленная революция постепенно начинала распространяться на военное дело, что создавало предпосылки для постановки вопроса об историческом месте казачества в условиях формирования индустриального общества Нового времени.

Таким образом, Сенюткин в полной мере проявил себя в своих исторических и публицистических произведениях как «религиозный казакоман», как консерватор, ценивший донские традиции и казачью культуру. Тем не менее, он представляет собой личность несомненно интересную для нашего времени, поскольку в ней нашла своеобразное выражение культура донской казачьей интеллигенции в период нараставшего кризиса старого жизненного уклада, к которому они привыкли и с которым срослись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сахаров П. П. Развитие историографии вольного русского казачества (критико-библиографический очерк) // Ростовский областной музей краеведения. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15. Л. 13.
2. Перетяшко А. Ю. Цена крови: документы 1860—1890 гг. о эффективности казачества как экономического института: документ. исследование в 3 т. Т. 1 : 1860 г. Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Южного федер. ун-та, 2019. С. 94.
3. Донцы XIX века. Ростов н/Д. : Изд-во NB, 2003. С. 439.

4. Сенюткин М. Ф. Донцы : Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского Михаила Сенюткина. Ч. 2. С прил. актов и таблицы регалий Войска Донского. М. : В типографии С. Селивановского, 1866.
5. Тарасова М. Н. Первая донская газета // Донской временник. Год 2009-й : Краеведческий библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2008. С. 154—155.
6. Сенюткин М. Ф. Донцы : Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского Михаила Сенюткина. В двух частях [Ч. 1]. С прил. актов и таблицы регалий Войска Донского. М. : В типографии С. Селивановского, 1866.
7. Железнов И. И. Уральцы : Очерки быта уральских казаков // Полное собрание Иосафа Игнатьевича Железнова. Т. 2. Изд. 3-е, посмертное с доп. и включением всех неизданных статей под ред. Н. А. Бородин. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1910. С. 318.
8. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке / Ростовский-на-Дону гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1961. С. 312, 315, 316.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. М. : Книга, 1988. Стб. 86.
10. Леонов А. О происхождении слов — чага и тума // Донские войсковые ведомости. 1857. 25 мая (№ 20). С. 85—88; 1857. 3 июня (№ 21). С. 89—92.
11. Новочеркасск, 30 мая // Донские областные ведомости. 1872. Часть неофициальная. 30 мая (№ 21). С. 1.

В. Т. СИДОРЕНКО

ВЛАДИКАВКАЗСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В ПЕРЕЛОМНЫЕ ГОДЫ

1917—1920

В. Т. Сидоренко

21 ноября 2023 года ушёл из жизни замечательный краевед Виталий Трифонович Сидоренко. До своего 94-летия он не дожил всего полтора месяца. Виталий Трифонович стоял у истоков Ростовского областного краеведческого общества «Донской краевед». Он не только занимался собственными исследованиями — главная его тема — история Северо-Кавказской железной дороги, но и находил время для консультации юных краеведов (в начале 2000-х годов при отделе краеведения Донской публичной библиотеки старшеклассники готовили работы на российские конкурсы «Отечество» и «Человек в истории. Россия — XX век»).

Виталий Трифонович Сидоренко родился в 1930 году в станице Новоминская Краснодарского края. Вывезен родителями в младенческом возрасте в село Дивное Ставропольского края, куда раскулаченная казачья семья была выслана на поселение. Окончил там среднюю школу. Затем он поступил в Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта (РИИЖТ). В 1952 году получил диплом инженера по эксплуатации железных дорог. Всю

трудовую жизнь посвятил железнодорожному транспорту.

Первоначально работал непосредственно на производстве: дежурным по станции, дежурным по путям, инженером на станциях Волховстрой и Медвежья Гора Кировской железной дороги (г. Волхов Ленинградской области и г. Медвежьегорск Карельской АССР). С 1965 года и до выхода на пенсию — на разных должностях в управлении Северо-Кавказской железной дороги в Ростове-на-Дону.

С юных лет зачитывался художественной литературой, прежде всего отечественной и зарубежной классикой. Его библиотека насчитывала более двух тысяч томов. Духовные запросы и личные пристрастия побуждали Виталия Трифоновича к общению с краеведами, писателями, художниками, участниками историко-литературного товарищества «Шолоховский круг». С возрастом стал всё больше интересоваться историей железных дорог Северного Кавказа и Дона, историей родного края. Многие годы занимался разысканием, сбором, изучением интересовавших его исторических материалов. Статьи В. Т. Сидоренко печатались в журнале «Дон», ежегоднике «Донской временник», ведомственной газете «Гудок», дорожной газете «Звезда». Автор ряда книг, среди которых «Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги» (2001, 2002), «Путешествие в историю Северо-Кавказской железной дороги. 1860—1920» (2017), «К 150-летию прибытия в Ростов-на-Дону первого поезда, 1868—2018» (2018), «Путешествие в историю Северо-Кавказской железной дороги: 1920—1991» (2020), «Северо-Кавказская железная дорога в годы Великой Отечественной войны» (2020).

В. Т. Сидоренко ветеран труда, почётный железнодорожник, член Союза краеведов России. Над статьёй, предлагаемой вниманию читателя, Виталий Трифонович работал в 2023 году вплоть до своего ухода в ноябре.

С. В. Сидоренко

Накануне революционных событий 1917 года на Северном Кавказе функционировали четыре самостоятельные железные дороги:

Вступительная статья и публикация Сергея Витальевича Сидоренко, ведущего инженера Северо-Кавказского регионального центра безопасности — структурного подразделения ОАО «Российские железные дороги»

Владикавказская, Ейская, Армавир-Туапсинская и Черноморско-Кубанская. Все они были частными, строились и эксплуатировались силами и средствами акционерных обществ. Ещё одна, тоже акционерная, Черноморская железная дорога в то время ещё строилась и не была принята в эксплуатацию.

Старейшая и крупнейшая из них Владикавказская железная дорога пересекала рельсовыми путями весь Северный Кавказ и Предкавказье от Ростова-на-Дону до Баку и от Царицына до Новороссийска. Для осуществления перевозок дорога располагала необходимой инфраструктурой: станциями и вокзалами, паровозными депо и ремонтными мастерскими, путевым, пассажирским и грузовым хозяйством, устройствами сигнализации, связи, водоснабжения; имела достаточное количество своих паровозов и вагонов. Помимо железнодорожного хозяйства Владикавказская дорога владела крупнейшим в России и Европе хлебным элеватором на станции Новороссийск и малыми элеваторами на ряде других станций, портовыми сооружениями в Новороссийске, Петровске и Царицыне, нефтеперерабатывающим заводом в Грозном и нефтепромыслами в Терской области. Для обслуживания своих работников строила и содержала больницы и санатории, технические училища и общеобразовательные школы, приют для детей-сирот на станции Тихорецкая, жилые дома, общежития.

Управление всем этим хозяйством и руководство перевозками осуществлялось Управлением дороги, которое располагалось в Ростове-на-Дону и подчинялось правлению Главного общества российских железных дорог, находившемуся в Санкт-Петербурге.

В начале XX столетия Владикавказская железная дорога входила в число наиболее успешных, динамично развивающихся, высокодоходных частных железных дорог России.

В 1910-е годы, преодолев негативные последствия революционных событий 1905 года, железная дорога продолжала успешно развиваться, обновлять техническую вооружённость, укладывать вторые пути, наращивать перевозки грузов и пассажиров. Управляющим Владикавказской дороги с 1909 по 1915 год был Эдуард Брониславович Кригер-Войновский¹, председателем правления Общества Владикавказской железной дороги — Владимир Николаевич Печковский (с 1910 г. по май 1917 г.).

Некоторые трудности возникли в 1914 году с началом Первой мировой войны. Но самые

*Управляющий Владикавказской дороги
Э. Б. Кригер-Войновский (1909—1915)*

*В. Н. Печковский, председатель правления
Общества Владикавказской железной дороги
(1910 — май 1917 г.)*

¹ В разных источниках встречается разное написание фамилии: Войновский-Кригер, Кригер-Войновский, Кригер.

тяжёлые для железной дороги времена наступили в 1917-м, когда после Февральской революции на смену царскому самодержавию в России сформировалось Временное правительство из представителей правой буржуазии (так называемых министров-капиталистов) и крупных помещиков.

Первые месяцы действовал и другой орган власти — объединённый Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. 2(15) марта 1917 года он издал «Приказ №1», которым провозглашалась выборность воинских командиров, создавались выборные комитеты из нижних чинов, в распоряжение которых передавалось всё наличное оружие с запретом выдачи такового офицерам. Этот документ, упраздняющий основополагающий для любой армии принцип единоначалия, вызвал неудержимый процесс падения дисциплины и боеспособности русской армии, разложения солдатской массы на фронте и в тылу. Издание такого приказа во время затяжной войны России с сильным и беспощадным врагом предопределило развал российской армии — станового хребта государства, который создавался и оттачивался столетиями.

В мае 1917 года А. Ф. Керенский, военный министр Временного правительства, издал «Приказ по армии и флоту», близкий по содержанию «Приказу №1», окончательно подорвавший устои российской армии.

А на железных дорогах сразу после Февральской революции стали создаваться профессиональные союзы. На съезде делегатов от служащих, мастеровых и рабочих Владикавказской дороги, проходившем с 25 по 31 марта в столовой Ростовских мастерских, был принят устав Союза работников дороги, избран Дорожный комитет и делегаты на Всероссийский съезд железнодорожников.

На открывшемся 15 июля 1917 года в Москве первом Всероссийском учредительном съезде железнодорожников был избран исполнительный Комитет всероссийского союза железнодорожников (Викжель). Съезд подтвердил сложившуюся к тому времени структуру управления профсоюзов на местах: на железных дорогах сохранялся Дорожный комитет, которому подчинялись комитеты мастерских, депо, станций.

Викжель в центре и профсоюзные комитеты на местах стали вмешиваться в работу администрации железных дорог, стремясь взять под свой контроль управление железными дорогами.

В российском обществе между тем первоначальное радостное упоение свободой сменилось жестоким разочарованием. Вместо

вожделенных перемен к лучшему всё явственнее проявлялись зловещие признаки разложения армии, расширялись дезертирство солдат, разгул преступности, митинговщина, забастовки рабочих в городах и крестьянские бунты в деревнях.

Временное правительство оказалось не способным управлять страной. Тем, кто в феврале пришёл к власти, недоставало ни воли, ни умения, чтобы остановить нараставшие в стране губительные процессы. Революционный слом российской государственности и привычного жизнеустройства и бездарное руководство страной Временным правительством обусловили стремительное разрушение великой державы.

Обстановка на Владикавказской железной дороге с каждым днём ухудшалась. Неуправляемая солдатская вольница, самовольно оставившая фронт, неудержимым потоком устремилась вглубь страны, устраивая на попутных станциях и в поездах пьяные драки с перестрелками и нападениями на железнодорожных служащих. Всё чаще совершались разбойные нападения и грабежи, преимущественно на южных участках дороги. Местные *«абреки из туземных хуторов»* совершали набеги на путевые дома, грабили имущество околоточных обходчиков и сторожей, угоняли домашний скот, поджигали строения.

В ноябре 1917 года были сожжены и разграблены все путевые здания на участке от Гудермеса до Грозного. При нападении на разъезд Истису трое рабочих, оказавших сопротивление, были убиты, остальные служащие успели скрыться, всё железнодорожное имущество и личные вещи служащих были разграблены, а строения сожжены. Такая же участь постигла разъезды Аргун, Джалка, Ханкала. На станции Гудермес разбили и опустошили более сотни товарных вагонов, один из них оказался с вином, казаки и солдаты, охранявшие станцию, перепились. В январе 1918 года сгорели пакгаузы на станции Владикавказ. На участке Беслан — Грозный многие мосты были взорваны, отверстия под ними завалены вагонами. Местами на перегонах разобрали верхнее строение пути, вывезли рельсы, шпалы, телеграфные столбы, провода. Случаи разборки рельсовой колеи наблюдались на участках Екатеринодар — Крымская, Екатеринодар — Тихорецкая, Армавир — Кубанская и др. Многие служащие дороги, опасаясь за свою жизнь, вместе с домашними бежали из Грозного, Гудермеса, Владикавказа. Беженцев приходилось расселять и трудоустраивать по другим станциям.

25 октября (7 ноября) 1917 года в результате вооружённого восстания власть в Петрограде перешла в руки военно-революционного комитета (ВРК) Петроградского совета. Восставшими был взят Зимний дворец, Временное правительство арестовано. На следующий день Всероссийский съезд советов избрал ВЦИК и создал советское правительство — Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В. И. Лениным — вождём партии большевиков.

Н. П. Осипов, управляющий Владикавказской железной дороги (1916—1918)

Викжель не спешил признавать советскую власть, угрожал всеобщей забастовкой железнодорожников. А 20 ноября (3 декабря) 1917 года заявил о признании советской власти при условии, что ему (Викжелю) будут переданы функции управления железнодорожным транспортом страны. Однако позиция, занятая Викжелем, вызвала недовольство немалою числа рядовых членов профсоюза. И в январе 1918 года был созван чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников, который избрал новый руководящий орган профсоюза — Всероссийский исполком союза железнодорожников (Викжедор), ставший на позицию поддержки советского правительства. В марте 1918 года декретом СНК непокорный Викжель был распущен.

Что же происходило в те революционные дни в Ростове-на-Дону?

26 октября, на второй день после победы в Петрограде вооружённого восстания, Ростово-Нахичеванский совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил в городе советскую власть, создал военно-революционный комитет, взял под свой контроль почту, телеграф и другие учреждения.

Управляющим Владикавказской железной дороги был тогда Николай Павлович Осипов (с 1916 г.). Председателем правления Общества — Э. Б. Кригер-Войновский (с мая 1917 г.), который с ноября 1915 года служил в МПС в Санкт-Петербурге — сначала в Управлении железных дорог, затем товарищем министра и с декабря 1916 по февраль 1917 года — министром путей сообщения царского правительства.

А в Новочеркасске сразу после падения Временного правительства войсковой атаман А. М. Каледин издал приказ, которым объявил, что с 25 октября Войсковое правительство, впредь до восстановления порядка в России, принимает на себя всю полноту власти в Донской области. Бежавшие из революционного Петрограда военачальники и общественные деятели, не принявшие Октябрьскую революцию, стекались в Новочеркасску. Здесь было положено начало Алексеевской организации, составившей ядро Добровольческой армии — основной

П. С. Янушевский

А. И. Дунин-Слепец,
управляющий Владикавказской ж. д. 1918—1919 гг.

ударной силы контрреволюции на Юге России. 2(15) декабря 1917 года части белоказачьего войска Каледина, подавив сопротивление красногвардейцев, заняли Ростов.

В конце января 1918 года вступивший в командование Добровольческой армией генерал Л. Г. Корнилов перевёл её из Новочеркасска в Ростов. Но спустя месяц революционные войска вынудили его оставить Ростов и двинуться со своей армией на Кубань («Ледяной поход»). Белоказачьи части отступили в Сальские степи. К этому времени организованное Калединым контрреволюционное выступление донского казачества потерпело крах. Сам Каледин сложил с себя полномочия атамана и 29 января (11 февраля) 1918 года застрелился.

В Ростове-на-Дону 23 февраля 1918 года вновь установилась советская власть. Хозяином Владикавказской железной дороги объявили теперь Главный дорожный комитет профсоюза (Главком); председатель Главкома Виктор Феофилович Эккерт — бывший счетовод главного счетоводства управления дороги. Для непосредственного руководства эксплуатационной и хозяйственной деятельностью железной

дороги учреждается Совет комиссаров в составе десяти человек: И. Е. Должиков (председатель Совета), П. С. Янушевский (товарищ председателя), Д. Я. Быхов (секретарь), А. И. Дунин, Л. В. Зверев, П. П. Бертольдт, М. А. Буткевич, М. И. Мишуров, В. К. Третьяков, Т. Г. Хренов. Постановлением Главкома от 11 февраля 1918 года объявляются излишними должности управляющего дороги и второго его помощника, «...а посему состоящие в этих должностях инженеры Н. П. Осипов и П. Ф. Иорданов оставляются за штатом, причём инженеру Иорданову предоставляется трёхнедельный срок для освобождения общественной квартиры. По этой же причине вместо канцелярии управляющего дорогой учреждается канцелярия Совета комиссаров. Заведование делопроизводством возлагается на помощника секретаря службы пути Н. А. Сессаревского, а правителю дел К. Ю. Андерсу предоставляется двухмесячный отпуск с содержанием, по истечению которого он оставляется за штатом. Затем в интересах дела, — говорится далее в постановлении, — признать необходимым исполнение обязанностей начальника службы пути возложить на инженера М. П. Николаева, начальника службы пути инженера Б. И. Слободчикова уволить, по этой же причине уволить 2-го помощника начальника главного счетоводства В. Ф. Лесгафта и 2-го помощника начальника эксплуатации инженера В. И. Обухова, возложить его обязанности по заведованию коммерческой частью движения на Раевского...» [1, л. 1].

Подобные «демократические» принципы руководства, повсеместно внедрявшиеся сразу после Октябрьской революции, не способствовали оздоровлению обстановки на дорогах, а лишь усугубляли и без того критическое состояние железнодорожного транспорта. Декретом Совнаркома от 23 марта 1918 года «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности» был сделан первый шаг к единоначалию. Декрет предписывал избрать одного наиболее преданного советской власти руководителя, который бы после утверждения его кандидатуры НКПС, становился ответственным комиссаром дороги.

8 апреля Главком Владикавказской железной дороги, ссылаясь на этот декрет Совнаркома, извещает, что на дороге «избран ответственный комиссар с широкими полномочиями в лице тов. Мишурова [бывшего чернорабочего станции Тихорецкая. — В. С.]. Назначены ответственные агенты по службам тяги, эксплуатации, пути, главного счетоводства, контроля сборов в лице Янушевского, Зверева, Николаева, Бертольдта

и Вощина. Совет комиссаров упразднён. Вместо него по управлению дорогой сформирована коллегия из 12 лиц. <...> Распоряжения комиссара по всей дороге и пяти ответственных по службам агентов подлежат в пределах их компетенции неуклонному исполнению» [1, л. 77].

В это время Наркомат путей сообщения предписывает *«впредь до общего разрешения вопроса о национализации частных железных дорог Правление общества сохраняет свои полномочия и продолжает свою деятельность...»* [2].

Тем временем в Петроград прибывают из Ростова уполномоченные Главкомом комиссары М. Н. Милованов и К. Н. Аськов с требованием к правлению Общества о передаче всего движимого и недвижимого имущества, капиталов и документов Владикавказской железной дороги в распоряжение её служащих в лице Главкома.

1(14) марта председатель правления Э. Б. Войновский-Кригер собрал правление Общества для обсуждения создавшегося на дороге критического положения дел и выработки решений в ответ на требования прибывших из Ростова комиссаров.

17 марта из Петрограда ушла подписанная председателем правления телеграмма: *«Правление Общества осведомившись о событиях в Управлении признало, что установившийся порядок в управлении дорогой, при современных условиях и данном личном составе Главкома и Совкома, отвечает интересам дела. С другой стороны, при отсутствии правительственных распоряжений, меняющих положение Общества, Правление не вправе слагать своих обязанностей и ответственности, почему постановило продолжить свою деятельность, принимая все меры к обеспечению дороги денежными средствами и материалами. Сообщая об этом, желаю Главкому и Совкому полного успеха деятельности по восстановлению работы дороги на пользу общего дела и служащих. Подробный журнал высылается»* [3].

В протокольной записи этого журнала после обстоятельного анализа состояния дел на Владикавказской железной дороге, сообщалось постановление правления:

«а) Продолжить свою деятельность по общему управлению делами Общества и в частности, принимать по-прежнему все меры к обеспечению дороги денежными средствами и материалами.

б) О создавшемся положении в Обществе довести до сведения правительства и ближайшего общего собрания акционеров».

К этому времени Западный фронт русской армии разваливается, германские

войска беспрепятственно оккупируют все новые российские территории. Брестский мирный договор, подписанный 3 марта 1918 года, их не останавливает.

8 мая 1918 года немецкие войска заняли Ростов-на-Дону. В Новочеркасске белоказацье правительство во главе с атаманом П. Н. Красновым вступило в контакт с германскими оккупационными властями. Командование германских войск оказывало ему помощь вооружением и боеприпасами.

18 мая в адрес правления Общества в Петроград за подписью П. С. Янушевского ушла телеграмма: *«С 9-го мая восстановлены все упразднённые должности. Обязанности Н. [управляющего дороги — В. С.] исполняет Янушевский, заместителя — Зверев. Ожидаем решения Правления об устранённых лицах...»* [1, л. 94].

26 мая 1918 года атаман Краснов своим приказом предписывал *«действительному статскому советнику Николаю Павловичу Осипову немедленно вступить в исполнение своих прямых обязанностей управляющего Владикавказской железной дорогой»* [4].

Между тем Гражданская война на Дону и Северном Кавказе не утихала. Боестолкновения противоборствующих сторон и вылазки преступных элементов наносили огромный ущерб железнодорожному хозяйству. Вступивший в должность управляющего Н. П. Осипов, отвечая на вопросы корреспондента местной газеты сообщал: *«Какой ущерб нанесён дороге Гражданской войной, сейчас нельзя сказать даже приблизительно, потому что мы не знаем ещё, как велики произведённые разрушения. В пределах той части линии, о которой мы имеем уже сведения, разрушен 40-саженный мост у ст. Калялы. Возможно, что разрушены и другие мосты — у Куцёвки, например. Не исключается возможность и дальнейших разрушений на линии, так как военные действия ещё не прекращены. Разрушены не только мосты, здания, но уничтожается и подвижной состав, причём погибали высокой ценности пассажирские и бронированные вагоны и высокой мощности паровозы. Убытки трудно даже подсчитать и приблизительно, но я думаю, что они могут определить сотнями миллионов рублей»* [5].

Автор этих слов не мог предположить, что Гражданская война в этих краях будет длиться ещё два нескончаемо долгих года. В каждой отдельно взятой местности в зоне влияния Владикавказской железной дороги будет разыгрываться свой сценарий гражданской смуты со своим национальным колоритом и особенностями,

привнесёнными извне германскими, турецкими и британскими интервентами.

Участки железной дороги, переходившие под контроль то одной, то другой враждующей стороны, оказывались в то время разобщёнными и по существу не управлялись из единого центра. Надолго прерывалось сообщение управления дороги с железнодорожными подразделениями, расположенными к югу от Гудермеса. Правительство недавно созданной Азербайджанской республики отказывалось признавать право собственности Общества Владикавказской дороги на железнодорожную линию Дербент — Баку, построенной этим Обществом. Только благодаря настойчивости и решительным действиям руководителей на местах удалось сохранить эти отрезанные от Ростова линейные подразделения железной дороги в работоспособном состоянии, не допустить их полного разорения, удержать и в какой-то степени защитить служебный персонал.

В сложившихся обстоятельствах руководство дороги в январе 1919 года создаёт Южный отдел дороги и передаёт в его подчинение все подразделения участка, временно оказавшегося вне досягаемости управления дороги. Начальником Южного отдела с правами заместителя управляющего дороги назначается инженер С. П. Герман, заместителями — Н. Н. Липенский и С. Г. Туркулл. Порядок управления отделом определялся «Временным положением об отделе». Запасы наиболее необходимых материалов и продовольствия для нужд вновь созданного отдела были направлены кружным путём через Батум — Баку.

Тем временем председатель правления Общества Э. Б. Войновский-Кригер из Петрограда, кружным путём через Киев, переезжает в Ростов-на-Дону.

По его инициативе в сентябре 1918 года правление Общества Владикавказской дороги выпускает заёмные билеты (облигации) на сумму 60 млн. руб. с доходностью 5,4% сроком на два года. Гарантию по займу взяли на себя правительства Кубани и Дона. Положение о займе было утверждено командованием Добровольческой армии. Надзор за изготовлением, учётом и выпуском заёмных билетов осуществляла особая комиссия при Ростовской конторе Госбанка с участием представителя железной дороги. Заёмные билеты, выпущенные достоинством в 50, 100, 500 и 1000 рублей, пользовались спросом на Дону, Кубани, в Черноморской и Ставропольской губерниях; с начала 1919 года их охотно покупали по всему Северному Кавказу и Закавказью. В итоге правление Общества

Владикавказской дороги помимо покрытия текущих расходов на восстановление и эксплуатацию выделило кредиты Армавир-Туапсинской, Черноморско-Кубанской и Ейской железным дорогам.

В августе 1919 года Особое совещание при главнокомандующем Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) разрешило Обществу Владикавказской железной дороги, выпуск второго краткосрочного займа на 200 млн рублей. Это решение утвердили Донское, Кубанское и Терское правительства. Планировалось выпустить 50 000 билетов достоинством 1000, 5000 и 10 000 рублей. Но завершить намеченную финансовую операцию помешало последующее развитие событий.

В 1920 году с приходом советской власти денежные знаки и ценные бумаги, имевшие хождение при белых, в том числе и заёмные билеты Владикавказской дороги, были аннулированы. Все заёмные билеты, оставшиеся нереализованными, главной кассой управления дороги были списаны с учёта и уничтожены. А те, что оставались на руках у населения и частично сохранились до наших дней, стали теперь документальными памятниками своего времени и весьма ценными предметами коллекционирования.

В апреле 1918 года в войну на стороне Антанты вступили США. 9 ноября 1918 года в Германии началась революция, свергнувшая кайзера Вильгельма II. Германия 11 ноября капитулировала. Первая мировая война завершилась. 13 ноября советское правительство аннулировало Брестский мирный договор. Германские войска покинули Донскую область, последние эшелоны с немецкими солдатами ушли из Ростова 15 и 16 декабря 1918 года.

На смену германским интервентам на Юг России устремились войска стран Антанты. В середине ноября 1918 года в Чёрном море появилась эскадра военных кораблей «союзников» (линкоры, крейсера, миноносцы и пр.). Великобритания с Францией заключили соглашение, которым разделили Юг России по интересам: в зону интересов Британии отходил Северный Кавказ и Дон, Франции — Крым и Украина. 23 ноября английские войска захватили Новороссийск. Через этот порт интервенты из оставшихся военных запасов начали снабжать контрреволюционные войска вооружением, боеприпасами, снаряжением, обмундированием и вывозить богатства России: донскую и кубанскую пшеницу, грушевский антрацит и многое другое.

К концу 1918 года в руках белогвардейских войск Деникина оказался почти весь Северный

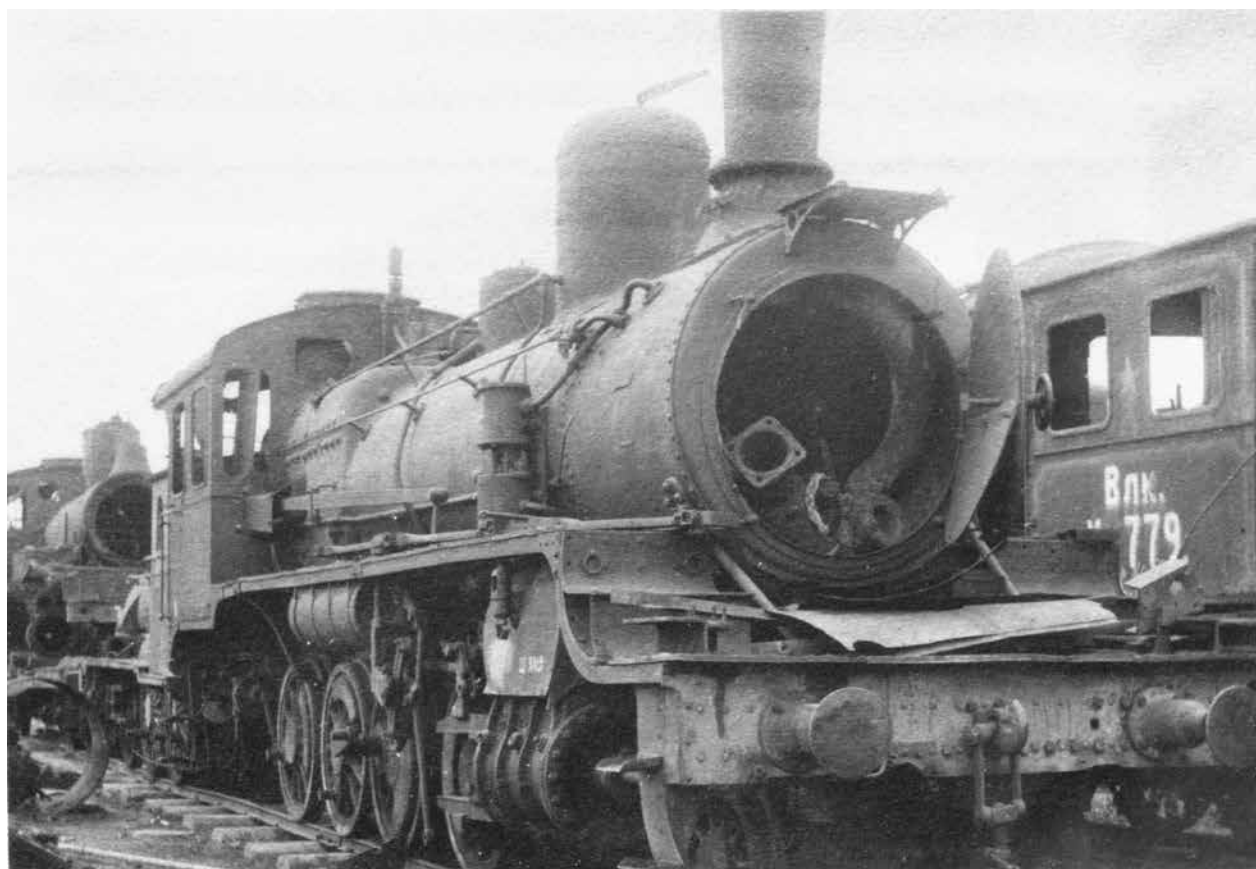
Кавказ. Донская белоказачья армия вела бои с революционными войсками на севере области Войска Донского. Поражение её под Царицыном и крах германской интервенции вынудили атамана Краснова, сторонника прогерманской ориентации, пойти на соглашение с Деникиным, ориентировавшимся на страны Антанты. 8 января 1919 года на базе Добровольческой армии были созданы Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) под командованием А. И. Деникина, в состав которых вошла и Донская армия.

В конце января 1919 года войска ВСЮР начали выдвигаться на север. А в марте в тылу Красной армии вспыхнуло вызванное репрессиями в отношении казачьего населения Вёшенское восстание, поддержанное казаками других станиц и хуторов Верхнего Дона.

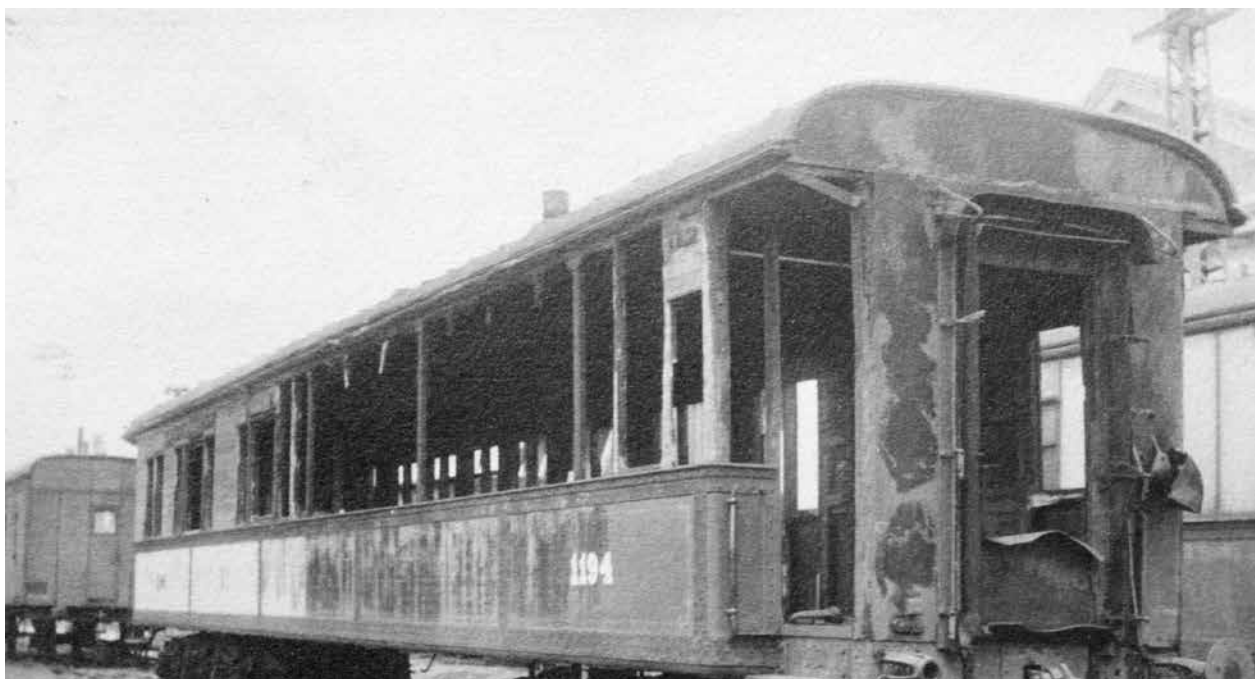
Между тем руководство Владикавказской железной дороги в связи со значительным ростом поступления военных грузов, поставляемых странами Антанты через Новороссийский порт, в мае 1919 года приняло решение о создании Новороссийского отдела управления дороги. Предполагалось, что этот отдел, объединив под своим руководством морской порт и все подразделения Новороссийского железнодорожного узла, будет иметь возможность оперативно

решать на месте все вопросы, связанные с организацией перевалки воинских грузов с морских судов на железную дорогу, с приёмом и отправлением поездов, рациональнее использовать подвижной состав, более оперативно решать вопросы с местными властями и представителями военного командования. Начальником отдела с правами заместителя управляющего дороги был назначен Н. Н. Соловьёв.

Вооружённые союзниками, переформированные и укомплектованные белогвардейские вооружённые силы под командованием Деникина летом 1919 года соединились с мятежниками верхнедонских станиц, захватили большую часть левобережной Украины, взяли Киев, вышли к Царицыну. В сентябре повели наступление на Курско-Орловском направлении с дальнейшими планами похода на Москву. После недавнего поражения войск Колчака на востоке основным фронтом борьбы с советской Россией для стран Антанты стало именно это наступление Деникина. Английское правительство открыло ему кредит на 15 млн фунтов стерлингов, увеличило поставку винтовок, пулемётов, орудий, самолётов, танков. Воинские грузы поставляли и США. При штабе Деникина находились английские, американские и французские военные миссии,

Разбитые паровозы. 1914—1920 гг.

Разбитые вагоны. 1914—1920 гг.

которые контролировали и направляли действия белогвардейского командования.

Но в ходе контрнаступления Красной армии ударная группировка ВСЮР была разбита и отброшена от Орла и Воронежа. В последующих боях белогвардейцы терпят одно поражение за другим, несут большие потери, откатываются на юг. Основные их силы отступают на Северный Кавказ, и небольшая часть — в сторону Крыма и Одессы. Владикавказская дорога вновь оказалась в зоне боевых действий. В декабре 1919 года по требованию командования ВСЮР «*ввиду близости фронта и затруднительности сношения Ростова с линией*» распорядительные органы, службы и части управления Владикавказской дороги были переведены в Екатеринодар, в Ростове же оставлена небольшая группа работников под руководством заместителя управляющего для ведения текущей работы без права распорядительных решений.

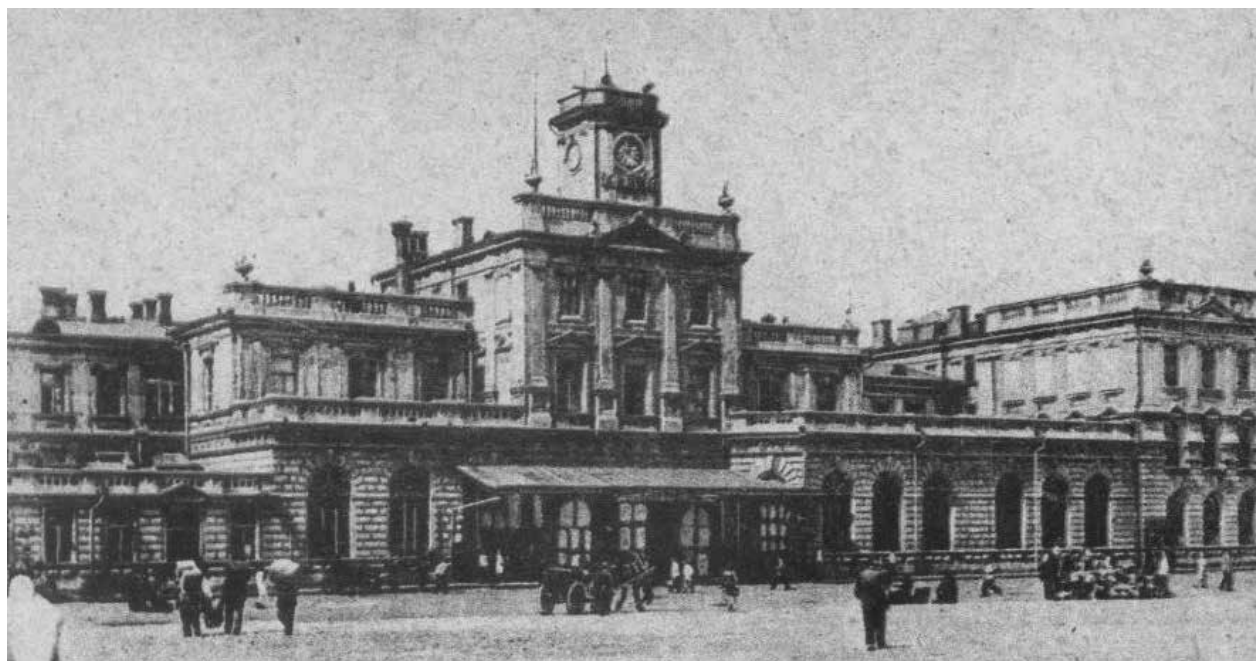
9 января Первая конная армия освободила Ростов. После кратковременных оборонительных боёв в районе Батайска белые отступили преимущественно вдоль железнодорожного полотна, прикрываясь бронепоездами, в сторону Новороссийска. Отдельные части сдались и перешли на сторону Красной армии. Остатки около 35 тыс. человек в марте 1920 года из Новороссийска эвакуировались в Крым. Командование над ними 4 апреля 1920 года Деникин передал Врангелю. Отдельные части из восточных

районов Кубани и Терской области ушли в Крым через Туапсинский порт.

Итак, Гражданская война на Дону и Северном Кавказе весной 1920 года завершилась победой революционных сил. С остатками белых войск и беженцами покинули тогда Россию некоторые руководители и небольшая часть старших служащих Владикавказской дороги. Уехали за рубеж Э. Б. Войновский-Кригер, председатель правления Общества В. Н. Печковский, член правления (бывший председатель) Н. Н. Вейс, последний управляющий досоветской Владикавказской дороги П. Ф. Иорданов, Б. И. Слободчиков, П. И. Шестаков — заместители управляющего. Первоначально они обосновались в Югославии.

С окончанием Гражданской войны перед советской властью встали во всей их полноте и сложности задачи по восстановлению экономики края, в том числе железнодорожного транспорта. В эпоху войн и революций 1914—1920 годов железным дорогам Северного Кавказа был нанесён колоссальный ущерб.

Земляное полотно и верхнее строение пути без должного ухода ветшали, а местами были разрушены при боевых действиях и потому пришли за это время в плачевное состояние, требовали неотложного оздоровления. Многие мосты были взорваны, на их месте остались нагромождения искорёженных металлоконструкций и разбитых вагонов. Здания паровозных

Вокзал ст. Ростов Главный. 1920-е гг.

депо и мастерских, станционные постройки, пострадавшие в результате подрывов, пожаров и артиллерийских обстрелов, нуждались в восстановлении или серьёзном ремонте, а производственные территории — в уборке накопившегося за эти годы мусора, хлама и нечистот. Железнодорожные линии, начатые постройкой

ещё до революции, Невинномысская — Теберда, Армавир — Ставрополь, Петровское село — Благодарное и Петровское село — Дивное, оставались в разной степени недостроенными и заброшенными. Сотни километров телефонно-телеграфных проводов и приборы связи были расхищены.

Разводной мост через р. Дон

Впрочем, многие вокзалы, в частности самый большой ростовский, почти не пострадали, нуждались лишь в текущем ремонте. Сохранился и новый двухпутный разводной мост через Дон, строительство которого завершилось в июне 1917 года.

В критическом состоянии находился подвижной состав, многие паровозы и вагоны оказались «больными», то есть непригодными к поездной работе, нуждались в большом ремонте или подлежали списанию. На ряде станций образовались паровозные кладбища из разбитых и вышедших из строя тяговых машин.

Движение поездов на дороге пришло в полное расстройство. Различные организации и отдельные лица вмешивались в работу станций, угрожая оружием, требовали немедленной их отправки. На вокзалах толпились беженцы, дезертиры, мешочники, люди, сорванные войной и голодом с мест постоянного проживания, страдающие от зимних холодов, недоедания и болезней. Измученные долгим ожиданием осаждали редкие поезда, до отказа заполняли вагоны и тормозные площадки, взбирались на крыши, громоздились на ступеньках вагонов.

Прискорбно, что в ту эпоху разрухи и падения нравов, немало работников железных дорог, связанных с движением поездов, не гнушались брать взятки с людей за право уехать поездом. Об этом свидетельствуют воспоминания современников тех лет.

О мытарствах пассажиров на станции Ростов Владикавказской железной дороги местная газета в декабре 1919 года писала: *«В виду полного отсутствия свободных составов, а также отдельных классных и крытых (товарных) вагонов пассажирское движение ростовского узла сильно хромает. Поезда отправляются только по прибытии состава на станцию. Общие причины, из которых главная — отсутствие угля, задерживают поезда в пути на целые сутки против расписания. Это явление наблюдается также с поездами местного назначения: с “Молнией”, на Таганрог и Новочеркасск. Даже в этих направлениях поезда умудряются пробыть в дороге от 10 до 16 часов (обычный пробег не превышал полутора часов)....*

К обычным мытарствам пассажиров ст. Ростов теперь прибавились ещё новые. Теперь мало простоять в очереди, чтобы получить ярлык на право покупки билета, протолкаться в очереди у кассы за самим билетом, продежурить пару десятков часов в залах вокзала, ожидая поезда. Теперь новые заботы и новые мытарства ожидают пассажиров. Попав на платформу вокзала, нужно с боя взять

место в вагоне. Но даже расположившись и закрепив за собой захваченное место, пассажир в большинстве случаев не уверен, что в самый патетический момент отъезда, перед отходом поезда, пассажира не “попросят” убраться из вагона по добру по здорovu» [6].

После этой газетной публикации на Северном Кавказе ещё три месяца продолжались боевые действия, принесшие железной дороге новые разрушения. И положение с движением поездов на полигоне дороги стало ещё хуже.

С приходом в Ростов советской власти нужно было решать, кто возглавит Владикавказскую железную дорогу, кто в этот сложный период сумеет мобилизовать коллектив железнодорожников на восстановление полуразрушенного хозяйства и в короткие сроки сможет наладить регулярное движение поездов.

В Наркомате путей сообщения к этому времени изменились взгляды на управление железными дорогами. Первоначальная установка на коллективное руководство к 1920 году сменилась убеждением о необходимости на транспорте единоначалия и строгой дисциплины. Если в 1917 году во главе железной дороги становился

С. П. Нацаренус, временно исполняющий обязанности управляющего Владикавказской железной дороги

Комитет профсоюза и Совет комиссаров, то теперь назначался персональный руководитель — начальник дороги.

В этот сложный переходный период для руководства работой транспорта на Северный Кавказ направляется Сергей Дмитриевич Марков. Но этому предшествовали другие назначения.

Сразу после освобождения города Ростова от белогвардейцев (9 января 1920 года) дорожный ревком управляющим Владикавказской железной дороги, большая часть которой ещё оставалась в руках белых, назначает П. С. Янушевского, в этой должности его утверждает и городской ревком. (В последние досоветские годы инженер путей сообщения Янушевский занимал должность начальника службы тяги и помощника управляющего Владикавказской дороги). Через месяц Наркомат путей сообщения присылает в качестве управляющего дороги Ходоровского. А 27 мая 1920 года его освобождают от этой должности и временно исполняющим обязанности управляющего назначается С. П. Нацаренус.

Но в первых числах июня начальником Владикавказской железной дороги становится С. Д. Марков. С этого момента руководитель дороги стал называться не управляющим,

а начальником дороги. Интересна сохранившаяся в архивах переписка, предшествовавшая приезду Маркова в Ростов. Вот что сообщал наркому путей сообщения комиссар Владикавказской железной дороги Я. Х. Петерс 22 апреля 1920 года.

«НАРКОМПУТЬ т. Троцкому.

Многоуважаемый Лев Давидович.

[...] Ещё несколько слов о Янушевском: он приехал сюда с Вашим мандатом как Управляющий Влк. ж.г., по крайней мере он так передал. Подобный мандат привёз Ломоносов Ходоровскому. Кто из них теперь Управляющий? Нацаренус дал телеграмму, чтобы не допускать Янушевского к управлению дорогой. Янушевский знает Владикавказскую дорогу безусловно лучше, чем Ходоровский и был бы самым подходящим кандидатом на этом месте, но во-первых, Янушевский имеет тесную дружбу со всеми спецами, оставшимися здесь от Деникина и далеко не настроен в пользу Советской власти. Я по наблюдению скажу — больше настроен враждебно. Янушевский кроме того является неисправимым интриганом и если бы он остался среди своих, то действительно они могли бы создать скрытый саботаж, которого бы никто не мог разоблачить. Ходоровский это время почти всё время пребывал на линии. Он специалист не плохой. Но ему нужно во-первых, сильное содействие, во-вторых, держать его постоянно в отчётности, тогда с ним прекрасно можно работать. Думаю, что он с дорогой справится, но необходимо немедленно отозвать тогда Янушевского, иначе будут вечные трения, настраивание спецов против Ходоровского и невозможность наладить работу.<...>

С коммунистическим приветом. НКМ Влк. Петерс.

22 апреля 1920 г. Ростов н/Д.» [7, л. 2, 3].

Чуть позже в Москву идёт ещё одно письмо. Вот его полный текст:

«№ 663. Мая 15 дня 1920 г. НАРКОМПУТЬ и ЦЕКПРОФСОЖ. МОСКВА.

Во время пребывания в Москве членов Правления Ростовского райпрофсожа тт. К. П. Панагриева и Г. И. Зузулина в качестве делегатов Всероссийского съезда профессиональных союзов, заместителем Наркомпути тов. Свердловым было выражено пожелание знать мнение указанных нами товарищей о целесообразности назначения Управляющим Влк. ж. дорогой П. С. Янушевского. В ответ на это тт. Панагриевым и Зузулиным была подана докладная записка, в которой ими было высказано мнение, что П. С. Янушевский, как лицо с солидной технической подготовкой, хорошо знакомое с Влк.

*Я. Х. Петерс, комиссар
Владикавказской железной дороги*

ж. дор. и ни чем не проявивший себя как сторонник власти белых и противник Советской власти, является наиболее подходящим кандидатом на должность Управляющего дорогой. Правление Ростовского организационного бюро единогласно присоединяется к вышеуказанному мнению товарищей Панагрияева и Зузулина и полагает, что назначение П. С. Янушевского на должность Управляющего Вл. ж. дорогой, в деле восстановления ж. д. транспорта принесёт одну лишь пользу» [7, л. 12].

На этом письме стоит резолюция: «К делу. Вопрос ликвидирован».

С. Д. Марков

Очевидно, что к этому времени центральными властями было принято решение о назначении начальником Владикавказской дороги С. Д. Маркова — инженера путей сообщения, члена коллегии НКПС, члена партии большевиков, в преданности советской власти которого не было никаких сомнений.

Сергей Дмитриевич Марков (1880—1922) родился в г. Алексин Тульской губернии в семье инженера путей сообщения. После окончания в 1897 году Костромской гимназии поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Здесь он примкнул к революционно-

настроенным студентам, занимался распространением запрещённой литературы, принимал участие в студенческих волнениях.

За революционную деятельность исключался из института, по этой причине защитил диплом инженера лишь в 1908 году. Став инженером, сначала работал техником, потом производителем работ на строительстве Волго-Бутульминской железной дороги. В 1912 году после тяжёлой болезни, связанной с переутомлением, потерял слух на одно ухо и перешёл по рекомендации врачей на бухгалтерскую работу на этой же дороге, с местом проживания в Симбирске. В 1916 году уехал на строящуюся Мурманскую железную дорогу, где взял на себя «руководство отчётностью и общей организацией по постройке нескольких участков».

В марте 1917 года, находясь в Петрограде, он установил связь с местной организацией партии большевиков и стал принимать участие в её деятельности, совмещая со службой на Мурманской железной дороге.

После Октябрьской революции был назначен заведующим контролем Северо-Западных дорог, а позже — и управляющим Петроградским отделением Госконтроля. Ссылаясь на свою глухоту, он уклоняется от переезда в Москву и назначения на ответственный пост в Наркомате путей сообщения. Но в январе 1919 года после беседы с В. И. Лениным был назначен членом коллегии НКПС и заместителем наркома. В конце февраля 1920 года заболевает тифом. После выздоровления, в первых числах июня 1920 года его назначают начальником Владикавказской железной дороги, уполномоченным НКПС, членом Реввоенсовета Кавказского фронта.

К этому времени на ранее подконтрольных Советам территориях железные дороги были национализированы. Теперь и Владикавказская дорога объявляется государственной собственностью. В её состав передаются Армавир-Туапсинская, Ейская и Черноморско-Кубанская железные дороги.

Прибывшему в Ростов Маркову предстояло, прежде всего, развернуть на железной дороге восстановительные работы, наладить регулярное движение поездов, организовать отгрузку нефтепродуктов и продовольствия в промышленные центры страны. Для решения этих задач, при нехватке материальных и финансовых ресурсов, потребовались мобилизация всех сил и наличных средств, месяцы и годы неустанного труда. Опирался Марков в своей деятельности прежде всего на специалистов и рабочих, оставшихся на дороге с прежних времён. Но

в руководящем составе железной дороги произошли существенные изменения. В частности, 25 июня 1920 года помощниками (заместителями) начальника дороги по политической части назначаются П. Е. Безруких и И. Н. Миронов. В августе заместителем начальника дороги назначается инженер путей сообщения П. Г. Таллако. Революция и Гражданская война застали его в должности начальника Северо-Донецкой железной дороги. Он сотрудничал с деникинскими военными властями, но не покинул Россию и добровольно предложил свои услуги специалиста-железнодорожника советским властям. В 1921 году его назначили начальником Юго-Восточной железной дороги.

П. Г. Таллако, зам. начальника Владикавказской железной дороги (1920), начальник Юго-Восточной железной дороги (1921)

С. Д. Марков не был кабинетным работником, он часто бывал на линии, встречался с рабочими и специалистами, выслушивал их предложения, хорошо знал настроения рядовых работников дороги. Своей преданностью делу, энтузиазмом и верой в успех он сумел увлечь многотысячный коллектив дороги и мобилизовать на успешное выполнение стоявших перед железной дорогой непростых задач.

К этому времени для борьбы с разрухой в стране стали создаваться трудовые армии.

На восстановлении Владикавказской железной дороги работала 8-я армия Кавказского фронта, преобразованная в трудовую армию. Трудармейцы получали содержание от военного ведомства в виде довольствия, положенного красноармейцам. Они занимались восстановлением мостов, ремонтом пути, оказывали помощь в ремонте паровозов и вагонов. Восстанавливать разрушенные мосты первоначально приходилось по временной схеме, т. е. побыстрее и с минимальными затратами. При этом использовались подручные материалы и сохранившиеся детали мостов. В качестве опор применялись ряжи и шпальные клетки.

Работники станций, паровозных депо, дистанций пути, мастерских регулярно проводили коммунистические субботники. В нерабочее время безвозмездно ремонтировали паровозы, вагоны, рельсовые пути, восстанавливали разрушенные строения, очищали от обломков и мусора производственные территории, приводили в порядок рабочие места. Начинались субботники манифестациями с красными знамёнами и революционными песнями, а заканчивались взятием обязательств по перевыполнению производственных заданий, повышению производительности труда, укреплению трудовой дисциплины. Инициаторами и организаторами субботников выступали партийные и профсоюзные организации.

Большое внимание уделялось организации социалистического соревнования между коллективами предприятий, бригадами, сменами и отдельными работниками по профессиям. Передовики производства, победители соцсоревнования и наиболее активные участники субботников в качестве поощрения получали материальную поддержку в виде «ударных пайков», отрезов мануфактуры или пары обуви. В первые годы советской власти, когда продовольственные и промышленные товары первой необходимости отпускались по карточкам, это была достаточно значимая награда для рабочего человека.

По инициативе С. Д. Маркова в мае 1921 года создаётся Кавказский округ путей сообщения (КОПС), в ведение которого передавались все железнодорожные и водные пути сообщения Кавказского региона, в том числе и Владикавказская железная дорога. Управление КОПСа располагалось в Ростове-на-Дону в здании управления дороги. В составе железной дороги организуется пять линейных отделов: Ростовский, Армавирский, Владикавказский, Краснодарский и Царицынский. В следующем году к ним добавились Минераловодский

и Петровский. Линейный отдел являлся местным органом управления, руководивший всеми подразделениями железной дороги в пределах своей территории.

В этот период от Юго-Восточной в состав Владикавказской железной дороги передаются участки: Кизитеринка — Лихая и Лихая — Царицын со всем личным составом и имуществом. Протяжённость Владикавказской дороги составила тогда 4387 вёрст. Но в июле 1922 года эти участки вновь отошли Юго-Восточной дороге. А участок Петровск — Дербент от Закавказской передаётся Владикавказской железной дороге.

В 1922 году Владикавказская дорога была переименована, получив название Северо-Кавказские железные дороги. В июле того же года решением Совета Труда и Оборона (СТО) создаётся новый руководящий орган железной дороги: правление. Теперь в ведении управления дороги оставались технические и эксплуатационные функции. Общее же руководство, хозяйственный расчёт, финансы, коммерческая деятельность отошли в ведение правления.

Возглавив Кавказский округ путей сообщения, правление и управление железной дороги С. Д. Марков весь отдаётся работе, порою сутками забывая об отдыхе. И только по настоянию наркома Ф. Э. Дзержинского в ноябре 1922 года берёт десятидневный отпуск и с женой Варварой Петровной отправляется на отдых в Дагестан. По пути останавливается на крупных станциях, встречается с местными руководителями и рабочими, вникает в состояние дел, по результатам в первые дни отпуска составляет

обстоятельную справку с изложением мер по устранению недостатков.

Утром 5 ноября 1922 года Сергей Дмитриевич с женой вышли на прогулку подышать свежим горным воздухом. Спустя несколько часов невдалеке от селения Кумтор-Кале и станции того же названия их обнаружили убитыми выстрелами в спину. Убийцы не были найдены. Траурный поезд с их телами сопровождался траурными митингами на каждой узловой станции по пути в Ростов.

Трагическая смерть оборвала жизнь С. Д. Маркова, но начатое им дело восстановления железной дороги было продолжено его последователями. Вскоре Северо-Кавказская дорога возродилась, превзошла довоенный уровень перевозочной работы и продолжила дальнейшее развитие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРО. Ф. 26. Оп. 8. Д. 121.
2. Там же. Д. 113. Л. 3.
3. Там же. Д. 82. Л. 45.
4. Там же. Д. 68. Л. 107.
5. Разруха на Владикавказской дороге : (Из бесед с управляющим дорогом инж. Н. П. Осиповым) // Вечернее время. 1918. 18 июня (№ 34).
6. Парус. 1919. 21 дек. (№ 46).
7. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 3. Д. 172/39.

Публикация С. В. Сигоренко

Ж. П. ГРИДАСОВА

В ЧЁМ СИЛА ТВОЯ, ДРУГ?

Эти слова я написала в сети три года назад своему коллеге по творческому Союзу журналистов России и другу Евгению Халдаеву (26.07.59—25.08.2023), когда поздравляла его с завершением Севастьяновского проекта. И вот уже минул год, как не стало моего верного соратника, краеведа, известного за пределами родного Новочеркасска. Малой толики этого времени хватило с лихвой, чтобы понять — потерю

ничем не восполнить. Такие люди, как Женя, — редкость в наши прагматичные времена. Вопреки непредвиденным жизненным ситуациям они преданы себе, установленным для себя самим собой нравственным нормам, выбранному делу и тем, кого удостаивают звания друга.

Очень интересен путь Евгения Васильевича Халдаева в краеведение. У него не было ни журналистского, ни гуманитарного образования,

Женета Петровна Гридасова, журналист, г. Новочеркасс. Заместитель председателя городской журналистской организации, член Большого жюри Ростовского регионального отделения Союза журналистов России. Сообщение на Десятых Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.) под названием: «Новочеркасс исторический в краеведческих исследованиях Е. В. Халдаева (Памяти Е. В. Халдаева)»

*Е. В. Халдаев на заседании комиссии
по вопросам культуры Общественной палаты
г. Новочеркасска. Ноябрь 2020 г.
Фото И. В. Васильевой*

которые обычно способствуют творческой деятельности. Он был технарём и после окончания Новочеркасского политеха в начале 90-х стал инженером-конструктором на машиностроительном заводе имени Никольского. Этот период в его жизни — совсем непродолжительный, и вряд ли молодой специалист проектировал какие-либо механизмы и занимался вопросами инноваций технологических процессов. В душе Женя всегда был гуманитарием и продолжал поиски своего места в жизни. Ему было очень важно встретиться с самим собой!

Через полгода его пригласили на освобождённую комсомольскую работу в Первомайский райком комсомола и он пошёл, не задумываясь, осваивать новые горизонты. В нём всегда присутствовали целеустремлённость и основательность, решительность и инициативность, трудолюбие и работоспособность. Однако не увлекла сия деятельность — не хватало в ней творческой составляющей, продержался на данном месте лишь два года. Время раздумий

и погружения в самого себя вновь привело в родную альма-матер. Только уже не студент, а сотрудник вузовской многотиражной газеты «Кадры индустрии». До встречи с редакцией думал о многом, была и проба пера — пока ещё в стол, но уже вырисовывался живой интерес к истории родного Новочеркасска.

Когда это увлечение краеведением началось? Женя сам толком не знал. Но любя поэзию Давида Самойлова, как-то иносказательно ответил мне его стихами:

*«Как это было? Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне проснулось!».*

Проснулось в новом коллективе, здесь он познакомился с плеядой ярких личностей — нештатников, пишущих из любви к родному вузу, и Женин пробудившийся интерес стал целенаправленным. Новые коллеги — воспитанники института, доценты и профессора — М. М. Лось, Н. С. Серпокрылов, В. О. Голубинцев, А. Г. Малашенко, Ю. Т. Коженцев, М. С. Лемперт — вершины, до них тянуться было весьма заманчиво.

Все они — популяризаторы истории и людей науки, патриоты НПИ (ЮРГТУ) и родного города — обладали обширными и насыщенными знаниями. Общение с ними приносило уверенность в себе, а писать о людях и разных вузовских временах было почётно и ответственно. Эти корифеи и зарядили своей внутренней энергией Евгения Васильевича, разожгли желание самому вкусить радость постижения неизведанного. И молодой человек стал собирать материалы по истории института, побывал в библиотеке Музея истории донского казачества. В этом сакральном месте ему начал показываться мир старого Новочеркасска. А новые темы всегда манят своей неизученностью, подводят к открытиям и дарят непередаваемые ощущения победителя. Так краеведческое семя познания попало в благодатную почву Жениной души. Он учился осмыслять и уважать прошлое города и Донского края, ценить историческую память о наших предках, известных и неизвестных.

Настоящим краеведом он станет позднее, когда со всей серьёзностью поманит его Новочеркасский некрополь, в былые времена красивейший на юге России, со своей загубленной трагической судьбой. Изучая исторические факты и биографии людей, узнавал, что многие из них похоронены на старом городском погосте. Тогда Женя отправился к месту их вечно-го упокоения, и увиденное его удручило... Но не остановило! Со всей страстностью исследователя всё же втянулся в эту неподъёмную

*Е. В. Халдаев — корреспондент газеты
«Кагры индустрии» НПИ (ЮРГТУ). Ноябрь 1986 г.
Фото Ю. М. Ермолаева*

ношу, с достоинством пронеся её до последнего дня, отведённого ему судьбой. Вопреки советам искусствоведа Владимира Ивановича Кулишова, предостерегавшего от разочарований, которые принесёт изучение истории разрушений старинного кладбища, привлёк в помощники сына Илью. Шаг за шагом Женя начал осваивать это необъятное пространство. Понял главное: в ту, прежнюю историю, нужно погружаться глубоко и основательно.

С основательностью у нашего героя всё было в порядке. Скрупулёзному знакомству с некрополем предшествовала подготовительная работа к торжественному открытию в мае 1993 года воссозданного памятника атаману М. И. Платову. На праздничные мероприятия ожидалось зарубежные гости, в том числе потомки известных казачьих родов, которых интересовали прежние семейные захоронения.

Первая экспедиция на погост началась ранней весной [1, с. 159] и показала, что имеющихся исследовательских знаний недостаточно: вопросов было больше, чем ответов. Чему способствовало и состояние кладбища, когда найти

практически ничего не удалось. Тогда Евгений систематизирует свою работу и заводит реестр, куда в течение многих лет вносит и старые памятники, и обломки несохранившихся после вандального погрома 30-х годов XX века, одновременно делая фотоснимки и видеозарисовки, пометки о месте их расположения. Второй этап кропотливой работы: поиск информации о погребённых в московских и ростовских архивах, редких краеведческих фондах Донской публичной библиотеки, Новочеркасской городской библиотеки имени А. С. Пушкина, Музея истории донского казачества.

Мы с Евгением Васильевичем были знакомы с 1990-х годов, работая вместе в «Пресс-центре» администрации города. Благодаря общим интересам, последние восемь лет сотрудничали плотно и активно. Наш первый совместный проект «Сказания о Новочеркаске: вехи, ознаменованные десятилетиями» публиковался в год 210-летия города — поначалу в газете «Частная лавочка» материалом в полосу, периодичностью два выпуска в неделю [2]. В 2016 году была издана книга авторских очерков, взявшая у проекта вторую часть названия — «Вехи, ознаменованные десятилетиями» [3].

Женя неохотно подался на уговоры проинтервьюировать его по ведомой теме. Всё переживал: будет ли специфическая информация кому-то интересна? Хотя с 2014 года уже работал его интернет-проект www.don-nekropolis.ru (в данное время сайт в разработке), который посетило большое количество людей со всей России. Через два года появится и второй сайт «Новочеркасский некрополь. Утраченное» [4], посвящённой теме его исследований. Масштаб собранной там информации удивлял! Наше интервью всё же состоялось и получилось таким, что его едва вместили два газетных выпуска [5]. Сложность заключалось в том, что подобных материалов о Новочеркасском некрополе практически не было в прессе. Разве что безрезультатная попытка В. И. Кулишова в начале 90-х своей статьёй в газете «Новочеркасские ведомости» привлечь внимание к состоянию дореволюционных памятников [6].

Все годы нашего знакомства я могла наблюдать как формировался Халдаев-краевед. Работая с документами разного толка, Женя особенно выделял периодике разных лет, досконально осваивая газетные архивные просторы. Почему? Это помогало ему «входить» в изучаемое время, жить им, ощущать его дыхание. Разные точки зрения разных людей как детская игра в мозаику помогали складывать ситуативные картинки. Не всегда однозначные. Так и люди

ведь разные! Он полюбил нарративные источники, они его всегда вдохновляли и восторгали! Читая дневники или мемуары, он, прежде всего, видел людей. Из этих личностных, неофициальных хроник обязательно вылавливал, на первый взгляд, незначительный фактик, малюсенькую деталь, которой так не хватало для воспроизведения рисунка давнего события.

Женя работал очень продуктивно. Когда что-то узнавал или его что-то интересовало, он отдавался этой теме сполна. И со всей страстью и ответственностью шёл к достижению цели.

Конец ноября 2017 года. В Новочеркасск приезжает Феликс Разумовский — автор и ведущий программы «Кто мы?», выходившей на канале «Культура». На Дон съёмочную группу привело 100-летие Первого Кубанского («Ледяного») похода, которому будут посвящены четыре выпуска февральской программы. В ноябре 1917 года в Новочеркасске начала формироваться Добровольческая армия, которая в феврале 1918-го выступила из Ростова под командованием генералов Корнилова и Алексева. Материалы о событиях, связанных с Новочеркасском и атаманом Калединым, и собирал Разумовский.

Я пишу о культуре более четверти века, поэтому заведующая Атаманским дворцом С. П. Чибисова пригласила меня на встречу, и мне удалось взять небольшое интервью у Феликса Вельевича [7]. Затем творческая группа отправилась снимать лазарет, в котором добровольцы—алексеевцы жили до своего похода на Кубань, а я домой расшифровывать интервью. Вечером этого же дня о важном визите московского гостя мы говорили с Женей по телефону, который стал с нетерпением ждать выхода программы. Дело в том, что у него уже было немало наработок, посвящённых Гражданской войне, глубоко эта тема его зацепила, и даже были опубликованы несколько материалов в газете «Частная лавочка» к 100-летию начала Гражданской войны [8].

И когда в феврале 2018 года программа появилась в эфире [9], после её окончания Женя мне позвонил, в его голосе присутствовала горечь: «Сняли не тот лазарет! Показали небольшой жилой дом. На Дон же приехало уже более 200 человек... Они никак в нём не могли разместиться. Ведь тут жили и будущие воины, и находился штаб армии, и бюро, которое регистрировало приезжающих...»

Так эта юбилейная программа дала старт поискам общежития добровольцев Алексеевской армии. Началась самая настоящая разведывательная операция. Архивы — поиск адресов

лазаретов на момент Первой мировой, которые размещались в казачьей столице. Первые тщетные результаты и первый успех! Женя радовался находкам как ребёнок: оказалось, что лазаретов было в казачьей столице больше тридцати [10]. Он засел надолго в газетных архивах, в ГАРО и его Новочеркасском филиале — сверял адреса, названия, номера учреждений и домов, их наполняемость: одни открывались, другие закрывались или объединялись, да и названия улиц уже неоднократно менялись за минувшие сто лет.

Будучи перфекционистом, старательно взвешивал информацию, исключал лишнюю. Оставил для исследования сначала три лазарета с большой вместимостью, затем лишь один — на улице Барочной (ныне — Орджоникидзе), получившей своё название от барок, их казаки, занимавшиеся рыбным промыслом, оставляли на реке Аксай, в которую улица упиралась.

Вот на эту улицу и отправился с сыном Ильёй, чтобы воочию увидеть место, предполагая, что неточностей никто не избежал, дома разрушались и перестраивались. Он исследует здания, в которых могли разместиться сотни людей, ведь добровольцы постоянно прибывали в казачью столицу. Понимал, поиски окажутся более эффективными, если подключить нарративные источники — воспоминания алексеевцев о тех событиях. Одни источники находил в библиотечных редких фондах, другие приобретал в издательствах, которые перепечатывали воспоминания белогвардейцев-эмигрантов. Кое-что, представляющее значительный интерес для изучения истории создания Добровольческой армии в Новочеркасске и Ростове-на-Дону, привозил сын Илья из московских командировок после посещения Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына.

Для использования ряда источников нужно было получить официальное разрешение правообладателей. Начинается переписка с Санкт-Петербургским университетом, редакцией журнала «Иностранная литература», издательствами «Кучково поле» и «Русский путь», с региональной благотворительной общественной организацией «Московское историко-литературное общество “Возвращение”»...

Изучение воспоминаний добровольцев, написанных в эмиграции, открывает исследователю неизведанные грани тех трагических событий и одновременно обозначает новые вопросы. Более десяти человек упоминают, что пришли записываться в Алексеевскую армию на улицу Барочную. Однако указывают разные номера домов: № 39 [11], №№ 26, 36, 54, 56 [12],

№ 56 [13, с. 425], № 2 [14, с. 458], № 38 [15]. Разночтения в номерах? Возможно. Но и на месте поиска Женя не нашёл положительного ответа. Ни одно здание не подходило под искомое.

Создавалось впечатление, что за давностью лет алексеевцы путают адрес местонахождения лазарета № 2 Красного Креста, который был выделен под общежитие №1. По найденным в архиве документам он располагался в доме Сидорова на Барочной № 36; имел 180 коек; позднее был не намного расширен за счёт соседней гостиницы «Метрополь». В конце 1916 года лазареты начинают закрываться, не избежал этой, правда, временной участи, и лазарет № 2, но город продолжает платить за аренду хозяину дома.

Женю мучает вопрос несовпадений: где же на самом деле зародилась Добровольческая армия? Он продолжает поиски, и под его упорным движением вперёд ситуация начинает проясняться. В журнале «Донская волна» найдена статья исполняющего должность начальника полевого штаба донского атамана А. М. Каледина Я. М. Лисового, ставшего позднее исполняющим должность начальника военно-политического отдела Добровольческой армии. В ней он не только подробно описывает начало тех исторических событий, но и указывает, что под общежитие № 1 был отведён лазарет № 2, находящийся в доме на углу Барочной улицы и Платовского проспекта [16]. Но этот дом имеет номер 32, и его не указал ни один из добровольцев. Где заключается неточность или ошибка?

Двухэтажный угловой дом ранее принадлежал семье торгового казака миллионера Шапошникова. В 30-е годы XX века к нему пристроили третий этаж. Ныне же тут располагается общежитие Донского строительного колледжа. Какое же здание на самом деле занимало общежитие № 1 Добровольческой армии? Где произошло её зарождение?

Поиски продолжаются. Женя выясняет, что до 2 ноября 1917 года лазарет № 2 находился по-прежнему адресу — Барочная, 36. Но когда в Новочеркасск стали пребывать эвакуированные из Петербурга институты, по решению Временного правительства их размещали в бывших лазаретах, взятых на учёт Министерством внутренних дел. В их числе был тот, что на Барочной, 36! Вопрос о новом здании для общежития добровольцев, видимо, был решён на встрече атамана А. М. Каледина и бывшего командующего русской армией М. В. Алексева в день приезда последнего в казачью столицу 2 ноября 2017 года [17, с. 40]. В предложенном здании могли одновременно разместиться 250 человек, в то время, как в № 36 только 190.

Воспоминания добровольцев дают исследователю и другие интересные наводки. «*Большое здание белого цвета, бывшее или училищем или лазаретом*» [14, с. 458] подтвердит редкая фотография, найденная в конце поисков в тех же архивах. Больших дверей, небольшого тамбура и выходящей из него прихожей с широкой лестницей, ведущей на 2-й этаж, где располагалась канцелярия, не найдёт Е. Халдаев в исследуемых ранее домах.

Шаг за шагом Евгений Васильевич исключает номера исследуемых домов. И снова ему помогают своими мемуарами алексеевцы. Даниил Свицерский пишет, что караул, охраняющий общежитие, «*состоял из 30 человек. Три пулемёта с пулёмётчиками: один в здании против входа, один на воротах дома и один во дворе*» [14, с. 459—460]. Но у здания по адресу Барочная, 32 нет ни ворот, ни проезда во двор. Не видно их и на старых открытках.

«Я уже начинаю чувствовать себя детективом, — шутил Женя в вечерних телефонных встречах. — Идёшь по следу, а он — ложный. Правда, это вносит некую живость в сухие методы расследования». Пишем письмо директору Донского строительного колледжа. Через несколько дней Халдаевы попадают внутрь общежития. Вечером я узнаю, что лестница на второй этаж находится в глубине здания и часовой из прихожей её никак видеть не мог! Тупик?

Отчаиваться было не в правилах Евгения Васильевича. Он краевед глубокий, многое знает и главное, где недостающую информацию можно найти. История дома торговых казаков Шапошниковых даёт ответ и на этот вопрос. Здание семья сдавала в аренду, первый этаж занимал магазин, второй — благотворительная организация. Это самостоятельные учреждения, как бы сказали сейчас, «юридические лица», поэтому каждое должно было иметь свой собственный проход в помещения. Значит, надо искать, как минимум, ещё один вход. И скорее всего он и располагался в районе той самой лестницы, что вела наверх, о которой говорят алексеевцы.

Женя вновь погружается в воспоминания и находит подтверждения своим предположениям. Полковник Евгений Булюбаш пишет: «*У ворот (лазарета) стоял дневальный в штатском платье, который меня остановил и пытался задержать (я был в штатском костюме)*» [13, с. 425]. Значит, ворота были рядом с дверью. Отличная подсказка — ищем подтверждения этой информации.

И вот, наконец, удивительная находка в городском Центре технической инвентаризации.

Почему удивительная? Много архивных документов погибло в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. А эта старинная калька изначального дома Шапошниковых сохранилась и помогла раскрыть вековую тайну. На ней видно, что вход на второй этаж находился в северной части здания, рядом с проездом во двор.

Вот почему все добровольцы указывают, что общежитие было на Барочной. Нынешний, сохранившийся с прежних времён вход, — с Платовского проспекта — был входом в магазин, а не благотворительную организацию «Утоли мои печали», в помещениях которой добровольцам и было выделено место для проживания и работы.

Поиски усложняло и то, что проезда во двор нет. Давно это помещение перестроено и стало несколькими комнатами здания. А бывшие входные двери превратились в окно вестибюля и стали частью коридора. Один из добровольцев упоминает о том, что лестница вела на второй этаж, где находились штаб формирующейся армии и общежитие офицерской роты [14, с. 460]. Об этой каменной лестнице говорит и генерал Трухачёв [18, с. 102]. Её в 1930-е годы заменили другой, металлической, сделанной под старину. А вот в доме № 34 каменная лестница сохранилась до сих пор, что поначалу вводило в заблуждение. Когда в архиве была найдена фотография 1913 года, на которой видна и недостающая дверь, то это стало заключительным аккордом в многоступенчатом, почти двухлетнем расследовании.

В середине января 1918 года лазарет на Барочной опустел, более трёхтысячная армия перебазировалась в Ростов, чтобы отправиться в Кубанский «Ледяной» поход. Немало воспоминаний напишут добровольцы и на русской земле, и в эмиграции. Но первая страница летописи начертана на Дону, в казачьей столице.

Позволил вернуться из прошлого трагическим и одновременно героическим событиям в истории Гражданской войны и нашей страны журналист и краевед Евгений Васильевич Халдаев. Будучи человеком с трепетным отношением к истории, он собрал воедино и донёс до современников все разрозненные факты создания колыбели Добровольческой армии.

Впрочем, за что бы ни брался Евгений Васильевич, он во всё вкладывал душу и доводил начатое до конца. Одним из таких дел стал и проект, посвящённый семье иерея Иоанна Севастьянова. Исследование о роде Севастьяновых не только украсило «Донской временник» [19], оно позволило ещё одной неизвестной странице в истории казачества выйти из небытия.

4 октября 2021 года в день 109-й годовщины ухода отца Иоанна Севастьянова состоялось водружение камня с могилы священника на место возле Успенской часовни Архангельской площади, где когда-то находилась и сама церковь, и был погребён отец Иоанн. Событие, представленное в социальных сетях как религиозное (присутствовали двенадцать священников) всё же имело широкое социальное значение. На нём присутствовали представители

*Дом на Барочной, 32, где в ноябре 1917 года начала формироваться Добровольческая армия.
Фото из личного архива Е. В. Халдаева.*

Современный вид здания бывшего общежития Добровольческой армии (ныне общежитие Донского строительного колледжа). Слева вход с Платовского проспекта, 118; справа — вид с ул. Орджоникидзе (бывшей Барочной, 32). Новочеркасск, июль 2024 г. Фото Ж. П. Григасовой

учреждений культуры, казачества, архивисты, краеведы и простые новочеркасцы. Оно символизировало, прежде всего, окончание многолетнего историко-краеведческого исследования Евгения Халдаева. Это Женино мероприятие от начала до конца! Им он завершил свой проект, посвящённый семье Севастьяновых.

История эта началась в сентябре 1988 года, когда Женя ещё работал в «Кадрах индустрии» Новочеркасского политехнического института. В одной из центральных газет он прочитал материал о нелёгкой доле русских эмигрантов во Франции, много таких сообщений было в прессе того времени. Но Женя ухватился за информацию потому, что в ней упоминался казак из Новочеркасска Вячеслав Петрович Севастьянов, сын редактора главной газеты Донского края «Донских областных ведомостей». Из интервью он также узнал, что в городе живёт младший брат Иван Петрович.

Женя открыл городской справочник, нашёл номер телефона последнего и позвонил. Тем хороша исследовательская работа, что за погружением в прошлое поднимаются пласты неизведанных тайн, вскрываются факты, свершаются непредсказуемые открытия.

История жизни трёх поколений Севастьяновых стала складываться постепенно. Зарождалась она в казачьей столице в середине XIX века с главы семьи — поначалу старообрядца, затем православного священника, отца Иоанна. Его сын, Пётр Иванович, бывший надворный советник, управляющий областной типографией и главный редактор «Донских областных

ведомостей» повторил участь известного донского писателя Фёдора Крюкова — сгинул от тифа где-то на Кубани. И внуки — воспитанники Донского кадетского корпуса — хлебнули немало, кто скитался по весям российской глубинки в поисках укромного уголка в надежде выжить, кто ушёл в эмиграцию, а кто и остался в Новочеркасске... Огромную семью, как и многие семьи россиян, разметало огненное колесо Гражданской войны.

В своё время материал не сложился, хотя был собран огромный объём семейной хроники. Но лежал в столе и, как, оказалось, ждал своего часа, который наступил 12 июня 2020 года. Звонок Жени: «Помнишь, я начинал работать над проектом о Севастьяновых? Так вот, звонит отец Александр [протоиерей Александр Луканенко, настоятель Свято-Георгиевского храма и наш общий хороший знакомый. — Ж. Г.]. Ты же знаешь, что он окормляет суворовское училище МВД? Там, в углу плаца нашли какой-то кусок намогильного памятника, якобы с фамилией священника Севастьянова. С отцом Александром связался начальник училища, просит приехать. Поедем?»

Действительно, у забора, в дальней части плаца, находим куб — часть памятника из серого мрамора. Через забор, где сейчас расположена пожарная часть города, находилась до революции снесённая Покровская старообрядческая церковь. С трудом читаются высеченные буквы на покорёженном временем и вандалами камне. Но фамилию Севастьянов разобрать легко!

Так история вновь вернула Женю к незавершённой теме. Он достаёт из стола аудиокассету,

небольшой блокнот с записями. Работа пошла! Тогда на плацу, обсуждая ситуацию с полковником Харченко и отцом Александром, мы пришли к единому мнению: могильный памятник Иоанну Севастьянову должен быть перенесён в соответствующее место. Женя встречается с благочинным приходов Новочеркасского округа протоиереем отцом Олегом и предлагает перенести оставшуюся часть памятника на старое городское кладбище. К Дмитриевскому храму, где похоронены священники. Но отец Олег другого мнения, считает, что камень должен стоять не у Дмитриевской церкви, а на месте прежнего Успенского единоверческого храма, где в 1911 году и был похоронен отец Иоанн.

Пока решается вопрос, кто и когда будет переносить памятник, Женя много работает, углубляясь в архивные документы. На заключительном этапе также пытается выяснить, когда же камень с могилы Севастьянова был перенесён в иное место? Успенский единоверческий храм на Архангельской площади разрушили в 1930-е годы. Памятник исчез с неё в начале 40-х. И вот через столько лет вдруг объявился на улице Пушкинской, прежде Почтовой, где

стоял Покровский староверческий храм. А расстояние между ними более километра.

Тайна эта, увы, осталась неразгаданной. Организационные же моменты, связанные с переносом и установкой памятника на прежнем месте шли ни шатко ни валко. Эта незавершённость сильно удручала и огорчала Евгения Васильевича. Хорошо зная его, я предполагала, чем эта история завершится. Женя нанял машину с подъёмным краном, оплатил работу и 28 сентября 2021 года перевёз камень на Архангельскую площадь.

Так через год и три с половиной месяца он и был установлен с южной стороны Успенской памятной часовни, воздвигнутой на месте, где некогда находилась Успенская единоверческая церковь [20].

Все проекты Евгения Васильевича Халдаева были чрезвычайно интересны. Они связаны с важными вехами в истории донского казачества: с тайной могилы атамана Каледина [21], с именами рода Югановых [22, с. 12—26], Ивана Петровского, первого врачебного инспектора Войска Донского из казаков [22, с. 47—53], с усыпальницей старого городского кладбища [23], с 30-летием со дня перезахоронения в Войсковом кафедральном Всеказачьем Вознесенском соборе останков казачьих атаманов [24], с созданием аллеи памяти на старом погосте [22], с найденным захоронением казака-дипломата П. М. Власова [22, с. 27—33; 25], с познавательной экскурсией [22; 26] и рядом других, которыми он добавлял летописи Новочеркаска разнообразные грани.

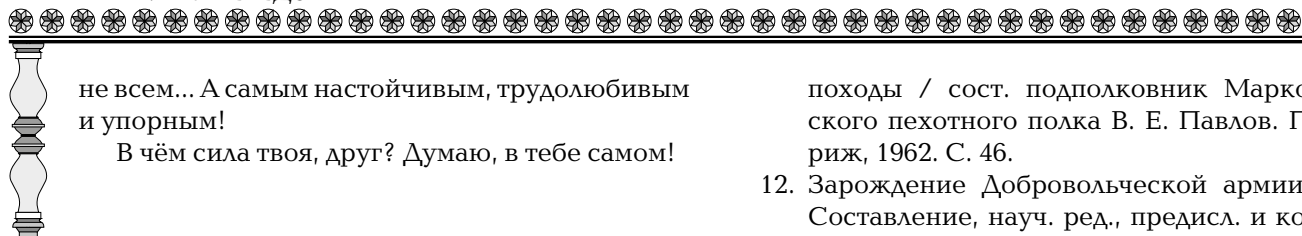
Увлечение краеведением стало самозабвенной любовью к малой Родине и смыслом жизни Евгения Васильевича Халдаева. Не могильные памятники он видел на городском погосте, а конкретных людей, не только знаковых в своё время личностей, но и простых жителей Области войска Донского. Из таких судеб и складывается летопись и места, и страны. Женя с такой любовью и вниманием протирал запylённые окна истории, возвращая легендарные имена из небытия, что я завершу свой очерк о нём строками из стихотворения «Слова» любимого им Давида Самойлова:

*«Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва.
Потом значенья их туманны.
Их протирают как стекло
И в этом наше ремесло...».*

Женя любил говорить, что тени старого Новочеркаска не стёрты, их много и они по-прежнему реальны! Согласна! Только открываются

*Возвращение намогильного камня
на Архангельскую площадь, где был похоронен
иерей Иоанн Севастьянов. 28 сентября 2021 г.
Фото Е. В. Халдаева*

не всем... А самым настойчивым, трудолюбивым и упорным!

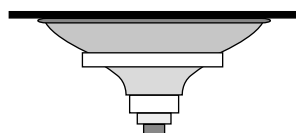
В чём сила твоя, друг? Думаю, в тебе самом!

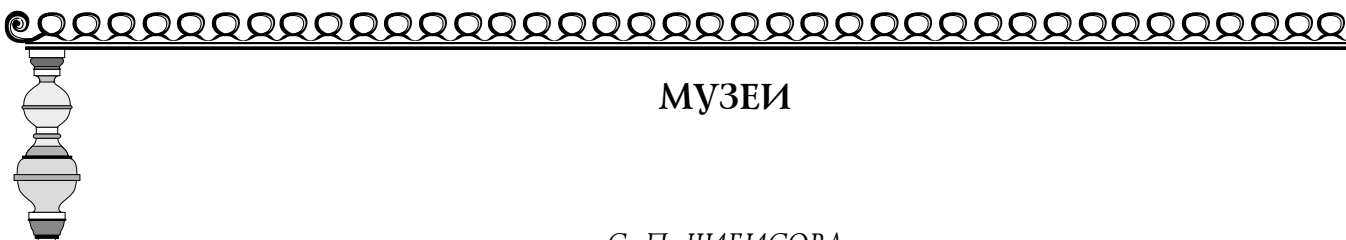
ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Халдаев Е. В.* Казачий некрополь // Вехи, ознаменованные десятилетиями : сб. материалов, посвящённый 210-летию Новочеркасска /сост. Ж. П. Гридасова. Каменоломни : ЭСМА-ПРИНТ, 2015. С. 158—179.
2. *Его же.* Другой Новочеркасск // Частная лавочка. Новочеркасск. 2015. 19 авг. С. 11; 2015. 27 авг. С. 4.
3. Вехи, ознаменованные десятилетиями : сб. материалов, посвящённый 210-летию Новочеркасска /сост. Ж. П. Гридасова. Каменоломни : ЭСМА-ПРИНТ, 2015. 231 с.
4. Новочеркасский некрополь. Утраченное : сайт. URL: <https://don-nekropolis-utratty.ru/> (дата обращения: 7.07.2024).
5. *Халдаев Е. В.* Другой Новочеркасск : [Интервью Ж. П. Гридасовой] // Частная лавочка. Новочеркасск. 2015. 19 авг. С. 11; 2015. 27 авг. С. 4.
6. *Кулишов В. И.* Покой им только снился : [Новочеркасское кладбище: его история, исследование и предостережение] // Новочеркасские ведомости. 1991. 16 февр. С. 6.
7. *Гридасова Ж. П.* Кто мы? Поиск продолжается : [Беседа с Ф. В. Разумовским] // Частная лавочка. 2017. 7 дек. С. 2.
8. *Халдаев Е. В.* Первый день Добровольческой армии // Частная лавочка. 2017. 16 нояб. С. 7; *Его же.* Русская государственность будет создаваться здесь // Частная лавочка. 2017. 23 нояб. С. 7; *Его же.* Добровольцы первого призыва // Частная лавочка. 2017. 7 дек. С. 7; *Его же.* От Алексеевской — к Добровольческой // Частная лавочка. 2017. 14 дек. С. 7.
9. *Разумовский Ф. В.* Ледяной поход. Ч. 1 : Кто мы? С Феликсом Разумовским. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kzvaaxppluy> (дата обращения: 16.06.2024).
10. ГАРО. Ф.46. Оп. 1. Д. 3898. Л. 2—6.
11. *Павлов В. Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Книга первая. 1917—1918 гг. : Зарождение Добровольческой армии. 1-й и 2-й Кубанские

- походы / сост. подполковник Марковского пехотного полка В. Е. Павлов. Париж, 1962. С. 46.
12. Зарождение Добровольческой армии / Составление, науч. ред., предисл. и коммент. д-ра ист. наук С. В. Волкова. М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. С. 4, 600.
 13. *Булюбаш Е. Г.* Мои воспоминания о первом Кубанском походе // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 423—432.
 14. *Свидерский Д.* Поход к Ледяному походу (продолжение) // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 457—472.
 15. *Векслер А.* Русская молодёжь за честь России. Кадеты Морского корпуса в первых боях с большевиками // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 451.
 16. *Лисовой Я. М.* А. М. Каледин и Добровольческая армия // Донская волна. 1919. № 6 (34). 3 февр. С. 10—11.
 17. *Халдаев Е. В.* Новочеркасские военные лазареты Гражданской войны // Донской временник : краевед. альм. Вып. 32. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2023. С. 39—70.
 18. *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие : К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / Сост., вступ. ст., примеч. и коммент. Н. А. Кузнецова, Д. А. Тимохиной. М. : Посев, 2018. С. 37—192.
 19. *Халдаев Е. В.* Три поколения Севастьяновых. Неизбежность выбора // «Донской временник». Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 34—55.
 20. *Его же.* Время собирать камни // Деловой Новочеркасск : гор. информ. портал. 2021. Вып. № 35. 13 окт. URL: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/75300/ (дата обращения: 16.06.2024).
 21. *Его же.* Страсти по Каледину // Деловой Новочеркасск : гор. информ. портал. 2023. Вып. № 4. 8 февр. URL: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/76825/ (дата обращения: 16.06.2024); *Его же.* Тайна могилы Каледина (Три дня, которые потрясли Дон) // Деловой Юг : сетевое изд. 2023. 11 февр. URL: <https://delovoy-yug.ru/tajna-mogily-kaledina-tri-dnya-kotorye-potryasli-don/> (дата обращения: 16.06.2024).

22. *Его же*. Аллея памяти в Новочеркасском некрополе. Новочеркасск: [б.и.], 2020. 53 с. : ил.
23. *Его же*. Цепочка добра к часовне памяти // Донской временник : краевед. альм. Вып. 31. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2022. С. 133—155.
24. *Его же*. Два дня в мае. День первый: [Перезахоронение останков дон. генералов М. И. Платова, В. В. Орлова-Денисова, И. Е. Ефремова, Я. П. Бакланова и архиеп. И. Доброзракова в Новочеркасском Вознесенском войсковом соборе, 15 мая 1993 г.] // Деловой Юг : сетевое изд. URL: <https://delovoy-yug.ru/dva-dnya-v-mae/> (дата обращения: 5.07.2024).
25. *Логвин К.* Поправка к биографии дипломата-казака // Северо-Донское казачье войско : [сайт]. URL: <https://kazakseverdon.ru/2021/11/20/> (дата обращения: 5.07.2024).
26. Сотрудники музея во главе с директором Сединко С. А. посетили с экскурсией Новочеркасский некрополь // Новочеркасский музей истории донского казачества : офиц. сайт. URL: <http://www.novochmuseum.ru/novosti/1276-sotrudniki-muzeja-vo-glave-s-direktorom-sedinko-s-a-posetili-s-jekskursiej-novocherkasskij-nekropol.html> (дата обращения: 5.07.2024).

МУЗЕИ

С. П. ЧИБИСОВА

ДОНСКОЙ МУЗЕЙ

От идеи до открытия в собственном здании

Начало. 1860—1880-е годы

В деле создания Донского музея и строительства для него собственного здания выдающуюся роль сыграли донские общественные деятели А. М. Савельев и Е. А. Ознобишин.

Преподаватель рисования, статский советник Егор Андреевич Ознобишин (1837—1907) происходил из старинного, но обедневшего рода дворян Саратовской губернии, образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1854—1857) и Санкт-Петербургской Императорской академии художеств (1858—1863) [1]. В Академии начинающий художник занимался одновременно в классах жанровой и пейзажной живописи под руководством профессоров М. Н. Воробьёва и А. П. Боголюбова, будучи с 1863 г. личным стипендиатом наследника цесаревича Николая Александровича [2]. По окончании академии Е. А. Ознобишин получил звание классного художника II степени.

Его пейзажные работы были отмечены малой и большой серебряными медалями. С 1866 г. художник жил в Новочеркасске, преподавал в мужской классической гимназии (1866—1876) и Мариинском Донском институте (1873—1876), состоял действительным членом Донского областного статкомитета (1887—1907).

Андроник Минаевич Савельев (1835—1875) происходил из донских казаков станицы Романовской. После окончания Новочеркасской мужской гимназии (1855) и историко-филологического факультета Харьковского университета он работал учителем русской словесности в Новочеркасской гимназии (1859—1872) и преподавателем русского языка и словесности в Донском Мариинском институте. В 1865 г. Савельев стал секретарём Донского статистического комитета; при нём впервые началось печатание «Трудов комитета», а также «Списка населённых мест Области войска Донского...» и нескольких других изданий, в частности

областных «Памятных книжек». Савельев составил «Сборник донских песен» (1867), написал историческую монографию «Трёхсотлетие Войска Донского» (1870), был одним из главных сотрудников «Донского вестника» и редактором неофициальной части «Донских войсковых ведомостей» [3].

Познакомившись на педагогической службе, А. М. Савельев и Е. А. Ознобишин близко сошлись как единомышленники в деле сохранения исторических памятников. Они начали целенаправленную деятельность по созданию Донского музея, обратившись к наказному атаману Войска Донского.

С 1 октября 1865 г., в должности наказного атамана состоял генерал-адъютант Александр Львович Потапов (1818—1886), происходивший из воронежских дворян. Близкий друг поэта М. Ю. Лермонтова, А. Л. Потапов был культурным человеком, неравнодушным к истории Донского края. Оказалось, что его родной дед, генерал-поручик И. А. Потапов, в 1772 г. занимал должность обер-коменданта крепости св. Димитрия Ростовского, где содержался последственный С. Д. Ефремов до отправки его в Петербург. За хорошее обхождение опальный атаман подарил своему невольному тюремщику седло и полную верховую сбрую, которые перешли по наследству внуку и, в бытность атаманом, А. Л. Потапов, по свидетельству А. Карасёва, с гордостью показывал эти раритеты всем в Новочеркасске [4].

Сочувствуя делу создания Донского музея, атаман А. Л. Потапов в апреле 1867 г. командировал для осмотра некоторых музеев с целью изучения их устройства секретаря Донского статистического комитета А. М. Савельева, который посетил в Санкт-Петербурге сельскохозяйственный музей министерства государственных имуществ, Императорскую публичную библиотеку, педагогический музей военно-учебных заведений и в Москве — Румянцевский музей и этнографическую выставку, устроенную Императорским обществом любителей естествознания.

За участие в подготовке этой последней выставки атаман А. Л. Потапов был отмечен почётной наградой 2-й категории «за содействие в доставлении этнографических предметов донских казаков и калмыков» [5].

Вскоре после возвращения из столиц А. М. Савельев, совместно с Е. А. Ознобишиным, подготовил проект программы Донского музея, которая была оглашена им на собрании Донского войскового статкомитета 15 января 1868 г. В своём докладе А. М. Савельев отметил,

что в Новочеркасске «существует горный музей и, кроме того, есть небольшая коллекция по отделу палеонтологии, а также археологических находок при зоологическом и минералогическом кабинетах новочеркасской гимназии». Эти коллекции он назвал незначительными и не представляющими «общего интереса». В то же время, поступающие предметы интересные «в археологическом или этнографическом отношениях», статкомитет вынужден передавать в Императорское археологическое общество «за неимением места для хранения». Таким местом мог бы стать «местный музей с более общим характером чем горный, соединяющий в себе образцы более замечательных произведений края, его промышленности, его археологические находки, предметы для его этнографии», который «должен удовлетворить насущной потребности всякого, желающего обстоятельно познакомиться с Доном» [6]. Хотя программа музея, по мысли докладчика, намечалась широкая, устанавливавшая, кроме археологического с историческим, и другие отделы, сельскохозяйственный и этнографический, но само осуществление идеи о музее предполагалось в скромном виде. Устроители рассчитывали, что музей больших затрат не будет требовать, а пополнение его будет производиться постепенно «путём добротных даяний членов статистического комитета и вообще лиц сочувствующих».

Главным камнем преткновения в открытии музея стала необходимость иметь для него собственное здание. Эта идея активно продвигалась статским советником Е. А. Ознобишиным. Заинтересованный в устройстве музея войсковой наказной атаман А. Л. Потапов пообещал отдать под музей дом на Платовском проспекте, приобретённый войском у есаула П. И. Турчанинова (на месте бывшей усадьбы атамана М. И. Платова). Однако, генерал Потапов вскоре получил другое назначение и уехал из области, а в вышеуказанном войсковом здании после его перестройки в 1871 г. разместили войсковой штаб.

В течение следующего десятилетия Е. А. Ознобишин неоднократно обращался с просьбами о содействии к атаману М. И. Черткову и к сменившему его, атаману Н. А. Краснокутскому. Последний, в ответе на докладную записку о необходимости создания в Новочеркасске музея, выразил желание принять его программу к сведению в то время, «когда финансы края позволят приступить к открытию музеев» [7].

Дело получило продолжение только в июле 1881 г. со вступлением в должность донского наказного атамана князя Н. И. Святополк-Мирского. Выпускник Пажеского корпуса, дважды

Георгиевский кавалер и герой войны за освобождение Болгарии от османского ига, князь был человеком не только высококультурным, но и весьма деятельным. Он ответил Ознобишину, что если идею музея утверждают в верхах, то он непременно воспользуется его предложением. В 1882 г. Егор Андреевич на свои деньги отпечатал 400 экземпляров новой «Программы Донского музея» и разослал её в научные учреждения и начальству. Атаман Н. И. Святополк-Мирский выдал Е. А. Ознобишину мандат с просьбой оказывать его предъявителю помощь в собирании материалов и предметов старины. Все экспонаты будущего музея собирались в здании войскового правления.

Е. Ознобишин, вдохновлённый новыми надеждами, написал в газете «Донской справочный листок» следующее: *«Музей должен быть как можно ближе, доступнее простому человеку, потому что в простом человеке — в его мускульном труде — лежит будущность нашего государства и его величие: бюджет народ сыт — будут и школы, а будут школы, — будут и умные люди»*. Он полагал, что войсковая администрация сможет *«при небольших затратах устроить отдельное здание для Донского музея — барачной системы»*, поскольку в *«собственном здании можно гораздо удобнее, систематически расположить предметы — не стесняясь разными перегородами и капитальными стенами»*. Он предлагал это здание, дешево и быстро возведённое, разместить в самом центре города — *«в городском саду, в той его части, которая выходит на Платов проспект, к стороне областной почтовой конторы»*. Кроме того, по его мнению, *«в здание музея, расположенное в саду и выстроенное в стиле самом обыкновенном — охотнее и смелее пойдёт простой stationer со своею старухой, привезший на базар продукты своего честного, полезного, но не совсем выгодного труда...»* [8].

Князь Н. И. Святополк-Мирский оказался прекрасным экономистом. За время его атаманства общий войсковой капитал увеличился почти вдвое. Обширная деятельность князя, направленная на благоустройство города Новочеркаска, строительство зданий, мощение улиц, прокладку и озеленение бульваров обеспечивала приток пожертвований от донских дворян и купцов. Имея в своем распоряжении средства в сумме 36 тысяч руб., пожертвованные купцом Я. С. Поляковым на *«общепользные цели»*, атаман принял решение использовать их для постройки здания музея.

Таким образом, меценатом, на чьи деньги началось дело о строительстве здания

музея, оказался Яков Соломонович Поляков (1832—1909), один из трёх знаменитых в то время братьев-банкиров Поляковых, строителей железных дорог на юге России, чья фамилия была на слуху как символ сказочного богатства. С 16 ноября 1868 г. он жил с семьёй в Таганроге, где имел собственный торговый дом, основал Управление каботажного Азовского буксирного пароходства (1871), Азово-Донской коммерческий банк и Донской земельный банк (1873). На основе этих банков он открыл в Таганроге Банкирскую контору Якова Полякова (ул. Петровская, 50), и Санкт-Петербургско-Азовский коммерческий банк. Я. С. Поляков получил звание потомственного почётного гражданина Таганрога. Он принимал активное участие в общественной жизни города, будучи гласным Таганрогской городской думы (1885—1902) и председателем комитета торговли и мануфактуры Таганрогской городской управы (1885—1904). За крупные пожертвования и работу в попечительских советах различных благотворительных обществ Я. С. Поляков был награждён орденами св. Владимира III ст. (1888), св. Станислава I ст. (1891), св. Анны I ст. (1896), получил чин действительного статского советника (1885), тайного советника (1900), а также возведён в потомственные дворяне (1888), несмотря на иудейское вероисповедание [9].

Конкурс на проект здания музея (ноябрь 1882 — февраль 1883)

По распоряжению атамана князя Н. И. Святополк-Мирского областное войсковое правление в ноябре 1882 г. объявило конкурс с премией на лучший архитектурный проект здания будущего музея. Вскоре, как сообщала местная газета: *«Явилось пять проектов; все они — безвозмездные труды гг. архитекторов и инженеров. В большинстве планы оказались очень удачны. Некоторые фасады, как нам кажется, не совсем выражают идею, но тем не менее в общем — очень хороши. Честь и слава гг. труженикам! Не забудем, что работы эти были произведены лицами, имеющими свои постоянные занятия, что лица эти должны были в сравнительно короткое время приготовить проекты на состязание: чей окажется лучше?»* [10].

В январе 1883 г. все представленные проекты были отправлены на рассмотрение в Санкт-Петербург, в институт гражданских инженеров, где в определении достойного премии проекта приняли участие профессора Р. Б. Бернгард, Д. Д. Соколов, Э. И. Жибер, И. С. Китнер и В. А. Шретер. *«Такое строгое жюри признало*

достойным премии проект под монограммой "ватерпас и треугольник", составителем которого оказался гражданский инженер Ф. А. Гаген» [11].

Фердинанд Августович фон Гаген (1849—1899) происходил из прибалтийских немцев, окончил Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров (1876) и был откомандирован в управление Ростово-Владикавказской железной дороги. На Дону он активно занялся архитектурной деятельностью, построив несколько деревянных и каменных церквей в казачьих станицах. В 1882—1886 гг. Ф. А. Гаген работал старшим инженером Областного правления Войска Донского, участвовал в застройке Новочеркасска, где руководил возведением духовной семинарии, построил деревянный цирк и возвёл несколько домов по частным заказам, затем был переведён городским архитектором Екатеринослава [12].

После проведения конкурса дело вновь застопорилось в коридорах бюрократии. Чтобы подвинуть дело вперед, любители казачьей истории решили объединиться и организовать на Дону Общество любителей донской старины. Этот кружок местных краеведов возглавил коллежский секретарь Харитон Иванович Попов, секретарь областной земской управы [13]. В 1884 г. кружок выработал проект устава общества, целью которого было: «1) приведение в известность местных исторических археологических и этнографических памятников; собирание материалов для истории Донского края, и 2) содействие в устройстве историческо-этнографического отдела Донского музея.

Через войскового наказного атамана проект Общества был представлен на утверждение подлежащего начальства; но дело затормозилось, после того как поступило на заключение директора археологического института сенатора Н. В. Калачова. Пропагандируя усиленно губернские учёные археологические комиссии, учреждённые с 1884 г., сенатор Н. В. Калачов предложил войсковому начальству взамен Общества любителей донской старины, открыть комиссию, но с условием, чтобы были отпущены средства из войскового капитала и отведено помещение. Учредители Общества любителей донской старины не согласились с этими предложениями, и вопрос об учреждении этого общества остался нерешённым» [14].

Однако, тем временем производились работы по изысканию донских древностей. «К коллежскому асессору Х. И. Попову, состоявшему в то время помощником управляющего атаманской канцелярией [15], поступало множество

всякого рода памятников, которые за неимением помещения приходилось хранить там же, в канцелярии. Кроме того, отдельными лицами предпринимались изыскания в архивах станиц Старочеркасской, Раздорской, Семикаракорской и Мелеховской. В 1884 г. было вывезено из станицы Старочеркасской около 50 связок бумаг, принадлежавших станичному архиву.

Наконец, в ноябре 1890 г. при Областном правлении была образована особая Комиссия по устройству Донского музея под председательством И. М. Добрынина. Состав музея намечался из следующих отделов: археологического, нумизматического, с отделением портретов, старинного оружия, жалованных ковшей и пр., и горного, с палеонтологическим отделением» [14].

Бессменным членом этой комиссии, игравшим в ней одну из решающих ролей, был признанный казачий деятель, историк-любитель Х. И. Попов, бывший в 1890—1897 гг. советником Первого распорядительного отделения при Областном правлении [16]. 21 декабря 1897 г. он по прошению был уволен со службы в чине статского советника «с мундиром и пенсией из войскового вспомогательного капитала по 321 р. 64 коп. и из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по 386 руб. в год» [17]. Но и после отставки Х. И. Попов продолжил нести службу, став первым заведующим Донским музеем.

Приступить к сооружению в Новочеркасске здания для Донского музея оказалось возможным только через десять лет после проведения конкурса проектов, в 1893 г. Наказной атаман князь Н. И. Святополк-Мирский возложил заведование этим делом на Комиссию по устройству Донского музея и лично выбрал место, по его мнению, «наиболее удобное для названного сооружения», где находилось в то время «ничем не занятое ветхое здание, освободившееся за переездом в другое помещение Атаманской канцелярии». 2 марта 1893 г. инженерами строительного отделения был составлен акт осмотра бывшего здания канцелярии. «Оказалось, что оно построено в 1829 г. «Нижний этаж из жёлтого местного камня, а верхний из пластин, и находится в ветхом состоянии, что ни для каких войсковых потребностей более не годно и в виду могущего последовать обрушения, должно быть разобрано». Акт подписали: областной инженер-архитектор А. А. Яценко, старший инженер Б. Краснов, младшие инженеры Н. И. Роллер и В. А. Альберти [18, л. 4 об.].

Определением Областного правления от 8 марта 1893 г. было решено: «рассмотрев

изложенные в докладе обстоятельства и имея в виду, что в г. Новочеркасске не имеется свободного войскового места, на котором можно было бы произвести постройку здания для Донского музея, существующее же войсковое здание, в котором помещалась Канцелярия войскового наказного атамана, через 60 лет со времени постройки пришло в совершенную ветхость и ни к чему не пригодно, Областное правление признаёт полезным для войска иметь, взамен него пригодное здание, а потому определяет: на имеющиеся в распоряжении войскового наказного атамана средства для постройки для Донского музея назначить двор бывшей Атаманской канцелярии, с находящимся на нём зданием, причем строительные материалы от разборки этого здания Комиссии по организации Донского музея употребить на потребности сооружения здания для музея и служб при нем, но с тем, чтобы сооружённое здание этого музея считалось войсковым зданием» [18, л. 1—2]. На разборку ветхого строения и подготовку площадки под строительство со всеми бюрократическими проволочками ушёл еще почти год и, наконец, наступил долгожданный радостный день.

Закладка здания Донского музея

Освящение места для сооружаемого Донского музея и сама закладка его были совершены в пятницу, 6 мая 1894 г., в высокочтимый день рождения Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича, Августейшего атамана всех казачьих войск. Весь город в этот день был украшен государственными флагами. В Вознесенском кафедральном соборе литургию совершил преосвященный Иоанн (Митропольский), епископ Аксайский, в сослужении соборного духовенства. По окончании литургии совершено было молебствие. В соборе присутствовали военные и гражданские чины Войска Донского во главе с начальником войскового штаба генерал-лейтенантом А. Д. Мартыновым и помощником войскового наказного атамана по гражданской части генерал-майором А. М. Грековым. После службы состоялся военный парад, затем все участники направились к месту закладки здания на углу Платовского проспекта и Атаманской улицы. Атаман князь Н. И. Святополк-Мирский, по случаю нездоровья, не смог присутствовать на торжестве, выразив своё сожаление.

Для закладки были приготовлены две каменные плиты с углублением в нижней из них

для доски и с высеченным восьмиконечным крестом на верхней. После молебствия, установленного для подобных случаев, и по провозглашении многолетия Государю Императору, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, по окроплении места закладки святою водой, вложена была в каменную плиту металлическая, покрытая никелем, доска с надписью. В заключение церемонии было совершено окропление святою водою всего приготовленного для здания места.

На первом этапе строительства (1894—1896)

Здание сооружалось по планам и чертежам члена Комиссии по устройству Донского музея, областного архитектора П. С. Студеникина хозяйственным способом под наблюдением председателя и членов Комиссии.

За основу был взят конкурсный проект недавно скончавшегося академика А. А. Яценко, доработанный П. С. Студеникиным. Как писала местная печать, судя по проекту здания, «оно обещает быть весьма красивым. В два этажа (с особым подвальным помещением для отопления) и довольно вместительным. В нём на первый раз предположены следующие отделы: 1) горный, 2) доисторической археологии, 3) позднейшей археологии, 4) этнографический, 5) исторический архив и 6) библиотека археологических, исторических, географических и т. п. изданий. Если же место позволит, то впоследствии могут быть прибавлены и другие отделы. Здание музея предположено вчерне закончить в сентябре текущего года, а в будущем году отстроить окончательно и открыть уже музей в полном его виде» [19].

Как упоминалось выше, двухэтажное здание музея возводилось на пожертвованную купцом Я. С. Поляковым сумму. Однако, израсходованных 35 994 руб. оказалось недостаточно [20]. В конце 1894 г. строительство заморозили. Здание, построенное вчерне без окон и дверей, окружённое забором простояло в центре города несколько лет.

В этот период войсковым наказным атаманом князем Н. И. Святополк-Мирским делалось всё возможное, чтобы зачислить строящееся здание музея в разряд «войсковых», что позволило бы не только достроить, но содержать и ремонтировать его в дальнейшем за счёт войсковых средств.

«Областное правление, по журнальному определению Войска Донского своему, состоявшемуся 10 июня 1896 г., от имени войскового

наказного атамана возбудило ходатайство перед Военным министерством о разрешении принять в число войсковых учреждений в г. Новочеркасске Донского музея, формирование которого продолжается с 1882 г., и об ассигновании на окончание сооружаемого для музея здания, на которое затрачено уже из частных пожертвований до 36 тыс. руб., особого сверхсметного кредита из общего войскового капитала в сумме 46 412 руб. Потребные ежегодные расходы назывались следующие: на ремонт 1125 руб., на отопление здания — 260 руб.; на освещение, допуская таковое лишь в канцелярии музея и подвальном этаже, где будет помещаться центральное отопление, в зимние месяцы — 12 руб.; на содержание внутренней чистоты — 125 руб.; на очистку нечистот — 60 руб.; на страхование здания, полагая 20 коп. со 100 руб. стоимости — 150 руб.; на наём прислуги (2 человек по 120 р.) — 240 руб. Всех же расходов в год предполагалось 1972 руб. Сверх того, на первое время на такие нужды музея, как приобретение предметов древности, археологические разыскания, исследования и описание памятников старины, издания каталогов и сборников исторических материалов и др. признавалось необходимым назначить особое пособие из войсковых сумм в размере до 500 руб. в год в продолжении пяти лет, пока музей не будет иметь собственные средства (составление которых ожидалось из членских взносов, сборов с платных посетителей и частных пожертвований) и пока ещё не может оказать ему пособие город Новочеркасск из своих средств» [18, л. 60].

Переписка с Военным советом и другими учреждениями по этому вопросу заняла около года. Сначала было получено заключение от Инженерного комитета Главного инженерного управления от 13 ноября 1896 г. о признании представленной сметы: «правильною в техническом отношении, ... на сумму 45 434 р., в том числе 1272 р. на вспомогательные работы, 1747 р. на вознаграждение техников, а затем на оптовые работы: 10 000 р. на устройство водяного отопления с вентиляцией, водопровода с ватерклозетами и выгребной ямы о 2-х отделениях; 395 р. на асфальтовые полы с устройством основания; 4784 р. — на изготовление цементных мозаичных полов; 1254 р. — на изготовление из гранита на железных косоурах парадной лестницы, 511 р. 50 к. — на положение гранитных ступеней входных площадок; 467 р. 50 к. на постройку железных решеток; 800 р. — на изготовление из дубового леса парадной двери с тамбуром; 78 р. — на постройку цементных

балясин; 1500 р. — на лепные украшения и 1600 р. на постройку в окна внутренних решетчатых железных ставень» [18, л. 10 об. — 11].

Следующим шагом стало разрешение Военного совета от 3 мая 1897 г. достроить здание музея «на счёт войскового капитала» [21]. Наконец, отношением войсковому наказному атаману Главного управления казачьих войск от 25 июня 1897 г. за № 744 за подписью большого друга и дарителя Донского музея помощника начальника Главного управления, тайного советника Н. А. Лемана сообщалось о согласии Военного совета на принятие в собственность Войска Донского выстроенного на частные пожертвования здания для музея в г. Новочеркасске. Постановление включало следующие пункты: «1. Выстроенное вчерне здание для музея в г. Новочеркасске зачислить в число войсковых зданий Донского войска. 2. Разрешить войсковому начальству произвести достройку упомянутого здания согласно утверждённого Инженерным комитетом проекта и сметы и, согласно его указаний, но с тем, чтобы предварительно какого-либо распоряжения о строительных работах был представлен в Военное министерство на рассмотрение проект предполагаемого водяного отопления здания музея. 3. Указанные во 2 пункте строительные работы отдать в подряд, для чего и назначить установленным порядком торги. 4. На расходы по упомянутым строительным работам открыть по текущей Донской войсковой расходной смете особым последним сверхсметный кредит в сумме 45 434 р., с тем, чтобы в израсходовании денег был представлен своевременно надлежащий отчёт в донскую контрольную палату, а могущий быть остаток был причислен к общему войсковому капиталу. 5. Предоставить местному начальству обсудить вопрос относительно расходов, потребных на внутреннюю обстановку музея, и войти по сему предмету, а равно о расходах на содержание и ремонт музея, с особым представлением в установленном порядке. 6. Отпускать музею из войсковых сумм ежегодно в пособие по 500 р. в год в течение 5 лет, начиная с 1898 года, с зачислением этого расхода также в подлежащее подразделение Донской войсковой расходной сметы» [18, л. 7].

Главное управление казачьих войск при этом вернуло проекты и сметы на постройку здания музея: «1. Смета №1 на постройку здания Донского музея в г. Новочеркасске (65 л.). 2. То же № 2 на оставшиеся не произведёнными работы на постройку здания музея (37 л.). 3. Проект Донского музея в г. Новочеркасске на пяти отдельных листах (5 л.)» [18, л. 6].

Завершающий этап строительства здания музея (1897—1899)

Таким образом, в 1897 г. начался завершающий этап строительства. Объявления о торгах на работы по достройке здания Донского музея были напечатаны после 27.08.1897 г. в «Донских областных ведомостях», в «Воронежских», «Астраханских», «Екатеринославских», «Саратовских», «Ставропольских», «Харьковских» губернских ведомостях, а также были разосланы в департамент Народного просвещения, в Правление Императорского Московского университета, в редакцию «Правительственного вестника», в Ростовскую-на-Дону ремесленную управу и по всем округам Войска Донского [18, л. 14—15].

16 сентября 1897 г. состоялся торг на достройку здания Донского музея на сумму 20 668 руб. Участвовало три человека, низшую цену за подряд дал торгующий по свидетельству 2-й гильдии купец Григорий Ильич Могилевский — 15 740 руб. (ниже на 24,33%). Кроме того, к торгам было подано три запечатанных объявления от следующих лиц: торгующего по свидетельству 1-й гильдии купца Николая Ивановича Бардаша (ниже на 18%), крестьянина Егора Петровича Потапова 17 700 руб., торгующего по свидетельству 2-й гильдии купца Павла Никитина Кирюнина 18 843 руб. По условию работы должны были быть начаты немедленно по заключении контракта и полностью окончены к 1 августа 1898 г. В результате торгов 20 сентября 1897 г. был заключён контракт с Г. И. Могилевским как предложившим наименьшую цену. При этом подрядчик принял от Комиссии по постройке здания музея приобретённые ею ранее материалы (кирпич в количестве 58 800 штук, коренные леса с подмостами и кружала) за 1500 руб. Все работы должны были производиться под наблюдением исполняющего должность (и. д.) областного инженер-архитектора П. С. Студеникина [18, л. 28].

Перечень работ и их стоимость неоднократно корректировались. Так согласно рапорту и. о. областного инженер-архитектора П. С. Студеникина в областное Правление Войска Донского от 15 сентября 1897 г. оказалось, что «по смете на достройку здания Донского музея... назначены кирпичные своды, причём потолки в залах от сводов на балках должны получиться волнистые. В виду того, что по заявленным ценам мастера Торлецкого предстоит возможность устроить по системе Монье совершенно плоские своды по балкам, то есть устроить прямые потолки в залах, которые красивее волнистых,

и что такие своды будут легче и в то же время прочнее и дешевле кирпичных, просим заменить указанные кирпичные своды бетонными и исключить их из работ, которые назначены к отдаче с торгов 16 сего сентября». Это предложение было одобрено помощником войскового наказного атамана по гражданской части генералом А. М. Грековым [18, л. 170].

В результате работы на устройство бетонных сводов, бетонных и мозаичных полов в строящемся здании музея были отданы без торгов почётному гражданину Василию Александровичу Торлецкому за сумму 7447 руб. с условием выполнения к 20 июля 1898 г. С ним был заключён контракт 23 сентября 1897 г. [18, л. 33], в котором мастер дал письменные гарантии о том, что все работы он «должен производить из материалов хорошего качества, причём цемент для бетона непременно должен быть Новороссийского завода или завода Шварцкопфа. Работы должен начать немедленно по заключении контракта и по получении на них наряда от областного правления, а закончить не позже 20 июня 1898 г.» [18, л. 36].

В здании решено было устроить паровое отопление низкого давления, вентиляцию и водопровод, по смете и проектам, утверждённым Главным инженерным управлением 1 апреля 1898 г. Военный Совет, рассмотрев этот вопрос 7 августа 1898 г. постановил: разрешить войсковому начальству Войска Донского произвести в здании Донского музея работы по устройству водопровода и парового отопления с вентиляцией и другими соответствующими вспомогательными работами через фирму К. Зигель, не выходя из сметной суммы в 10 тыс. руб., с тем, чтобы по окончании работ был составлен отчёт в виде сметы с приложенными к нему чертежами и необходимыми оправдательными документами. То есть решено было производить работы хозяйственным способом [18, л. 130 об.].

Контракт был заключен 5 сентября 1898 г. с представителем фирмы Зигель Максимилианом Августовичем Вейтце, доверенным Ростовской на Дону конторы С.-Петербургского 1-й гильдии купца Курта Богданова. «Контора К. Зигель, принимая на себя устройство водопровода и парового отопления с вентиляцией, а также ватерклозетов и выгребной ямы в двух отделениях в здании Донского музея в г. Новочеркасске за 7445 руб., обязывается исполнить оное на точном основании прилагаемых к сему контракту условий». Работы должны были закончиться к 1 января 1899 г. [18, л. 134].

К работам по устройству отопления фирма приступила 19 октября 1898 г. Батареи парового

отопления изготовили на заводе Петцольд и К^о. в Иноврацлаве (Польша) с задержкой на месяц [18, л. 190], поэтому окончание работ состоялось 20 февраля 1899 г. [18, л. 220].

13 марта 1899 г. при освидетельствовании Комиссией проведённых работ по устройству парового отопления низкого давления, вентиляции и водопровода в здании Донского музея было отмечено, что работы *«произведены в общем удовлетворительно и согласно смете и проектов»*, *«при испытании аппаратов отопления и вентиляции выяснилось, что они действуют вполне удовлетворительно»*, о чём и был составлен особый акт, подписанный советником хозяйственного отделения Областного правления, статским советником И. Т. Семёновым, и. д. областного инженер-архитектора С. Я. Ткачёвым, инженерами строительного отделения В. А. Наумовым, Н. И. Роллер и М. И. Поповым [18, л. 226].

Однако, в дальнейшем потребовались кое-какие дополнительные работы по устройству отопления и вентиляции в здании, которые были поручены Торлецкому и окончены 9 августа 1899 г. [18, л. 258]. Для отопления здания по данным проекта конторы К. Зигель требовалось около 2200 пудов антрацита в год или, считая по 13 коп. за пуд, была потребно 286 руб., а за округлением — 300 руб. На наём истопника в течение 6 месяцев 150 руб. и за годовой надзор за водопроводом и ватерклозетом 50 руб., всего 200 руб. [18, л. 59].

В мае 1898 г. приступили к работам по вставке оконных и дверных блоков в строящемся здании. 11 мая 1898 г. подрядчиком Г. И. Могилевским были доставлены оконные колоды для второго этажа [18, л. 91]. Все окна должны были быть защищены решётками. 2 мая 1898 г. был заключён контракт с мещанином из г. Полтавы Фердинандом Фердинандовичем Трепке на устройство в здании музея, согласно одобренного образца, представленного им же, *«внутренних решетчатых сдвижных железных ставень с постановкой их на место и окраской»* в количестве 18 штук. Подрядчик обязался изготовить их к 1 июля того же года *«из железа хорошего качества»* за цену по 4 руб. 70 коп. за кв. аршин, а всего за 162.05 кв. аршин на сумму 784 руб. 49 коп. [18, л. 88].

Ставни были изготовлены фирмой Ф. Ф. Трепке своевременно и были освидетельствованы комиссией 11 августа 1898 г., причём оказалось, что *«15 решёток совершенно готовы и сделаны удовлетворительно, из материалов надлежащего качества и согласно одобренного Областным правлением образца»*, три решётки требовали переделки и ввиду того, что работы

по установке переплётов и подоконных досок ещё не были окончены, их не установили. Последние три оконные решётки были установлены фирмой Трепке 10 октября 1898 г. [18, л. 122].

С 8 мая 1898 г. и. д. областного инженер-архитектора П. С. Студеникин, не имея возможности работать в полную силу из-за своей болезни, *«с личного согласия старшего советника Областного правления А. М. Грекова, поручил наблюдение за точным выполнением всех своих распоряжений по достройке здания Донского музея, а также и за качеством употребляемых в дело материалов младшему инженеру строительного отделения титулярному советнику М. И. Попову»* [18, л. 89].

В мае 1898 г. приступили к устройству парадной лестницы и укладке ступеней в вестибюле и перед парадным входом. По проекту, утверждённому Инженерным комитетом Главного инженерного управления, парадная лестница должна была быть устроена из натурального Александровского гранита Екатеринославской губернии. Лестница из двух пролётов должна была иметь 38 ступеней длиной по 3 аршина, шириной по 8 вершков и высотой 3 вершка. Из того же гранита предполагались 15 камней ступеней трёх входных площадок вестибюля, а также наружного камня у двери парадного входа.

Областным правлением затребованы были цены от предпринимателей гранитных и мраморных работ по устройству лестниц из мрамора, гранита и пр. (срок окончания работ предлагался 20 июля 1898 г.). Были получены заявления от С. А. Тонитто и В. А. Торлецкого. Первый согласился принять на себя работы за цену за каждый уложенный в дело погонный аршин ступени 11 руб. 50 коп., а второй предложил при естественном граните цену в 12 руб., а при искусственном граните (бетонные ступени) — 5 руб. 50 коп.

В виду спешности работ архитектор Студеникин предложил вместо естественного гранита использовать искусственный, цена которого за погонный аршин по предложению В. А. Торлецкого составляла 5 руб. Предприниматель естественных и искусственных гранитных и бетонных работ, потомственный почётный гражданин В. А. Торлецкий был известен *«своей благонадёжностью и аккуратным исполнением работ»*, а заявленная им цена оказалась весьма выгодной для войсковой казны. Образцы ступеней искусственного гранита, при рассмотрении их комиссией были признаны вполне пригодными для дела, к тому же такое устройство лестницы обещало *«сбережение*

войскового капитала в размере до 900 руб.» По этому работы по устройству парадной лестницы были отданы В. А. Торлецкому без торгов, на общую сумму 802 руб. 50 коп. серебром, с условием, чтобы работы были закончены не позже 20 июня 1898 г. [18, 93—95].

Окончание всех работ по музею было назначено к 1 августа 1898 г. Но подрядчик Г. И. Могилевский попросил отсрочку на месяц, до 1 сентября, так как не успевал окончить работы к этому сроку по независящим от него причинам: «1) за болезнью наблюдающего за работами бывшего областного инженер-архитектора Студеникина, который не мог давать своевременно образцы рабочих шаблонов для штукатурных работ по музею, а чертеж на устройство тамбура из дубового леса был получен в последних числах июня 1898 г.; 2) была задержка по устройству косяков под парадную лестницу, которые пришлось переделывать снова, потому что прежней конструкции косяков оказались лёгкими, а также переделка как колод дверных, так и оконных переплётов; кроме того были задержки ещё и по другим добавочным работам...» [18, л. 113].

Отсрочка была предоставлена, а после смерти архитектора П. С. Студеникина наблюдение за работами по зданию музея поручили младшему инженеру областного правления, архитектору Михаилу Иосифовичу Попову, выпускнику Санкт-Петербургской академии художеств (1894) [18, л. 114 об].

В результате, все работы по устройству сводов, полов и ступеней лестницы в здании Донского музея были окончены 15 октября 1898 г. Согласно акту освидетельствования от 19 октября работы были произведены «удовлетворительно и из материалов надлежащего качества». В ноябре 1898 г. с подрядчиком В. А. Торлецким произвели полный расчёт по завершённому контракту.

30 ноября 1898 г. Комитет по управлению г. Новочеркасска дал разрешение областному правлению построить водовод в здании строящегося Донского музея «для получения воды из Новочеркасского водопровода, с тем, чтобы работы по устройству этого водовода произведены были по указанию временно заведующего водопроводом инженера Самсонова» [18, л. 170]. Водопроводную ветку в здание музея устроила контора К. Зигель [18, л. 177].

Близкое окончание строительства и отделки здания вызывало радостные ожидания и нашло отражение даже в столичной печати. Газета «Неделя строителя», приложение архитектурного журнала «Зодчий», поместила об этом довольно

пространную заметку: «Работы по устройству в Новочеркасске Донского музея близятся к концу: заборы, окружавшие здание, снесли, мусор убрали, и делаются приготовления к замощению вокруг здания тротуаров; наружная отделка музея тоже закончена. В настоящее время взорам новочеркасского обывателя представляется красивое здание, стройное, кокетливое и как бы рисующееся тем, что оно ново, покрыто свежей краской и очень удачно исполнено. Художественные достоинства музея подчёркиваются в особенности нелепейшими старомодными соседями: зданием бывшей межевой комиссии, представляющим неуклюжее сооружение с высоко приподнятой крышей, производящей впечатление огромной и грубо сработанной шапки, нахлобученной на лоб, и зданием областных присутственных мест, тяжёлым и громоздким, напоминающим крепостную цитадель, которой предполагалось пользоваться как убежищем во время нападений диких орда степных кочевников. В здании музея Новочеркасска приобрёл воистину украшение, которым не стыдно будет и похвалиться перед заезжим человеком. Несколько портят впечатление в этом здании окна с частыми переплётами и толстыми рамами, рассчитанными, вероятно, на долговечность; очень жаль, что не были устроены эти окна из одного стекла» [22].

Одновременно с отделочными работами Комиссия по устройству Донского музея озабочилась подготовкой экспозиционного оборудования.

Для обстановки музея в январе 1898 г. были изготовлены: «витрины для верхнего этажа из липового дерева с берёзовыми точёными ножками и с еловыми днами с полировкой их снаружи под орех и с окраской внутри белой масляной краской, с постановкою петель и замков, но без вставки стекол по следующим ценам: 1) 14 шт. витрины односкатные длиной 3 аршина, шириной 1 аршин 2 вершка, высотой спереди 1 аршин 8 вершков, а сзади 1 аршин 12 вершков о 4-х ножках за 1 штуку — 25 р. 2) 10 шт. витрины двускатные, составные длиной 6 аршин, шириной 2 аршина 4 вершка, высотой спереди 1 аршин 8 вершков, а сзади 1 аршин 12 вершков о 6 ножках за 1 штуку — 45 руб. 3) 6 шт. такие же витрины как №1, но вместо ножек шкафики со стёклами за 1 штуку — 70 руб. Всего на витрины 1220 руб.» [18, л. 58].

В феврале 1899 г. для мебелировки заказали изготовить «а) три вешалки из липового дерева, полированного под орех, одна длиной по 4 аршина, а две по 7 аршин за цену 120 руб. б) два библиотечных шкафа из липового дерева,

полированного под орех, с полками и со днами из соснового дерева и застеклёнными бемскими стеклами, один глиною 8 аршин высотой 5 аршин за цену 200 руб., а другой глиной 6 аршин, высотой 5 аршин за 150 руб. серебром; в) две этажерки из липового дерева, полированного под орех в 1 кв. аршин каждая по 15 руб., а всего 30 руб.; 4) один стол из липового дерева, кроме крышки, с берёзовыми ножками, обтянутый сукном, мерою 1 аршина, шириною и глиной 5 аршин за цену 75 руб.». Столярных дел мастер Семён Игнатьевич Никитин обязался за 575 руб. изготовить всю эту мебель к 12 апреля 1899 г. [18, л. 231].

Им же были «построены стеллажи из материалов надлежащего качества» для архива в здании музея по чертежам, утверждённым Инженерным комитетом Главного инженерного управления, за 280 руб. [18, л. 237]. Позже дополнительно, согласно рапорту и. д. областного архитектора С. Я. Ткачёва от 17 ноября 1899 г., столяром С. И. Никитиным было изготовлено ещё 19 витрин для здания Донского музея, которые по освидетельствовании их членами комиссии по постройке музея были найдены исполненными удовлетворительно, за что исполнителю уплатили 979 руб. 40 коп. [18, л. 273].

Начиная с 1899 г., Военный совет, в своём заседании 7 августа 1898 г. постановил: «на содержание и ремонт здания музея отпускать из войсковых сумм ежегодно по 2037 руб. в год, с занесением этого расхода в подлежащее подразделение Донской войсковой расходной сметы, начиная с 1899 г. На содержание заведующего музеем из оклада по 1200 руб. в год отпускать ежегодно в течение 5 лет, начиная с 1899 г. в указанном размере, кредит, с причислением последнего к сумме, ежегодно ассигнуемой по §35 ст. 1 войсковой расходной сметы на выдачу ссуд и пособий из войскового капитала» [18, л. 131].

По распоряжению Комиссии по постройке здания Донского музея ко дню открытия музея слесарно-механической мастерской Ф. Ф. Трепке был поставлен «бронзированный алюминием прут» для вешания картин 16 аршин 10 вершков, весом 2 пуда 20 фунтов стоимостью 10 руб. В парадной лестнице «было поставлено и залито 38 пар бетончиков свинцом и 38 прутков, бронзированных для дорожек» на сумму в 38 руб. [18, л. 277]. Установлена точеная балюстрада из дубового леса в вестибюле. Незадолго до открытия музея, 20 ноября 1899 г., в музей завезли приобретённую в магазине Д. М. Фалченковой, мебель: «1 джюжина

стульев — 30 руб., 1 кресло — 6 руб. 75 коп., 1 зеркало — 15 руб. 50 коп., всего на 52 руб. 25 коп.» [18, л. 285].

Открытие Донского музея

22 ноября 1899 года музей официально открылся. Торжество совершилось по специально разработанной программе. Накануне, 21 ноября, здание освятили, после чего на литии было провозглашено многолетие всем, принимавшим участие в устройстве музея и содействовавшим его формированию и «вечная память» основателю музея князю Н. И. Святополк-Мирскому и другим скончавшимся за это время сотрудникам [23].

За неделю до открытия музея в зале заседания на видном месте установили доставленный из Таганрога гипсовый бюст князя Н. И. Святополк-Мирского работы Л. Е. Егорова (1848—1900) [24].

Дата открытия была выбрана неслучайно — в высокоторжественный день рождения и тезоименитства наследника Цесаревича и Августейшего атамана всех казачьих войск великого князя Михаила Александровича. Весь город с утра украсили государственными флагами. Во всех городских церквях было совершено торжественное богослужение. Всем генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам следовало, по приказу войскового наказного атамана, «прибыть к началу богослужения в парадной форме».

По окончании литургии в кафедральном Вознесенском соборе состоялся парад на Соборной площади. В нём приняли участие: одна полусотня юнкеров новочеркасского казачьего училища, 1-я донская сотня, одна сотня от новочеркасской местной команды с хором войсковых музыкантов и два орудия от донской артиллерии, производивших салютационную стрельбу. Форма одежды была предписана парадная — в шинелях. Конный конвой был представлен от новочеркасского казачьего юнкерского училища [24].

После парада, в час дня, состоялось открытие Донского музея. В здание музея прибыли войсковой наказной атаман Константин Клавдиевич Максимович, начальник войскового штаба генерал-майор Вячеслав Иванович Пневский, областной предводитель дворянства Михаил Степанович Марков и множество представителей местных военных и гражданских властей и частных лиц. Собрание было чрезвычайно многолюдным. Среди приглашённых на торжество были архиепископ Донской и Новочеркасский

Афанасий (Пархомович), епископ Аксайский Иоанн (Митропольский).

Торжество началось с молебна Господу Богу с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому. Затем под председательством войскового наказного атамана состоялось заседание. С докладом об истории музея выступил заведующий музеем статский советник Х. И. Попов.

Затем председателем собрания было дано слово статскому советнику Семёну Филипповичу Номикосову (1837—1900), видному члену Донского статкомитета, известному журналисту и краеведу, редактору «Донских областных ведомостей». Он обратил внимание присутствовавших на то, что историческое прошлое Дона полно героических подвигов на поле брани. По его словам, *«положение дел изменилось, и первое место теперь занимает задача мирного культурного существования»*, которая, однако, также требует борьбы и героизма. В открытии музея, заявил оратор, *«нужно видеть проявление этого героизма; оно сопряжено было с трудами, работой и в дальнейшем потребуются такое же героизм; этому учреждению предстоит борьба, борьба света с тьмой, знания с невежеством»* [14].

После этого донской атаман генерал-адъютант К. К. Максимович объявил музей открытым. В заключение торжественного собрания, которым сопровождалось открытие 22 ноября Донского музея, было прочитано подлинное письмо генералиссимуса А. Суворова к светлейшему князю Г. Потёмкину, принесённое в дар музеем отставным полковником Митрофаном Алексеевичем Сербиновым. Письмо это было найдено Сербиновым в бумагах отца и хранилось им у себя около 20 лет; затем, по совету есаула И. П. Колпикова, было передано через последнего музею [25].

По закрытии заседания председатель Комиссии по устройству Донского музея И. М. Добрынин предложил присутствовавшим занести свои фамилии в особую книгу для посетителей, а затем приступили к осмотру древностей музея под руководством Х. И. Попова.

Для посетителей музей объявили открытым с воскресенья 28 ноября 1899 г.

Строительство дома для служб и хозяйственных построек

Однако, на этом дело о строительстве музея не закончилось.

Войсковой наказной атаман генерал-лейтенант К. К. Максимович обратился с рапортом

от 13 сентября 1899 г. к военному министру с просьбой о разрешении *«постройки служб и забора с воротами при здании Донского музея на образовавшийся от разрешённого на достройку здания музея кредита остаток в сумме, 8833 руб. 28 коп., и о продлении срока действия этого кредита на один год»* [18, л. 268].

Незадолго до официального открытия музея, Военный совет журналом 23 октября 1899 г. разрешил *«войсковому начальству Войска Донского произвести постройку помещений для одного истопника, двух сторожей, кухни с погребом, сарая для склада топлива, отдельного ретирадника и фасадного забора с воротами при здании Донского музея»* [18, л. 289].

Сооружение этих построек началось в 1900 г. по проекту и. д. областного инженер-архитектора С. Я. Ткачёва. Согласно этому проекту, *«по 1-й смете на постройку кирпичного здания для служб требовалось 7588 руб. 72 коп. По 2-й смете, на постройку кирпичного сарая и ретирадника во дворе, а также трёх столбов для ворот с цоколем под железную решетку с улицы, мощение двора, прокладку лежачих плит и сделание решетчатого деревянного палисада требовалось 2010 руб. 87 коп., а всего на 9599 руб. 59 коп.»* Устройство железных ворот с калиткой и решётки, чертёж которых также представил архитектор Ткачёв, не были внесены в смету, так как было *«невозможно определить их вес, а потому и точную их стоимость»*; в интересах дела он предложил сделать ворота и решётку хозяйственным способом, что *«обошлось бы гораздо дешевле, не более чем в 500 руб.»* [18, л. 287—290].

Торги на выполнение этих работ состоялись 21 апреля 1900 г. Победу в торгах одержал крестьянин Калужской губернии Козельского уезда села Красное Тихон Ефимович Шестопапов. Проживал этот предприниматель в Новочеркаске на Почтовой улице в собственном доме, имея промысловое свидетельство на торговое предприятие 4-го разряда и 3-го класса, выданное из Новочеркасского областного казначейства 12 мая 1900 г. сроком на год. С ним заключили контракт на постройку служб при здании Донского музея на сумму 7573 руб., окончание работ было назначено к 15 мая 1901 г. [18, л. 331]. Подрядчик Т. Е. Шестопапов не подвёл, завершив дело даже раньше срока. В акте освидетельствования работ, подписанном заведующим Донским музеем Х. Поповым и гражданским инженером В. Наумовым 5 января 1901 г. отмечалось, что работы выполнены *«удовлетворительно из материалов надлежащего качества»* [18, л. 351]. Последним штрихом стало *«устройство*

железных ворот с калиткой, такой же решётки для забора и зонта при парадном ходе при дворовом здании Донского музея». Изготовленные в слесарной мастерской Ф. Х. Фаслера на сумму 530 руб. 70 коп., они были установлены на место к 24 ноября 1900 г. [18, л. 332].

Официально дело «о постройке Донского музея, флигеля при нём и других служб» было закрыто только 5 марта 1907 г. «вследствие окончания этих построек и произведённых с подрядчиками расчётов об уплате им денег, и признании Донской контрольной палатой при ревизии отчётностей в расходе денег за эти постройки правильными» [18, л. 398].

Войсковые регалии в музее

В скором времени после открытия музей принял на хранение главные исторические реликвии донского казачества: войсковые клейноды, жалованные царские грамоты и знамёна. Для их размещения был выделен особый зал на втором этаже, который было решено отделать застеклённой переборкой, «устройство каковой по личному приказанию г. старшего советника Областного правления статского советника Добрынина, строительным отделением было поручено архитектору Н. И. Роллеру» [18, л. 348]. Изготовил переборку железных дел мастер Фаслер за 450 руб. и установил на место 2 октября [18, л. 347].

17 октября 1900 г. в Новочеркасске праздновался день войскового праздника Войска Донского. Праздник этот был установлен во время атаманства князя Н. И. Святополк-Мирского по случаю памятного для России события — избавления царской семьи от опасности во время крушения поезда 17 октября 1888 г. Согласно распоряжения новочеркасского коменданта, к 8 часам утра в здании Областного правления стали собираться военные и гражданские чины, которым вручались жалованные Войску Донскому грамоты, знаки атаманского достоинства, мундиры Государей Александра I, Николая I, Александра II и другие знаки царского внимания к войску; нижним чинам вручены были жалованные войску знамёна за боевые отличия. Все эти регалии выносились из областного правления и располагались на Атаманской улице.

Через некоторое время прибыл войсковой наказной атаман генерал-лейтенант К. К. Максимович, а затем торжественное шествие войскового круга направилось в кафедральный собор, куда внесены были все регалии. Литургию совершал преосвященный Иоанн (Митропольский), епископ Аксайский, в сослужении

соборного духовенства. По окончании литургии совершено было молебствие с провозглашением многолетия Государю императору, Государыне императрице, Государю наследнику и всему Царствующему Дому. Едва раздался возглас протодиакона «многая лета», как началась салютационная стрельба из орудий.

После окончания молебствия шествие Войскового круга направилось по Платовскому проспекту к зданию Донского музея, куда и внесены были войсковые грамоты, знамёна и другие регалии на постоянное хранение вместо прежнего помещения их в зале областного правления [26].

В марте 1901 г. состоялось перенесение конного портрета первого августейшего атамана всех казачьих войск, наследника цесаревича Александра Николаевича работы художника Ф. Крюгера, подаренного Войску Донскому императором Николаем I в 1850 г. Для его установки в зале регалий столяром С. И. Никитиным был изготовлен пьедестал «мерою: в длину 5 аршин, с решеткою в длину 6 аршин, ширину 1 аршин 12 вершков и высоту 1 аршин 6 вершков., стоимостью 80 руб.». Мастеру заказали также следующее оборудование: «две тумбы, длиною по 7 аршин, высотой 1 аршин 2 вершка для войсковых регалий, под знамена, по 50 руб. каждая; две тумбы, длиною по 4 аршин, высотой 1 аршин 2 вершка, под знамена, по 27 руб. каждая; витрину для грамоты: 1 аршин 6 вершков x 1 аршин 2 вершка, со стеклами. 20 руб.» Всего на 254 руб. [18, л. 357].

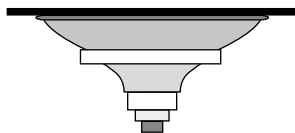
Такова история создания Донского музея от идеи до открытия в собственном здании с доступной для публики краеведческой экспозицией, включившей в себя самые ценные реликвии и регалии Войска Донского.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Крайсветная Л. В. Ознобишин Егор Андреевич и его деятельность в деле создания Донского музея. : Краеведческие записки : сб. науч. трудов / Новочеркасский музей истории донского казачества. Вып. 11. Ростов н/Д. : Альтаир. 2014. С. 241—246.
2. Огарёва Н. В. Летопись жизни и творчества А. П. Боголюбова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 1988. С. 41. На обложке авт. не указан.
3. Савельев Андроник Минаевич // Донцы XIX века : Биографии и материалы для биографий донских деятелей

- на поприще службы военной, гражданской, общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч. Новочеркасск : Областная войска Дон. типография, 1907. С. 418—419.
4. Донские картинки № 7 : Из памятной книжки А. А. Карасёва / Изд. типографии Ф. Туникова. Новочеркасск. 1908. С. 7.
 5. Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867. С. 99.
 6. Протокол обыкновенного собрания Донского войскового статистического комитета 20 ноября 1867 года // Донские областные ведомости. 1868. Часть неофициальная. 15 апр. (№ 14). С. 55.
 7. *Ознобишин Е.* Несколько слов по поводу открытия в Новочеркасске Донского музея // Донской справочный листок. 1882. 27 апр. (№ 78). С. 1.
 8. *Его же.* Несколько слов по поводу открытия в Новочеркасске Донского музея // Донской справочный листок. 1882. 23 апр. (№ 77). С. 2.
 9. *Мовшович Е. В.* Поляковы // Донской временник. Год 2002-й : краеведческий библиотечно-библиогр. журн. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2001. С. 155—157.
 10. Казачий вестник. 1883. 5 янв. (№ 2). С. 1.
 11. Разные известия // Неделя строителя : Прибавление к журн. «Зодчий», изд. С.-Петербург. о-вом архитекторов. 1883. 20 марта. (№ 12). С. 87.
 12. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842—1892 / Изд. Ин-та гражданских инженеров, составил по материалам, собранных Институтом гражд. инж. и по данным из арх. М-ва вн. дел и др. источников, гражд. инж. Г. В. Барановский. [Вып. 1]. СПб. : Типо-литография К. Л. Пентковского, 1893. С. 73.
 13. Памятная книжка Области войска Донского на 1881 год / Изд. Обл. войска Дон. статист. ком. Новочеркасск : Обл. В. Д. типография, 1880. С. 34.
 14. В Донском музее // Донская речь. 1899. 23 нояб. (№ 230). С. 3.
 15. Памятная книжка Области войска Донского на 1887 год. Новочеркасск : Обл. В. Д. типография, 1887. С. 2.
 16. Памятная книжка Области войска Донского на 1890 год. Новочеркасск : Типография А. А. Карасёва, 1890. С. 17.
 17. ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2226.
 18. Там же. Оп. 25. Ч. 1. Д. 196.
 19. Закладка здания Донского музея // Донская речь. 1894. 8 мая (№ 53). С. 2.
 20. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 886. Л. 1.
 21. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 513. Л. 3 об.
 22. Донской музей // Неделя строителя : Прибавление к журн. «Зодчий» — органу имп. СПб. о-ва архитекторов. 1898. 1 нояб. (№ 44). С. 255.
 23. Приазовский край. 1899. 21 нояб. (№ 305). С. 3.
 24. Там же. 19 нояб. (№ 301). С. 3.
 25. Донская речь. 1899. 24 нояб. (№ 231). С. 3.
 26. Войсковой круг // Приазовский край. 1900. 19 окт. (№ 277). С. 3.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. ШТАВДАКЕР

СОВРЕМЕННАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА

Опыт и перспективы развития современной краеведческой периодики России рассматривались 1 марта 2019 года на Всероссийском научно-практическом семинаре, организованном Центром краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия вместе с Союзом краеведов России и «Московским журналом».

Центр краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК) при РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) — всероссийский научно-методический и научно-просветительский центр современного российского краеведения. Он был создан в феврале 2018 г. и по существу является преемником всероссийского научно-общественного центра краеведческого движения, более двадцати лет работавшего при кафедре

региональной истории и краеведения и Отделении краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ), ликвидированных Приказом ректора РГГУ 11 апреля 2016 г. «с целью оптимизации организационной структуры».

Многие годы научные сотрудники ЦКМК отслеживают и изучают краеведческие издания, в том числе периодические.

«Темой краеведческой периодики мы стали заниматься давно — ещё на кафедрах в ИАИ, в Союзе краеведов, в Московском краеведческом обществе, — пояснил в своём вступительном слове на семинаре руководитель Центра, почётный председатель Союза краеведов России (СКР) В. Ф. Козлов. — Мы собираем краеведческие

Слева направо: В. Ф. Козлов, В. В. Аристархов, директор Института Наследия, А. Ф. Грушина на заседании в Институте Наследия 1 марта 2019 г., г. Москва

журналы, представляем их на наших ежемесячных "Встречах на Берсеневке" (ранее "Встречах на Никольской" <...> Краеведческая периодика — это важная составляющая краеведческой жизни и краеведческого движения, это и важная составляющая нашей культуры. Краеведческие издания, журналы, альманахи, газеты — не просто источники информации, они сами — часть культурного наследия» [1, с. 9].

Впервые эта тема широко прозвучала в 2010 г. на российском конкурсе краеведческих периодических изданий в Санкт-Петербурге, организованном Фондом имени Д. С. Лихачёва совместно с Российской национальной библиотекой и Союзом краеведов России. Подготовленные к конкурсу материалы к библиографии краеведческих периодических и продолжающихся изданий стали первым изданием такого рода, представляющем, хотя и неполно, современную отечественную краеведческую периодику [2].

«Сегодня краеведческие газеты, журналы, альманахи, выполняя важнейшие научно-просветительные, воспитательные, общественно-организационные, социально-культурные задачи нередко существуют за счёт энтузиазма (а часто и личных средств) их издателей, как правило, они малотиражны, совсем нечасто таким изданиям оказывается какая-либо поддержка со стороны местной власти, почти для всех их одинаково остро стоят проблемы финансирования, распространения и др. Между тем, в силу своего характера краеведческая периодика всегда, а в современной ситуации в особенности, является мощнейшим средством воспитания исторического и гражданского сознания, укрепления национально-культурных основ российского общества, его консолидации, а значит, выполняет важнейшую государственную задачу» [1, с. 3—4].

Обсуждение общих проблем издания краеведческой периодики, обмен опытом, выработка общих подходов к решению наиболее острых вопросов и перспективы дальнейшего развития стала задачей научно-практического семинара. На семинар приехали издатели, главные редакторы и составители газетных и журнальных периодических и краеведческих изданий из 15 российских регионов: от Сибири до Северо-Запада и от Русского Севера до Крыма, включая 21 город. По итогам Всероссийского семинара был подготовлен сборник, включающий 24 статьи. Однако из-за отсутствия финансов его не удалось издать по горячим следам, и он вышел лишь спустя три года. Но при этом по просьбе составителей авторы доработали

свои статьи с учётом актуальной информации. Лишь четыре материала опубликованы в редакции 2019 г. с указанием в редакционном комментарии к ним последнего состояния периодического издания. Таким образом, содержание сборника вполне современно и соответствует своему названию. Рассмотрим некоторые материалы.

Открывает сборник статья В. Ф. Козлова, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника — руководителя ЦКМК, председателя Московского краеведческого общества (МКО) и Российского общества по изучению Крыма (РОПИК), почётного председателя СКР «О современной краеведческой периодике России (конец XX — начало XXI в.)» [3].

В своём обзоре, охватывающем более чем 30-летний опыт изучения проблемы, начиная с 1990 г., автор даёт определение понятию «краеведческая периодика».

«Под краеведческой периодикой мы понимаем профильные периодические и продолжающиеся издания (журнал, вестник, альманах, сборник, труды, чтения и т. д.), имеющие в названии слово "краеведческий" и содержащие разнообразные материалы по истории и культуре края» [3, с. 14]. Подчёркивая, что об уровне краеведческого движения в регионе часто судят по числу выходящих в нём периодических журналов, В. Ф. Козлов справедливо замечает: *«любое такое издание — это своеобразное краеведческое объединение, в которое вольно или невольно входят и издательский коллектив, и авторы»*.

В центре внимания автора историко-культурное классическое краеведение, представленное изданиями, учредителями которых являются краеведческие объединения и региональные научно-культурные учреждения: краеведческие музеи, вузы, библиотеки, издательства, а также

частные лица. География рассматриваемой им краеведческой периодики чрезвычайно широка — от Дальнего Востока и Сибири, Европейской части России (Тверь, Кострома, Ярославль, Пенза), Курганской области и Южного Зауралья, до Юга. Некоторым учреждениям как издательским центрам краеведческой периодики, активно работающим на ниве краеведения, автор уделил несколько больше внимания в своём обзоре: среди них Омский историко-краеведческий музей и научно-общественный центр краеведческого движения, сформировавшийся в ИАИ РГГУ, работавший под эгидой краеведческих кафедр (1997—2016), проводивший ежемесячные «Встречи на Никольской», выполнявшие «функцию своеобразного устного периодического центрального краеведческого органа» и издавший в 2009—2016 гг. 10 объёмных томов «Всероссийских краеведческих чтений».

В. Ф. Козлов отметил, что «непрерывно проходящие уже более 25 лет ежемесячные теперь уже "Краеведческие встречи на Берсеневке", главным организатором которых ныне является ЦКМК Института Наследия (совместно с МКО) не только не утратили своего значения как оригинального устного периодического журнала (8 выпусков в год), но и динамично развиваются, включая сегодня, помимо презентации краеведческой литературы, различные краеведческие информационные и тематические рубрики, объединяя вокруг себя обширное и представительное краеведческое сообщество» [3, с. 24—25].

Важно отметить, что с 2019 г. «"Встречи" официально уже не представляют всероссийское краеведческое движение (ныне в числе их организаторов нет СКР), межрегионального, а отчасти всероссийского характера они не утратили, и программы их часто выходят за рамки Московского региона» [3, с. 25]. Так, к примеру, на «Встречах на Берсеневке» неоднократно в последние годы представляли участникам «Донской временник».

В своей статье автор размышляет и о роли личности в краеведческом движении. «Есть в городе активный, общительный, неравнодушный любящий свой край и его памятники человек, или ещё лучше, несколько таких людей — появится и краеведческое объединение, будут проводиться и конференции, издаваться труды, альманахи или журнал. И, наоборот, уходит такой краевед из жизни или переезжает в другой город, регион, и краеведческая общественная жизнь замирает или вообще прекращается» [3, с. 25]. В подтверждение своей мысли он приводит несколько периодических изданий,

которые, по мнению автора, развиваются «благодаря энергии и стараниям их основателей, главных редакторов, составителей». Это «альманахи Псковского регионального отделения (ПРО) СКР "Псковский летописец" (2009 г.; главный редактор и составитель — председатель ПРО СКР Т. В. Вересова) или ежегодник Донской государственной публичной библиотеки "Донской временник" (1993 г.; с 1996 г. редактор и составитель — председатель Ростовского регионального отделения СКР Л. А. Штавакер) [3, с. 25—26]. А также серию альманахов (около 40 книг) «Тобольск и вся Сибирь», издающуюся благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» (руководитель Фонда и инициатор проекта — местный общественный деятель, меценат А. Елфимов).

О значении журнального издания как органа общественного краеведческого объединения и об опыте сотрудничества Союза краеведов России, Московского краеведческого общества и Российского общества по изучению Крыма с центральной и региональной краеведческой периодикой рассказала в своём докладе А. Г. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ЦКМК, подкрепив рассказ обширной библиографией в своей одноимённой статье [4].

Интересен её обзор публикаций о деятельности СКР, МКО и РОПИК в «Московском журнале», выполняющим «функцию главного историко-краеведческого издания для Москвы» и при этом нередко охватывающем «общероссийскую тематику, в том числе связанную с общероссийским современным краеведческим движением». Главный редактор журнала Анна Филипповна Грушина, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, председатель СКР в 2018—2019 гг., в сборнике также поделилась своим опытом [5].

Ростовский альманах «Донской временник» автором тоже приведён в качестве примера. «В последнее десятилетие "Донской временник" довольно регулярно помещал у себя статьи-хроники о Всероссийских краеведческих чтениях и о некоторых других мероприятиях СКР, а также материалы научно-организационного характера» [4, с. 60]. Несомненно, публикация этих материалов для донских краеведов была важна «для понимания и изучения особенностей современного краеведческого движения» [4, с. 61].

Затронула Александра Геннадьевна и проблему краеведческих электронных ресурсов. По её мнению, «краеведческие электронные ресурсы (сайты), без которых сегодня уже трудно обходиться в общем информационно-краеведческом

пространстве, ставшие неотъемлемой частью современной культуры, имеющие свои безусловные преимущества, как, впрочем, и недостатки, всё же не станут полной заменой традиционной краеведческой периодики: журналов, альманахов, ежегодников, могущих иметь как печатную бумажную, так и электронную форму (или и ту, и другую одновременно). Сайт и периодическое краеведческое издание скорее должны дополнять друг друга, но последнее, на наш взгляд, в обозримом будущем будет по-прежнему необходимо отечественному краеведению, несмотря ни на какие трудности объективного и субъективного характера» [4, с. 63].

Этой же проблемы касается Л. А. Штавакер, председатель Ростовского регионального отделения СКР, в статье «Краеведческий альманах "Донской временник" на одноимённом сайте: методический аспект» [6]. Анализируя материалы сайта, редактор и составитель альманаха, считает, что его раздел в части «Донской временник (альманах)» не должен включать материалы, отсутствующие в печатном источнике, и приводит свои убедительные доводы.

В статье В. Ф. Козлова и К. А. Смирновой «Тернистый путь отечественной краеведческой периодики. Современные проблемы издания и распространения» [7] краеведческая периодика названа «зеркалом отечественного краеведения». Её история связана с возникновением в России в середине — второй половине XIX в. различного рода государственных и общественных организаций, ставящих целью изучение местного края. С этого времени и до сегодняшнего дня авторы рассмотрели конкретные центральные и региональные краеведческие издания на фоне политической, экономической и социальной ситуации в России. Это позволило сделать им соответствующие выводы: «Современная ситуация с изданием краеведческой периодики — в целом весьма тяжёлая и является главным образом, следствием отсутствия надлежащей поддержки этого вида печатной продукции со стороны государства в лице местных органов власти и ведомств. Большая часть краеведческих журналов, альманахов и подобных им изданий закрылась в основном по финансовым причинам.<...> Лишь некоторые издания выходят в электронном виде, который в силу особенностей краеведческого сообщества как такового пока не столь активно востребован этой читательской аудиторией. Идеальным вариантом представляется выпуск изданий в бумажном и электронном виде параллельно, как, например, издаются сегодня

архангельским обществом "Норг" (отделение СКР) "Известия Русского Севера"...» [7, с. 172].

В процессе работы по выявлению и изучению этого вида периодики авторы коснулись проблемы её учёта и рассмотрели «какие критерии должны использоваться при отнесении того или иного издания именно к категории "краеведческое"» [7, с. 175].

Высоко оценивая, например, базу данных Российской национальной библиотеки (РНБ) «Краеведческая периодика России» они отмечают, что в неё «включены отдельные периодические издания, которые по существу краеведческими не являются (они содержат лишь минимальную долю информации краеведческой — 1, максимум 2 статьи по отношению к общему объёму издания, являющегося по профилю литературным, художественным, историческим, публицистическим и т. д.), в то же время некоторые, безусловно, краеведческие по своему содержанию и направленности журналы и альманахи в базу не попали. К тому же база данных "Краеведческая периодика России" не учитывает периодику газетную (однако, даже материалы настоящего сборника свидетельствуют о том, насколько полезны и интересны немногочисленные современные краеведческие газеты» [7, с. 175].

Достойными примерами могут служить газеты «Двинский летописец» (г. Котлас, Архангельская область) [8], «Голос былого» (г. Опочка, Псковская область) [9], «Вестник МПИКО» (г. Москва) [10].

Говоря об объективных моментах, затрудняющих учёт краеведческой периодики «в самом полном и открытом для доступа контенте», каким является база данных РНБ, авторы убеждены, что «эффективный поиск и выявление таких изданий возможны ... только с участием местного краеведческого сообщества. Здесь существенную помощь могли бы принести сайты краеведческих обществ, где бы размещалась полноценная информация об издании, своевременно пополняемая... Подобную работу профессионально могли бы выполнять и местные библиотеки, выкладывая на своих электронных ресурсах хотя бы актуализированные списки местной краеведческой периодики, а, по возможности, и сами издания» [7, с. 176].

В сборнике в качестве полезного примера для краеведов и библиографов библиотек, решившихся взяться за подобную работу, помещён «Краткий обзор современной краеведческой периодики и продолжающихся изданий Тверского края» [11]. Такая библиографическая работа в своём крае/регионе «позволила

бы дополнить и уточнить сведения, собираемые централизованно специалистами в Москве и Санкт-Петербурге, куда доходит далеко не вся информация о местных краеведческих периодических изданиях» [11, с. 225].

В небольшом обзоре материалов Всероссийского научно-практического семинара не представляется возможным рассмотреть каждую статью, безусловно, интересную своим опытом для краоведа-исследователя. Тираж сборника — всего 500 экз. Как это мизерно для России! Поэтому, держа в руках авторский экземпляр, позволю хотя бы назвать несколько не упомянутых в обзоре статей, которые произвели на меня впечатление. Это статьи, включающие историографию периодических и продолжающихся изданий с XIX по начало XXI в. в Воронежском [12] и Нижегородском краях [13], статьи, рассказывающие об изданиях, объединяющих краеведов и представляющих свой регион (г. Омск [14], г. Нижний Новгород [15], г. Архангельск [16], г. Владимир [17], г. Псков [18]).

В Алфавитном перечне периодических краеведческих газетных и журнальных изданий, упомянутых в сборнике, (Приложение 1) 114 названий, что говорит о скрупулёзной библиографической работе его составителя. Да и остальные Приложения (обзор изданий Тверского края [11], программа и фотолетопись семинара), — это добротная фиксация текущей краеведческой работы (в данном случае Всероссийского научно-практического семинара). Сам же настоящий сборник материалов, на мой взгляд, определённо следует расценивать как вклад в изучение новейшей истории краеведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современная краеведческая периодика России. Опыт и перспективы развития : Материалы Всерос. науч.-практ. семинара. (Москва, 1 марта 2019 г.) / Центр краеведения, москвоведения и крымоведа Ин-та Наследия; Союз краеведов России; «Московский журнал»; отв. ред. А. Г. Смирнова; сост. К. А. Смирнова. М. : ИЦ «Краеведение», 2023.
2. Краеведческая периодика России, 1992—2010 : материалы к библиографии краеведческих периодических и продолжающихся изданий Российской Федерации / Российская нац. б-ка, Союз краеведов России, Фонд им. Д. С. Лихачёва ; [сост.: А. И. Раздорский, Л. И. Новикова,

- Е. И. Трубина]. СПб. : Европейский Дом, 2010.
3. Козлов В. Ф. О современной краеведческой периодике России (конец XX — начало XXI в.) // Современная краеведческая периодика России... С. 14—29.
4. Смирнова А. Г. О значении журнального издания как органа общественного краеведческого объединения и об опыте сотрудничества Союза краеведов России, Московского краеведческого общества, Российского общества по изучению Крыма с центральной и региональной краеведческой периодикой // Современная краеведческая периодика России... С. 51—63.
5. Грушина А. Ф. «Московский журнал»: взаимодействие с властью — опыт трёх десятилетий // Современная краеведческая периодика России... С. 178—187.
6. Штабгакер Л. А. Краеведческий альманах «Донской временник» на одной-мённом сайте: методический аспект // Современная краеведческая периодика России... С. 208—215.
7. Козлов В. Ф., Смирнова К. А. Тернистый путь отечественной краеведческой периодики. Современные проблемы издания и распространения // Современная краеведческая периодика России... С. 166—177.
8. Шептяков Н. В. Свет и тени краеведческой периодики в архангельской глубинке: проблемы издания газеты «Двинской Летописец» общественного движения «Северное трёхречье» // Современная краеведческая периодика России... С. 145—153.
9. Кондратеня А. В. «Голос былого» : К 600-летию г. Опочки (из истории создания) // Современная краеведческая периодика России... С. 154—159.
10. Романов В. Е., Лазарева А. В. Газета русской культуры «Вестник МПИКО» — орган межприходского сотрудничества православных историков и краеведов // Современная краеведческая периодика России... С. 160—164.
11. Краткий обзор современной краеведческой периодики и продолжающихся изданий Тверского края / Сост. Е. И. Ступкин (Вышний Волочёк, Тверская обл.) // Современная краеведческая периодика России... С. 225—228.
12. Акинъшин А. Н. Периодические и продолжающиеся краеведческие издания

в Воронежском крае в XIX — начале XXI в. // Современная краеведческая периодика России... С. 30—37.

13. Горностаева И. Г., Селезнёв Ф. А., Шиян Л. И. Нижегородская краеведческая периодика: основные этапы развития (XIX—XXI вв.) // Современная краеведческая периодика России... С. 38—50.
14. Беляева О. Г., Вибе П. П. Периодические и серийные издания Омского государственного историко-краеведческого музея как фактор консолидации краеведческих сил региона // Современная краеведческая периодика России... С. 64—68.
15. Сорокин А. А. Опыт развития нижегородского краеведения на современном этапе (на примере сборника «Нижегородский

краевед») // Современная краеведческая периодика России... С. 88—92.

16. Клочев С. Ю. Роль журнала «Известия Русского Севера» в объединении краеведов Архангельской области // Современная краеведческая периодика России... С. 69—78.
17. Сметанина Л. С. Владимирский городской краеведческий альманах «Старая столица» как центр объединения краеведов области // Современная краеведческая периодика России... С. 79—87.
18. Вересова Т. В. Альманах «Псковский летописец»: проблемы издания и реализации // Современная краеведческая периодика России... С. 198—207.

А. Ф. ВОЛОШИНОВА

ДВА ГОРОДА В СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА

В октябре 2023 года во время, проходивших в Ростове-на-Дону дней Санкт-Петербурга, Донская государственная публичная библиотека получила в подарок от издательства «Серебряный век» богато иллюстрированный альбом «Александр Шендеров. Судьба художника в зеркале времени» [1]. Значение подарка трудно переоценить. Главное, пожалуй, в том, что А. С. Шендеров — уроженец Ростова и значимые страницы его жизни и творчества связаны с нашим городом. В то же время это первое издание, в котором наиболее полно представлена биография художника, внёсшего заметный

вклад в культуру Петрограда — Ленинграда. Составитель альбома Ольга Исааковна Родичкина — дочь жены художника А. С. Шендерова Надежды Ганкиной. О. И. Родичкина считала своего отчима вторым отцом. Её статья «Судьба художника» основана на воспоминаниях, письмах и в большей степени рассказывает о семейных связях художника. Статья искусствоведа Эллы Ганкиной «В зеркале времени», младшей сестры жены художника, архитектора Н. З. Ганкиной, посвящена творчеству А. С. Шендерова. Авторы статей, органично дополняя друг друга, рассказывают о трагической судьбе и творчестве незаурядного художника.

Александр Семёнович Шендеров родился в 1897 году в интеллигентной еврейской семье. Детство будущего художника прошло в Ростове-на-Дону в фамильном доме на Большом проспекте (ныне Ворошиловский). Вместе с ним росли старший брат Генрих (впоследствии известный врач) и младшая сестра Виктория, будущая пианистка. Братья и сестра дружили всю жизнь. Александр учился в престижной Степановской гимназии. Перед началом Первой мировой войны он побывал с отцом в Петербурге: познакомился с коллекциями Эрмитажа и Музея Александра III (впоследствии Русский музей). Тогда же у него появилась мечта получить высшее художественное образование в столице.

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону

«В Ростове формировалась своя культурная среда молодёжи. Устраивались художественные выставки. Уже в 1918 году Александр участвует своими рисунками на "Выставке картин и скульптуры", в 1919-м — на художественной выставке под названием "Лотос" [2, с. 30]. Первые его опыты не сохранились. «Позднее, составляя по памяти список своих произведений, он сам начинает его только с 1920 года, очевидно не предавая значение тому, что экспонировалось раньше» [2, с. 30].

Однако «вспоминая об утраченных работах под первой датой — 1920, художник, отмечает как важные "22 листа большого формата анатомии, рисунков с текстом". <...> Это и штудии для себя, и подсобный материал для преподавания рисунка начинающим [2, с. 36].

Ростов-на-Дону в начале 1920-х годов... «Об атмосфере того времени, о среде молодых людей, ищущих своё место в искусстве и о знакомствах Александра выразительно пишет в своих дневниках Евгений Львович Шварц. Вот строки, относящиеся к 1920 году: "Ростовские мальчики и девочки, знакомые ещё с гимназических времён, разных характеров, разных дарований, полные одним и тем же духом — духом своего времени. Сначала собирались они и обсуждали книги и читали рефераты о литературных событиях двух-, трёхлетней давности..." [3]. Шварц играет в это время в маленькой Театральной студии-мастерской, ... окружён такими же молодыми, восторженными людьми, как он сам. Среди них и Шендеров. <...> Ко времени, о котором идёт речь в дневниках Шварца Александр уже окончил первый курс медицинского факультета. Там он изучал анатомию человека, но затем он перешёл на факультет истории искусств в Археологический институт, где преподавал Николай Лансере. Вскоре они стали друзьями. В 1921 году Лансере вместе с театральной мастерской, о которой пишет Шварц, переехал в Петроград, и Шендеров уехал туда же» [2, с. 31].

В Петрограде, благодаря Николаю Лансере, состоялось знакомство Шендерова с художниками А. Н. Бенуа, одним из основателей журнала и художественного объединения «Мир искусства», и М. В. Добужинским, которые на несколько лет становятся его учителями. Шендеров примыкает к объединению «Мир искусства», затем к «Общине художников». Александр Семёнович «в это время много рисовал, и хотя ранние его петербургские работы впоследствии были вывезены в Германию во время оккупации Ростова-на-Дону, составленный им в 1950 году список знакомит нас

с работами этого времени. Художник создаёт ряд портретов углём и сангиной и продолжает активно работать в масляной технике. Его модели — коллеги по профессии, музейные деятели, актёры, музыканты. <...> В списке большое количество натюрмортов, первые акварельные пейзажи Павловска, Токсово, Финского взморья и анималистические рисунки, сделанные в зверинце <...> они становятся тем постоянно привлекающим художника жанром, который позже выдвинет Шендерова в ряд немногих высоко оценённых анималистов» [2, с. 34].

Ряд работ этого периода представлена в подаренном альбоме («Портрет актёра ТЮЗа Гипси», «Натюрморт с курицей», «Портрет искусствоведа А. М. Паппе», «Портрет профессора Митрофанова», несколько живописных работ связанных с обнажённой женской натурой, «Уголок натуралиста»). Начало творческого пути А. С. Шендерова в 1934 году прерывает арест. По решению тройки ОГПУ он был отправлен в исправительно-трудовой лагерь на строительство канала «Москва — Волга».

«Составляя список рисунков лагерных лет, Александр Семёнович оставил дату "1934" без всякой записи, а в 1935-м отметил несколько рисунков и даже холсты с изображением строительной техники: экскаваторов, гидромониторов, занятых глубокой выемкой канала... Финальный рисунок того периода — "Вокзал", датированный 1936 годом... Как раз в этом году художник неожиданно получил свободу» [2, с. 43].

После ареста Шендеров, как все репрессированные, не имел права жить в Ленинграде, поэтому вернулся в Ростов-на-Дону. Его приняли в Ростовское областной Союз художников сразу после возвращения из лагеря на основе привезённых из Ленинграда работ. В те годы он много и жадно работал, писал небольшие холсты с видами Ленинграда, донские пейзажи, натюрморты; обращаясь к портретному жанру, создал портреты профессора-врача Н. А. Богораз, композитора Д. Д. Шостоковича, дирижера М. И. Павермана, художника В. А. Гринберга и других.

«В первые военные дни 1941 года Александр Шендеров, вслед за братом подполковником медицинской службы, добровольцем уходит в действующую армию. Генрих Семёнович, известный и опытный врач, назначен главным терапевтом Северо-Кавказского военного округа. Александр Семёнович принят в часть рядовым санитаром и отправлен с ней в Казахстан. Отсюда формируются и движутся к фронту войска <...>. Армейский быт постепенно вызывает

обострение болезней. В 1944 году военная медицинская комиссия досрочно демобилизует Шендерова. Он возвращается в Ростов-на-Дону» [1, с. 48]. Искусствовед Э. З. Ганкина отмечает:

«Город, освобождённый от немецкой оккупации, производил тягостное впечатление. <...> Ростов не избежал разрушений и грабежей. Открыв свою квартиру после долгого отсутствия, Александр Семёнович нашёл в ней лишь заверенную домоуправлением расписку в том, что ценные вещи и его произведения вывезены в Германию оккупационной администрацией. С ужасом обнаружил он, что пропали все холсты и рисунки. Это было настоящее потрясение» <...>.

«Другими глазами увидел он знакомый Ростов. Город показался ему беспокойным, разбитым и униженным. В 1944 году он пишет несколько пейзажей, которые с очевидностью раскрывают внутреннее состояние художника. <...> Нарастающее чувство тревоги, отчаяния выражаются в острых, диссонансных линиях и формах. <...> Он превращает городской пейзаж в драму сходную с драмой театральной» [2, с. 48—50]. Это отражено в работах: «Трагический пейзаж» (1944), «Троллейбус на Садовой», (1944), «Садовая улица» (1944), «Театральная площадь» (1945). «Послевоенная обстановка в городе была тяжёлой, но вскоре затеплилась какая-то надежда быть востребованным. — пишет О. И. Родичкина. — Появились заказы, Художественный фонд начал приобретать его работы, санатории заказывали монументальные полотна для оформления интерьеров. Эти годы были особенно плодотворными. Александр Семёнович пишет маслом сказочные сюжеты, портреты, обнажённую натуру, городские пейзажи. Его увлекает работа для Ростовского драматического театра им. Горького, где под руководством главного режиссёра Г. Леондора готовится спектакль «Виндзорские проказницы» Шекспира. Одновременно с эскизами декораций художник работает над портретом Леондора. Творческий подъём этого времени отразился во многих его монументальных и станковых работах» [4, с. 12—13].

Послевоенный период творчества художника наиболее полно представлен в альбоме. Его работы экспонировались в Ростове на весенних выставках, которые проходили с 1946 года. Критики отмечали своеобразную творческую манеру Шендерова, непохожесть на других.

«Шендеров ищущий, упорно работающий художник. Вся его творческая биография проникнута поисками наиболее выразительных

методов искусства. — писал рецензент К. Волков. <...> Последние три-четыре года этот неутомимый ищущий художник переходит к новой живописной манере, резко отличающийся от всей прежней его практики. О сущности этой манеры наглядно говорят экспонированные на выставке его работы на темы народного эпоса и исторического прошлого русского народа: «Куликовская битва», «Илья Муромец», «Золотой петушок». Характерной чертой этих работ является то, что при реальной, конкретно-содержательной тематике и реалистической трактовке отдельных фигур, предметов и деталей, художник в то же время весьма произвольно строит композицию картины, отказываясь следовать общепринятым законам перспективы, освещения и расстановки отдельных элементов, допуская при этом некоторую деформацию последних. Такой метод художник объясняет стремлением выявить с наибольшей полнотой типичные и существенные черты изображаемого, подчеркнуть взаимосвязь отдельных компонентов, глубже раскрыть ситуацию, создать полотно, требующее активного зрителя при восприятии картины.

<...> Несомненно, то, что творческая манера Шендерова своеобразно остра и выразительна, а яркие тона (преимущественно чистые и контрастные) и несколько стилизованная графическая линия придаёт его полотнам декоративную сказочность и праздничность» [5].

Творческая жизнь художника была разрушена в 1948 году: А. Шендерова обвинили в формализме, исключили из Союза художников и лишили мастерской. «Спектакль «Виндзорские проказницы» был запрещён, так как эскизы Шендерова сочли формалистическими, а портрет Леондора, написанный в остро-экспрессивной манере, художник уничтожил — он мог повредить репутации не только автора, но и модели». <...> Шендерова преследуют неудачи. Эскизы ранее заказанных картин лежат без движения. ... Клеймо формалиста сделало его изгоем» [4, с. 13].

Из письма в Ленинград от 26 августа 1948 года: «Всё вместе взятое тормозит мой приезд в Ленинград, который я считаю теперь особенно важным и необходимым». Он наивно полагает, что удастся получить вызов на работу в какой-нибудь город поближе к Ленинграду» [4, с. 13].

Из письма от 25 сентября 1949 года: «Здесь в Ростове все мои попытки что-либо заработать упираются в молчаливое

противодействие, особенно ясно, что нужно ждать решения ССХ¹» [4, с. 14].

Помощь пришла из Москвы. Удалось привлечь внимание к работам Шендерова известного живописца Василия Прокофьевича Ефанова, секретаря Оргкомитета Союза художников СССР. Он бывал в Ростове и помнил живопись Шендерова 30-х годов. Для него не было сомнений, что надо восстановить доброе имя коллеги-живописца. И указание в Ростове поступило.

Вспоминает Ольга Родичкина, цитируя письмо художника: «Начался 1950 год. Теперь художник полностью отгаётся живописи. "Я продолжаю работать и закончил портрет Шапошникова, кончаю портрет Леондора (второй) и думаю, что эти работы могли бы дать мне очень много при иных обстоятельствах. Во всяком случае успех этих портретов уже налицо<...> Для меня эти портреты являются особенно удачными потому, что мне кажется я нашёл свою манеру выполнения, то есть добился технической простоты и лаконичности. Над этим стоит поработать, это должно дать большие результаты"» [4, с. 15].

В 1950 году Шендеров принимает предложение преподавать живопись и рисунок в Уральском художественно-промышленном училище в г. Нижний Тагил. Здесь он создаёт эскизы театральных декораций к трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Однако условия жизни на Севере тяжелы для его здоровья. В Ростов Александр Семёнович возвращается в 1952-м. Его падчерица Ольга вспоминает:

«В 1952—1953 годах обстановка в Ростове несколько изменилась, и у Шендерова появилась возможность получать кое-какую работу в издательстве. Помог богатый опыт рисовальщика. Он делает иллюстрации к сказкам К. Чуковского. Все до единого рисунки подписаны в печать. Получает новый заказ на книжку "Рассказы о геологах"; книжка небольшая, но подтверждает надежды на дальнейшее сотрудничество с издательством. Начинаются поиски комнаты (в Ростове в то время это было большой проблемой), чтобы мама смогла к нему приехать. Директор и главный редактор издательства приходят посмотреть его домашние работы. "Они остались очень довольны и не скрывали своих восторженных отзывов. Я показал им рисунки животных (80 листов) и театральные эскизы".

Семье удалось воссоединиться лишь в 1955 году. «Когда мама получила в паспортном

столе паспорт Шендерова со штампом о постоянной прописке в Ленинграде на Загородном проспекте, где жила наша семья, слёзы душили её. Она бежала по улице и плакала. Более шести лет прошло, когда любящие и такие нужные друг другу люди, пройдя через столько испытаний, смогли уже больше не разлучаться. Справка о реабилитации "об отсутствии состава преступления" пришла позже, в 1957 году, но уже тогда, в 1955-м, началась другая жизнь. <...> Так состоялось возвращение в ленинградскую художественную среду. Началась работа в экспериментальной литографической мастерской ЛОСХа и дома, за своим рабочим столом».

Тогда художник увлёкся автолитографией. В серии цветных автолитографий «на темы "Книги джунглей" Р. Киплинга» внешняя характеристика персонажей перерастает в романтические образы благодаря декоративности цвета, линии и условности трактовки пространства. Цветные литографии с изображением танцовщиц или обнажённого женского тела, созданные в конце 1950-х годов, характерны поиском красоты, очищенной от обыденности. В 1961 году работы из этих серий представлены на выставках, устроенных владельцем "Grosvenor Gallery" Эриком Эсториком в Лондоне и Нью-Йорке. <...> С 1955 года, когда для Шендерова наступил наконец долгожданный период покоя, уюта, жизни в кругу любящих и заботливых родных, старых и новых друзей, и до его кончины (через три года после его 70-летия) прошло всего 12 лет. <...> В 1967 году художника не стало. Творчество с постоянными раздумьями, с отшельническим небрежением к лёгкому успеху, бескомпромиссность были для него единственной и самой естественной формой жизни» [4, с. 18—21].

Думается, что любой читатель, открывший альбом, будет увлечён миром художественных образов Александра Шендерова и согласится с автором этой статьи в том, как тесно переплелись в его творческой судьбе влияние Ростова-на-Дону, где он родился, вырос, начал творить и всегда влекущего его Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александр Шендеров = Aleksandr Shenderov : судьба художника в зеркале времени : к 110-летию со дня рождения художника : [альбом / сост., рез. и ст. «Судьба художника» О. Родичкиной ;

¹ ССХ. — Союз советских художников. — Л. В.

- ст. «В зеркале времени» Э. Ганкиной]. Киев : Мистецтво, 2007. 302, [1] с. : ил., цв. ил., портр.
2. Ганкина Э. В зеркале времени // Александр Шендеров = Aleksandr Shenderov : судьба художника в зеркале времени : [альбом]. Киев, 2007. С. 29—70.
 3. Шварц Е. Л. Предчувствие счастья. Дневники. Произведения 20—30-х годов.

Стихи. Письма. В 4-х тт. Т. 1. М. : Наука, 1999. С. 9.

4. Рогичкина О. И. Судьба художника. // Александр Шендеров = Aleksandr Shenderov : судьба художника в зеркале времени : [альбом]. Киев, 2007. С. 7—21.
5. Каталог выставки работ художников Ростовской области. Ростов н/Д., 1946. С. 15—18.

Т. А. ПУГАЧЁВА

ЖИЛА ТАКАЯ УМНАЯ ЖЕНЩИНА ...

*Книги Н. А. Сухановой
в интерьере Донской
публичной библиотеки*

Наталья Алексеевна Суханова (1931—2016) родилась в городе Томске. В 1952 году окончила Московский юридический институт. Публиковаться начала в 1961-м. В 1967 году вступила в Союз писателей СССР. В 1969-м переехала в Ростов-на-Дону. Автор книг: «Соседи» (1965), «Когда становятся короче дни» (1971), «Острый серп луны. Повести и рассказы» (1974), «Кадриль. Повесть и рассказы» (1976), «Под частыми звездами (повесть)» (1977), «В пещерах Мурозавра» — (1978), «Весеннее солнце зимы» (1981), «Многоэтажная планета» (1982), «Под частыми звёздами» (1985), «Подкидыш» (1989). В 2000-х годах публиковалась в ростовском литературно-художественном журнале «Ковчег»: повести «Зелёное яблоко», «Трансфинит. Человек трансфинитный», «Студентка», «Озерища».

В 2009 году Наталья Суханова стала обладательницей Чеховской премии в номинации «За достижения в области литературы» за роман-дилогию «По имени Ксения».

Недавно мне пришлось писать биографию Н. А. Сухановой для детской энциклопедии [1]. Творчество писательницы укладывалось в схему трёх жанров, в которых она работала: фантастика, повести о жизни и ранняя лирика, не оформленная в сборники, идущая вкраплениями в её произведениях. Статья о писательнице получилась лаконичной, не изобиловала подробностями и легко укладывалась в страницу.

Но в архиве Ростовской областной детской библиотеки имени В. М. Величкиной хранится видеозапись встречи с Натальей Алексеевной (к сожалению, не указана дата записи, ориентировочно не ранее 2006 года) [2]. Интервьюеры постарались — беседа у них получилась тёплой и неформальной. Понравилась на видео и сама писательница — спокойное, улыбающееся лицо, с лёгким прищуром глаза, неспешная речь. Вопросы были ориентированы на детскую аудиторию, но было в ответах что-то такое, что привлекало и заставило вернуться к личности писателя. Прежде всего к тому, что касалось чтения.

Вот Наталья Алексеевна рассказывает о тяге к книге во время войны:

«Я помню, что читала взрослые сказки, но, когда ждёшь чего-нибудь плохого, читается без вдохновения. Но когда ушли наши, начался грабёж. Немцы пришли позже, чем ушли наши. Моя подруга, подловитей меня, пришла и говорит, что там квартиры разворовали, а книги остались. И мы пошли и взяли Достоевского

Татьяна Леонидовна Пугачёва, библиотекарь отдела методической работы Ростовской областной детской библиотеки имени В. М. Величкиной

Встреча Н. А. Сухановой с детьми в Ростовской областной детской библиотеке. 26 мая 2006 г.

"Братья Карамазовы", труды Пирогова, много религиозной литературы. И, читая её, я на какое-то время уверовала в бога — в 11 лет. Потому что Пирогов, врач, говорил, что знает, что случается с телом, когда человек умирает, но не знаю, что бывает с душой и его сознанием. А "Братья Карамазовы" взяли своим очарованием, хотя не помню, дочитала ли до конца. Но эта живая вера Алёши очень подействовала. И, кроме того, когда есть Бог, хоть это и звучит очень святотатственно, это ведь удобно: он всё видит, всё знает, он всё сделает, когда тебе закончить твою жизнь и когда начать, а потом Бог — тот, кто положил смысл (появилось словечко, для меня ещё новое) твоему существованию. А потом приехал брат на поправку, и у нас были споры, потом я переключилась на другие книги и вера как-то тихо растаяла. Увлёклась астрономией, а Бог оказался ни при чём [2].

А в конце интервью речь зашла о прозе для взрослых, где выкристаллизовалась философия, которой Наталья Суханова придерживалась всю жизнь. Девиз этой философии «Ищи, как хлеба. Искусом до всего дойдёшь» был вынесен на главную страницу последней книги писательницы. Из интервью удалось узнать некоторые факты, например, о детстве, жизни в оккупированном фашистами Железноводске, о послевоенных годах, о том, как Наталья

Суханова стала писателем, и о том, почему стала писать для детей. Наталья Алексеевна объяснила, что хотела писать книги для детей, ведь все самые яркие идеи и планы рождаются очень рано, в детстве. И поэтому дети — другие читатели, чем взрослые: ребёнок читает, потому что ему это жизненно необходимо, а взрослый — чтобы отдохнуть. Дети получают из книг знания. Наталья Суханова умело вкладывала знания в сюжеты своих детских книг, объясняя серьёзные вещи доступным для детей языком. Яркий пример этого — «В пещерах Мурозавра» (1978).

И ещё одна причина, по которой Наталья Суханова обратилась к прозе для детей, — это отсутствие всякой двусмысленности в детской литературе. Как призналась Наталья Алексеевна в интервью, когда в 2006 году вышел сборник «Зелёное яблоко», начались «трения»: рассказ «От всякого древа», впервые опубликованный ещё в 1984 году, обвиняли в излишней эротичности [3].

Сборник для взрослых «Зелёное яблоко» Наталья Алексеевна охарактеризовала как «почти что "Избранное"» — главное и лучшее. По её признанию, «Зелёное яблоко» так и не увидело бы свет, если бы не помощь друзей. На стыке веков наступили времена, когда опубликовать свои книги с одним только талантом, без финансовой поддержки, было трудно. В интервью

журналисту ростовской газеты «Наше время» Александре Спиглазовой Наталья Суханова признавалась: *«Когда в 90-е мы поняли, что за издание книг надо теперь платить, я спросила мужа: "Если не уверен, что напечатают, зачем писать?"*. Затем, ответил он, что, когда пишешь, думаешь по-другому — гораздо глубже» [3].

Интервью писательницы обрывалось буквально на полуслове, но в конце беседы всё-таки сохранился фрагмент о незаконченном романе с ориентировочным названием «Ксения из Джемужи» (старое название Железноводска). Он состоит из пяти книг, Наталья Алексеевна говорила, что надо бы дописать шестую и седьмую, но вряд ли она это успеет сделать.

О романе «Искус», как самом большом, и, возможно, итоговом в жизни писателя, захотелось рассказать подробнее. Исключая несколько упоминаний произведения в интервью после вручения Н. А. Сухановой Чеховской премии и точечных обсуждений в литературных блогах, никаких исследовательских работ об этом произведении мной обнаружено не было. Между тем, книга интересна проблематикой и философией, в ней заложенными.

Идея написания произведения, по словам автора, возникла после прочтения романа «Подорожник» Фёдора Достоевского, когда Наталья Суханова задалась вопросом, почему считается, что только мальчики мыслят?

Итогом этих размышлений стал роман «Искус», два тома — более тысячи страниц.

У произведения — сложная и интересная судьба. Его первые две части «Студентка» и «Озерища» были опубликованы в 2009 году в нескольких номерах журнала «Ковчег». В таком незавершённом виде, как роман-диалогия, произведение получило Чеховскую премию (присуждалась Администрацией Ростовской области с 2008 года в рамках подготовки к 150-летию со дня рождения А. П. Чехова) [4]. Весь роман, состоявший из пяти частей, получил название «Искус» и вышел тиражом всего 100 экземпляров в таганрогском издательстве за счёт автора [5, 6].

В «бумажном виде» обязательный экземпляр книги доступен только в читальном зале ДГПБ, но текст романа можно найти на портале Проза.ру, на странице автора Н. Сухановой. В мире, где царят электронные версии, замечено, конечно, не мной, что, если после прочтения возникает желание поддержать книгу в руках, то это стоящая книга.

С первой страницы знакомства с объёмным двухтомником понимаешь, что всё в нём — продумано и символично. Эпиграфы к каждой

главе — философские цитаты. На обложке — иллюстрации-фрагменты картин художника и музыканта, участника товарищества (арт-группы) «Искусство или смерть» Николая Константинова (22.05.1961 — 03.05.2006) — сына писательницы, которого ко времени публикации книги уже не было в живых.

Структура текста — пятикнижие — с отсылкой к книгам Ветхого Завета, хотя после прочтения становится очевидным, что богоискательство автора не упирается в догматическое христианство, оно, скорее, исторически свойственный русской интеллигенции поиск Бога в себе. Книга первая — знакомство с героиней — то есть то, что было в начале — называется «По имени Ксения», вторая — «Озерища» — почти ветхозаветный исход — переезд-бегство Ксении Павловны Крутских в богом забытый посёлок, третья и четвёртая — скитания и обретения, и то, что отсылает нас к библейской переписи первенцев — рождение сына. Пятая книга, связанная с библейским второзаконием, смертью и возрождением: в этой книге умирает старейший герой — Илим, а Ксения обретает, наконец, судьбу и создаёт семью.

Памятуя о философском замысле этого романа, можно вспомнить и великое «пятикнижие Достоевского», не рискуя, однако, конкретизировать аналогии, кроме одной: как и в «Братьях Карамазовых», философско-религиозные вопросы, волнующие главную героиню романа «Искус», через метания и искания в результате находят ответ в том, что жизнь хороша, когда сделаешь что-нибудь хорошее и правдивое. И это чувство, как и в романах Достоевского, избавляет от страха смерти.

Произведение Натальи Сухановой многоуровневое: можно прочесть как «романчик на диванчике», можно углубляться в смыслы и перечитывать, находя всё новые цитаты.

Уже с первой главы очевидно, что произведение — не из развлекательных, как не может быть развлекательной непростая жизнь человека. Наталья Суханова не только прожила долгую жизнь, но и имела талант описать многое из прожитого и пережитого.

О том, насколько книга автобиографична, Наталью Алексеевну часто спрашивали журналисты, цитируя из романа отрывки в качестве пояснений к поступкам в жизни писательницы. Юношеский возраст главной героини, именем которой названа книга, наивные стихи и первые философские размышления с большой долей вероятности списаны с натуры. Но полную тождественность с героиней Н. Суханова отвергала, утверждая, что *«не была*

такой яростной», а каждый персонаж в книге создан из многих людей [3]. Поэтому, читая роман, мы можем только улавливать совпадения и находить сходства: в рассказах о послевоенных годах, производственных и рабочих моментах, о географии странствий героини. Так, сама Наталья Суханова много перемещалась по стране: из послевоенного Железноводска поехала поступать в Москву, а, отучившись, отправилась по распределению в посёлок Удомля Калининской (ныне — Тверской) области работать нотариусом. Там был написан её первый рассказ.

Потом снова переезд на юг, где она работала секретарем райкома комсомола, экскурсоводом и лектором в Пятигорске, журналистом — в городе Тырныауз (Кабардино-Балкарская Республика), секретарём в Таганрогском радиотехническом институте. В 1961 году в журнале «Молодая гвардия» были впервые опубликованы рассказы Натальи Сухановой «Иванькинская певица» и «Эстафета». Из первых уст записывает она воспоминания других людей: об ужасах войны: боевых эпизодах, подпольщиках, пленных и угнанных в Германию, о послевоенной жизни. Эти рассказы — о жизни в захолустных деревеньках, где после войны — демографический перекося: всё меньше мужчин, всё больше одиноких женщин — ранят своим неприкрытым натурализмом.

«Искус», в отличие от рассказов, — произведение уравновешенное — любому явлению, будь высокое или низкое — даны исчерпывающие пояснения. Всё человеческое многоголосье в этой книге скрупулёзно записано и отражено на её страницах. Какое из этих мнений со стопроцентной вероятностью принадлежит автору — не скажешь: умный всю жизнь учится и сомневается.

Многие эпизоды отсылают нас к историческим событиям. Вот главная героиня, Ксения, погрузившаяся уже в творчество, опубликовавшая свои первые произведения в московском журнале, сидит на заседании литобъединения своего маленького городка, где разбирают новый её рассказ, разнося его в клочья критикой. И воспринимает негатив отстранённо, потому что его слишком много. Недавно приехавший с московской конференции писатель Воронов (речь идёт о знаменитых встречах с интеллигенцией Н. Хрущёва в марте 1963 года, с их экспрессивным осуждением абстракционизма в искусстве, когда Хрущёв требовал от художников «приятности» в их творчестве), понимает молодого автора. В разговоре Ксении со старшим по писательскому мастерству речь идёт о тысячах московских «снобиков», высказывается

опасение, что «на нас теперь обрушится серое?», «тоска и страх, чертовщина и чернота, мрак!» [5, с. 294].

Весь роман Сухановой — этот вечный спор между эстетичным и правдивым, между чувством меры и полным отсутствием морали — вседозволенностью. Всё вспомнила Суханова в своей книге — и депутатство по разнарядке, и последствия от загула во власти тех, у кого «натура была подходящая, а возможностей раньше почти не было» [5, с. 295—296]. И случаи описывала из своего времени, хлёсткие, порой и криминальные — например, о том, как одну из таких загулявших народных избранниц убил муж, и себя тоже: «И разделился Казарск на тех, кто хоронил с подобающими почестями депутата Марию Ивановну, — официальные все лица, и венки належащие, — и тех, что хоронили мужа-убийцу — огромное скопление народа, без официальных речей, но с великим сочувствием» [5, с. 296].

Вспомнила и новочеркасскую трагедию, сравнив её с бунтом на броненосце «Потёмкин» из-за червивого мяса. И определила это явление чётко и ёмко — неким откровением или (дело терминологии) «впадением в социальное прозрение» [5, с. 296].

Ход романа «Искус» определяется изменениями эпохи: сначала война, подвиг и самоотречение людей, которым советская власть дала социальные блага, людей, которым было за что расплачиваться с государством. Потом — хрущёвские времена. Отсутствие великой цели, за которую жизнь не жалко отдать — в рассуждениях одной из героинь романа. О том, как своё последнее государство в заёмный долг давали, чтобы победить Германию и страну восстановить, а «теперешние» разве что для тряпок жизнь отдадут.

Автор от лица своей героини рассуждает, почему энтузиасты советской власти, действительно советские люди, кажутся слегка ненормальными, почему они представляются людьми недалёкими, с которыми в разведку — пожалуй, а в мирное дело не без осторожности и не без «отъединяющей усмешки» пускаться надо. Ответ слегка поспешный, а потому и не однозначный, со словом «пожалуй»: пожалуй, это — отсутствие чувства реальности. В этом же ряду и интеллигенты, которые, по мнению Н. Сухановой — порода особая, как уверовавшие в арифметику дети: «если дважды два окажется пять, они и сломаться могут» [6, с. 119].

Переломные периоды в истории страны, следующие один за другим — не просто в фокусе интереса Сухановой, они пропущены через её

душу и мировоззрение, осознаны через философию. Сквозь эти философские знания ведёт Суханова читателя по пятикнижью романа: Гегель, Маркс, Лукреций, Эйнштейн — все философские проблемы мира — интересны ей. *«Автор так стремительно и уверенно ведёт читателя — случайно откроешь и попадаешь в этот поток, и уже не закроешь, пока не дочитаешь. Взахлёб — о жизни потому что сложно и объёмно, многомерно и это роднит её с Достоевским, который также захлёбывался в попытке максимально приблизиться к Истине, которая всё время ускользает поскольку — живая...»* [7].

И рефлексия, и сомнения, о которых откровенно пишет, что неоднократно, и в отношении абстрактных, и вполне конкретных вещей, — переходила она на прямо противоположную точку зрения. Так было с юриспруденцией: в школе, когда они собирали по санаториям представителей разных профессий для выступления перед выпускниками, она даже удивилась, когда кто-то сказал, что надо бы пригласить и юриста. Но не прошло и года, как сама поступила на юридический. Так было с неприязнью к *«гурной театральности судебных процессов»* — это была работа, заработок, и только; ни один казус, ни одно судебное дело не представлялись ей возможным материалом для литературы — и вот теперь, уже перезабыв добрую половину того, что видела и знала в то время, она вдруг потянулась к этим казусам. И пишет о них рассказы.

Из каждой главы книги можно выбрать не одно, а несколько метких авторских определений тех или иных понятий и явлений.

«Боже, как странно зачастую живут люди — цепляясь за город, который не видят, за человека, которого не любят, в тоске, в тяготе живут, и при этом упорно не желают ничего иного» [5, с. 282].

«И Сизифа выматывает не труд непосильный — его выматывает замкнутый круг, вечный круг, который описывают они с камнем. Домашнюю хозяйку выматывают не заботы — сизифов круг. Не труд сизифов, а круг сизифов» [5, с. 434].

«Талант — это свой язык. Собственно, это и есть то, что называют талантом. Другое дело, как обойтись с ним...» [6, с. 311].

«Что бы мы в жизни ни сделали, как бы мы ни прожили жизнь, в какую бы сторону ни пошли, куда бы ни поднялись, — за нами убирают мосты и лестницы» [6, с. 465].

Трагичное в книге смешивается с комичным, хотя и не побеждая его:

«Ой, девчонки, у нас хохма в больнице была! Ну, мы, как это всегда, лежим, травим анекдоты, а в это время привезли на каталке женщину — что уж ей там делали, не помню — серая, как мертвец, глаза закрыты и не шевелится. Нас ещё предупредили: мол, ей покой нужен, чтобы мы не горланили в окна, вообще разговаривали потише. Ну, мы помолчали, потом шепотком опять за анекдоты принялись. Смотрим, шевелится что-то наша тяжёлая. "Тише! — шикаем друг на друга. — Она что-то сказать хочет. Может, водички? Или сестру позвать?". Она опять что-то нам рукой показывает. Наклонились: "Чего? Что сделать?" А она: "Тише. Громко не могу. Анекдот хочу рассказать". Так мы как грохнули! Ведь только что умирала!» [6, с. 263].

Трагичного — намного больше. Суханова пишет — и о краснодонском, и о «казарском» подполье, которое было многочисленнее, чем краснодонское. В Казарск (в интервью Суханова говорит, что речь идёт о реальном — таганрогском подполье) тоже приезжал автор «Молодой гвардии», но подполье оказалось не только героическим, а ещё и антисталинским, и Фадеев уехал [6, с. 117]. В 1973 году таганрогским подпольщикам установили памятник «Клятва юности». Но в литературе — в памяти и в вечности осталось именно краснодонское. В романе даже есть эпизод, где режиссёр Казарского драмтеатра предлагает сделать вместе пьесу по рассказу о подпольщиках — это прямая отсылка к рассказу Натальи Сухановой о мальчике из таганрогского подполья «Эстафета» [6, с. 271].

Баланс страданий и гуманизма среди ужасов жизни — одна из тем размышлений автора. В романе есть сцены, где подробно рассказывается о лагерях и порядках «за забором», и часто слишком много жестокого. Натурализм — так, устами одной из героинь романа, оценивает она ужасную картину невинно убиенных — ещё совсем мальчиков, которых не вернуть. Лучших, потому что *«похуже — отсиживались, гибли лучшие. Какие ребята, какие девчонки были!»* [6, с. 115].

И на чём только держится жизнь среди трагедий? По мнению Натальи Сухановой — на чувстве долга, потому что с ума сходят и спиваются — только эгоисты.

Жалость к людям — такое женское качество, по его наличию и избытку «Искус», конечно же, женская проза.

На протяжении всего романа нитью проходит мотив ранних — богоборческих стихов Натальи Сухановой, которые она «отдала» своей героине — на древнееврейский сюжет о первой

женщине, той, что бог создал до Евы и не из ребра первого мужчины. Бродит по миру одинокая, непарная, женщина, Лилит, греясь у чужих костров, расчесывая свои длинные волосы: «Я только руку протяну — костёр сворачивает пламя» [5, с. 123]. Конечно, есть в романе и любовная линия: почти до конца произведения автор держит интригу, с кем свяжет свою личную жизнь «сложная женщина» Ксения.

О любви в этой книге Натальи Сухановой — очень много и очень откровенно: и типично женские попытки найти себя в ком-то: в мужчине или в ребёнке; и удивление ребёнка: формированию характера и рождению в нём мыслящего человека. И сложные отношения женщины (главной героини) со своим возрастом — попытки героини быть своей в молодёжной компании. Выбор спутника жизни моложе возрастом в этом контексте не кажется непреднамеренным. Это полностью сознательное решение. На роль Музы выбран Человек Превосходящий: силами, молодостью, талантом. Да, этот факт осуждаем обществом, как нарушение его норм. Но героиня воспринимает свой выбор как единственно возможный после неоднократных неудач. Взять хотя бы попытки «подтянуть» до себя своего избранника — писателя-графомана Васильчикова.

Был ли удачен окончательный выбор героини — остаётся за кадром: в романе пять частей, а не семь, как предполагалось автором, и он закончен на позитивной ноте. Однако читатель, находясь в плену своих знаний, памятуя об автобиографичности текста, может строить свои версии развития сюжета.

На протяжении всего повествования не покидает чувство, что, если не задумывается человек о подоплёке вещей, о причинно-следственных связях, которыми пронизан мир, о философии жизни — то вполне может решить, что вся диалогия — любовный роман, просто слишком длинный, — длиною в жизнь автора. Но нет, потому что, как и во всех значительных произведениях литературы, низкое, то есть жизненное, соседствует здесь с высоким, не вытесняя его, а лишь иллюстрируя карамазовское «широк человек, слишком широк, я бы сузил».

Романтическая тема в диалогии обращает нас к поэзии — жанру, с которого начиналось творчество Натальи Сухановой. Наталья Алексеевна вспоминала, что первые стихи написала между девятью и десятью годами. Несколько стихотворений, более поздних, подруга Натальи отправила известному в те времена поэту Николаю Тихонову в Москву. Он ответил на письмо, оценив начинания поэта, и пригласил Наталью

к себе в гости. Учась в институте, Суханова зашла как-то к поэту. В своих воспоминаниях она сама удивлялась, как решилась и набралась смелости прийти к незнакомому человеку. Но этот визит стал началом дружбы с семьёй поэта: впоследствии она часто бывала в доме Тихонова, и, по её словам, именно Николай Семёнович вместе с женой Марией Константиновной привили ей литературный вкус, а Мария Константиновна Тихонова порекомендовала Наталье писать не стихи, а прозу [8, с. 152]. Одна из основных героинь диалогии — женщина книжного салона Анна Кирилловна — не прототип ли Марии Константиновны?

Отголоски этой истории о наставничестве можно увидеть и в сюжетной линии с Людвигом — представителем старой интеллигенции, с которым героиню романа свело случайное знакомство, и который так много дал героине знаний об искусстве. Именно ему Ксения показывает свои первые стихи, через его посредничество попадает в писательскую среду. Поразительный эпизод — отношение со стороны наставника к незнанию молодых: «Людвиг оторопел: — В-вы в самом деле не знаете Сикстинской мадонны? Нне слышали? Иногда я вам страшно завидую. У вас столько впереди!» [5, с. 23].

Наверное, если бы Наталья Суханова стала поэтом — ей бы тоже было что сказать.

Проникновенные строчки посвящены природе и человеку в природе — и в прозе, и в стихах.

«Целыми днями она бродила, и ноги ее не могли набродиться, и легкие надышаться, и глаза напиться этим вызревшим светом земли. И то, что она видела и чувствовала, тут же слалось в строчки:

Почти туман. Осенний воздух густ.

Над крышами грожат остатки зноя.

Дозревший свет хмельно тревожит вкус

.....

*О, солнце осени! Как плотно облегает
живое тело чаша бытия!*

И отступает злая жажда зная.

Взгляды не терзает солнечную плоть...

.....

*Такая благодать, что всё окрест
легко грожит под гулом самолёта*

.....

Взлетает голубь звонкими хлопками.

Ты длишься, совершенство обрета.

Было так прекрасно, что не было жаждности это сохранить. Спокойная уверенность, что это настолько настоящее, сущностное, что и уходя — не уходит» [6, с. 134].

Есть в романе и строки о ещё одном жанре, в котором работала Суханова — о фантастике: «В этот же её приезд в Москву дала ей Анна Кирилловна почитать кое-что из новой фантастики, и Ксения с удивлением обнаружила, что фантастика может быть не только художественной, но и высокоинтеллектуальной. На обратном пути из Москвы, ночью, а потом и утром, на благословенной второй полке, где тебя почти не достают взглядом, Ксения задумывала фантастический рассказ» [6, с. 129].

И, конечно, о писательском труде: на протяжении всего романа автор ведёт диалог сам с собой о том, зачем пишет, что для неё писательский труд. Театральный режиссёр, который собирается ставить пьесу о подпольщиках, сетует: «У нас забыт театральный жанр. У нас нет комедии-буфф, нет трагедии. Ведь "Оптимистическая трагедия" — это уже другой жанр. <...>. — У вас, писателей, лучше, — грустил режиссер. — Пройдет время, и вас могут признать. Мы же живём, пока живём. Если нас не увидели и не поняли при жизни — дальше лотерея закрыта» [6, с. 273].

После прочтения романа захотелось узнать о судьбе Натальи Сухановой из первых уст, но Наталья Алексеевна умерла в 2016 году. Она на десять лет пережила своего сына. По адресу, где когда-то можно было поговорить с писательницей, проживает её муж — писатель Валерий Михайлович Пискунов. Тот самый, который на вопрос, стоит ли писать, если не напечатают, ответил, что писатель не может не писать. Валерий Пискунов — автор фантастических, с причудливыми названиями книг: «Голуби в чемодане», «Гелиос ищет планету», «Преодолей пустоту».

Если бы была возможность поговорить с ним, узнали бы мы ещё что-то об этой замечательной женщине и писателе? Или всё о ней уже рассказали её книги?

Дом, в котором жила Наталья Алексеевна Суханова, на проспекте Ворошиловском, ростовчане называют писательским. К сожалению, здесь нет памятного знака Наталье Сухановой. Статьи в энциклопедии есть, а памятной доски нет.

Эту несправедливость хотелось бы исправить. А в заключение — цитата из книги «Искус» Н. А. Сухановой: «Хорошая вещь — книга,

— радостно рассуждал Илимич. — Человек умрёт, а с ним можно говорить и через сто лет. Вот ты напишешь, ты много ещё напишешь, а лет через сто скажут: "Жила такая умная женщина — вчера говорил с ней"» [6, с. 275].

Прочитав роман «Искус», можно поговорить с интересным человеком и умной женщиной — писательницей Натальей Алексеевной Сухановой.

Это ли не фантастическая реализация идеи о бессмертии? Технический проект бессмертия...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПроДетЛит : Всероссийская энцикл. детской литературы. URL: https://prodetlit.ru/index.php/Суханова_Наталья_Алексеевна (дата обращения: 30.03.2023).
2. Интервью библиотекарей И. Н. Емельяновой и А. С. Пхиды с Н. А. Сухановой. [Год записи не указан, ориентировочно не ранее 2006 г. — Т. П.] : видеозапись // Архив Ростовской областной детской библиотеки имени В. М. Величкиной.
3. Спиглазова А. Кто мы? Откуда мы? // Наше время. 2010. 2 апр. (№ 99—101). С. 5.
4. Сокольский Э. Наталья Суханова: жизнь души // Донской писатель : лит. газ. Ростова-на-Дону и Рост. об. 2010. № 1. С. 5.
5. Суханова Н. А. Искус : [роман в 5 кн.]. Т. 1, [кн. 1—3]. Таганрог : Ньюанс (ИП Кучма Ю. Д.), 2011.
6. Суханова Н. А. Искус : [роман в 5 кн.]. Т. 2, [кн. 4—5]. Таганрог : Ньюанс (ИП Кучма Ю. Д.), 2011.
7. Андриева О. Памяти Натальи Алексеевны Сухановой // RELGA : научно-культурол. журн. 2016. № 7 [310]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4658&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 30.03.2023).
8. Суханова Н. Я была писательницей с детства // Донской временник. Год 2006-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2005. С. 151—152.

О. А. ХЕЙФЕЦ

«... ВНУТРИ ЕЁ БЫЛА ЛЮБОВЬ»

В пятигорском издательстве «Снег» вышла книжечка, посвящённая Татьяне Аркадьевне Марутовой (1930—2014), культурному и общественному деятелю Северного Кавказа, заслуженному работнику культуры РСФСР, женщине необыкновенной красоты и обаяния [1]. В родном городе её хорошо знали. Почти 25 лет (1963—1987) Т. А. Марутова возглавляла Пятигорскую центральную городскую библиотеку. Постоянные читатели так и говорили — «Танин дом». Но дело вовсе не в количестве лет, а в том, что за эти годы Татьяна Аркадьевна сделала библиотеку культурным центром города.

Выход книги совпал с десятилетием ухода Татьяны Аркадьевны из жизни. Мы решили, что это повод вспомнить о ней. И перелистать статьи, написанные в разное время людьми, которые Татьяну Аркадьевну хорошо знали и ценили.

И. А. Боглачёва работала восемь лет под началом Т. А. Марутовой в Пятигорской центральной городской библиотеке, сначала на абонементе, а потом в методико-библиографическом отделе. Об этом времени она и вспоминает в своей книге, о неповторимой атмосфере, которую смогла создать Татьяна Аркадьевна, как будто специально подобрав коллектив любящих библиотеку и свою работу людей. Автор этих строк, тоже несколько лет проработавшая в библиотеке, готова подписаться под каждым словом восхищения и уважения, на которые не скупится И. А. Боглачёва. Она отмечает мудрость и такт, добрую

душу и открытость, умение слушать и слышать, желание помочь всем, кто в её помощи нуждался. Именно такой Татьяна Аркадьевна осталась и в моей памяти.

Мы, молодые женщины, начинающие в то время свой путь и в профессии, и в жизни, вспоминаем Татьяну Аркадьевну как очень достойный пример, даже если в то время мы этого и не осознавали. Но сейчас, читая небольшую книжку, я понимаю, как же мне повезло встретить в жизни этого прекрасного человека.

Но не только личные воспоминания лежат в основе книги. Автор встречалась с родными Татьяны Аркадьевны и неслучайно включила в книгу слова Андрея, её внука, частично вынесенные мною в заголовок статьи: «...внутри её была любовь. Любовь к людям, к жизни, к природе, к своему любимому делу — библиотечному» [1, с. 38]. В них заключена сама суть светлой личности Т. А. Марутовой.

Прежде чем описывать деятельность Т. А. Марутовой автор даёт небольшую историческую справку, из которой читатель узнаёт, что библиотека была основана в 1920 году, и «в 1963 году Т. А. Марутова возглавила библиотеку, имеющую свою непростую, но насыщенную яркими событиями историю» [1, с. 12].

С этого времени происходят коренные изменения статуса библиотеки. Об этом рассказывала сама Татьяна Аркадьевна в одном из интервью: «Лермонтовские конференции (с 1964 г.) и Лермонтовские праздники поэзии с 1968-го привлекли сюда многих писателей, литературоведов... — Назову лишь несколько имён: Ираклий Ангрониов и Виктор Мануйлов, Расул Гамзатов и Михаил Дугин, Давид Кугультинов и Юлия Друнина... С Кайсыном Кулиевым меня познакомил ростовский поэт Ашот Гарнакерыян. Кстати, Кайсын посвятил мне целый цикл стихов под названием "Вечер у Машука". <...> В 1966 г. библиотека участвует в Выставке достижений народного хозяйства СССР в Москве, в 1967 г. её награждают дипломом "Библиотека отличной работы", а в 1968—1969 гг. она заносится на городскую Доску почёта» [2, с. 212].

И. А. Боглачёва пишет: «Умный и светлый человек, Т. А. Марутова считала, что библиотека должна объединять творческих людей, единомышленников. Строгий храм просветительства

стал для жителей города тёплым очагом культуры и высокого искусства. Долгие годы при библиотеке действовал клуб «В мире прекрасного». Кто только не участвовал в нём!» [1, с. 15]. И далее автор перечисляет: писатель-краевед, сотрудник кисловодской филармонии Б. М. Розенфельд, театровед Н. А. Сивкова, музыковед Н. А. Аушева, искусствовед Л. Ю. Шамлиди.

Однако главной задачей для себя как руководителя Татьяна Аркадьевна считала строительство специального здания для библиотеки — дом для книг на 500 тысяч томов. Она строила его в течение 20 лет. Это был «объект непреходящей её гордости, волнений и тревог» [2, с. 213]. Здание было построено. И очень жаль, что в нём Татьяне Аркадьевне не дали доработать даже до 25-летия деятельности в этой библиотеке. Это было несправедливо, но удар Татьяна Аркадьевна выдержала, такой сильный был у неё характер.

Она всегда активно занималась общественными делами, так что и будучи на пенсии «много лет ... возглавляла Пятигорское отделение Комитета защиты мира...», пятигорское отделение Всероссийского общества охраны памятников, была активным членом краеведческого общества — не только присутствовала

на собраниях, но и сама делала сообщения на краеведческие темы. Когда в Пятигорске возродилось Кавказское горное общество (КГО), она стала членом его Правления, а затем его почётным членом... Книги с автографами выдающихся людей из её личной библиотеки легли в основу горно-литературного музея КГО «Наследие»» [3, с. 35].

А библиотека, дело её жизни, конечно, очень много потеряла от её ухода. Особое внимание автор книги уделяет тому, как важно для Татьяны Аркадьевны было место библиотеки в городе именно в качестве культурного центра. Как много жителей Пятигорска приходило сюда на различные мероприятия, к примеру, чтобы встретиться с гостями нашего города: С. Михалковым, И. Андрониковым, Р. Гамзатовым, А. Дементьевым и многими другими. Почти все они, попав под обаяние директора, становились её друзьями, а значит, и друзьями библиотеки. И. А. Боглачёва, приводит, в частности, такой пример: «... лермонтовед Виктор Мануйлов писал, что покидая горьковскую библиотеку, навсегда остался её кавказским пленником» [1, с. 38].

И. А. Боглачёва представила в книге список под названием: «Библиография работ

Первый ряд слева направо: Т. А. Марутова, Л. А. Штавдакер, Н. И. Бунина в зале Бальнеологического института на краеведческих чтениях «Книги Юга России XVIII в. — 20-х годов XX в. как источник изучения культуры региона». Пятигорск, июнь 1994 г. Фото из личного архива Л. А. Штавдакер. Публикуется впервые

Т. А. Марутовой», включающий отдельные издания, связанные с деятельностью Пятигорской центральной городской библиотеки, статьи Т. А. Марутовой (раздел: «Избранные публикации в периодических изданиях и сборниках») и литературу о жизни и деятельности Т. А. Марутовой [1, с. 40—43]. Последняя часть списка — наиболее полная.

Следует заметить, что помещённый в начале списка перечень библиографических указателей о Пятигорье и деятелях, с ним связанных, к авторству Татьяны Аркадьевны отношения не имеет. Несомненно, она являлась вдохновителем их создания и ответственной за выпуск как руководитель библиотеки, в одном случае и редактором (Библиографический указатель периодических изданий Кавказских Минеральных вод (1863—1975). Пятигорск, 1976), но не автором!

Тем не менее, выход в свет краеведческих библиографических указателей ретроспективного характера о Пятигорье [4] — явление уникальное (позволю себе цитату из другой статьи, приведённой в списке): *«В 70—80-е гг. Пятигорская библиотека стала и первой и единственной среди городских библиотек на Северном Кавказе, издающей серьёзные библиографические указатели, ретроспективные и персональные. "Запретов и трудностей для библиотечных изданий в те годы было много, — вспоминает Татьяна Аркадьевна. — "Единые правила", которыми руководствовалась цензура позволяли библиотеке выпускать лишь библиографические списки. А здесь научное предисловие, содержащее историю периодической печати Кавминвод за 200 лет!" Этот справочник, как и другие, создавался при участии краеведов Евгении Борисовны и Леонида Николаевича Польских, действительных членов Географического общества СССР»* [2, с. 213].

В этой истории мы видим также проявление гражданского мужества руководителя библиотеки. Она пригласила для сотрудничества двух главных краеведов города, тем самым подняв краеведческую работу на очень высокий уровень. Речь идёт о Л. Н. Польском и его жене Е. Б. Польской. Леонид Николаевич вообще не имел права печататься, а Татьяна Аркадьевна дала ему возможность публиковаться, а также немного заработать. Вся эта история стоила ей больших усилий — в идеологическом учреждении люди со сложной биографией (Польские были репрессированы, прошли ГУЛАГ)! — много было претензий, но Татьяна Аркадьевна смогла настоять на своём. За что ей особая

благодарность. Надо сказать, что этими указателями мы пользуемся до сих пор.

Татьяна Аркадьевна находила время писать о библиотеке. Таких статей немало, читатель найдёт их в опубликованном списке [1, с. 40—41]. А одна из них в буквальном смысле — крик души («Жизнь без книги — жизнь дикарей») [5], когда Татьяна Аркадьевна в библиотеке уже не работала, и ей сложно было влиять на политику, проводимую руководством. Тогда библиотеке приходилось зарабатывать деньги, сейчас это можно понять, хотя с трудом. А Татьяна Аркадьевна очень переживала — ей хотелось видеть свою библиотеку, как и прежде, храмом культуры и просветительства.

В меньшей степени автором учтены краеведческие статьи Т. А. Марутовой о людях, внесших вклад в историю и культуру Пятигорска, а их немало. Разве что включены статьи о бывшем директоре музея «Домик Лермонтова» Е. И. Яковкиной и писателе Н. В. Капиевой [6].

Заканчивая свой рассказ о Т. А. Марутовой, И. А. Боглачёва приводит цитату из цикла стихов «Вечер у Машука» знаменитого балкарского поэта Кайсына Кулиева. Цикл этот поэт посвятил Татьяне Аркадьевне :

«О, как красива ты!

И сделать можешь цветы — прекрасней,
выше — гребни скал.

Тебя увидев, я сегодня тоже как будто равен
Лермонтову стал» [1, с. 39].

Мне тоже очень хочется, чтобы память о Татьяне Аркадьевне жила. Поэтому я рассказываю о ней и о библиотеке на своих экскурсиях. В частности, на экскурсиях «Литературный Пятигорск» и «Пятигорск в историях любви», где читаю стихи К. Кулиева, посвящённые Татьяне Аркадьевне. Я выбрала именно эту цитату, потому что здесь героиня выведена поэтом как часть нашего города, Пятигорска:

«Затих твой город.

Тишина мила мне.

Над нами звёзды лермонтовских дней.

Земли, где ты живёшь, любому камню

Я благодарен с каждым днём сильнее» [7].

Небольшая проникновенная книжка Ирины Боглачёвой — подарок всем, кто знал и любил Татьяну Аркадьевну Марутову. А молодое поколение, прочтя её, узнает о замечательном человеке, подвижнике культуры, и о недавнем прошлом нашего города, в котором Татьяна Аркадьевна жила и работала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Боглачёва И. А.* Татьяна Аркадьевна Марутова. Пятигорск : Снег, 2024. 44 с. : ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 8).
2. *Штавдакер Л. А.* Подвижник культуры // Донской временник. Год 2005-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2004. С. 211—215.
3. *Коваленко А. Н.* Танин дом // Ставропольский хронограф на 2015 г. : краевед. сб. / Ставропольская краевая б-ка имени М. Ю. Лермонтова. Ставрополь : АРГУС, 2015. С. 30—36.
4. Библиографический указатель периодических изданий Кавказских Минеральных вод (1863—1975) / Пятигорская центр. гор. б-ка им. М. Горького; сост. И. А. Вершинкина, Е. Б. Польская, Л. Н. Польской. Ред. Т. А. Марутова. Пятигорск, 1976. 37 с. (На обл. загл.: Периодическая печать Кавказских Минеральных вод (1863—1975); Пятигорск в литературе. 1795—1980 : библиогр. указ. лит. / Пятигорская центр. гор. б-ка им. М. Горького. Пятигорск, 1983. 71 с.; Александр Сергеевич Пушкин на Кавказских Минеральных водах 1820—1829 гг. : библиогр. указ. лит. / Пятигорская центр. гор. б-ка им. М. Горького; сост. Е. Б. Польская, Н. К. Шахназарова. Пятигорск, 1981. 26 с.
5. *Марутова Т. А.* Жизнь без книги — жизнь дикарей // Кавказская здравница. 2003. 13 мая. С. 3.
6. *Её же.* Судьбы завидной вежи : [О Е. И. Яковкиной] // Кавказская здравница. 1984. 5 мая. С. 2; *Её же.* Чтобы знали и помнили : [О Е. И. Яковкиной] // Пятигорская правда. 1997. 3 апр. С. 3; *Её же.* Юбилей Н. В. Капиевой // Записки краеведческого общества на КМВ. Вып. 23. Пятигорск, 1992. С. 203—211; *Её же.* Подвиг любви [О Н. В. Капиевой] // Кавказская здравница. 1999. 7 сент. С. 2; *Её же.* Жизнь, прожитая набело : [О Н. В. Капиевой] // Кавказская здравница. 2003. 22 апр. С. 2.
7. *Кулиев К.* Книга земли : Стихи и поэмы. М. : Советский писатель, 1972. С. 240.

ДЕСЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЗАЙЦЕВА А. С., СМИРНОВ В. А.

КРАЕВЕДЕНИЕ НА ДОНУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Ростов-на-Дону — Таганрог, 19—20 сентября 2024 г.)

Ежегодная областная краеведческая конференция под названием «Краеведение на Дону: история и современность» в этом году отметила свой десятый юбилей. Традиционно она

прошла на двух площадках — в Донской публичной библиотеке и Таганрогском институте имени А. П. Чехова. С приветственными словами к участникам Чтений обратились директор Донской государственной публичной библиотеки А. В. Желябовская, заместитель председателя Комитета по управлению архивным делом Ростовской области С. С. Володьков, заместитель директора по научной работе и проектной деятельности Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) А. А. Волненко и председатель Ростовского регионального отделения Союза краеведов России Л. А. Штавакер. Модератором выступил Евгений Фёдорович Кринко, доктор исторических наук, заместитель директора Южного научного центра Российской академии наук по научной работе.

Чтения посвящались 160-летию краеведения России (1864), 100-летию Северо-Кавказского

Открытие чтений в Донской публичной библиотеке. За круглым столом слева направо: А. В. Желябовская, Л. А. Штавакер, Е. Ф. Кринко, С. С. Володьков, Е. М. Колесникова, Е. В. Милосавлевич

Александра Сергеевна Зайцева, журналист, г. Шахты; Виктор Алексеевич Смирнов, ассистент кафедры истории Таганрогского института имени А. П. Чехова филиала РГЭУ (РИНХ), аспирант «РГЭУ (РИНХ)

края (1924) и 90-летию формирования отечественной системы охраны памятников археологии (1934). Доклады к этим юбилейным датам наиболее полно были представлены в Ростове, в первый день Чтений.

160-летию краеведения России были посвящены обзорные выступления в режиме онлайн кандидатов исторических наук, ведущих научных сотрудников Центра краеведения, московведения и крымведения Института Наследия (г. Москва) В. Ф. Козлова, руководителя Центра, почётного председателя Союза краеведов России («Судьбы отечественного краеведения за 160 лет. Опыт Московского археологического общества (1864—1923 гг.), его наследников и современного Центра краеведения, московведения и крымведения Института Наследия») и А. Г. Смирновой, первого заместителя председателя Московского краеведческого общества и Российского общества по изучению Крыма. Владимир Фотиевич говорил о краеведении как о государственном деле и самом массовом виде науки, с помощью которого воспитывается чувство патриотизма. Александра Геннадьевна рассказала о роли Императорского Московского археологического общества в становлении и развитии краеведения России. Её доклад в полном объёме публикуется ниже.

С национально-государственными и административно-территориальными преобразованиями на Дону и Северном Кавказе в 1920—1930 годы познакомил слушателей Е. Ф. Кринко, доктор исторических наук, заместитель директора Южного научного центра Российской академии наук по научной работе. О событиях, происходивших в крае, по материалам местной печати рассказали в своих сообщениях В. Н. Кальниченко, научный сотрудник Раздорского этнографического музея-заповедника («Антирелигиозные мероприятия в Северо-Кавказском крае в отражении газеты "Большевицкая смена"») и Н. Ю. Кулиш, заведующая отделом информации и публикации Государственного архива Ростовской области («Журнал "Труженица Северного Кавказа" (Ростов-на-Дону, 1925—1927) как рупор раскрепощения горянки»).

Модератор конференции Е. Ф. Кринко обратил внимание слушателей на Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где отдельной строкой говорилось о поддержке исторического краеведения, популяризации использования объектов историко-культурного наследия в целях исторического

просвещения. В этом плане на Чтениях также прозвучало несколько докладов. И. В. Толочко, кандидат исторических наук (ЮНЦ РАН) затронула проблемы сохранения памятников искусства и культуры и особо отметила первые объекты, взятые под охрану государством («К истории утверждения первых списков важнейших памятников революции, искусства и культуры, подлежащих безусловной государственной охране»). Обзор первых советских революционных памятников на Юге России сделала О. М. Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета. С. А. Шпагин, независимый исследователь из Санкт-Петербурга, в режиме онлайн выступил с сообщением «Ростовская стачка 1902 года — осмысление исторического события и объекта историко-культурного наследия». Архитектор, Государственный эксперт Министерства культуры РФ по объектам культурного наследия Л. Ф. Волошинова рассказала, где располагалось и как изменялось Покровское кладбище в Ростове-на-Дону.

Большой интерес у слушателей вызвали сообщения, посвящённые городу Шахты. О том, как в XXI веке историю города переписали («Александровск-Грушевский или хутор Поповка?») рассказали Д. А. Белаш, директор Агентства развития молодёжных инициатив Ростовской области, и горный инженер М. А. Рудь. Заместитель директора Центра хранения архивных документов г. Шахты В. Ю. Мартыненко в докладе «Города Шахты (СССР) — Гельзенкирхен (ФРГ): К 35-летию партнёрских связей» поведала о разрушении образа врага в процессе общения представителей двух городов-побратимов.

Несколько докладов посвящалось неординарным личностям. Журналист, краевед из г. Шахты А. С. Зайцева рассказала о роли рода купцов Торлецких в истории ростовского региона и России, а также представила уникальные фотографии из семейного архива их потомков. Н. А. Казарова, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Государственного университета управления (г. Москва) осветила жизнь фельдшера Григория Задёры, состоявшего в переписке с Л. Н. Толстым. А. А. Попова, заведующая библиотекой имени А. В. Калинина Ростовской-на-Дону городской ЦБС, исследовала творческую биографию поэта и художника Николая Щуклина по семейным архивам. Научный сотрудник научно-хранительского отдела Ростовского областного музея

На Чтениях в Донской публичной библиотеке 19 сентября 2024 г.

краеведения Д. Д. Скориков сделал сообщение на тему: «Фёдор Солодов — предприниматель и общественный деятель Ростова, конца XIX — начала XX в.». Журналист из Новочеркасска Ж. П. Гридасова напомнила о краеведческих исследованиях своего коллеги Е. В. Халдаева, недавно безвременно ушедшего.

Ряд докладов подготовили краеведы по тематике, связанной с изучением истории Великой Отечественной войны. В основе их лежали архивные документы. Письма лётчика-героя капитана Ивана Утюскина своей семье были эмоционально представлены В. И. Афанасенко, старшим научным сотрудником лаборатории истории и этнографии Южного научного центра Российской академии наук. Свою новую книгу «Они врага сметали грудью» по воспоминаниям разведчика 33-й гвардейской стрелковой дивизии В. В. Вертеля презентовал на Чтениях

В. А. Градобоев, командир поискового отряда «Донской» имени Анатолия Калинина из г. Константиновска. В 1942 году в Морозовский район Ростовской области эвакуировали из Белоруссии сотрудников Юровичского детского дома с семьями. Об их трагической судьбе поведала В. В. Хилькевич, преподаватель Армавирского лингвистического социального института.

Специалисты Центра документации новейшей истории Ростовской области представили свои исследования по истории промышленных предприятий города. О. В. Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов, сделала доклад о Ростовском электровозоремонтном заводе имени Ленина, отметившем своё 150-летие. В. В. Ханжиев, архивист 1 категории, выступил на тему: «Организация труда и культурный досуг рабочих на предприятиях "Красный Аксай"»

На Чтениях в Таганрогском институте имени А.П. Чехова 20 сентября 2024 г.

В научной лаборатории «Казачество в истории и памяти» Таганрогского института им. А. П. Чехова. 20 сентября 2024 г. Слева направо: Е. Ф. Кринко, Л. А. Штавгакер, А. А. Волвенко, В. А. Агеева, В. И. Вегерин

и «Электроаппарат» в 1960—1980-е гг. (по документам ЦДНИРО).

Второй день Чтений традиционно проходил на площадке факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова и отличался разнообразием тематики докладов, а также взглядов, высказываемых в ходе дискуссий.

Результаты исследований по истории казачества были представлены в ряде докладов. А. А. Волвенко, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работ и проектной деятельности Таганрогского института имени А. П. Чехова рассмотрел деятельность Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений (1865—1872), в особенности обратив внимание на участие в нём представителей от Войска Донского. В. А. Смирнов, ассистент кафедры истории Таганрогского института имени А. П. Чехова освятил один из аспектов работы Комитета об устройстве Войска Донского (1819—1835), связанный с вопросом о казачьих правах на рыбную ловлю. Исследование базировалось на сведениях, найденных в архивных источниках. Малоизвестные страницы истории казачьей станицы Ведерниковской первой половины XIX века приоткрыл слушателям В. И. Вегерин, преподаватель Константиновского педагогического колледжа.

Первые десятилетия советского государства характеризовались крайне сложными взаимоотношениями между центральной властью

и донским казачеством. Один из таких проблемных вопросов социальной политики СССР в 1920—1930-е гг. осветил в своём докладе директор Раздорского этнографического музея-заповедника М. П. Мерзляков. Особое внимание он сконцентрировал на вопросах о положении «лишенцев» на Дону в ходе процессов, связанных с коллективизацией. Последствием явился новый виток социального противостояния казачества и иногороднего населения. Доклад Михаила Петровича опирался на материалы, найденные в личных делах «лишенцев».

Как известно, в Ростовской области многие годы плодотворно ведутся археологические исследования. Об историко-археологическом изучении территории Неклиновского района рассказал кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова П. С. Качевский. Он перечислил известные археологические памятники края, охарактеризовал вклад местных учёных в их исследование в XX столетии, привёл примеры конкретных находок, отражающих прошлое народов, проживавших на территории Дона и Приазовья. Археолог из Семикаракорска С. Ф. Токаренко в своём докладе «Донские низовые казачьи городки» проанализировал результаты раскопок нескольких экспедиций, занятых поисками Раздорского городка и сообщил о том, что раскопки на острове Поречном не оправдали надежд учёных — следы казачьих городков не были

найжены, а значит, колыбель донского казачества следует искать в другом месте.

Солідний блок докладов на площадке Таганрогского института имени А. П. Чехова был посвящён событиям Великой Отечественной войны. В совместном докладе кандидата исторических наук, доцента, декана факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова В. А. Агеевой и кандидата исторических наук, доцента, директора Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапша «Как медики спасали от угона на принудительные работы в нацистскую Германию мирное население Ростова-на-Дону и Таганрога» раскрылись новые страницы истории подполья и партизанского движения в Ростовской области, в частности партизанского отряда М. М. Югова. О доблестных страницах истории советской авиации в годы войны поведали И. А. Заболотский и А. В. Куликов, научные сотрудники «Народного военно-исторического музея Великой Отечественной войны "Самбекские высоты"». Доклад Заболотского основывался на оцифрованных архивных материалах, используемых музеем в краеведческой работе. Иван Анатольевич рассказал о боевых вылетах женского экипажа под командованием старшего лейтенанта Валентины Матюхиной и об обстоятельствах крушения их самолёта, об истории гибели младшего лейтенанта С. С. Базарова, защищавшего небо в окрестностях Таганрога в 1944 году. Доклад «Межмузейная выставка "Донские летчики в небе Великой Отечественной" (из опыта передачи исторической памяти о подвигах земляков)», представленный А. В. Куликовым, касался методических вопросов создания музейной выставки, а также обзора представленных на ней экспонатов, их специфики, и сведений, найденных о лётчиках Г. А. Баевском и А. Н. Колбееве.

Музейную тематику в рамках конференции продолжил научный сотрудник Раздорского этнографического музея-заповедника И. И. Черненко. В докладе «Опыт сохранения и формирования исторического облика хутора Старозолотовского Ростовской области: историко-культурный потенциал» Иван Иванович осветил историю хутора, его достопримечательности, рассказал об опыте сохранения историко-культурного облика поселения, о работе Раздорского музея в этом направлении. Интерес у слушателей был вызван описанием технологий и проектов перевоза казачьих куреней.

О Восточной коллекции Таганрогского музея-заповедника рассказала старший научный сотрудник музея Т. А. Артюшкина. Формирование

коллекции началось в 1898 году, а первые экспонаты были подарены генералом П. К. Рененкампом и полковником А. Н. Гудзенко, которые приобретали или находили их во время своей службы. Выставка насчитывает множество различных предметов культа, а также бытовых и декоративных предметов из Китая, Индии и Японии. Татьяна Анатольевна подробно охарактеризовала их культурное значение, подчеркнув уникальность коллекции.

Значительное место в программе таганрогской части конференции было отведено школьному краеведению. Д. В. Осипова, учитель русского языка и литературы гимназии имени А. П. Чехова, эмоционально рассказала о храме святителя Николая, старейшем в Таганроге, и при этом ставшим одним из главных объектов церковного краеведения города. Учитель истории и обществознания МОБУ СОШ № 20 г. Таганрога, кандидат философских наук, доцент кафедры истории Таганрогского института имени А. П. Чехова И. В. Наливайченко поделилась своим опытом проведения исторических краеведческих вечеров, раскрыла их тематику и содержание, рассказала о методах и приёмах гражданско-патриотического воспитания молодого поколения. Разговор об особенностях краеведческой работы в рамках школьного образования продолжила учитель истории и обществознания МБОУ Покровской СОШ «НОК» И. А. Сухоненко. Основное внимание Инна Александровна уделила содержанию работы историко-краеведческого музея «Наследие», расположенному на территории школы. Его создание связано с именами И. М. Деревянченко, Е. М. Скорикова, Л. Н. Валуховой и Н. Ф. Растворцевой. Представляя фонд музея с довольно редкими экспонатами, докладчик раскрыла основные направления его научно-исследовательской и просветительской работы, включая увековечивание памяти о выпускниках школы, погибших в ходе Специальной военной операции.

На конференции активно работала секция «Юные исследователи малой Родины», уже ставшая постоянной частью Коршиковских чтений. В этом году на секции были представлены доклады не только школьников, но и студентов и магистрантов. Всего было заявлено 22 доклада. Модератором секции выступила кандидат исторических наук, доцент Таганрогского института имени А. П. Чехова Е. В. Прокофьева. О своих исследовательских наработках по истории малой Родины рассказали школьники Покровской СОШ «НОК» Неклиновского р-на (В. А. Пашенко), № 23 г. Шахты (А. А. Пирогов, К. Ю. Ильина),

№ 80 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге г. Ростов-на-Дону (С. М. Мерзлякова), № 20 г. Таганрога (Е. В. Вырва, М. М. Овчаров, А. Д. Юсупова), № 22 г. Таганрога (М. А. Лукьянец), № 7 с. Олышанка Целинского р-на (Д. В. Ямпольская), гимназии имени А. П. Чехова Таганрога (А. Н. Ивченко, Э. Р. Бондарева, Д. Н. Трегубова, Е. В. Романенко), Таганрогского педагогического лицея-интерната (Ю. В. Дервянкина), Марьевской СОШ имени воина-афганца Н. П. Лапшичёва Матвеево-Курганского р-на (А. В. Глущенко). Свои доклады на секции представили студенты и магистранты факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (М. А. Хазинская, Г. В. Чекунов, К. В. Фролова, А. А. Асташев,

Е. Н. Седакова, Т. В. Скляренко) и института истории и международных отношений Южного федерального университета (В. Ю. Мартыненко, А. Д. Кирюшин).

Десятые Коршиковские чтения позволили объединить различные тематики краеведческих исследований, направленные на изучение прошлого нашего края. Конференция в очередной раз показала, что археология, архивная и музейная научно-исследовательская работа, охватывающая историю Дона и Приазовья с древнейших времён до наших дней, гармонично сочетается с образовательной и культурно-просветительной деятельностью и служит миссии исторического просвещения населения.

А. Г. СМЕРНОВА

О РОЛИ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

(1864—1923)

В отечественной историографии сформировался значительный комплекс работ, посвященных различным этапам истории краеведения в России, истоки которого, можно усмотреть в XVII и особенно уже в XVIII столетиях. И, хотя сам термин «краеведение» имеет значительно более позднее происхождение (начало XX в.), но уже с XVIII в. можно проследить деятельность государственных учреждений и общественных объединений, направленную на изучение местного края с теми или иными целями, в той или иной форме. Особый размах эта деятельность приобрела во второй половине XIX — начале XX в. В историографических работах, посвященных этому периоду, упоминается целый ряд учреждений, сыгравших существенную роль в становлении отечественного краеведения, таких как губернские статистические комитеты (ГСК), губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), церковно-археологические общества и комитеты (ЦАО/ЦАК) и другие; история многих из них за последние 30—50 лет успешно разрабатывается учеными в разных регионах России, в том числе является предметом исследования в кандидатских и докторских диссертациях. Что касается

общественных объединений, действовавших в этот период, то в первую очередь следует назвать Московское археологическое общество (с 1881 г. — Императорское московское археологическое общество; ИМАО) — уникальное научно-общественное объединение по масштабам и результатам своей деятельности, чью роль в становлении краеведения и как научного направления, и как научно-общественного движения трудно переоценить. По словам одного из современных историографов общества В. Ф. Козлова, оно внесло громадный вклад «в изучение, популяризацию местной истории России, сохранение культурного наследия в провинции», то есть в то, «что сегодня составляет и область деятельности краеведов. Возникшее в Москве МАО постепенно стало центральной научной российской общественной организацией, главным российским обществом краеведческого характера, объединившим московских и вообще российских любителей, ценителей, защитников и знатоков культурного наследия и местных историков» [1].

Конечно, такой феномен, как ИМАО, не мог не привлечь внимание исследователей, но традиционно интерес специалистов

Александра Геннадьевна Смирнова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Института Наследия), первый зам. председателя Московского краеведческого общества, первый зам. председателя Российского общества по изучению Крыма

направлен на изучение роли общества в становлении отечественной археологической науки в современном понимании её границ, предмета и метода, а также системы охраны памятников (культурного наследия) — и это вполне справедливо, поскольку археологическое изучение отечественных древностей и их охрана и реставрация являлись главными направлениями деятельности ИМАО. Но, как показывает опыт научно-исследовательской работы Центра краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК; руководитель — канд. ист. наук В. Ф. Козлов) Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Института Наследия), ИМАО оказало колоссальное влияние и на развитие краеведения как такового, на консолидацию в разных губерниях Российской империи местного научно-культурного сообщества и на побуждение его к изучению края, его истории, культуры, древностей; в структуре ИМАО впервые было создано подразделение — комиссия по изучению Старой Москвы или «Старая Москва», целью которого была чисто краеведческая (москвоведческая) работа и которое в конечном итоге трансформировалось в первое в Москве краеведческое общество, сохранившееся и после ликвидации ИМАО в первые годы советской власти и ставшее одним из самых ярких явлений в истории краеведения «золотого десятилетия» (1920-е гг.). Следует заметить, что ЦКМК (создан в Институте Наследия в начале 2018 г.), целенаправленно и комплексно занимающийся изучением роли ИМАО в становлении и развитии краеведения, преемственно продолжил эту работу, а начало ей было положено на краеведческих кафедрах Отделения краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института РГГУ (кафедре региональной истории и краеведения и кафедре москвоведения; заведующие кафедрами — В. Ф. Козлов и А. Г. Смирнова соответственно; кафедры и отделение существовали до «оптимизации» в 2016 г.) ещё в 1990-е и особенно уже в 2010-е гг.

Обращаясь непосредственно к ИМАО, подчеркнём его характерные особенности. Имея название «Московское», общество распространило свой интерес и связанную с ним общественно-научную исследовательскую и организационную деятельность далеко за пределы и самой Москвы, и Московской губернии, охватив значительную часть территорий страны: от Сибири до Новгородско-Псковских земель, белорусских и прибалтийских губерний и от Архангельска до Малороссии, Новороссии, Крыма и Кавказа. Название «археологическое» также

не должно восприниматься однозначно в современном его значении — его следует трактовать в контексте времени, поскольку тогда археологическая наука имела гораздо более обширное поле деятельности (наука о древностях вообще), границы её вмещали многие научные направления, ныне существующие совершенно самостоятельно: собственно археологию, археографию, архивоведение, музееведение, памятниковедение, отчасти исторические географию, топографию и топонимику и непосредственно интересующее нас краеведение.

Общество было создано в 1864 г. по инициативе и личными усилиями известного учёного-археолога, общественного деятеля, мецената и подвижника графа Алексея Сергеевича Уварова (1824—1884).

А. С. Уваров (Нива. 1885. 2 февр.)

Феномен ИМАО надо рассматривать в общем историко-культурном контексте развития России того времени, в контексте тех основных тенденций, которые были обусловлены общими изменениями во внутригосударственной и общественной жизни, в научном знании, образовании, и характеризовались постепенной сменой нигилистического отношения к русской истории и памятникам, характерного для прошлого, XVIII столетия, возрастающим интересом к ним. Созданное А. С. Уваровым в Москве общество, было не первой организацией такого профиля, у него уже были предшественники: как государственные учреждения, так и общественные объединения. Ещё в 1859 г.

в Петербурге была учреждена государственная «Археологическая комиссия», возглавляемая графом С. Г. Строгановым. Самой же первой местной общественной организацией со сходными задачами и функциями стало Одесское общество истории и древностей, возникшее в 1839 г. (позднее получившее почётный статус Императорского), хотя и не имевшее в своём названии слова «археологическое», но ставшее одним из самых крупных провинциальных научных центров в этой сфере. В 1846 г. такой центр организовался и в столице: здесь было создано Русское археологическое общество (РАО; с 1866 г. Императорское). В числе его основателей и почётных членов были лица Императорской фамилии, представители аристократических кругов и научного сообщества (среди них — министр народного просвещения и президент Академии Наук граф С. С. Уваров и его сын граф А. С. Уваров). Причём с самого начала Алексей Сергеевич вошёл в число активных членов РАО, внёс серьёзный вклад в изучение причерноморских древностей, занимался археологическими раскопками в Центральной России (Владимирская губерния) и т. д.

Глубокая убежденность графа А. С. Уварова в насущной необходимости обращения к изучению русской археологии, в направлении интереса и учёных, и в целом русского общества к собственной истории и памятникам стали побудительным мотивом организации ИМАО, он хотел *«создать из Московского археологического общества научный центр, который бы направлял археологические разыскания в России, вызывал бы к жизни новые силы, новые труды, отвечал бы на возникавшие запросы касательно старины русской и откликался бы на различные требования и нужды, вызываемые заботами о сохранении и изучении древних памятников»* [2, с. 3].

Фактически общество было учреждено 17 февраля 1864 г. кружком *«из 14 лиц, глубоко и искренно преданных науке, воодушевленных одной общей мыслью — создать Общество, где бы интересы науки действительно могли бы найти поддержку и помощь, а ее преданные слуги могли бы мало по малу воскрешать далекое неизвестное прошлое дорогого отечества...»* [3]. Как, спустя 25 лет, отмечали сами члены ИМАО, не все из этих 14 учредителей *«были учеными по призванию или занятиям, но все они были проникнуты любовью к родине, к её далекому минувшему и её вековым радостям и горю и надеялись своим примером побудить и других к служению общему полезному делу»* [3]. День 17 февраля стал считаться днём основания общества. Официальный же

статус оно получило 19 сентября 1864 г., когда был утверждён его Устав (новая редакция вступила в силу 19 февраля 1877 г. [4]). В этот промежуток времени с февраля и до осени 1864 г., ещё не будучи оформлено юридически, общество уже активно работало, что отмечено в документах: *«...Члены-основатели его для предварительных учёных совещаний положили собираться два раза в месяц в квартире графа А. С. Уварова. В должность временного председателя был избран граф А. С. Уваров, а в должность временного секретаря — К. К. Гёрг. Всех заседаний с февраля 1864 г. по апрель включительно было пять...»* [5].

Первое же официальное заседание общества (оно было по форме «экстраординарным») после утверждения Устава состоялось 4 октября 1864 г., на нём прошли выборы первых действительных членов: лингвиста, фольклориста, историка литературы Ф. И. Буслаева, историков М. П. Погодина, С. М. Соловьёва, Д. И. Иловайского, историка и археолога И. Е. Забелина, слависта, этнографа и археографа А. А. Котляревского, историка, археографа, филолога О. М. Бодянского, литературоведа и фольклориста А. Н. Афанасьева, церковного археолога преосвященного Саввы, епископа Можайского. Членом-корреспондентом был избран палеограф и археограф архимандрит Амфилохий. На втором экстраординарном заседании 27 октября 1864 г. прошли выборы руководящих должностных лиц общества: председателя — А. С. Уваров (эту должность он исполнял пожизненно), секретаря — известный археолог и нумизмат К. К. Гёрг, членов редакционного комитета (с 1865 г. начался выпуск «Древностей» — трудов общества, основного периодического издания; позднее наряду с ними выходил целый ряд и других изданий) и др. Наконец, 3 ноября 1864 г. состоялось первое обыкновенное заседание (по общему счёту оно было третьим), где А. С. Уваров выступил с программной речью «О деятельности, предстоящей Московскому археологическому обществу» [6, с. I—VI], обозначив все основные направления и формы этой «предстоящей деятельности» и те основополагающие цели, которых следовало достичь. Ставя во главу угла двуединую цель — развитие науки об отечественных древностях и создание условий для сохранения этих древностей («один из самых жизненных вопросов русской археологии — безопасное сохранение самых памятников» [6, с. IV]), А. С. Уваров определял археологию как науку комплексную: *«...со своими разнообразными отделами она представляет всеобъемлющую наукою, охватывающую целый быт народа. Для такой науки необходимы*

группные усилия целого Общества, которое тогда может быть довольно своими трудами, когда разовьет и распространит истинную любовь к русским древностям...» [6, с. VI]. А стимулом для развития археологической науки А. С. Уваров называл «чувство народности», то есть интерес к национальным древностям, пробуждение которого началось в Европе в XIX в. [6, с. II], и которое «поможет теперь и нам уничтожить равнодушие к отечественным древностям и научит нас дорожить родными памятниками. Тогда мы будем уметь ценить всякий остаток русской старины, всякое здание, воздвигнутое нашими предками; тогда подумают и о сохранении, о защите их от всякого разрушения» [6, с. IV].

В этой же речи председатель намечал и главные формы научно-организационной работы: публичность заседаний для более быстрого распространения археологических знаний в русском обществе и развития интереса к археологии как таковой и непосредственно к изучаемым ею древностям, издание научного журнала, составление археологической карты России, куда следовало заносить все известные и вновь открытые памятники древности, наконец, проведение национальных археологических съездов, в которых А. С. Уваров видел меру «...самую действительную и коренную для уничтожения равнодушия к русским древностям и для возбуждения общего, живого участия к русской археологии» [6, с. V].

Вот, пожалуй, самые основные положения, которые могут послужить для понимания направлений деятельности ИМАО и для оценки её масштабов, определённых председателем на первом же официальном рабочем («обыкновенном») заседании Общества.

ИМАО просуществовало без малого 60 лет, пережив и революционные потрясения 1917 г., и первые послереволюционные годы — оно было ликвидировано советской властью в июне 1923 г. Его создатель и первый председатель А. С. Уваров руководил своим детищем 20 лет, после его кончины в самом конце 1884 г. понёсшее эту тяжелейшую утрату Общество пришло к единодушному мнению, что преемницей графа на посту председателя должна стать его супруга и верная сподвижница, как писали в эти дни московские газеты, «его неутомимая и способная сотрудница» [7] графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожд. княжна Щербатова; 1840—1924).

Она была избрана на этот пост 30 апреля 1885 г. и, благодаря за оказанную ей честь, «...обещала быть Обществу "послужилицей"...

П. С. Уварова. 1910 г. (Искры. 1910. № 15).

и придерживаться направления, данного Обществу мужем» [8, с. 132]. Это обещание П. С. Уварова — выдающаяся женщина-учёный, общественный деятель и организатор науки, не просто выполнила, не просто сохранила само общество и главные направления его деятельности, но в течение 32 лет (!) своего председательства (до отъезда в эмиграцию в конце 1917 г.) привнесла в эту деятельность чрезвычайно много, расширила её и углубила. После отъезда П. С. Уваровой председателем общества стал его давний действительный член, товарищ председателя, известный учёный, антрополог, географ, археолог, академик Д. Н. Анучин (возглавлял также Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии) — его председательство пришлось на революционные и первые послереволюционные годы и продолжалось недолго. Он скончался в начале июня 1923 г. В. Ф. Козловым было высказано предположение, что, возможно, председательство маститого учёного, чьё имя и заслуги были признаны советской властью, продлило жизнь Общества до начала 1920-х гг. — решение о его ликвидации было принято менее чем через три недели после кончины Д. Н. Анучина.

Отметим, что с самого начала ИМАО пользовалось поддержкой и покровительством императорской семьи, и покровительство это

было отнюдь не формальным. 18 августа 1865 г. на ходатайство А. С. Уварова о Высочайшем покровительстве был получен положительный ответ: *«Их Высочества, Великий Князь Наследник Цесаревич Александр Александрович и Великий Князь Владимир Александрович, сознавая пользу изучения отечественных древностей, с Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, изъявили согласие: Государь Наследник Цесаревич — на принятие Московского археологического общества под свое покровительство, а Великий Князь Владимир Александрович — на принятие звания Почетного члена того же Общества»* [9]. Почётными членами ИМАО были и другие представители Дома Романовых, в том числе великий князь Сергей Александрович, бывавший на заседаниях общества, поддерживавший многие его начинания. Общество неоднократно получало финансовую поддержку — и постоянную субсидию, и единовременные суммы. По решению императора Александра II в 1868 г. оно обрело собственный дом — в его вечное пользование были переданы старинные московские палаты, замечательный архитектурный памятник, о чём скажем ниже. Мы уже писали, что слов «краеведение», «краеведческий» в документах ИМАО мы не встретим, однако для изучения местной истории, культуры, традиций, наследия обществом было сделано чрезвычайно много, собственно, по существу вся работа его членов и была на это направлена. Более того, они именно в этом смысле свою деятельность и понимали — процитируем строки из письма 1886 г. представителя Владимирской земли, исследователя из Мстеры, «самоучки — простого крестьянина», как он сам себя называл, действительного члена ИМАО Ивана Александровича Голышева, адресованного товарищу председателя ИМАО В. Е. Румянцеву: *«...Ваше внимание сообщит душе моей благоговейный трепет и возбудит меня животворными силами на служение и рвение благовому делу родоисследования...»* [10].

Как уже говорилось, велика роль ИМАО в объединении местных научно-культурных сил — в членских списках мы найдем множество известных и менее известных имён тех, кто закладывал основы местного краеведения. Назовём хотя бы некоторые из них, и будет понятно, насколько даже этот выборочный перечень представителен: Н. К. Богушевский и К. Г. Евлентьев (Псков), К. Н. Тихонравов (Владимир), Н. Г. Добрынкин и Ф. Г. Зварыкин (Муром), А. С. Гацисский, П. И. Мельников-Печерский (Н. Новгород), А. К. Жизневский (Тверь), А. А. Титов и И. А. Шляков (Ростов Великий),

Р. Г. Игнатьев (Оренбург, Уфа), Г. Н. Потанин и Д. А. Клеменц (Томск), Н. М. Ядринцев (Иркутск), И. Я. Слоцов (Тюмень) П. О. Бурачков (Херсон), В. И. Лествицын (Ярославль), А. М. Сементовский-Курилло (Полоцк), А. Л. Бертье-Делагард (Севастополь), Н. Н. Мурзакевич (Одесса), Н. М. Мартыанов (Минусинск), А. Н. Минх (Саратовская губ.), А. А. Спицын (Вятка), архимандрит Леонид (Троице-Сергиева Лавра), Л. Н. Майков, П. И. Савваитов (Санкт-Петербург), Е. Д. Фелицын (Екатеринодар) и многие-многие др. Отметим, что участие этих людей в работе ИМАО отнюдь не было номинальным, хотя многие из них имели членство и в других известных центральных и местных научных обществах: Русском географическом обществе, Обществе любителей естествознания антропологии и этнографии, Обществе истории и древностей российских, Одесском обществе истории и древностей и др.

Велик был и территориальный охват деятельности ИМАО: так к последнему десятилетию XIX в., помимо столиц — Москвы и Санкт-Петербурга, действительные члены и члены-корреспонденты общества представляли 53 города и ряд более мелких поселений: Варшаву, Верный (Алма-Ата), Ветлугу, Вильно (Вильнюс), Витебск, Владикавказ, Воронеж, Выборг, Вятку (Киров), Глазов, Грозный, Дерпт (Тарту), Екатеринодар (Краснодар), Екатеринослав (Днепропетровск), Елизаветград (Кировоград), Иркутск, Казань, Киев, Кострому, Кременец, Кутаис, Минусинск, Мстеру, Муром, Нижний Новгород, Новгород, Новый Буг, Одессу, Орёл, Пензу, Переславль-Залесский, Пишпек (Бишкек), Полоцк, Псков, Ростов Великий, Рязань, Саратов, Севастополь, Симферополь, Смоленск, Сухум, Тамбов, Тверь, Тифлис, Томск, Тулу, Тюмень, Уфу, Херсон, Чернигов, Ярославль и др.

Много было сделано не только для практического изучения края, но и для развития краеведческой методики. Уже с первых лет, если не дней работы Общества, помимо исследования памятников древности (собственно археологических), в орбиту его внимания попали проблемы, которые сегодня изучаются в рамках церковного краеведения, городоведения, некрополеведения, усадебоведения и т. д. Огромная работа была проделана Обществом для собирания эпиграфических памятников (древних надписей на камнях, надгробных памятниках, церковных стенах и т. д.). Члены Общества занимались изучением церковной архитектуры и церковных древностей, древних икон по разным епархиям, составлением списков приходских церквей. Одновременно разрабатывалась

и методическая база таких церковно-краеведческих исследований.

Наряду с церковной архитектурой интерес ИМАО вызывали и гражданские памятники, велась работа по составлению «Указателя архитектурных памятников московского периода», особое внимание уделялось памятникам крепостного зодчества.

В поле зрения руководства и членов Общества попадало и усадебное наследие русской провинции.

В трудах членов ИМАО, в выступлениях на Археологических съездах присутствовали вопросы, связанные с исследованием местной исторической топографии, поднимались проблемы происхождения и эволюции местных топонимов, изучения особенностей местного быта и уклада и т. д.

Постоянно привлекал внимание исторический некрополь (конечно, преимущественно в археологическом плане, но не только).

Особо следует отметить работу по составлению археологических карт местностей (с указанием древностей). Это был уникальный проект, который должен был привести в известность весь комплекс древних памятников края. Вопрос об археологических картах был включён в научную программу Первого археологического съезда, состоявшегося в Москве в 1869 г. — «Составление археологических карт, чертежей и т. п., между прочим, такой карты, на которой были бы обозначены лишь места битв, с указанием, когда и с кем они происходили, а также раскопок, если такие были произведены» [11, с. XV]. Во 2-м томе «Древностей» (1870 г.) была

напечатана «Археологическая карта Таманского полуострова» [12].

Среди архивных документов ИМАО сохранился «Билет члена Шестого археологического съезда в Одессе» (1884 г.), на развороте которого напечатана карта «Древних поселений на юге России» [13]. Проблемам методики составления археологических карт посвящён целый ряд научных статей в «Древностях» в разные годы, этот вопрос не раз поднимался на заседаниях общества. 5 декабря 1874 г. было принято решение создать специальную временную комиссию для разработки системы знаков археологических карт, в неё вошли А. С. Уваров, К. К. Гёрг и И. Е. Забелин [14]. Одним из активных сотрудников ИМАО, уделявших большое внимание этому предмету, был известный археолог, собиратель, нумизмат, почётный член Одесского общества истории и древностей из Херсона П. О. Бурачков. Д. Н. Анучиным в 1884 г. была подготовлена специальная брошюра «К вопросу о составлении легенды для археологической карты России», а на места разослали специальный вопросник относительно археологических находок с просьбой «...помочь Обществу в предпринятом им деле приведения в известность находящихся в России памятников древности» [2, с. 49].

Археологическая карта Таманского полуострова (ДТМАО. Т. 2. М., 1870)

Медаль «В память первого русского археологического съезда в Москве 1869 г.»

О широте интересов ИМАО в отношении разного рода памятников можно судить и по протоколам заседаний, и по многочисленным научным публикациям его членов в «Древностях» и других изданиях.

Вполне показателен в этом плане тот же Первый археологический съезд — на рассмотрение его участниками были вынесены вопросы, касающиеся многих памятников, о которых мы уже упоминали выше, в перечне предварительных вопросов (тем) к съезду обозначены, например, «Необходимость составления сборника всех русских надписей, находящихся на зданиях, надгробных камнях, плитах, крестах, евангелиях,

сосудах, чашах, покрывах и пр., с приложением фотографических снимков с главнейших памятников» [11, с. XX] или «Архитектура древних наших церквей» [11, с. XXII]. В одном из основных докладов, сделанном на съезде известным русским историком, действительным членом общества М. П. Погодиным, в связи с обсуждением основополагающей для ИМАО проблемы сохранения древних памятников было особо указано, *«что должно разуместь под предметами археологии, под древними памятниками»*. Горькую иронию можно уловить в словах Погодина о том, что *«У нас до сих пор, в большинстве, памятником считается только... Пожарский с Мининым на Красной площади и конная статуя Петра Великого против Сената в Петербурге. Наобно растолковать, что узкое окошко в церковной стене, та или другая линия в резных или лепных украшениях, такая-то дверь, лоскуток заскорузлой кожи, знак, вырезанный на камне, глиняная вещь или медный крестик, образок со стертыми надписями, старый кирпич — также памятники, в некоторых случаях гораздо более драгоценные, нежели золотое монисто или серебряное ожерелье»* [15, с. 36]. В качестве местных памятников, нуждающихся в первоочередном изучении, он называл курганы, *«всякого рода насыпи, валы, дороги»* [15, с. 37], деревянные церкви, стенопись, фрески, памятники фортификации, библиотеки и собрания. По этим, намеченным ещё в первые годы существования Общества, направлениям и вели его члены работу в течение более чем полувека, содействуя как выявлению и изучению самих памятников, так и исследованию истории и культуры тех местностей, где эти памятники находились.

Несомненной заслугой ИМАО является его вклад в создание и развитие местных музеев, в поддержание инициатив по их учреждению, как сказано в юбилейном издании — «Исторической записке о деятельности Императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования», посвящённой памяти А. С. Уварова (1890 г.), *«Забываясь о сохранении местных древностей, Москов. Археол. Общество, неоднократно поднимало вопрос о важности учреждения провинциальных музеев и об установлении для них известных правил»* [2, с. 49]. И вопрос этот — *«важность учреждения провинциальных археологических музеев»* — был обозначен в концепции деятельности общества с самого начала, он был включён и в научную программу Первого археологического съезда [11, с. XV]. А в упомянутом нами выше докладе съезду М. П. Погодин

говорил о том, насколько необходимо, *«чтобы во всех исторических городах прочтены были, хотя при гимназиях, публичные лекции по археологии и были составлены малые музеи из местных древностей и вещей, находимых в пределах края»* [15, с. 36]. Специально внимание проблеме местных музеев было уделено в докладе председателя ИМАО П. С. Уваровой «Областные музеи», сделанном ею на Седьмом Археологическом съезде в Ярославле [16; 17]. В повестку дня VII съезда вопрос о музеях провинциальных городов был внесён по инициативе действительного члена общества А. К. Жизневского (Тверь). Доклад Прасковьи Сергеевны стал серьёзной вехой в разработке ИМАО проблем местных музеев, она не только предложила учёному сообществу подготовленный ею развернутый перечень существующих музеев с краткой характеристикой их коллекций, классифицировав их по 10 группам (*«коллекции университетские, собрания Учёных Обществ, коллекции, устраиваемые при реальных училищах, гимназиях и пр., древнехранилища, собрания архивных комиссий, музеи, зависящие от разных Учёных Обществ, губернские правительственные музеи, музеи статистических комитетов, частные собрания и губернские областные и земские музеи»* [16, с. 259]), но и поставила вопросы методического характера, обозначила важнейшие, с её точки зрения, основания и условия для существования и развития этих музеев, для сохранения их коллекций. К докладу были присовокуплены «Проект положения для губернских и областных музеев», описи коллекций различных музеев и перечни частных собраний по губерниям. В «Проекте Положения...» была сформулирована точка зрения ИМАО на местные музеи как научные и просветительные центры края и, между прочим, упоминалось о необходимости формирования и местных (по существу краеведческих) библиотечных собраний: *«Музей должен сделаться ученым центром для окружающей его местности и должен быть признан таковым местною администрацией. С этою целью он обязательно должен составить археологическую карту заведываемой им местности с нанесением на нее всех произведенных в ней систематических или случайных раскопок; должен также стараться иметь библиотеку, касающуюся до заведываемой им местности»* [16, с. 283].

Добавим к этому, что ИМАО имело непосредственное отношение к созданию и развитию музея в Твери, активно поддерживало его главного устроителя, А. К. Жизневского, финансировало публикацию составленного им

«Описания Тверского музея» [18]. Обществом за свой счёт было издано описание Тульского древлехранилища, автором которого был другой его действительный член — Н. И. Троицкий. Участвовало ИМАО в судьбе Минусинского музея, созданного членом-корреспондентом общества Н. М. Мартяновым.

Если тема местных музеев была одной из многих важных составляющих деятельности ИМАО, то уже многократно упомянутые нами выше Археологические съезды были его заглавным делом, и в свете интересующей нас темы скажем о них чуть подробнее. Этот проект Общества может и должен рассматриваться не только с точки зрения той величайшей пользы, какую он принёс развитию отечественной археологии как таковой — колоссальное значение этой работы признаётся и специалистами сегодня, оценивали это значение и современники, и сами руководители и члены общества, участники съездов. Однако с главным предназначением съездов как научно-организационного мероприятия, призванного, по мысли графа Уварова, развить и вывести на новый уровень отечественную археологию, объединить учёные силы центра и провинции для изучения и сохранения отечественных древностей, связана деятельность, которую сегодня с полным правом можно охарактеризовать как краеведческую по своему характеру и содержанию. С самого начала главный инициатор и вдохновитель идеи проведения съездов граф А. С. Уваров [19] видел в них инструмент для объединения всех пока ещё разрозненных наличных сил, действующих на почве изучения отечественных древностей, в масштабах страны. Выступая 12 октября 1865 г. на заседании Общества и продолжая свою мысль, высказанную год назад в речи на первом заседании, в ноябре 1864 г., Алексей Сергеевич указал на необходимость *«съезда всех наших археологических обществ для успеха отечественной археологии... всем этим обществам надо дружно соединиться, чтобы в одинаковом направлении и с одною целью исследовать отечественные древности — в тех местностях, где сосредотачиваются их занятия...»* [20]. Обратим внимание на, выражаясь современным языком, региональный, местный акцент, сделанный А. С. Уваровым. В юбилейной «Исторической записке...» как раз подчеркнут этот акцент и указывается, что одной из главных целей устройства съездов было намерение *«вызвать, по возможности, более тесное общение между учеными силами и тем самым способствовать успехам русской археологии и возбуждению интереса к ней*

в различных районах России, не исключая самых дальних ее окраин» [2, с. 2].

Было проведено 15 Археологических съездов (подготовили и 16-й съезд, но его проведению помешала начавшаяся Первая мировая война), и все они прошли в разных городах Российской империи: уже упомянутый Первый съезд — в 1869 г. в Москве, Второй — в 1871 г. в Петербурге, Третий — в 1874 г. в Киеве, Четвёртый — в 1877 г. в Казани, Пятый — в 1881 г. в Тифлисе, Шестой — в 1884 г. в Одессе, Седьмой, также упоминавшийся — в 1887 г. в Ярославле, Восьмой — в 1890 г. снова в Москве, Девятый — в 1893 г. в Вильно, Десятый — в 1896 г. в Риге, Одиннадцатый — в 1899 г. снова в Киеве, Двенадцатый — в 1902 г. в Харькове, Тринадцатый — в 1905 г. в Екатеринославе, Четырнадцатый — в 1908 г. в Чернигове, Пятнадцатый — в 1911 г. в Новгороде. Последний, несостоявшийся, съезд должен был пройти в 1914 г. в Пскове. Только 3 съезда были связаны со столицами — Москвой и Санкт-Петербургом, местом проведения остальных были провинциальные центры юга России, Поволжья, Кавказа, центральных, западных, северо-западных губерний. И каждый раз, определив место проведения очередного съезда и начиная подготовку к нему, общество проводило целенаправленную работу по установлению контактов с местными деятелями (они включались в состав предварительных комитетов), начиналась разработка членами ИМАО вопросов археологии, истории данной местности, изучались местные труды, публиковались новые материалы, нередко стимулировались новые исследования, выявлялись сведения о местных собраниях, коллекциях, ИМАО по возможности старалось оказывать поддержку инициативе по созданию местных музеев. Вспоминая, например, о подготовке съезда в Харькове, и отмечая исключительно благожелательное и конструктивное отношение к этому делу местного научного (университетского) сообщества и общественного и городского управления, П. С. Уварова писала, что это *«дало возможность Предварительному комитету не только обследовать Харьковскую губернию, но и предпринять систематическое обследование Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской губ. и даже части Области войска Донского и северной части Таврической губ.»*, далее она перечисляет основные направления, по которым была развёрнута предварительная научно-исследовательская работа: история Харькова; раскопки; древние памятники, храмы, монастыри; войсковые, дворянские и церковные архивы; старый казацкий

эпос, исторические легенды и местные предания; обследование местностей, «где сохранились старики-кобзари» [8, с. 179]. Иную краеведческую направленность имели трёхлетние подготовительные работы по созыву Шестнадцатого Археологического съезда в древнем Пскове (так и не состоявшегося, поскольку за три дня до его открытия Россия вступила в Первую мировую войну) — в своих воспоминаниях П. С. Уварова отмечает, что «Большая заслуга местного дворянства и Предварительного комитета состоит в том, что они объявили "заветными" [заповедными — А. С.] усадьбы нашего поэта А. С. Пушкина: Михайловское, Тригорное [Тригорское — А. С.], Голубово, домик няни поэта Арины Родионовны, — которые ими описаны, находятся под строгим контролем и сообщение с которыми из Пскова облегчено для всякого желающего. Собраны также сведения об остальных замечательных усадьбах губернии: Дондукова-Корсакова имение Полонное в Порховском уезде с богатейшим музеем, имение графа Строганова, имение Корытово с домом, построенным Растрелли, и др.» [8, с. 190].

Итоги подобной предварительной научной работы выносились на обсуждение съезда, что позволяло обнародовать, ввести в научный оборот целый пласт самых различных научных исследований по истории, культуре, памятникам края. Вошло в традицию приурочивать к съездам археологические выставки, проводить археологические экскурсии для знакомства с местными памятниками, что также очень важно в рамках интересующей нас темы.

Говоря об организационных усилиях ИМАО по объединению местного научного сообщества, особо упомянем Ярославский съезд, первый, состоявшийся уже в председательство графини П. С. Уваровой. Высказывая свои соображения по итогам этого съезда в «Кратком отчёте...», Прасковья Сергеевна отметила, что «Ни один из Съездов не привлекал так много ученых сил из провинции, как Ярославский; это явление можно объяснить, во-первых, сношениями, заведенными Московским Археологическим Обществом, старанием его войти в более тесное общение с статистическими комитетами и с теми отдельными рабочими силами, которые встречаются в наших губернских и даже уездных городах; во-вторых, тем движением, которое дано за последнее время археологии, тому интересу к родной старине, который, возрастая с каждым годом, проявляется в открытии провинциальных музеев, церковных древлехранилищ и губернских архивных комиссий. Этот новый толчок, данный провинции, этот

наплыв новых сил на Съездах представляет весьма утешительное явление...» [21].

В созданных уже в эмиграции воспоминаниях, подводя итоги и оценивая значение Археологических съездов, Прасковья Сергеевна писала, что они «преследовали чисто научные цели и, раздвигая пределы, считавшиеся гранью между столицей и остальной Россией, призывали к работе всех любящих свою родину и дорожащих историей и памятниками, завещанными нам предками» [8, с. 191].

Мы уже писали, что создавая Общество, А. С. Уваров видел перед ним двуединую задачу: развитие науки об отечественных древностях и сохранение этих древностей от исчезновения или уничтожения. Более того, учёный-археолог во главу угла ставил именно задачу сохранения памятников, а в развитии археологии и распространении археологического знания видел главный инструмент для решения этой задачи: «Хорошее понимание и разумная оценка остатков старины лучше всего обеспечат их целостность; но для этого надо, чтобы наука о древностях, которая доселе была достоянием только некоторых лиц, сделалась достоянием всех образованных людей. Достигнуть этой цели можно только преподаванием русской археологии, которая сама уже приучит уважать и хранить отечественные памятники. Став наряду с другими науками, русская археология приведет в известность все наши памятники, установит правильные приемы к открытию и исследованию их, составит им список с историко-топографическими описаниями, и тогда, благодаря такому содействию науки, наши памятники старины, спасенные от забвения, будут также спасены и от разрушения» [11, с. XXX].

Поэтому и практическая, и методическая работа по обеспечению охраны памятников велась ИМАО с самого начала, и объём её был поистине колоссален — не случайно именно эта сторона деятельности общества многократно привлекала внимание современных исследователей. Мы же в рамках нашей тематики, подчеркнём, что в современном понимании краеведение, краеведческая деятельность выполняют три неразрывно связанных задачи: С. О. Шмидт определял их как «просветительскую, научную и памятникоохранительную» [22]. По мере расширения направлений деятельности ИМАО образовывало в своей структуре тематические комиссии (Археографическую, Славянскую, Восточную и др.), показателен тот факт, что первой возникла Комиссия по сохранению древних памятников, её деятельность можно проследить

по документам Общества (в том числе по протоколам заседаний) уже с начала 1870-х гг., хотя специального организационного оформления она ещё не имела. Один из исследователей истории ИМАО — А. И. Фролов, указывает, что своё начало Комиссия ведёт с 1870 г. [23]. На этот же год, как точку отсчёта указывало и само Общество [2, с. 43] — 8 мая 1870 г. на заседании было озвучено письмо московского городского головы с просьбой дать оценку проекту нового здания Московской городской думы [24]. В 1871 г. ИМАО по просьбе обер-прокурора Св. Синода обсуждало проект реставрации палат бывшего Государева Печатного Двора в Китай-городе на Никольской [2, с. 54], а с 1873 г. было приглашено «для учёного наблюдения» за реставрацией этого древнего памятника [25] (это один из важнейших реставрационных проектов, осуществлённых при участии Общества, члены Общества внесли значительный вклад в изучение истории зданий Печатного двора), тогда же экспертного мнения ИМАО запрашивала Дворцовая контора в связи с «возобновлением древней части Потешного дворца» в Кремле [26], в 1877 г. общество получило обращение из Владимира по поводу «опасности, угрожающей от переделки замечательному памятнику древнерусской

церковной архитектуры XII века — Покровскому собору близ Боголюбова» [27], в том же году члены общества занимались вопросом о предполагаемой перестройке московской церкви Григория Богослова на Б. Дмитровке [28] — примеры можно продолжать. В 1880-е гг. объём работы в этом направлении только увеличивался, вопросы эти уже регулярно рассматривались на заседаниях Общества — крупными проектами были реставрации стенописи Успенского собора Московского Кремля, Белой палаты Ростовского кремля (с этой реставрацией был связан и вопрос создания здесь археологического музея), московского собора Василия Блаженного, Успенского собора во Владимире, спасение от разрушения и реставрация крепостных стен Коломны, сохранение в Москве стен Китай-города и многое др. В 1887 г. ИМАО по инициативе графини Уваровой выступило в защиту древних памятников Херсонеса в Крыму, направив соответствующее прошение на Высочайшее Имя, и добилось желаемого: они были переданы под археологический надзор, запрещалась всякая хозяйственная деятельность в отношении античного ансамбля, казна выделила средства на его поддержание [2, с. 46]. В 1890 г. Комиссия по сохранению древних памятников была

Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневке — Дом МАО (Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890)

серьёзно реорганизована, её, уже ставшая к этому времени автономной (в структуре ИМАО), деятельность получила прочное организационное оформление. К 50-летию юбилею Общества в 1914 г. этой комиссией было рассмотрено 4186 дел [29] (!). Изучение материалов по истории памятников, их осмотры, описания, фиксация (рисунки, фотографии) — всё это, безусловно, следует рассматривать как неоценимый вклад непосредственно в развитие краеведения.

В этом же контексте чуть подробнее остановимся ещё на одном сюжете из истории памятникоохранительной и реставрационной работы ИМАО. Речь идет о собственном доме Общества — средневековых палатах думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной Москвы-реки, вблизи Кремля на противоположном от него берегу.

История этого уникального московского памятника и история пребывания в нём ИМАО достаточно подробно описаны в книге В. Ф. Козлова и А. Г. Смирновой «Жемчужина Замоскворечья. Усадьба Аверкия Кириллова на Берсеневке в истории и культуре Москвы и России» (М., 2020). Мы лишь отметим, какую роль этот дом сыграл для ИМАО, и какую роль само ИМАО сыграло в судьбе дома. Спустя лишь 2 года после организации Общества, в 1866 г. 22 февраля, на заседании один из замечательных деятелей ИМАО, его действительный член (позднее товарищ председателя) архивист Н. В. Калачов доложил о древнем доме на берегу Москвы-реки, принадлежавшем казне (с начала XIX в. за ним укрепилось прозвище «Курьерский дом», поскольку там жили курьеры располагавшихся в Кремле московских департаментов Сената), «сохранившем много остатков архитектуры XVII века», «весьма замечательных для археолога» и находившемся в плачевном состоянии, в связи с чем предполагалась его перестройка [30].

Была составлена комиссия для осмотра памятника во главе с графом А. С. Уваровым. Калачов начал работу по изучению древних палат, собрал архивные документы — результатом этих первых шагов стала его статья «Курьерский дом, ныне принадлежащий Министерству внутренних дел в Москве», прочитанная на заседании 12 января 1867 г. [31]. Затем было ходатайство к высшей власти об этом здании, а результатом всех этих усилий явился Высочайший указ императора Александра II от 28 ноября 1868 г. о передаче дома в собственность обществу [32]. Сами члены ИМАО подчёркивали принципиальное значение этого события для развития своей деятельности и именно

в направлении изучения и сохранения памятников, указывая, что стимулом к этому послужили слова Государя из текста Указа: «...*Московское археологическое общество, приняв дом этот, жалуемый нами для общественной пользы, обязано заботиться о сохранении характера и архитектуры сего здания, составляющего замечательный памятник зодчества XVI столетия...*». В «Исторической записке...» в связи с историей обретения обществом собственного дома в 1868 г. прямо говорится, что эти монаршие слова были восприняты как доказательство желания о сохранении без искажений вообще всех древних памятников, и что «с этих пор, в виду высказанного Его Величеством желания, а также и все чаще повторяющихся запросов со стороны Правительства, городов и местных управлений Моск. Арх. Общество увидело себя вынужденным расширить рамки своей деятельности и, продолжая прилагать общие старания к сохранению древностей, выделило из себя особую "Комиссию сохранения древних памятников"..."» [2, с. 43]. Таким образом, старинное московское здание (оно существует и ныне, в нём располагаются подразделения Института Наследия, в определённом смысле являющегося последователем и преемником ИМАО) послужило дополнительным, мощным стимулом для развития памятникоохранительной работы ИМАО. Оно же стало предметом первой серьёзной, научной по своему характеру реставрации, которую осуществило общество (ИМАО переехало в свой дом и провело в нём первое торжественное заседание 3 октября 1871 г., реставрационные работы продолжались и в дальнейшем), и предметом изучения членами общества — историей Дома МАО, выявлением и исследованием связанных с ним архивных документов занимались, помимо Н. В. Калачова, действительные члены В. Е. Румянцев, Н. П. Розанов, С. С. Слуцкий, их статьи являются замечательным вкладом в изучение истории московских памятников, собственно, в москвоведение.

Говоря о краеведческой составляющей в деятельности Общества, необходимо упомянуть ещё одно направление — это мемориальная работа, связанная с увековечением памяти о знаменитых деятелях. И снова обратимся к докладу М. П. Погодина на I Археологическом съезде, где он озвучил, можно сказать, целую «мемориальную программу», выразив желание, «чтобы Москва украсилась, наконец, памятниками тем великим деятелям, которым она, а с нею и вся Россия, обязана своим существованием, своею силой и славою... Не стыдно ли нам, что Иоанн III, великий собиратель Русской земли, ничем

не увековечен в памяти народной? Его статуе место на площади, идущей к соборам от Спасских ворот. Да и Иоанн Калита, первый великий князь Московский, имеет право на благодарное воспоминание. Его статуе место на площади к Боровицким воротам, вблизи Спаса на Бору... За Кремлевскою стеною на возвышении Александровского сада сладко было бы увидеть группам отечества статую Карамзина, передавшего памяти деяния предков! На Воробьевых горах должна подняться статуя бессмертного священника Сильвестра, который оттуда пророческим перстом указывал буйному Иоанну Грозному на пылавшую Москву, и обратил его, хотя на короткое время, на путь истинный, был виновником и творцом десяти лет, лучших в русской истории. Диакону Ивану Федорову, первому типографщику, напечатавшему Апостол 1564 года, должен быть сооружен памятник где-нибудь около типографии, хотя бы в стене, обращенной к Театральной площади. Петру Великому с его первыми потешными солдатами, праотцами гвардии, должен быть воздвигнут памятник в Преображенском, а отцу его, царю Алексею Михайловичу, противоположный — в его любимых Сокольниках. Иностранцам Петра Великого: Лефарту, Гордону, Брюсу, Вейде, место в Немецкой слободе. На новом университетском дворе мы надеемся скоро увидеть Ломоносова, а на старом желательно было бы почтить Шувалова. Миллеру, Стриттеру..., Новикову, Н. Бантышу-Каменскому нужен памятник на дворе Архива Коллегии иностранных дел...», ещё целому ряду выдающихся деятелей, по мысли Погодина, должны были появиться памятники в Петербурге и его окрестностях, в Киеве [15, с. 42—43]. К слову заметим, что упрек Погодина («не стыдно ли нам...») в отношении Москвы не потерял своей актуальности и сегодня, ведь этих памятников, за исключением трёх, нет и поныне (да и то, один из трёх существующих — весьма неоднозначный в художественном смысле памятник Петру, поставлен вне всякой его связи с исторической топографией). Другим же из этих трёх памятников Москва обязана ИМАО. Уже в 1870 г. по инициативе А. С. Уварова было получено разрешение на открытие подписки на сооружение памятника Ивану Фёдорову (правда, изначально его установка планировалась не в Москве), а В. Е. Румянцев занялся изучением биографии русского первопечатника [33]. В последующие годы членами общества был собран и введён в научный оборот очень значительный пласт материала по истории русского книгопечатания, по истории московского Государева Печатного

Двора. В силу ряда обстоятельств памятник появился в Москве почти через 40 лет после первых шагов по его созданию и был уже результатом многих усилий ИМАО, предпринятых под руководством П. С. Уваровой — это произошло в сентябре 1909 г., воздвигнутый вблизи зданий бывшего Печатного Двора у Китайгородской стены памятник был подарен обществом городу Москве. Занималось ИМАО в начале XX в. проектом ещё одного памятника — герою Смутного времени патриарху Гермогену (это начинание воплотить не успели, памятник появился в Александровском саду лишь в наши дни). Всё это по существу было большой мемориальной москвоведческой работой.

Отметим ещё один очень интересный факт из истории москвоведческих инициатив ИМАО. Если, как мы писали, неформально организовавшаяся в 1870 г. в структуре общества Комиссия по сохранению древних памятников была первой, то вторым могло стать именно москвоведческое подразделение (а возможно, и первым, поскольку в отличие от структурно неоформленной тогда ещё Комиссии по сохранению древних памятников, речь шла о создании именно специального подразделения). На заседании 11 марта 1871 г. действительный член ИМАО барон Д. О. Шеппинг выступил с предложением «...открыть в своей среде по примеру других ученых обществ специальные отделения по разным отраслям археологической науки, и, в виде первого опыта составить особое отделение для исследования местности Москвы и ее окрестностей в археологическом отношении», то есть речь шла о создании московского отделения. В качестве первых трудов такого отделения Шеппинг предлагал составить библиографию Москвы, а затем «при несомненном сочувствии к этой мысли многих москвичей и при их посильных пожертвованиях можно было бы основать в доме Общества музеев древностей и библиотеку, специально относящиеся к Москве и ее уездам» [34]. Музей и библиотека ИМАО действительно были созданы и получили прописку в доме на Берсеневке, правда, они не были москвоведческими и носили общearchеологический характер. Предложение Д. О. Шеппинга тогда реализовано не было, но очень важен сам прецедент.

Воплотилась эта мысль, спустя почти 40 лет, когда наиболее полно именно москвоведческую в прямом смысле этого слова работу развернула последняя по времени создания комиссия ИМАО «По изучению Старой Москвы» (её ещё называли комиссия «Старая Москва») — она возникла в самом конце 1909 г. и была детищем П. С. Уваровой, которая и возглавила её.

Подробно история «Старой Москвы» и её деятельность изучены В. Ф. Козловым, результаты этих изысканий изложены в ряде его статей, а также в его книге «Общество "Старая Москва" и культурное наследие. 1909—1930 гг. Путеводитель по архивным материалам» (М., 2020). Мы же отметим, что эта комиссия имела характер краеведческого общества — по словам В. Ф. Козлова, *«...одного из самых крупных в истории отечественного краеведения и известных не только в Москве, но и в масштабах страны историко-краеведческих объединений...»* [35, с. 13]. Москововедческая программа Комиссии была чрезвычайно обширна: *«Ста-
вя... своею первою задачею изучение прошлого Москвы и ее ближайших пригородных местностей, т. е. соби-
рание материалов по ее топографии, истории и археологии, исследование ее роста и развития не только в отношении этих предметов, зодчеств и иконописи, но также и в отношении прикладных искусств, Комиссия по изучению Старой Москвы приняла на себя заботы о сохранении существующих памятников бытовой старины и о собирании таковых путем пожертвований для Музея Старой Москвы»* [36].

До ликвидации ИМАО (1923 г.) комиссия проработала тринадцать с половиной лет, из них — под председательством П. С. Уваровой чуть больше семи лет (последний раз Прасковья Сергеевна руководила заседанием в конце января 1917 г. [35, с. 139]). После закрытия ИМАО комиссия существовала как научная секция при Историческом музее, затем влилась как самостоятельное структурное подразделение в состав образованного в 1925 г. Общества изучения Московской губернии и работала в таковом качестве вплоть до её ликвидации в январе 1930 г. (вскоре было закрыто и само общество). Материал, изученный, а затем озвученный членами комиссии на заседаниях — опубликованный в двух дореволюционных сборниках «Старая Москва» (1912 и 1914 г. [37; 38]) и отложившийся в архивных фондах в ОПИ ГИМ и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, свидетельствует о колоссальной москововедческой научной, популяризаторской и памятникоохранительной работе «Старой Москвы» (последняя по понятным причинам приобрела размах и едва ли не приоритетное значение уже в советский период, особенно во второй половине 1920-х гг.). Очень важно то, что родившись в составе ИМАО в дореволюционный период, комиссия «Старая Москва», имея чисто краеведческую направленность своей работы, в 1920-е гг. органично оформилась

в краеведческое общество и стала одной из ярких страниц «золотого десятилетия» в истории отечественного краеведения, соединив, таким образом, в своём лице лучшие традиции краеведения дореволюционного и краеведения первого десятилетия советской власти.

Мы уже писали, что, находясь в Москве, ИМАО видело свою цель в объединении научных сил на поприще археологического изучения всей страны, оно изначально позиционировало себя как общероссийский научный центр, и, как свидетельствуют итоги без малого 60-летней деятельности, этих целей общество достигло. В первую очередь, Археологические съезды, а также и связи с местами через своих членов (действительных и членов-корреспондентов), сотрудничество с различными местными обществами и учреждениями, позволили ИМАО распространить свою деятельность на значительную часть территорий Российской империи, где Общество само через своих сотрудников вело исследовательскую деятельность (раскопки, участие в создании музеев, изучение, охрана, реставрация местных памятников и проч.) или стимулировало, поддерживало, нередко финансировало соответствующие работы местных учёных, энтузиастов, как сказано в «Исторической записке...», *«...Деятельность Общества не могла сконцентрироваться на одном каком-нибудь районе, так как различные открытия и находки, постепенно возникавшие вопросы и разные случайные обстоятельства заставляли переносить исследования в различные районы... Археологическая находка, сделанная при проведении какой-нибудь железной дороги, требовала иногда немедленного обследования местности и произведения более обстоятельной раскопки. Все такие и подобные им поводы и причины, в связи с сообщениями, присылавшимися из различных местностей России, вызвали мало по малу распространение деятельности Общества почти на всю Россию, хотя некоторые районы сосредоточили на себе эту деятельность в течение продолжительного времени, другие же, сравнительно на более короткое...»* [2, с. 30—31]. Большое значение имело наличие на той или иной территории отдельных исследователей или же круга лиц, энтузиастов, подвижников, интересующихся местной историей и памятниками, в которых общество могло встретить *«полнейшее к себе сочувствие и полную готовность работать даже без всякого за то вознаграждения, ради одной только цели изучения местного края»* (выделено нами. — А. С.) и по возможности издания его археологических богатств...» [2, с. 36—37] и которые впоследствии нередко вливались в ряды ИМАО.

Конечно, постоянным полем деятельности общества были Москва и Московская губерния, ряд центральных и черноземных губерний (в том числе Костромская, Ярославская, Тверская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Курская и др.), объектом внимания стали также территории Урала и Сибири (Уфимская, Оренбургская, Иркутская, Томская, Тобольская и другие губернии), некоторые территории Дальнего Востока, Поволжье (Симбирская, Саратовская, Казанская, Пермская губернии), южные губернии (Малороссии — Киевская, Полтавская и Черниговская), непосредственно Черноморское побережье, некоторые районы Крыма, Таманский полуостров, Кубанская область, Область войска Донского, ряд территорий Новороссии, западные и северо-западные районы (Могилёвская, Минская, Витебская, Новгородская и Псковская губернии), Кавказ.

Начало целенаправленному изучению Кавказа было положено в связи с подготовкой к Пятому Археологическому съезду (1881 г.), местом проведения которого был намечен Тифлис. Археологические раскопки на Кавказе (в Дагестане, Осетии и др.) А. С. Уваров начал проводить с 1879 г. и «своими неутомимыми усилиями дал сильнейший толчок к дальнейшему изучению края» [39]. Систематический характер и широкий размах эта работа получила уже в следующий период истории ИМАО — под председательством П. С. Уваровой, начиная со второй половины 1880-х гг., она стала главной вдохновительницей, организатором и непосредственным участником этой работы. Именно интересу общества к Кавказу в значительной степени обязана своим возникновением Восточная комиссия (1887 г.; к её компетенции было также отнесено изучение восточных территорий — Урала, Сибири, Дальнего Востока). Общество осуществляло работу по изучению Кавказа «тремя путями: а) учеными экспедициями, посылаемыми на Кавказ; б) привлечением местных жителей и в особенности местной интеллигенции к описанию памятников и собиранию древностей и в) обработкой и изданием собираемого материала» [2, с. 39]. По существу, ИМАО были заложены серьезные основы такого научного направления, как кавказоведение.

Завершая наш краткий обзор результатов краеведческой по характеру деятельности ИМАО по изучению разных местностей Российской империи и связанных с ними древних памятников, нельзя не обратить внимания и на то, что общество не просто содействовало становлению и развитию краеведения как научного направления, но и способствовало

зарождению общественного краеведческого движения. Феномен ИМАО, заключавшийся не только в масштабности, тематической широте и научной глубине тех работ, которые оно осуществляло и, соответственно, того научного наследия, которое оно наработало за 60 лет, но и в мощной организующей силе этого научно-общественного объединения — своей работой оно стимулировало местное сообщество к участию в изучении края и его памятников, целенаправленно инициировало включение местных сил в общероссийскую орбиту, собирало, поддерживало, направляло эти силы. В. Ф. Козлов в своих работах неоднократно указывал, что среди всех и государственных, и общественных научных организаций, существовавших в дореволюционный период и своей деятельностью способствовавших становлению и развитию краеведческого знания, именно ИМАО в наибольшей степени было прообразом общероссийского центра общественного краеведческого движения, собственно и зарождавшегося благодаря обществу ещё в дореволюционный период. В качестве наследников ИМАО в этом отношении, если не по форме, то по существу (а где-то и по форме), можно назвать и Центральное бюро краеведения (в 1920-е гг.), и Союз краеведов России (в 1990—2010-е гг.).

В заключение приведём замечательные по глубине слова П. С. Уваровой, сказанные ей в связи с проблемой местных музеев и в отношении молодого поколения, но, безусловно, имеющие гораздо более широкое смысловое наполнение и в целом выражающие то главное, целеполагающее содержание работы ИМАО, которое определяло все направления, формы и результаты его научно-культурной деятельности: «...необходимо для страны, скажу более — для счастья, здорового и правильного развития подрастающего поколения, чтобы оно росло в уважении к делам своих праотцев, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведениями русского искусства, проявлением духа и мощи родного края и его насельников» [16, с. 281]. Думается, что эти слова как нельзя более точно передают и главный концептуальный посыл отечественного историко-культурного краеведения, в становлении которого роль ИМАО весьма и весьма существенна, а оставленный нам обществом научно-практический, научно-методический и научно-организационный опыт является значимой частью «золотого фонда» в наследии отечественного краеведения и общественного краеведческого движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Козлов В. Ф. Наследие и опыт Московского археологического общества в деятельности Союза краеведов России (к 150-летию создания МАО) // Восьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Подольск, 16—17 мая 2014 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2016. С. 140.
2. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.
3. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества (ИМАО) с 17-го февраля 1888 г. по 17-е февраля 1889 г., прочитанный в годовичном заседании секретарём Общества В. К. Трутовским // Древности. Труды Московского археологического общества (ДТМАО). Т. 13. Вып. 2. М., 1890. С. 112.
4. Устав Императорского Московского археологического общества. М., 1904. 24 с.
5. Летописи Московского археологического общества. Извлечение из протоколов // ДТМАО. Т. 1. 1865—1867. С. 6.
6. Уваров А. С. О деятельности, предстоящей Московскому археологическому обществу : Вступительная речь председателя гр. А. С. Уварова // ДТМАО. Т. 1. М., 1865—1867.
7. К. Памяти графа А. С. Уварова // Московские ведомости. 1885. 2 янв. (№ 2).
8. Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
9. Протокол № 17 от 19 августа 1865 г. // ДТМАО. Т. 2. Вып. 1. М., 1869. С. 75.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 864. Л. 89 об.
11. Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869 / Под ред. гр. А. С. Уварова. Вып. 1. М., 1871.
12. Археологическая карта Таманского полуострова // ДТМАО. Т. 2. М., 1870.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 859. Л. 258 а.
14. Протокол № 99 от 5 декабря 1874 г. // ДТМАО. Т. 6. 1876. С. 23.
15. Порогин М. П. Судьбы археологии в России // Труды Первого археологического съезда ...
16. Уварова П. С. Областные музеи // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1891. С. 259—328.
17. Уварова П. С. Областные музеи. М., [1890]. 24 с.
18. Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А. С. Уварова. М., 1888. 242, XVIII с. В ДТМАО описание начали печатать с VII т. (1878 г.), заключительная часть напечатана в XII т. (1888 г.).
19. Сам А. С. Уваров, выступая на Первом съезде с отчетом о проделанной подготовительной работе, относительно происхождения идеи национальных археологических съездов выразил такую точку зрения: «...приписывают Московскому Археологическому Обществу первую мысль о Съезде и первые начатки по этом делу. Но есть мысли, на начало которых, мне кажется, невозможно указать, потому что они принадлежат не одному лицу, не одному кругу людей, а служат общим выражением потребности времени. К таким мыслям надо отнести и начало первого Археологического съезда» (Труды Первого археологического съезда... — С. XXX).
20. Протокол № 18 от 12 октября 1865 г. // ДТМАО. Т. 2. Вып. 1. М., 1869. С. 81.
21. Краткий отчёт о VII археологическом съезде в г. Ярославле графини П. С. Уваровой // ДТМАО. Т. 12. М., 1888. С. 156.
22. Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 6.
23. Фролов А. И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 78.
24. Протокол № 61 от 8 мая 1870 г. // ДТМАО. Т. 3. М., 1873. С. 294.
25. Протокол № 80 от 6 марта 1873 г. // ДТМАО. Т. 4. М., 1874. С. 28—29.
26. Протокол № 83 от 24 мая 1873 г. // Там же. С. 43.
27. Протокол № 130 от 11 апреля 1877 г. // Там же. Т. 7. М., 1878. С. 62.
28. Протокол № 134 от 3 октября 1877 г. // Там же. С. 16.
29. Бороздин И. Пятидесятилетие Императорского Московского археологического общества. М., 1915. С. 3.
30. Протокол № 24 от 22 февраля 1866 г. // ДТМАО. Т. 2. Вып. 2. М., 1869. С. 176.
31. Протокол № 34 от 12 января 1867 г. // Там же. С. 342.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. С. 436. № 46486.
33. Протокол № 59 от 26 апреля 1870 г. // ДТМАО. Т. 3. М., 1873. С. 259.
34. Протокол № 64 от 11 марта 1871 г. // ДТМАО. Т. 3. М., 1873. С. 305.

35. Козлов В. Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909—1930 гг. : Путеводитель по архивным материалам. М., 2020.
36. Старая Москва / Издание Комиссии по изучению Старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе. Вып. 1. М., 1912. С. 3.
37. Старая Москва / Издание Комиссии по изучению Старой Москвы

при Императорском Московском археологическом обществе. Вып. 1. М., 1912. 72 с.; Вып. 2 / Под ред. Н. Н. Соболева. М., 1914. 135 с.

38. Старая Москва. Вып. 1 и 2 : Сб. М., 1993. 224 с. (Факсимильное издание).
39. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / Под ред. гр. Уваровой. М., 1887. [Без пагинации].

С. Ф. ТОКАРЕНКО

ДОНСКИЕ НИЗОВЫЕ КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ

Памяти Александра Александровича Колесникова,
директора Раздорского этнографического музея (1991—2000 гг.).¹

История возникновения и формирования казачьих городков на Дону до сих пор волнует исследователей. Среди авторов в той или иной степени касавшихся рассматриваемого вопроса — П. П. Сахаров [1], А. П. Пронштейн [2], Н. А. Миненков [3], В. Н. Королёв [4], З. А. Витков [5].

Археолог З. А. Витков в своей работе «К вопросу о местоположении нижнедонских казачьих городков» наиболее углублённо охарактеризовал исследованные им в составе археологических экспедиций казачьи городки. С того времени прошло почти 70 лет и многое изменилось. Недавняя статья Н. С. Бойко, анонсированная автором как продолжение «публикации результатов археологических исследований казачьих городков Нижнего Дона» [6, с. 19], разочаровала: в ней не оказалось ничего нового, неизвестного со времени раскопок З. А. Виткова, но подвигла и меня обратиться к этой теме.

Мне много раз приходилось быть в тамошних местах и вести раскопки вместе с людьми, которые всерьёз занимались поисками Раздорского городка. В предлагаемой статье рассказывается о закономерностях возникновения казачьих городков, материалах сборов и раскопок, о новых версиях, появившихся за истекшие десятилетия, подтверждаемых историческими документами.

Аксайский остров

Первые казачьи городки на постоянной основе появляются на Нижнем Дону в XVI веке.

Сергей Фёдорович Токаренко, археолог, краевед, г. Семикаракорск. Сообщение на Чтениях (Таганрог, 20 сентября 2024 г.).

¹ В данной публикации использованы не систематизированные материалы из личного архива А. А. Колесникова, директора Раздорского этнографического музея (1991—2000 гг.)

Карта России 1609—1640-х гг.
и её увеличенная часть с казачьими городками.
Фото с сайта «Это место»

Рассматривая топографию Дона на старых и современных картах, анализируя документы XVI—XVII веков, невольно обращаешь внимание на два острова — Аксайский (в старину он назывался Казачий) и Поречный (бывший Раздорный, или Раздорский). На этих и более мелких островах и располагались низовые казачьи городки. Выделение Аксайского острова для демонстрации его особого значения в защите Юга России неслучайно. В конце XVI века на этом стратегически выгодном месте в непосредственной близости от Азова появились первые казачьи городки. В XVII веке они возглавили борьбу донского казачества с турецко-татарской агрессией.

Письменные источники XVI—XVII столетий, состоящие из дипломатической переписки русского царя с турками и татарами, царских грамот на Дон и казачьих в Посольский приказ, старых карт и планов позволяют проследить формирование казачьих городков.

Самое первое из известных упоминаний о казачьих городках, — в 1549 году. В 1550 г. ногайский князь Юсуф жалуется русскому царю: «...Холопи твои, нехто Сарыазман ... на Дону в трёх и четырёх местах города поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад стерегут да забирают, иных до смерти бьют» [7].

В отписке из Константинополя русского посла в Турции Григория Нащокина царю Фёдору Ивановичу от 20 февраля 1593 г. впервые появляются названия казачьих городков: «... А поставил де государь ваш новых четыре города близко Азова, на Манычи, да в Черкасской и в Раздорех, и из тех городков казаки приходя, Азову тесноту чинят» [8, с. 60].

В этом фрагменте впервые названы три казачьих городка. Главный — Раздорский — в устье Северского Донца (сейчас принято считать, что это устье Сухого Донца), а Черкасский и Манычский находились на Аксайском острове.

Одна из первых карт с указанием местоположения казачьих городков и их численности выполнена голландским купцом Исааком Мас-сё в 1612 г. Он прибыл в Россию в 1601-м и прожил здесь довольно продолжительное время (1601—1609, 1612—1634 гг.).

Аксайский остров площадью около 330 кв. км вытянулся на 50 км с запада на восток. Его западная часть располагалась на расстоянии 38 км от турецкого Азова, а восточная в 20 км от Раздорского городка, являвшегося в XVI — первой четверти XVII в. войсковым центром донских казаков.

Остров был изрезан во всех направлениях множеством рек, ериков, образующих малые

и большие острова. На его территории располагались озёра: Песчаное, Чаконоватое, Атаманское, Круглое, Балагурское, Малый Сундук, Круглик, Штанцы, Кругленькое, Рукавичкино, Греково, Горелкино, Стешкино, Налыгачево, Кутоватка, Головастое, Хомутец, Бугаёво, Кривое, Денисово, Поповское, Долгое, Кривчик, Прогнойцы, Таловое, Широкие Бакланцы. К числу относительно крупных озёр относились Монастырское, Харасеев Лиман и Большой Сундук. Среди обилия ериков острова можно встретить такие названия как Глухой, Орехов, Плаксиха, Васильев, Прорва, Казачий, Кривая Музга, Гнилой, Манацкий, Аксайский, Грачевник, Бакланцы, Матвеевский. Наиболее крупные ерики — Карач, Золотой, Чурнас, Васильев — расположены в центральной и восточной частях острова.

В середине XVII в. казаки так описывают свою низовую казачью республику на Аксайском острове: «А тот де остров от их Черкасского городка на низ по Дону версты с три, меж реки Дону и Окся; а в глину де того острова будет на 40 верст, вверх де по Дону. А тот Оксайский остров обшол их три городка: Черкасской, Маныч, Бесергенов, а поперег меж Окся и Дону на 5 верст. А Монастырской де яр по конец того Оксайского острова, от их Черкасского городка версты с три вниз по Дону. И те де место высоко, а се де тот яр стал меж их городков Черкасского и меж городка Богда, в том де месте мочно город поставить, и конского де корму на том острову много. Да на том же де острову... и рыбных де ловель много. А выше де и ниже того Монастырского яру города поставить негде, потому что место ниско и пашни завести ни мочно» [9, стб. 793].

Исходя из своеобразных условий местности и военной обстановки, низовые казаки выбирали для своих городков наиболее защищённые места в заболоченной пойме на островах Дона. Видимо эти исключительно защитные качества Аксайского острова, созданные самой природой, стали решающим фактором при выборе казаками мест для нескольких своих городков и послужили созданию передового форпоста южных границ России.

Появлению городков на Аксайском острове в непосредственной близости от турецкого Азова, несомненно, способствовала обстановка в Турции и в России. С одной стороны, занятость Порты в боевых действиях против Ирана и борьбы с восстаниями внутри самой Турции, а с другой стороны, активизировавшееся в России бегство на южные окраины.

Самым крайним, ближайшим к турецкому Азову был Монастырский городок.

Монастырский городок располагался в западной части Казачьего острова, с его северной стороны находилось Монастырское озеро. В архивных документах середины XVII в. сохранилось его описание: «...озеро в глину версты с полторы, а ширины с Москву-реку...» [9, стб. 793]. Рассматривая на картах топографию озера можно предположить, что прямой канал от озера к Монастырской протоке искусственного происхождения, и прорыт казаками для стоянки казачьего флота на озере.

Это предположение обосновывается и тем, что в основном русле Дона казаки старались не удерживать долго своих судов — «... от речной погоды суды волнами разобьет. А у нас место подморное, долго суды у берега не стоят» [9, стб. 54]. Монастырский городок в рассматриваемый период стал базой для флота казаков, совершавших морские походы в Турцию и Крым. Всегдашним камнем преткновения для казачьего флота был турецкий Азов и построенные в устьях Дона башни Каланчи. Эти турецкие крепости, вклинившиеся в границы России, стали своеобразным плацдармом для совместных походов турок и татар на российские города. Весной 1637 г. казаки со всех городков собрались в Монастырском, который стал опорным пунктом для борьбы с Азовом. После двухмесячной осады Азовская крепость была взята. За пять лет пребывания казаков в Азове (1637—1642) набеги турок и татар на южнорусские города прекратились. Казаки, овладевшие городом и отстоявшие его в 1641 г. (Азовское сидение) предложили русскому царю, принять город и оказать им помощь. Но царь, Михаил Фёдорович, боясь войны с Турцией, не решился послать войска на помощь казакам и объявил им: в случае, если они останутся в Азове, Москва им совсем не будет помогать. Мир с Турцией был устойчивым принципом внешней политики первых царей Романовых. Не получившие поддержки, мужественные защитники Азовской крепости покинули её.

С возвращением турок в Азов в 1642 г. турецкая экспансия на этом окраинном участке России возросла многократно. Мстя измотанному боями малочисленному казачьему войску за посрамление своего оружия под Азовом, турки в первую очередь выжгли оставленные казаками городки Казачьего острова.

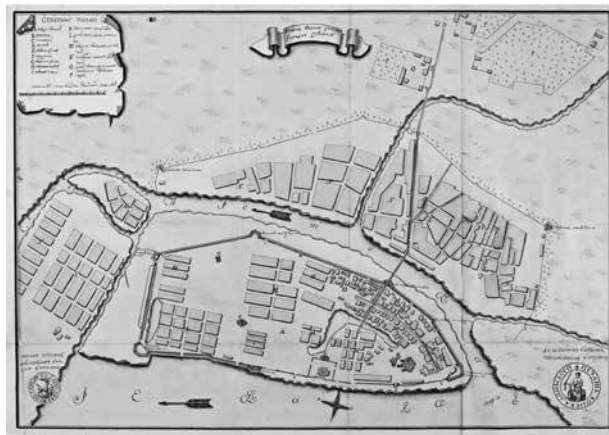
22 апреля 1643 г. был выжжен Манычский, а 29-го — Черкасский и Монастырский городки. На следующий год турки поднялись вверх по Дону и выжгли Голубинский и Кагальницкий городки.

Таков был результат борьбы донских казаков за Азов. Из победителей, выдержавших осаду

(Азовское осадное сидение) намного превосходящих сил турецкой армии, удивившие мир своим героизмом, они превратились в разорённых и гонимых турками людей, вынужденных бегать из одного городка в другой и искать убежища от тех, кого они привыкли бить. В 1644 г. казаки решают снова укрепиться на Аксайском острове.

В семи километрах восточнее Монастырского находился Черкасский городок. Как и все городки Аксайского острова он располагался на небольшом удобозащищаемом острове. С южной стороны городок омывался Доном, с северной и восточной стороны Протокой, с западной — Танькиным ериком.

В отношении оборонительных укреплений Черкасск был исключением. Он превратился в мощную казачью крепость на Дону, окружённую валами, деревянными башнями и крепостными стенами. Архивные документы сохранили описание Черкасской крепости, ставшей в 1644 г. военным, административным и торговым центром донского казачества. На многочисленных планах XVIII в. перед нами предстаёт островная крепость. Её крепостные стены словно очерчивают остров, на котором располагался город Черкасск. Для ведения фланкирующего огня все семь раскатов выступают за линию крепостной стены и расположены на расстоянии не превышающем дальность ружейного выстрела. Как показывают археологические раскопки и архивные документы крепостные стены и раскаты представляли собой двойной деревянный сруб, заполненный землёй, песком и камнем. Толщина стены к основанию доходит до 6 метров, а высота — 5 метров. Крайние самые мощные раскаты с восточной и западной стороны, принимавшие основную нагрузку при обороне, имели толщину (ширину) от 18 до 35 метров.

План Войска Донского городку Черкаску, инженер А. И. Ригельман, 1768 г. (НБУ.Ф. 1. Д. 2920)

В первой половине XVI в. турки предлагали план раздела территории Дона до Воронежа, от которого потом отказались, но вражеские отряды не проходили мимо передовых городков острова, не напад на них. Воинственные соседи чаще всего стремились овладеть Черкасском. В 1644 г. Черкасск, восстановленный с переходом сюда из Раздор войскового центра, за следующие пять лет (1645—1650) выдержал ещё семь нападений неприятеля:

— всю зиму 1645 г. город был осаждён отрядами турок и татар;

— 6 июля 1646 г. многочисленное войско татар под руководством Нурадына приступило к городу, но под давлением казаков и русских войск (впервые пришедших на помощь казакам) было отброшено от Черкасска;

— 19 и 28 июля 1647 г. азовский Мустафа-бей и Алей-ага приступили к городу «конной и судовой ратью». Защитники Черкасска отразили все приступы врага и заставили его бежать. При бегстве неприятеля казаки вывели из городка свои струги и настигли неприятеля, захватив его флотилию;

— в январе и октябре 1648 г. турецко-татарские отряды сделали ещё две попытки овладеть городом, но были отброшены казаками;

— весной 1649 г. во время морского похода казаков азовский бей с турецко-татарским войском решил воспользоваться удобным случаем. Неприятель совершил хитрый манёвр — поставил свои суда на катки и попытался перевезти их выше по Дону. Спустив суда выше Черкасска «конная и судовая рать» должна была совместным решительным ударом напасть на город с восточной стороны, откуда их меньше всего ожидали. Но казаки разгадали манёвр и прогнали неприятеля, завладев его флотом.

Вообще же угроза нападения для казаков была постоянной. Более поздний документ, Грамота на Дон 23 января 1691 года предупреждает: «... А при том нам в. государем известно, что соединяются на вас атаманы и казаков войною турки, и крымцы, и ногайцы, и черкесы и калмыцкий с воинскими своими людьми ... и хотят приступить к Черкасскому большим собранием вскоре, а разоря-б Черкаской и Дон реку очистя, отдать во владение турскому салтану <...>. Подосланы были из Азова в Черкаской с товары для проводывания вестей в лазутчиках азовцов два человека, которые вам сказали, что прислал к вам их ... для осмотра в Черкасском крепостей азовской бей и янычарской ага, а осмотрев город и всякие крепости, также сменя [посчитав. — С. Т.] казаков и сколько пушек, бею и аге сказать,

а они де ... намерены приходить войною под Черкаской и разорить и выжечь» [8 с. 342].

При выступлении неприятеля из Азова караваны казаков в окрестностях пограничного с турками Аксайского острова доносили в войсковой центр о предполагаемом нападении. В Черкасске ударами «сполошного» (вестового) 30-пудового колокола собирали на защиту острова казаков из ближайших городков — Манычского, Багаевского и Бессергеновского.

В самом конце XVII в. во время Азовских походов в Черкасске побывал Пётр I. В его дневнике запись: «Город Черкаской стоит на берегу, на правой стороне реки Дона, обрублен дубовым трубом и сделаны три раската, и те стороны [огорожены] плетнем» [10].

Сподвижник Петра адмирал Крюйс, побывавший на Дону в 1699 году, записал: «В 39 казачьих городах есть главной город Черкаской, на острове среди Дона; изрядно укреплен бастионами и башнями старинною формою с 80 пушками; содержит гарнизону от 7 до 8000 храбрых человек, конных, пеших и матросов, однако все почти морские ухватки имеют; оной город как еще и другие, на две стороны разделен: в одной стороне с печью для житья зимою, а в другой летом, и у домов стены, также посуда в чистоте содержатся. В Черкасах говорят по Российски, Турецки и Козацки; во оном городе о всех важных, а особливо о военных делах совет производят» [11].

Эта запись характеризует главный казачий город — Черкасск на исходе XVII века. С XVIII века Черкасская крепость начинает застраиваться согласно фортификационным канонам того времени.

Раздорский (Раздорный) остров

Раздорский остров, где располагалась другая группа казачьих городков во главе с одноимённым Раздорским, находилась в устье Северского Донца и отстояла от Аксайского острова в 20 км вверх по Дону. Название острова происходит от слова «раздор» — разноречье, разделение реки на рукава. Следует отметить, что в настоящее время у рыбаков подобные места разделения реки имеют название «штаны».

Остров был весьма выгоден казакам, так как запирал проход неприятелю как вверх по Дону, так и по Северскому Донцу. Расположенный на нём Раздорский городок — один из самых старинных казачьих городков на Дону. Он был первым войсковым центром донского казачества в начальный период его истории (в XVI — первой четверти XVII в.).

По форме Раздорский остров напоминал треугольник. В «Выписке по войсковым челобитным об оказании казакам помощи против набегов крымцев» от 6 февраля 1648 г. отмечено: *«а Роздорной де остров от их Черкасского городка сухим путем верст с 40, а водяным путем будет верст с 80, а в длину де того острова будет верст на 20, а поперег на 15 верст»* [9, стб. 794].

В настоящее время, когда Дон и Северский Донец изменили свои русла, конфигурация острова также претерпела значительные изменения. Общепринятой версией считается, что Раздорский городок находился на западной части острова Поречный, образуемого рукавом Сухой Донец и Доном, напротив современной станицы Раздорской.

Вместо указанных в середине XVII в. 20 вёрст в длину и 15 вёрст в ширину, протяжённость острова Поречный составляет 3 на 4 км. Можно предположить, что казацкие городки Раздорский, Семикаракорский и Кочетовский, располагавшиеся согласно документам XVII в. на расстоянии 17 вёрст, находились на более обширном острове.

Раздорский городок представлял собой хорошо укрепленный военный стан. Здесь жили казаки, готовые каждую минуту по выстрелу вестовой пушки или звуку вестового колокола выступить в боевой поход или отразить внезапный вражеский набег. Городок служил казакам надёжным убежищем. Здесь их охраняли от вражеских набегов естественные водные преграды — реки Дон и Северский Донец, многочисленные протоки и ерики, а также лес, наличие которого отмечалось и в XX веке.

«У северной части лес занимает полосу от 50—100 м до 600—700 м в ширину. Состав леса: дуб, карагач. Наиболее характерной породой является дуб, отчего северо-западный угол острова называется "Дубовая лука". Лесом, по большей части редким иногда переходящим в кустарник с отдельными деревьями, занята вся южная и юго-восточная часть острова. Преобладающей породой здесь является ива. В остальной части острова — луга, сенокосы» [5, с. 158]. Первым исследователем Раздорского городка, применившим методы археологии, был З. А. Витков (1950). Раскопки велись силами Ростовского государственного университета и Новочеркасского музея истории донского казачества. В заложенных в разных местах в южной части предполагаемого городка четырёх траншеях глубиной от 1,7 до 2,87 м *«экспедиция не обнаружила никаких следов существовавшего здесь некогда городка»* [5, с. 158].

С тех пор в разные годы, на острове проводили археологические разведки и раскопки разные исследователи и организации: в 1991-м силами Ростовского областного музея краеведения и Раздорского этнографического музея-заповедника, руководитель В. Н. Кузьмин; в 1992—1997 годах — силами Ростовского государственного педагогического университета, Ростовского государственного университета и Раздорского этнографического музея-заповедника, руководитель А. Р. Смоляк [12, с. 24; 13].

Тщательные и плановые мероприятия разведочного характера самостоятельно предпринимали сотрудники Раздорского этнографического музея-заповедника В. В. Алейников и А. А. Колесников, директор музея (1991—2000). Последний в сезоны больших половодий с этой целью плавал на лодке по затопленному острову. Но все эти мероприятия не сопровождались открытием материалов казачьего периода — результаты были ничтожны.

В 2019—2020 гг. раскопки проводились Государственным учреждением культуры Ростовской области «Донское наследие» в формате программы «Определение границ объектов культурного наследия на острове Поречном». Было заложено восемь шурфов для определения стратиграфии, один из них в непосредственной близости от Гавани. Этот шурф также оказался стерилен в отношении материалов раннего казачьего периода.

Тем не менее в исторических источниках *«имеется прямое указание на то, что он [городок. — С. Т.] был расположен на правом берегу Дона»* [10], а таковым на данной местности может быть юго-восточный берег острова — считал Витков, *«исходя из стратегических соображений, ... где оба русла реки снова сливаются...»* [5, с. 158—159]. З. А. Витков объяснял отсутствие культурного слоя исключительно весенними *«ежегодными бурными половодьями»* [5, с. 162] (сейчас их называют «катастрофическими»); они и смывали, по его мнению, культурные слои городка. Примерно такое же заключение формулирует и Н. С. Бойко: *«То, что здесь не обнаружено следов археологического слоя, объясняется той же причиной, что и в Раздорском городке, — действием воды»* [6, с. 35].

Паводки на Дону действительно были регулярны и сопровождались обилием воды. Последнее подобное наводнение наблюдалось в 1991 г. В окрестностях города Семикаракорска, в пойме реки Сал были смыты дачные посёлки; деревянные сооружения и материалы

позже находили за несколько километров от исходных позиций. Но смывалось далеко не всё — компактные тяжёлые, заглублённые предметы и материалы оставались на своих местах. В подобных ситуациях культурный слой не может исчезнуть полностью. К тому же, в пойме Дона по вязкому дну тяжёлые предметы не смогут переноситься сильным течением на большие расстояния. В нашей местности предметы, переносимые течением в половодье, будут отлагаться и накапливаться в низинах, складках рельефа, у возвышений и препятствий, на вязком грунте, — что так же не наблюдается на острове. Для сравнения на синхронном и соседнем (по карте К. Крюйса) Семикаракорском городке, находящемся в 8 км выше острова Поречного, материалы раннего казачьего периода обнаруживаются сотнями экземпляров. В береговом обрыве высотой до 6 м, на котором располагалось поселение, можно выделить до 23 песчаных слоёв, в верхней трети которых и в пограничном слое между чернозёмом и песком массово рассеяны обломки керамики аналогичные тем, которые традиционно встречаются на других казачьих городках и датируются второй половиной XVII и первой половиной XVIII столетий. Мощность чернозёмного слоя составляет 0,5—0,7 м.

Стратиграфия и распределение археологических материалов не имеют следов серьёзного воздействия разливов Дона на культурный слой этого поселения [14].

В качестве иллюстрации катастрофического воздействия половодий на объекты на острове З. А. Витков ссылается на рассказы местных жителей: «...из расспросов старожилов удалось установить, что после перемещения станицы на теперешнее место, на территории старого городка был поставлен каменный поминальный крест, унесённый половодьем в 1917 году. Казаки установили на его месте дубовый крест, пенёк от которого был обнаружен экспедицией с помощью местных жителей почти в центре между рукавами ерика Артёмчик...» [5, с. 159]. Далее следует уточнение, что крест был «весом в 10 пудов» [5, с. 162].

Можно допустить, что вода каким-то мощным потоком повалила крест или, если он стоял на какой-то возвышенности, подмыла его. Но совершенно невероятно, чтобы плоский предмет весом 160 кг был как-либо «унесён» со своего места, — Дон не горная река с большим уклоном и каменистым дном, по которому тяжёлые предметы могут как-то перемещаться.

Следует также иметь в виду, что И. М. Сулин в «Кратком описании станиц Области войска Донского» в 1890 году даёт описание креста совсем отличного от описанного старожилами и, соответственно, описанного Витковым: «*Процессия достигает до места старого городка, где стоит толстый дубовый крест с иконою Божией Матери и с надписью: "Здесь покоятся прахы прародителей древняго городка Раздор"*» [15].

А. А. Колесников в 1987 году демонстрировал мне пенёк, который считали остатком креста — высотой 20—30 см и диаметром 12—15 см. Располагался он на месте, где, как принято считать сейчас, располагался городок или, возможно, рядом с этим местом, к северу. Не возьмусь судить о его возрасте и других качествах, — это был обычный пенёк.

В те годы на острове велась довольно интенсивная сельскохозяйственная деятельность: летом там жили два небольших табуна лошадей, паслось большое стадо коров. На западном берегу, на обрыве, располагался загон для скота, сооружённый из жердей (примерно такого же диаметра, как и «пенёк креста»), жилище для людей типа вагона. Здесь же лежало плавающее средство на железных понтонах.

Эта территория тогда не была заповедной или заброшенной, видимо, и ранее служила для хозяйственной деятельности. Возможно, следы и остатки земляных сооружений, валы искусственного происхождения могли быть сооружены и позже, чем в XVII—XVIII вв. с простыми, не военными целями.

Ориентиры для поиска и другую информацию о местности З. А. Витков, как следует из его публикации, иногда получал от местных жителей и старожилов. Старожилы, безусловно, являются уважаемым источником информации, но ненадёжным. Следует иметь в виду, что их рассказы — это представления рассказчиков (или их предшественников, от которых услышан рассказ) о том, какой должна быть или должна выглядеть история с их точки зрения. Это самостоятельные произведения устного фольклора по мотивам каких-то событий, а не свидетельства истории.

Таким образом, оба утверждения З. А. Виткова — о местоположении Раздорского городка на острове Поречном и об уничтожении культурного слоя этого городка паводками не выглядят убедительными. Городок, если он был на острове, не мог исчезнуть бесследно.

Известно, что в 1622 г. городок был разорён турками, в связи с чем, войсковой центр переместился на Аксайский остров в Монастырский городок. Некоторое время спустя Раздорский

городок был восстановлен и с 1640 г. снова упоминается в документах того времени. Первая казацкая столица, куда теперь вернулись казаки после Азова (1640 г.), мало подходила для контроля устья Дона, для выхода в Азовское и Чёрное моря из-за удалённости от этих объектов.

Сами казаки так обосновывают неудобство Раздорского городка: «... А как же их Турские люди сбили с Манастырского острова, и они же стали жить на том Роздорном острове, и оставлен был у них городок в Роздорях, а занято было местечко которое выше; и то же место в большую воду понимало; тот же остров Роздоры возле реки Дону, а около того острова обшел Донец. А с Крымские же стороны против того острова гора высока, и той же горы, через Донец к острову место уско: как же приходили под и городок Турские и Крымские люди, и их было с той горы из городка не токмо что из норягу, и из мелово ружья выбили» [9, стб. 794]. А. А. Колесников считал, что Раздорский городок находился на острове Поречном и потому полагал, что описанный в документе XVII в. обстрел производился с холмов на правом берегу реки Дон, в частности, с холма с осыпающимся песочным склоном, ныне находящегося на окраине станицы Раздорской. Местные жители называют эту часть станицы «базки».

По современным представлениям средневековые пушки эффективно стреляли на расстояние около 500 м. Таким образом, турецкая артиллерия не могла доставать с правого берега, с холмов, ни до первого, ни до второго места, где по этим версиям мог располагаться городок. Обстрелять цели на противоположном берегу Дона можно было на очень небольшом удалении от берега, поскольку ширина современного русла составляет 200—270 м. По-видимому, казаки в своём описании сильно преувеличили эффективность обстрела «с той горы».

24 мая и 5 июня 1643 года к Раздорам из Азова подошло большое войско турок, крымцев, ногайцев и темрюцких черкесов во главе с присланным из Стамбула представителем султана Реджеб-агой, кафинским Ислам-пашой и азовским Мустафой-беем. Осадив поселение, они потребовали у казаков выдать им остановившихся на это время в городке московского посла Илью Милославского и думного дьяка Леонтия Лазаревского, направлявшихся с посольством в Константинополь.

По дипломатическим правилам тех лет передача послов под Раздорами означала бы признание по факту установления там новой границы Войска Донского с османскими владениями (получалось, что граница с Турцией здесь пролегла

бы по реке Сал). Казаки отказались выполнить требование и заявили, что передадут послов на старом разменном месте, под Азовом. В течение пяти суток бились казаки с турками и татарами, немало казаков пало геройской смертью. Убедившись в стойкости казаков, враги отступили от городка [16]. Осада закончилась 10 июня, когда Реджеб-ага с войском отошёл от Раздор. Войско передало послов турецкой стороне, как и прежде, под Азовом.

Возвращаясь к отсутствию культурного слоя казацкого периода на острове Поречном и в целом находок этого периода, трудно представить, чтобы эти достоверно произошедшие события на острове Поречном не оставили после себя следов, или эти следы были полностью смыты. Следы этих боёв неизбежно должны существовать и доныне: пули, ядра, оружие и т. п. не могут быть смыты, тем более что какие-то из них были заглублены в грунт.

Следует, конечно, сказать, что пушки не обязательно стреляли только железными ядрами. Для таких обстрелов был весьма эффективен каменный «дроб» (щебень), ещё эффективнее он при отражении массовых штурмов. Артиллерийский обстрел вёлся, вероятнее всего, и с судов.

В настоящее время правый берег Дона возле станицы Раздорской представляет собой оползневую зону, где восточные склоны холмов, расположенных параллельно берегу, являются оползневыми террасами и периодически «сползают» вниз, изменяя рельеф местности. Вероятно, ранее они были ближе к берегу и имели большую высоту. Сейчас наибольшая высота холмов на этом участке 84—91 м, на отдалении от берега до 115 м.

Как уже было сказано выше, в соответствии с «классической» версией городок (в местных топонимах «старый городок») располагался в юго-западной части острова Поречный. Расстояние от холма до предполагаемого места городка составляет около одного километра. В течение длительного времени на относительно небольшом месте обитало множество людей. Они должны были оставить следы своего пребывания — культурный слой этого периода. Однако до настоящего времени никто из исследователей этих мест культурный слой не обнаружил.

Существует и другая более поздняя версия расположения городка на другом острове, по соседству с Поречным. Этот остров (в настоящее время он не существует) на севере ограничивался руслом Дона (местные называют его Старым Доном, на картах XX века это русло обозначают как Протока Татарина и Новый Дон), на юге

остров ограничивался бывшим руслом реки Дон, изогнутым в крутую дугу. До 1917 г. это русло было основным, после катастрофического паводка, спрямившего в нескольких местах русла Дона и Сала, оно превратилось в пересыхающее староречье («старицу»). Сейчас его называют речка Кривая или ерик Кривой. Наиболее полная версия расположения Раздорского городка на бывшем острове описана В. В. Рогудеевым [12, с. 24—28]. Рассматривая межевую карту юрта Раздорской станицы (составлена не ранее 1822 г.; копия хранится в Раздорском этнографическом музее-заповеднике), В. В. Рогудеев отмечает: «К сожалению, на старом острове, как раз в его западной части сейчас расположены рыбопроизводные пруды. Наиболее вероятно, что при их сооружении были скрыты остатки Раздорского городка. Досадно, что в 1950 году этой карты не было у З. А. Виткова, возможно он успел бы исследовать городок до сооружения прудов» [12, с. 28].

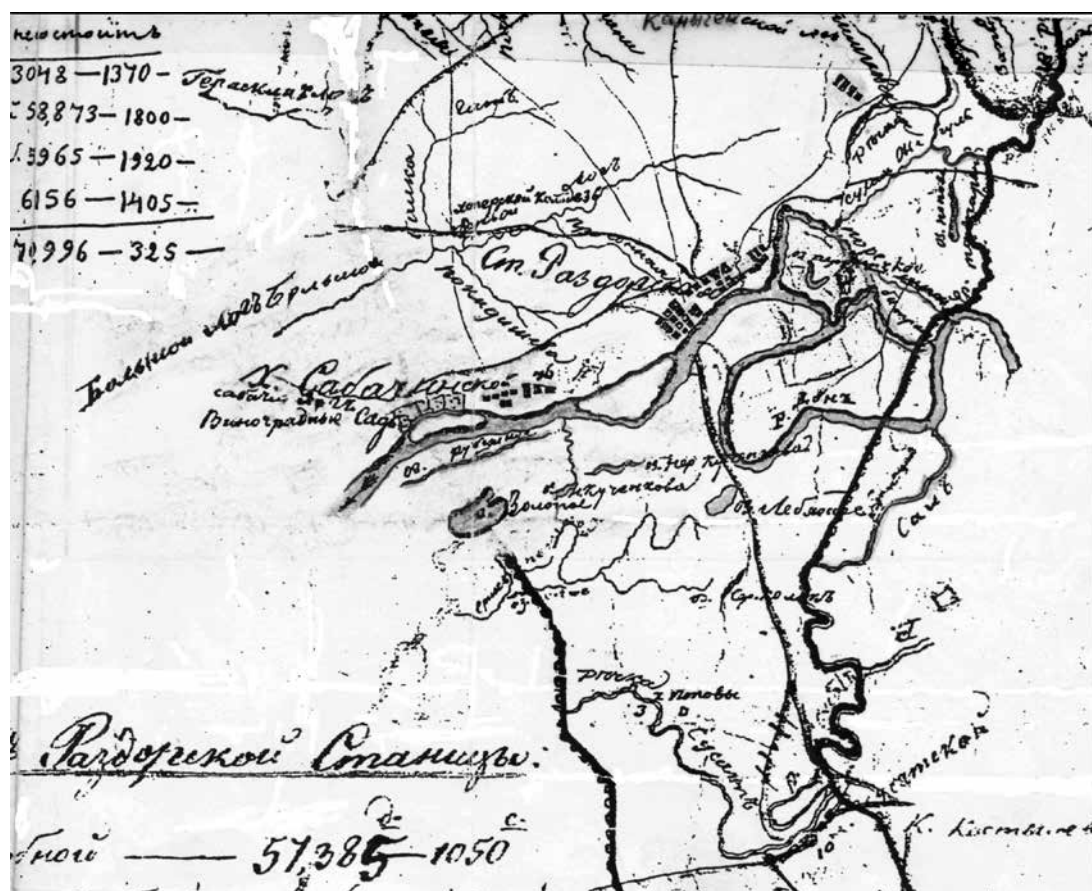
Лет пять назад мне рассказывали, что осенью 2010 года, когда воду из прудов слили, на дне одного из них обнаружили ядро большого диаметра

(использовали металлоискатель). Извлекать его полностью не стали. Возможно, эта находка соответствует версии Рогудеева.

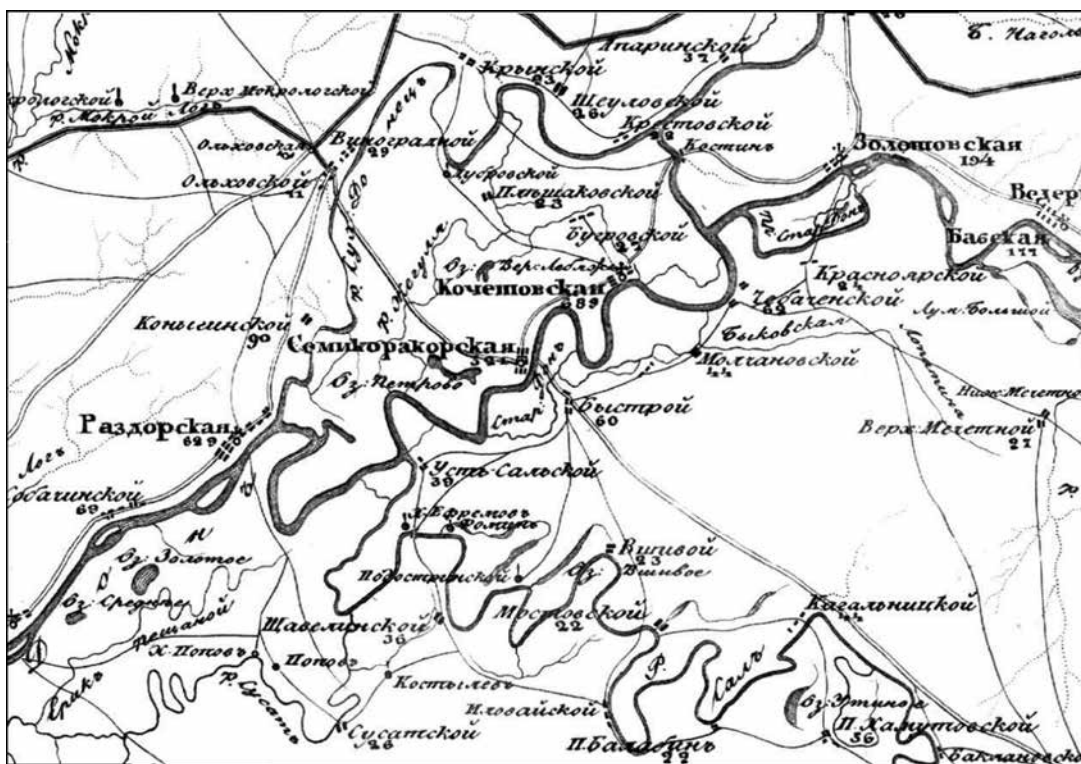
Расстояние до этих мест на острове от холмов на берегу составляет более 2 км.

Следует также иметь в виду, что существуют и другие карты, где остров Поречный не существует, но можно, при желании, выделить другой, гораздо более обширный остров. Так, к примеру, спецкарта западной части России Ф. Ф. Шуберта 1826 года. На этой карте правый рукав Северского Донца — Сухой Донец выглядит не в нынешнем его виде, как почти пересыхающая река, а как полноводная, хотя местами не широкая, сравнимая с рекой Сал.

Многие водные объекты, обозначенные на этом пространстве на старых топографических картах, ныне уже не существуют. Множество озёр небольшой площади: Круглинькое, Долгонькое, Двойное, Гнилое, Песчаное, Иловатое, Камышеватое, Калиновское, Соломоново, Попово, Погондруево, Муружное, Мисюрино, Малое Лебяжье, Сухие Вербы; большие и глубокие озёра: Петровское, Западное, Большое Лебяжье,

Фрагмент межевой карты «Проектированный юрт Раздорской станицы»
(«Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника». Вып. 2. Новочеркасск. 2004. С. 26)

Фрагмент карты из топографического атласа России 1826 года генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта с обозначением казачьих поселений. Фото с сайта «Это место»

Ерик Татарин, река Жегуля к настоящему времени исчезли — высохли и заросли кустами и деревьями, после зимы местами наполняются водой и выглядят как большие лужи. Таким образом, водоток на время составления этих карт был многократно больше. Если выделить территорию ограниченную реками Дон, Северский Донец и Сухой Донец, то можно получить остров с максимальными размерами около 19 км в длину и 16 км в ширину. Эти размеры довольно близки к указанным в «Выписке по войсковым челобитным...» за 1648 г. «а в длину де того острова будет верст на 20, а поперек на 15 верст» [9, стб. 794], т. е. примерно 21 и 16 км.

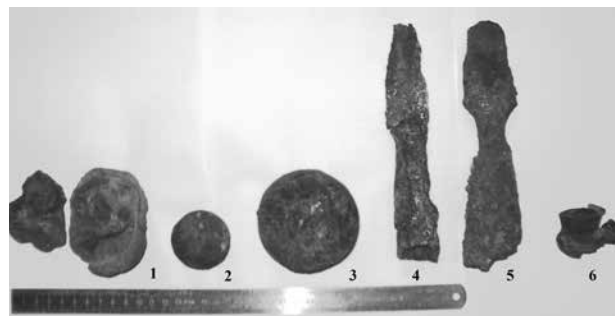
По правой стороне реки Дон на этом острове, на протяжении примерно 16 км находились городки Кочетовский, Семикаракорский и, возможно, где-то на западе Раздорский. В документах XVII в. их располагали на протяжении 17 вёрст (18 км).

На острове множество водных объектов важных для тогдашнего образа жизни казаков. При впадении в Дон река Сухой Донец располагалась, по-видимому, гораздо ближе к подножию холмов, чем в настоящее время.

Любые соображения, предположения, версии и т. п. до тех пор пока не будут подтверждены и доказаны объективными материалами и фактами, остаются лишь мнениями людей.

Мне случилось найти в разные годы и в разных местах три ядра возле станицы Раздорской. Два — на правом берегу, на перекате Среднепоречный. Из них одно — метрах в 50 ниже археологического раскопа Раздорское-1 в 1989 году. По поводу этого ядра В. В. Алейников сказал, что ядро это казачье, зажигательное, и могли им стрелять с острова, а поскольку ядро раскалённым попало в глину, то осталось запрессованным в ней.

Одно из ядер оказалось внутри окатанного комка глиняного грунта (на фото под № 1). Другое точно такое же, было найдено в 2020 году в 300 м выше Раздорского-1 (на фото под № 2). Третье ядро, большое (под № 3), найдено на острове в 2012 году в 1,2 км ниже

Подъёмный материал казачьего периода возле ст-цы Раздорской. Фото С. Ф. Токаренко

северо-западного угла острова. Сейчас этот участок острова определяется как относящийся к периоду неолита-энеолита Ракушечный Яр-II [17]. Ядро было обнаружено на глубине 0,4 м. К этим находкам можно добавить наконечники копий, найденные на острове. Один из них найден недалеко от ядра. Внутри втулки этого наконечника остался обломок древка, покрытый ржавчиной (на фото под № 4). Второй наконечник найден вблизи юго-западного угла острова (на фото под № 5).

Очень хотелось бы связать эти находки с существованием городка и событиями в письменных источниках, но для этого нет оснований. Это обычные единичные находки. Такого рода материалы периодически встречаются на берегах Дона от Семикаракорска до Мелиховской и на старых грунтовых дорогах между станицами и хуторами.

Изучая подъёмный материал, следует иметь в виду ещё и «деятельность» людей с металлоискателями, бродивших в последние годы по острову и по-своему обследовавших обширные территории, в частности, его западный берег и противоположный ему — правый берег Дона. Эти люди (их называют чёрными археологами или чёрными поисковиками) обычно не информируют о своих находках, но и не скрывают их. Иногда их удаётся опросить. Найденные ими материалы предоставляют новую, иногда любопытную информацию.

Пули, найденные на участке старой грунтовой дороги. 2005 г. Фото С. Ф. Токаренко

Например, среди находок раннего казачьего периода у чёрных археологов обнаружены мелкая серебряная монета («чешуйка») периода царствования Михаила Фёдоровича, а на правом берегу — «чешуйка» Петра I. В 2005 году ими найдено скопление круглых свинцовых пуль на участке старой грунтовой дороги из станицы

Раздорской в хутор Сусат, проходящей на этом участке рядом (в 20 м) от ерика Кривой, ранее это было русло реки Дон. Здесь, на участке свободном от растительности и доступном для исследования, выявлено около двадцати пуль, некоторые с вмятинами от удара.

Однако находки чёрных поисковиков тоже не добавляют аргументов в версию расположения городка на острове Поречном.

При этом необходимо отметить, что на острове Поречном (большой частью на северо-западном берегу) массово представлен подъёмный материал самых разных временных периодов и культур, начиная с неолита, энеолита и заканчивая поздним казачьим периодом со второй половины XVIII до конца XIX века. Но, при этом практически не встречаются материалы раннего казачьего периода XVI—XVII вв.

После осады 1643 года Раздоры сильно пострадали: когда в ноябре 1643 г. посольство И. Д. Милославского, возвращаясь из Турции, прибыло в городок, он представлял собой, по словам посла, «место скудное и разоренное, многих кормов купить, добыть не уметь» [Цит. по: 4, с. 166].

Весной 1644 г. казаки восстанавливают Черкасский городок и принимают решение перенести свою столицу из Раздор в Черкасск. Казачий атаман Павел Фёдоров (Чесночихин) так описывает это событие: «...апреля в 24-й день ... ходили на низ и городок на старых своих юртовых местах, на Черкасском острове, поставили и укрепили на-крепко, и наряд по местам поставили, чтоб реки впусте не покинуть и до Воронежа судовою рати турецких воинских людей не пропустить. И из Роздорного городка они, атаманы и казаки, со всем войском в Черкасской городок поднялись» [9, стб. 462].

Время переноса станицы на крымскую сторону, на правый берег Дона, точно неизвестно, но, видимо, не ранее второй половины XVIII столетия.

Застройка низовых казачьих городков

Городки Нижнего Дона первыми принимали удар неприятеля. Для удержания врагов, стремящихся разорить их жилища, казаки вынуждены были укреплять свои поселения. Они создают простой и оригинальный тип казачьих крепостей, устраиваемый на островах Дона в условиях дефицита строительных материалов.

Основой казачьих укреплений конца XVI — начала XVII вв. являлся земляной вал по периметру городка, на возведение которого шла земля из рва, вырытого снаружи. На валу

устанавливался в два ряда плетень (или же две параллельные стены из вертикально поставленных и заострённых вверх кольев). Пространство между рядами набивалось землёй и речным песком; снаружи стены обмазывались глиной. Во второй четверти XVII в. плетнёвые укрепления усиливались остроколом, представлявшим собой ряд вертикальных, вбитых в землю брёвен с заострёнными кверху концами.

Над выездными воротами и со стороны откуда ждали неприятеля обычно устанавливались башни-каланчи. На них находился казачий караул, наблюдавший за приближением неприятеля. Эти, на первый взгляд простые, укрепления были весьма эффективными при отражении неприятелей, приступавших к городкам «пешей и конной ратью». Взятие казачьих городков, омываемых водами Дона, было связано со многими опасностями и потерями для врага. Точную оценку состоянию городков на Дону в XVII в. даёт атаман Фрол Минаев в ответном письме крымскому хану, грозившему выжечь казачьи городки: «...а и сам ты Хан Мурат Гирей, с великою ратью и большим собранием прийдешь к нам зимним путем по льду: зачем тебе так далеко забиваться? Мы люди небогатые; стаг конских и животных у нас мало; городки наши не корыстны — оплетены плетнями, обвешанными терном, а добывать их надобно твердыми головами, на посечение которых, как тебе ведомо, у нас есть сильные руки, острые сабли и меткие пищали. Побереги здоровье: не ходи» [18]. Казаки выбирали для своих городков наиболее высокие места в донской пойме. В системе защиты укрепленных казачьих городков основные защитные функции чаще всего выполняли естественные преграды — река Дон, многочисленные речки, ерики и притоки, густые леса и заросли. Наличие надёжных водных преград, естественных или вырытых, было обязательным условием. Подтверждением тому описание в «Донских делах» 4 мая 1650 года: «...пришед на ... место, на проливу пустую, учинил на том месте крепости большие, проливу вкось перекопал от воды до воды глубоким рвом, башни и караульные избы вокруг всево обозу учинил, ... в приходных местах караул поставил, днем и ночью всяких мест... дозирал» [19, стб. 397]. Таким образом, выбрав тот или иной остров для своего города, казаки в зависимости от количества поселенцев отсекали рвом части острова, а затем приступали к укреплению городка.

В XVI и XVII вв. одним из наиболее важных принципов при выборе островов для застройки была их хотя бы частичная незатопляемость. В

этом случае для самого городка выбиралось наиболее возвышенное место. Во время весенних половодий казачьи городки часто затоплялись водой. Вода, бывшая в летнее время союзницей казаков и укреплявшая их оборону, при половодье превращалась в их злейшего врага. — «...бурные разливы весенних вод являлись иногда настолько губительными, что полностью сносили казачьи поселения, уносили домашний скarb» [5, с. 152]. Одним из способов борьбы со стихией становится появление казачьих построек на сваях или на высоком подклете. Сохранявшаяся постоянно военная угроза в XVI и XVII вв. ещё не позволяла казакам переносить свои жилища на правый, возвышенный берег Дона. Со временем строительство казачьих куреней на высоком подклете превратилось в устойчивую архитектурную традицию.

Вторым после водных преград защитным от неприятеля фактором была близость других городков, обеспечивающая коллективную оборону. Вблизи городков, временно, на зиму, останавливались прибывшие на Дон отдельные группы людей — станы — станицы, которые в случае нападения врага могли укрыться за укреплениями городка. Такие временные стоянки назывались зимовищами. Чаще всего они располагались или непосредственно у городка или в ближайшем лесу, который стал называться зимовой лукой или кошем, где они делали себе жилище. Простейшим, временным жилищем являлся шалаш (он также имел название «шиш»), сделанный из ветвей и хвороста и обложенный дёрном. Если остановка на зимовку была длительной, делалась землянка. Шалаш и землянка были различных размеров и строились из расчёта на всю группу людей. Так как по обычаю продукты свои они держали в одном месте — суме, отсюда и название, распространённое на Дону — односум.

Односумство состояло из группы людей около 20 человек, а число жителей станицы или городка определялось количеством односумств. Выбрав хорошее место для постоянного жительства, строили себе укрепление — городок, в центре которого ставилась одна станова или станичная изба для односумств. В станичной избе помещалось около четырёх односумств, т. е. 80 человек.

Истари на Дону общий сбор жителей городка или станицы назывался кругом. Для разрешения вопросов или для выбора нового атамана, все жители населённого пункта собирались в одном месте — на майдане, или в станичной избе, располагаясь кругом. Чтобы хорошо было видно говорившего, он выходил на середину круга.

Станичная изба ещё носила также название «курень», а избранный старшим из живущих в ней — куренным атаманом. Наряду со словом курень в XVI—XVIII столетиях среди жителей Дона широко употреблялось слово «юрт», имеющее несколько смысловых значений — жильё, посёлок, земля, государство, жилища в городках, устраиваемые в холодный период. Последние представляли собой обыкновенные землянки, которые при необходимости оставались обитателями. Дворов не было, всё было связано с той тревожной жизнью, которую приходилось вести до XIX века. Из-за отсутствия двора никаких хозяйственных построек не было, баз для скота находился за городком, на высоком незатапливаемом месте — кряже, бугре.

Впоследствии места, где были сосредоточены хозяйственные дворы и временные сторожевые жилища, заселялись постоянными жителями и получили название «базки». Населённых пунктов, называемых Базки, на Дону много. Расположение станиц по берегам рек, связанное с их безопасностью, приводило к ограничению юртовых земель. Так, в XVII столетии длина юрт отмерялась вдоль берега, а ширина перпендикулярно реке равнялась дальности полёта ружейной пули. При массовом бегстве на Дон во второй половине XVII века расположенные на небольших островах городки не вмещали всех желающих. В «Донских делах» есть этому письменные свидетельства: «... А которые де в городок не вместились, и около де тех слобод рвы покопали...» [9, стб. 778]. Запись от 13 февраля 1649 г.: «... и пришег на Дон, против Черкасского города на пустом месте построились. А с приходу мы, холопи твои, Крымских и Озовских Татар ров копали, и вал взметали, и башню поставили ...» [19, стб. 175—176].

Внутри самих же городков деревянная застройка становилась очень плотной, что способствовало частым пожарам, во время которых дотла выгорали городки. Яркое и подробное описание такого бедствия есть в «Челобитной Войска Донского, привезённой в Москву атаманом Киреем Матвеевым» 1687 года, декабря 25 дня: «Да в нынешнем году во 196 году... погорели мы всем войском без остатку и всем до конца разорилися: церковь божия и колокола и город и раскаты и ваше государское жалованье, снаряд, пушки большие и полковые и свинец — всё погорело, и пороховая казна поднялася и у торговых людей запасы и всякой борошен погорел, всем разорилися, пить-есть нечего, а неприятельские люди ... близко, а нам оборонитца нечем, пушек, свинцу и пороху нет, и от того разорения многия люди разошлись и остров

покинуть хотели, и надеючись на Господа Бога и на ваше великих государей милостивое рассмотрение и жалование, егда на острове удержались и окопалися землею, живем в великой тесноте и терпим всякую нужду и голод» [8, с. 331].

Казацкие поселения часто выжигались турками и татарами во время морских походов казаков в Турцию и Крым. Так в 1625 г. во время морского похода казаков в Турцию, под их городки «... приходили Азовские люди и пожгли казачьих 5 городков ... и казаки дей избы опять ставили и плетень хотят около их плетть по-прежнему...» [20].

Лишь во второй половине XVII в. рубленые из дерева крепостные укрепления сменяют плетнёвые.

Турецкий писатель и путешественник Эвлия Челеби, побывавший на Дону в 1641 г. во время одного из набегов на казачьи городки и в 1666-м, проехавший по казачьим городкам в составе турецкой правительственной делегации, оставил в своей «Книге путешествий» их описание: «... Что касается крепостей на берегу реки Дон, то все они — сильные крепости из дерева <...> Это крепости следующие: Шива-керман, Хава-лу-керман, Капуша-керман, Сунхов-керман, Карына-керман, Павлуша-керман, Василов-керман, Махал-керман, Исфини-керман, Капуса-керман <...> поселения же невелики, в них по одной — две церкви, торговые ряды, базары» [21, с. 179].

Некоторые исследователи считают описание этого путешественника действительными, другие полагают, что это выдумка Челеби. Определение названий, данных турецким путешественником казачьим городкам-крепостям, является делом весьма приблизительным. Можно только предположительно судить об их тождестве с существующими в то время городками.

Далее, в описании своего путешествия, Челеби характеризует увиденные им городки. Шива-керман — «... крепость эта расположена на северной стороне Дона. Эта сторона противоположная той, на которой расположена наша крепость Азов» [21, с. 180]. Парас-керман — «... крепость эта является весьма прочной деревянной крепостью. <...> Это крепкое сооружение четырехугольной формы расположено на берегу Дона. Окружность его — целых три тысячи шагов. А внутри крепости находится тысяча домов, крытых тростником и камышом. Все её улицы вымощены [плитами, уложенными] в шахматном порядке. <...> Есть там и пять — шесть церквей, до пятидесяти лавок скорняков и один постоялый двор» [21, с. 181]. Токай-керман —

«... это также деревянная крепость на берегу Дона, прочная вследствие своей шестиугольной формы. <...> Протекает Дон, а на суше стоят сто штук кораблей — русских чаек. <...> Крепость же маленькая, в ней расположено до пятидесяти крытых тростником и камышом злополучных жилищ. Имеется гарнизон, в котором до трехсот служилых людей. Снаружи крепости, опять-таки на берегу Дона, расположен город, в котором три тысячи домов, семь церквей и до трехсот лавок. Из-за жестокой зимы здесь также нет виноградников и садов, а лесов и окруженных плетнями огородов очень много» [21, с. 184]. Мужиков-керман — «...эта четырехугольная крепость тоже расположена на берегу Дона» [21, с. 184]. Исчит-керман — «...это также неприступная деревянная крепость на берегу Дона. Гетман её стоит во главе семитысячного войска. Каждое здание внутри этой крепости в хорошем состоянии и разрушено» [21, с. 185]. Жапуха-керман — «... это также большая крепость на северной стороне Дона. <...> Крепость опять-таки деревянная, но во внутренней крепости есть прочные кирпичные строения. <...> Однако есть и до десяти тысяч новых домов, крытых тростником и камышом, и сорок церквей. Его торговые ряды и базар очень красочны» [21, с. 189—190]. Сарайш-керман — «...я увидел очень благоустроенный портовый город. Эта прочная крепость из брёвен опять-таки расположена на берегу Дона» [21, с. 190]. Помахай-керман — «... Это также деревянная четырехугольная крепость на берегу Дона» [21, с. 191].

В. Н. Королёв пишет: «Если считать путешествие Эвлии Челеби по Дону в 1667 г. реальным, то можно предположить, что упомянутый турецким автором городок Худа являлся Раздором <...> городок Тапардок являлся Семикаракорами» [4, с. 166, 174].

Конфигурация укрепленных казачьих городков повторяла контуры острова или представляла правильный четырехугольник или шестиугольник. Из-за пожаров и наводнений деревянные строения в казачьих городках, существовавших в XVI—XVII вв., часто перестраивались. При новой постройке использовались как традиционные, привычные, формы и методы строительства, так и новые, почерпнутые там, где часто приходилось бывать казакам — в Крыму, в Украине и на Кавказе. Возможность деревянного строительства зависела от наличия леса и мастеров. Большое влияние на формирование внешнего облика казачьих городков в XVI—XVII вв. оказали выходы из Запорожья и России. Придя в Дикое поле и став

казаками, за своими плечами они имели уже большой опыт строительства и славу умельцев. Они старались воспроизвести то, что когда-то уже строили. На затапливаемых островах жилища строились из дерева на сваях или подклетах. Ввиду недолговечности дерева, сваи и подклети впоследствии были заменены каменной конструкцией, применялся ракушечник или песчаник, привезённый из ближайших мест. Землянки в таких местах использовались, в основном, осенью и зимою, в летнее же время только после спадов воды. В качестве кровельного материала применяли камыш, чакан, тёс, солому.

В начале XVIII в. с уходом неприятеля и перемещением границ России на юго-запад изменился и облик жизни казаков. Уже не было необходимости жить в экстремальных условиях на островах и бороться с постоянными наводнениями. Казачьи городки в своём большинстве перемещаются на более возвышенный берег Дона, создавая населённые пункты называемые станицами, в них появляются распланированные улицы. Исключение составляет лишь Черкасский — нынешняя станица Старочеркасская, оставшаяся на прежнем месте.

С XVIII в. укрепления рядовых казачьих городков Манычского, Багаевского, Мелиховского, Бесергеновского, Раздорского, Семикаракорского, Золотовского, Кочетовского, Бабского приходят в упадок в связи с перемещением границ на юг и в дальнейшем не восстанавливаются. Городки перемещаются на более высокие места и застраиваются в традициях XVIII и последующих веков.

Следует отметить, что местоположение казачьих городков Багаевского, Манычского, Бесергеновского, Семикаракорского в основном совпадает с топонимами «Старое городище», «Старый городок», «Старая станица» на этой местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сахаров П. П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России. Новочеркасск : Частная дон. тип., 1914. 41 с., 1 л. карт.
2. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1961. 374 с.
3. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1998. 510 с.
4. Королёв В. Н. Донские казачьи городки. Ростов н/Д. : Дончак, 2007.

5. *Витков З. А.* К вопросу о местоположении нижедонских казачьих городков // Учёные записки / Мурманский гос. педагогический ин-т. Т. 2. Серия историко-филологическая. Вып. 2. Мурманск. 1958. С. 151—179.
6. *Бойко Н. С.* По следам первых экспедиций исследования заселения Нижнего Дона в период формирования казачества (первой половины XIX и середины XX веков) // Пятнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. 2022. Ростов н/Д. : Альтаир. 2023. С. 19—35.
7. Цит. по: *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. Изд. 3-е, доработанное. М. : Вече, 2010. С. 223.
8. Цит. по: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание Земли войска Донского / Изд. 2-е обл. войска Дон. статист. ком. Новочеркасск : Частная донская типография, 1903.
9. Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. (Русская историческая библиотека. Т. XXVI).
10. Походные и путевые журналы императора Петра I-го. Походный журнал 1695 г. СПб., 1853. С. 18.
11. *Крюйс К.* Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове, (с некоторыми сведениями о козаках) учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крюйсом в 1699 году и поднесенные царевичу Алексею Петровичу // Отечественные записки. 1824. № 54. Ч. 20. URL: drevlit.ru Библиотека древних рукописей (дата обращения 17.02.2024).
12. *Рогудеев В. В.* К вопросу о местонахождении Раздорского городка и вероятных «корнях» казачьего жилища // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника : сб. статей. Вып. 2. Новочеркасск, 2004. С. 24—34.
13. *Смоляк А. Р.* Исследование памятников археологии на острове Поречном в 1992—97 гг. // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа : Проблемы межнациональных отношений. Ростов н/Д. : Рост. гос. консерватория, 1999. С. 48—53.
14. *Токаренко С. Ф.* Находки Семикаракорского городка (2020—2021 гг.) // Донской временник. Вып. 30. Ростов н/Д., 2021. С. 120—124.
15. *Сулин И. М.* Краткое описание станиц Области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1890. 15 окт. (№ 20). С. 792.
16. Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. Стб. 461—464. (Русская историческая библиотека. Т. XXIV).
17. *Файферт А. В.* Сборы на местонахождении Ракушечный Яр II // Археологические записки. Вып. 10. Ростов н/Д., 2019. С. 230—236.
18. Цит. по: *Висковатов А. В.* Флор Минаев, донской войсковой атаман. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 63, № 251. СПб. : В типографии военно-учебных заведений, 1846. С. 274. В названии статьи в журнале опечатка. Правильно так: «Фрол Минаев....». — С. Т.
19. Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. (Русская историческая библиотека. Т. XXIX).
20. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стб. 235. (Русская историческая библиотека. Т. XVIII).
21. *Челеби Э.* Книга путешествий : (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVI века). Перевод и комментарии / Институт востоковедения. Вып. 2 : Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. 1979.

Н. А. КАЗАРОВА

ФЕЛЬДШЕР ГРИГОРИЙ ЗАДЁРА

Г. П. Задёра. Фото из фонда Ростовского областного музея краеведения.
РОМК ОФ. 18089-1

Имя фельдшера, писателя, публициста Г. П. Задёры было хорошо известно читателям в дореволюционной России и, особенно, на Северном Кавказе, поскольку оно часто встречалось на страницах газет и журналов. В публицистике Г. П. Задёры нашли отражение и медицинские воззрения его времени, и его борьба за права фельдшеров, и его собственный профессиональный опыт. Защищая права фельдшеров, он писал о том, что фельдшеры, поставленные рамками закона в униженное положение, терпят материальные и нравственные лишения и призывал обратить внимание на важную роль, которую они играют в медицинской практике.

Григорий Пантелеймонович Задёра родился 26 января 1871 года в бедной крестьянской

семье в слободе Сватова Лучка Купянского уезда Харьковской губернии. Получив образование в сельском училище, он в 1883 году поступил за счёт земства в Харьковскую фельдшерскую школу и после её окончания в 1890-м пять лет отрабатывал на родине земскую стипендию в должности помощника лекаря и аптекаря. Позже о нелёгкой жизни сельского фельдшера, всегда стеснённого в средствах, о его службе, полной горечи и неприятностей, отнимающей всё время, а иногда и жизнь, Г. П. Задёра напишет рассказ «На скромном посту» [1].

Появление в начале 1890-х годов профессиональной фельдшерской печати, и в частности, газеты «Фельдшер» [2] привело Г. П. Задёру к мысли о необходимости общественной и публицистической деятельности, направленной на защиту прав фельдшеров, и удовлетворение их насущных профессиональных потребностей. Вот как он об этом писал: *«Четверть века тому назад я случайно прочёл объявление об издании газеты "Фельдшер". Конечно, я немедленно послал подписные деньги. Никогда не забуду того момента, когда я получил газету — сразу два номера — в деревенской почтовой конторе, куда шёл утром, по дороге на службу. Было холодно, шёл мокрый снег, но я, пока дошёл до больницы, просмотрел оба номера, с волнением хватаясь то за один, то за другой. Как сейчас помню, как я позавидовал товарищам, заметки и письма которых были напечатаны в газете, и я тогда же дал себе слово во что бы то ни стало попасть в ряды сотрудников "Фельдшера". Ещё более помню чувство, испытанное тогда мною: я, фельдшер, робко шедший по своему тернистому пути, сразу почувствовал под собою твердую почву, смелее взглянул в будущее. Я думаю, что с таким же чувством "Фельдшер" был встречен всеми товарищами, разбросанными по разным местам и ведомствам родной страны. Он приободрил нас, вселил в нас веру в возможность лучшей доли, стал зеницей в беспросветной готоле судьбе нашей»* [3, с. 637].

В 1891 году Г. П. Задёра начинает публиковаться и вскоре становится одним из активных авторов газеты «Фельдшер», а также «Литературно-медицинского журнала». В своих

Нина Акоповна Казарова, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Государственного университета управления, г. Москва Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.) под названием: «Фельдшер Григорий Задёра — ростовский корреспондент Л. Н. Толстого».

заметках и статьях он призывает к улучшению бытовых и правовых условий жизни и деятельности фельдшеров, к пониманию их служебного положения, крайне ограничивающего их поле деятельности как помощника врача, в то время как сама жизнь, очень часто заставляла заниматься самостоятельным врачеванием, и тем самым преступать закон [4].

Очерки, а затем фельетоны и рассказы Г. П. Задёры публиковались не только в специальных медицинских газетах и журналах, но и на страницах «Нивы», «Русского слова», «Приазовского края». Рассказ «Фельдшер Строганов» вышел отдельным изданием [5]. В своих рассказах Григорий Пантелеймонович старался показать преданность фельдшеров и провизоров служебному долгу, правдиво отображал их быт и самоотверженную работу. Герой рассказа «На скромном посту» фельдшер Антон Александрович Тотсамов, заразившись во время борьбы с эпидемией холеры, умирает в одиночестве, вдали от семьи, с горечью думая о том, что *«жил не для себя, между прочим, весь отдаваясь неблагодарной службе и мелким хлопотам»* [1, с. 172].

В 1895 году Задёра оставил службу в земстве и более четверти века прослужил на железнодорожном транспорте: в железнодорожных «приёмных покоех» Лисичанска, Невинномысской, Сарепты, Владикавказской железной дороги. В 1901 году он с женой Ольгой Васильевной и двумя детьми Лидией и Анатолием переехал в Ростов-на-Дону, и вся его дальнейшая жизнь была связана с этим городом [6, л. 56]. В Ростове родились ещё трое детей — Виктор, Ангелина и Валерия [6, л. 56 об.]. Одна из его дочерей, историк Ангелина Григорьевна Задёра, в 30—40-х годах была лучшим методистом среди учителей ростовских школ, а позже, ведущим доцентом на историческом факультете Ростовского государственного университета. Студенты, которым довелось у неё учиться, будучи сегодня известными учёными, профессорами и доцентами вспоминают её как прекрасного преподавателя и деликатного, доброго человека.

В Ростове Г. П. Задёра служил сначала в должности фельдшера, а затем делопроизводителя и секретаря в управлении здравоодела Владикавказской железной дороги, продолжая совмещать профессиональную деятельность с литературной.

В 1903 году в ежемесячном приложении к журналу «Нива» [7], а затем в 1905-м отдельным изданием выходит его очерк «Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова» [8]. Г. П. Задёра объясняет обращение к этой теме

А. Г. Задёра. Фото из фонда Ростовского областного музея краеведения. РОМК ОФ. 17514

рядом причин. Прежде всего тем, что интерес к медицине и её деятелям никогда прежде не носил такого серьёзного характера и не достигал такой высокой степени. *«С одной стороны, благодаря повышению общей культурности, на медицинских деятелей перестали смотреть как на жрецов, деятельность их стала на виду у общества и сделалась, до некоторой степени доступной для вмешательства и критики; с другой, чрезвычайные успехи и открытия в области медицины все более привлекают к ней внимание общества, с третьей, наконец, этому способствует всё возрастающий конфликт между пациентами и врачами»* [8, с. 4]. Таким образом, вручая своё здоровье и жизнь медицинским работникам, человек предъявляет к ним и определённые требования, и чем культурнее общество, тем эти требования и шире, серьёзнее и строже. *«Теперь уже общество не довольствуется тем, чтобы люди, посвятившие себя медицинской деятельности, знали, какое лекарство или диета назначаются в том или другом случае, но оно считает необходимым, чтобы*

медицинские деятели кроме специальных знаний обладали известными нравственными качествами, без которых никакая наука не может быть полезной в полной мере, без которых всякая наука может быть лишена драгоценных её свойств и низведена в лучшем случае на степень простого, шаблонного ремесла, в худшем — шарлатанства. Теперь, по мнению общества, медицинские деятели должны обладать добросовестностью, гуманностью, самоотвержением [Так в тексте. — Н. К.], чувством долга и нравственной ответственности; оно требует, чтобы врач был в то же время и человеком. И требования общества в этом отношении чрезвычайно широки» [8, с. 4].

Как всякое общественное движение, интерес к медицине и её деятелям перешёл из жизни в литературу — не только публицистическую, но и художественную, а из писателей никто так много не занимался изучением и изображением медицинских деятелей, как А. П. Чехов.

Типы медицинских деятелей, изображённые Чеховым, представляют, как считает автор очерка, особый интерес по многим причинам: «во-первых, Чехов — глубокий талант; во-вторых, талант этого, как говорил о нём Л. Н. Толстой, «несравненного художника жизни» отличается чрезвычайной объективностью; в-третьих, Чехов сам был врачом, и потому из всех писателей, интересовавшихся медициной и её деятелями, он является, быть может, наиболее компетентным. Каковы медицинские деятели в произведениях Чехова, каковы их специальные познания и нравственные качества, вообще, какое впечатление производит строгий смотр, произведённый великим писателем современным медицинским деятелям — определение этого и составляет задачу настоящего очерка» [8, с. 5—6].

Рассматривая образы двадцати восьми врачей и шести фельдшеров в произведениях А. П. Чехова, Г. П. Задёра приводит факты из жизни и из своей практики, комментирующие то или иное произведение, или мысль писателя. Сначала он рассматривает образы врачей, а затем фельдшеров, поскольку те и другие находятся в различных условиях материального, служебного, бытового, общественного, и правового положения.

Одна из проблем, которую поднимает автор, — взаимоотношение врачей и фельдшеров. В самом безотрадном виде предстают взаимоотношения героев рассказа Чехова «Неприятность». «Неужели, — задаёт вопрос Задёра, — физическая расправа врачей с фельдшерами такое типичное явление, что его следует

Г. П. Задёра. Фото из фонда Ростовского областного музея краеведения РОМК. ОФ. 18089-2

делать предметом художественного произведения, имеющего по существу своему обобщающий характер? Увы!.. Роясь в газетном материале, услужливо повествующем как о светлых, хороших сторонах нашей общественной жизни, так и о мрачных явлениях в ней, мы убеждаемся, что дикая расправа с фельдшером практикуется представителями «гуманнейшей» профессии не очень редко» [8, с. 18].

На основе материалов прессы автор очерка приводит примеры, подтверждающие, что Чехов описывает типическое явление [8, с. 18—19]. «Если мы сделаем экскурсию в область фактов, — пишет Задёра, — то увидим, что начальство фельдшера обычно чинит над ним и суд, и расправу по личному усмотрению, не спрашиваясь ни с какими законами. Касается ли то фельдшера из солдат и нехорошего человека, или же это относится к деятелю почтенному и полезному, в нравственном отношении стоящему, быть может, далеко выше своих судей, — всё равно, и с тем и с другим не церемонятся. Чтобы, например, выгнать фельдшера со службы — в земстве ли то, на железной дороге, на заводе и т. д. — для этого достаточно желания врача. По каким мотивам он этого желает — этого даже не доискиваются: сделал ли фельдшер поступок, действительно достойный кары, или просто его физиономия не понравилась врачу, или у них возникли личные счёты, — это всё

равно: фельдшера выгоняют, лишая его приюта и хлеба, а врачу дают другого, с которым он поступает так же» [8, с. 64].

Таким образом, «никто даже из врачей, не упрекнёт Чехова в том, что он тратил свой талант на изображение случаев исключительных, не подлежащих обобщению» [8, с. 20].

Задёра подчёркивает, что Чехов понимал не только всю тяжесть и ненормальность положения фельдшеров, но и причины её порождающие, проявляя обычную для его художественного дарования вдумчивость и искреннее, гуманное чувство [8, с. 62].

Другая проблема, которую затронул автор очерка, это отношение между врачами и пациентами.

Врачи в изображении А. П. Чехова производят на Г. П. Задёру впечатление тяжёлое, гнетущее: «Поразительны невежество и некультурность, иногда доходящая до преступности, нравственное ничтожество, пассивность, инертность, грязность, и лишь в виде большого исключения — любовь к науке, нравственная порядочность. И ни у кого — свободной воли и той веры в себя, которая не ищет поддержки во внешних условиях, а находит силу в самой себе» [8, с. 67]. Автор очерка призывает медицинских работников перестать ссылаться на внешние условия и обратиться к собственной нравственности: «Все ссылаются на внешние условия. Но ведь эти условия создают люди же, все в совокупности, в т. ч. и те, которые жалуются на эти условия, ждут, что они улучшатся сами собой, вопреки их дурной жизни или апатии. Окружающие условия не создаются сами собой. Их создают и направляют люди. И если в людях есть искра Божья, то создаваемые ими условия жизни хороши, если же в сердцах людей нет этой Божьей искры, побуждающей их к лучшей личной и общественной жизни, то в какие внешние условия не поставь этих людей, — жизнь их будет дурно направлена. Ничем нельзя так убедить человека в неправильности его жизни, как показать ему её последствия. И Чехов делал это с замечательным искусством, как истинный художник. Перед современным обществом он поставил верное зеркало и заставил взглянуть в него» [8, с. 69].

Продолжением темы «писатели о медицине» стала публикация брошюры Г. П. Задёры «А. Н. Толстой о медицине и врачах» [9], в которой автор дал подробный обзор высказываний великого писателя о медицине, соглашаясь с его резкой оценкой современного её положения как «науки и лечения для привилегированного меньшинства». Такая медицина

безнравственна, отсюда критическое и ироничное отношение Толстого к медицине и докторам. В заключительных строках брошюры Задёра писал: «Толстой постиг человеческую душу, как истинный мыслитель, и осветил лучами своего знания всё, чего коснулся его гений. Заглянув в область медицины, он сделал для человечества величайшее открытие, которое несомненно будет иметь серьёзное и благотворное влияние на дальнейший ход идей в этой области. Открытие это основано на верно и глубоко понятых явлениях нравственной и физической жизни людей, доказано несомненной нелепостью господствующих течений научной мысли и освещено блестящим гением до самой простой и весьма понятной очевидности — преимущественное значение для медицины мира духовного, нравственного, перед миром вещественным, физическим, движений сердца — перед движением ума.

Называя себя мудрыми — «обезумели». Самая блестящая человеческая мудрость, если она не освещена и не согрета высоким нравственным чувством, равна безумию со всеми его последствиями. И по пути именно этой мудрости направляется господствующая медицина, и с этого пути её необходимо свернуть на путь иной, на путь мудрости истинной, освещённой высоким нравственным чувством — к страдающему, больному человеку. Нравственное чувство человека не может и не должно мириться с тем, что в наши дни медицина смотрит на болезни не как на страдания живых людей, а как на отвлечённые шарады, для решения которых нужно лишь прописать то или другое лекарство или диету. Для современной медицины нет больных людей — есть только известные формы болезней, обусловленные известными микробами. И этого не должно быть и когда-нибудь не будет. Когда-нибудь для науки перед отвлечёнными формулами и микробами предстанет человек, со всем его сложным духовно-нравственным миром, живущий, думающий, страдающий, умирающий. Тогда врачи не будут только «делать вид, что они помогают страждущим людям», а действительно будут делать это, отдавая своё высокому служению с любовью и всей душой. И тогда медицина будет истинной, благотворной и как воздух необходимой для людей. Тогда все примут её и уверуют в неё» [9, с. 60—61].

Книга Задёры вызвала большие возражения в медицинской печати [10]. В газетах и журналах автора в самых резких выражениях обвиняли в искажении позиции великого писателя и непонимании его мыслей. Газета «Русский врач»

в оскорбительной форме писала: «Давно уже сказано: "quod licet Iovi non licet bovi". Поэтому всякие попытки гг. "bovi" подражать Юпитеру всегда принимают крайне комичный характер. Одну из таких попыток мы видим в появившейся недавно книжке Г. П. Задёры "Л. Н. Толстой о медицине и врачах". Автор давно уже известен, как один из самых развязных застрельщиков того фельдшеризма гурного тона, который считает своей миссией подрывание авторитета врачей, а уж заодно и всей медицины. Психологические основы этой вражды к врачам лежат, конечно, в ненормальном правовом и бытовом положении фельдшеров, и на обязанности наиболее сознательных представителей фельдшерского сословия лежит выяснение этого положения и борьба за его улучшение, а никак не срывание своей злобы на врачах, а тем более на медицинской науке, прикосновенностью к которой сами фельдшера любят так хвастаться. Г. Задёра надёргал из произведений Л. Н. Толстого массу мест, характеризующих с гурной стороны врачей и развенчивающих медицину. Но в этом нет ровно ничего нового. Кто не знает мнения Толстого о всей современной науке и о современной культуре. Его взгляды на медицину составляют только маленькую часть его мировоззрения. Но по истине смешно видеть, как вслеп за мощным голосом великого писателя — великого даже в своих заблуждениях — раздается комариный писк г. Задёры, пытающегося попасть своим маленьким жалом в то самое место, которое бичует Толстой. По-видимому, г. Задёра искренне убеждён, что Толстой, критикуя врачей и медицину, стоит на точке зрения фрондирующих русских фельдшеров. Он, вероятно, думает, что о фельдшерах Толстой несравненно более высокого мнения, чем о врачах, а что таких фельдшеров, которые пишут книги по малодоступным их пониманию вопросам, он считает прямо призванным возродить нашу гнилую культуру» [11].

Задёра ответил на критику статьей «Сердитая каста» [12], но не ограничился этим и обратился непосредственно к Л. Н. Толстому с просьбой сообщить, правильно ли изложил мысли великого писателя. 2 апреля 1907 года он послал письмо Толстому вместе со своей книгой «Л. Н. Толстой о медицине и врачах», в котором писал: «Лев Николаевич, написанная мною брошюра "Л. Н. Толстой о медицине и врачах" вызвала негодование в среде врачей. Во всех врачебно-бытовых журналах они настойчиво обвиняют меня в "извращении" Ваших идей. Преклоняясь перед нравственной высотой Вашего учения, я весьма дорожил тем, чтобы

правильно понять и изложить Ваши мысли, насколько они относятся к медицине и врачам. И мне хотелось бы знать от Вас, извратил я Ваши идеи или нет. Будьте добры, Лев Николаевич, если позволит Вам время, написать мне об этом несколько слов. Искренне и глубоко уважающий Вас. Гр. Задёра» [13, с. 646—647].

14 апреля 1907 года Толстой прочитал брошюру и в тот же день ответил автору: «1907 г. Апреля 14. Я. П.

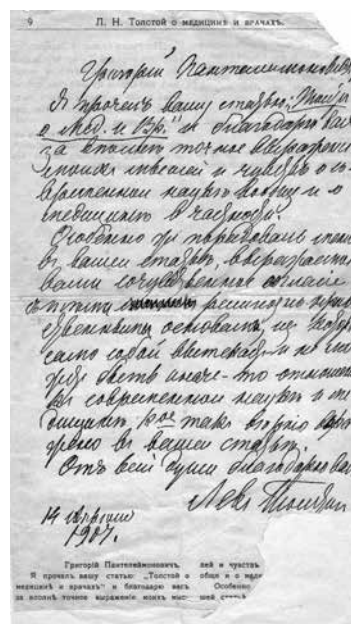
Григорий Пантелеймонович,

Я прочёл вашу статью: "Толстой о Медицине и Врачах" и благодарю вас за вполне точное выражение моих мыслей и чувств о современной науке вообще и о медицине в частности.

Особенно же порадовало меня в вашей статье выраженное вами сочувственное согласие с теми религиозно-нравственными основами, из которых само собой вытекает — и не может быть иначе — то отношение к современной науке и медицине, которое так верно выражено в вашей статье.

От всей души благодарю вас.

Лев Толстой [13, с. 647].

Ответ Л. Н. Толстого Г. П. Задёре. 1907 г.
Фото из фонда Ростовского областного музея краеведения. РОМК ОФ. 18089-16

Статьи и очерки Г. П. Задёры продолжали появляться в газетах и журналах, а в 1913 году в Ростове-на-Дону под его редакцией стал выходить журнал «Фельдшерская мысль» [14] — орган Ростовского-на-Дону общества фельдшеров, фельдшериц и акушеров, издаваемых правлением Общества. Задачу журнала его редактор видел в том, чтобы давать читателям наиболее

существенный материал из фельдшерской жизни, поддерживать и укреплять связь между всеми членами Ростовского-на-Дону фельдшерско-акушерского общества [14, с. 1]. Он регулярно выступал в журнале с острыми статьями по различным вопросам жизни и деятельности фельдшеров, освещал работу Ростовского общества фельдшеров и акушеров, членом правления которого состоял [15].

В журнале была постоянная рубрика «Выдающиеся деятели по фельдшерскому вопросу», в которой публиковались биографии известных фельдшеров и общественных деятелей. Журнал просуществовал два года: в условиях начавшейся войны Г. П. Задёра вынужден был прекратить его издание. Несмотря на непродолжительное существование «Фельдшерская мысль» способствовала росту общественного сознания и профессионального уровня медицинских работников Юга России, оставив заметный след в истории отечественной медицинской периодической печати.

Фото из фонда Государственного архива Ростовской области

После Октябрьской революции Г. П. Задёра продолжал работать в медицинских и профсоюзных организациях: в здравотделе управления Владикавказской (Северо-Кавказской) железной дороги, в Ростовском микробиологическом институте Наркомздрава РСФСР, в Северо-Кавказском краевом управлении общества Красного Креста [16]. В 1930-е годы он был корреспондентом Северо-Кавказского журнала «За саноборону», где опубликовал актуальные статьи об организации и улучшении работы Красного Креста [16, с. 50]. Появлялись его статьи и в других изданиях [17]. Не оставлял он и беллетристику, писал рассказы, стихи.

В 1920 году была опубликована его пьеса «Красная птица» — сюжет из времён Гражданской войны [18].

Григорий Пантелеймонович активно участвовал в общественной жизни: возглавлял железнодорожный отдел Медсантруда, работал в комиссиях профсоюза Медсантруда. Умер Г. П. Задёра в Ростове-на-Дону 11 февраля 1937 года после тяжёлой болезни [16, с. 50].

В одной из своих статей Г. П. Задёра писал о фельдшере и писателе П. К. Белецком: «Читатели "Фельдшера" никогда не забывали его талантливых статей по фельдшерскому вопросу, всегда глубоко содержательных, бодрых, отличающихся верным критическим чутьём и смелой правдивостью» [19]. Эти слова в полной мере можно отнести и к самому Григорию Пантелеймоновичу Задёре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Задёра Г. П. На скромном посту // Нива. 1904. № 9. С. 169—172.
2. Фельдшер : Газета, посвящённая медицине, гигиене и вопросам фельдшерского быта. Ред.-изд. Б. А. Окс. СПб., 1891—1916.
3. Задёра Г. П. Омрачённый праздник // Фельдшерская мысль. 1914. № 12. С. 637—640.
4. Его же. Медицинское дело и фельдшерский вопрос на железных дорогах и в земствах. СПб. : «Медицинский журнал» д-ра Окса, 1904. 6 с.; Его же. Право фельдшеров и фельдшериц на высшее медицинское образование. СПб. : «Литературно-медицинский журнал» д-ра Окса, 1907. 30 с.; Его же. Современное значение и задачи Общества российских фельдшеров. СПб. : «Мирный труд», 1911. 9 с. и др.
5. Его же. Фельдшер Строганов. СПб., 1904. 35 с.
6. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 531.
7. Задёра Г. П. Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова // Нива : Ежемесячное прил. к журн. 1903. № 10. С. 301—324; То же. 1903. № 11. С. 481—510.
8. Его же. Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова. Ростов н/Д : Типо-литография М. И. Осадченко, 1905. 72 с.
9. Его же. Л. Н. Толстой о медицине и врачах. СПб. : «Литературно-медицинский журнал» д-ра Окса. 1906. 61 с.
10. Вигдорчик Н. А. Лев Николаевич Толстой и Григорий Пантелеймонович Задёра //

- Русский врач. 1907. Т. 6, № 23. С. 790—793; *Его же*. [рецензия] // Врачебная газета. 1906. № 48. С. 1309; *Его же*. Ответ г. Задёре // Врачебная газета. 1907. № 10. С. 303—304; Хроника и мелкие известия // Русский врач. 1906. Т. 5, № 48. С. 1534; Русский врач. 1907. Т. 6, № 3. С. 107; Отголоски печати // Приазовский край. 1907. 3 мая. (№ 120). С. 2.
11. Хроника и мелкие известия.// Русский врач. 1906. Т. 5, № 48. С. 1534.
 12. *Задёра Г. П.* Сердитая каста // Фельдшер. 1907. № 3. URL: litlif.club (дата обращения: 13.03.2024); *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 77 : Письма 1907. М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1956. С. 148. (Серия третья : Письма).
 13. *Его же*. Л. Н. Толстой о медицине и врачах : [Предисловие и послесловие ко 2-му изданию очерка Г. П. Задёры под этим же заглавием] // Фельдшерская мысль. 1914. № 12. С. 639—650.
 14. От редакции // Фельдшерская мысль. 1913. № 1. С. 1—2.
 15. *Задёра Г. П.* Трезвый бюджет // Фельдшерская мысль. 1914. № 11. С. 603—606; *Его же*. Фельдшер и учитель // Там же. 1914. № 5. С. 255—256; *Его же*. О народно-общественных задачах фельдшерских обществ и Союза их // Там же. 1913. № 1. С. 21—22; «О проекте нового законодательства о фельдшерах» // Там же. 1913. № 1. 23—25.
 16. *Ионов Ю. В., Ионов А. Ю.* Фельдшер Г. П. Задёра // Фельдшер и акушерка. 1981. № 10. С. 48—50.
 17. *Задёра Г. П.* Отчёт о пастеровских прививках при Ростовском-на-Дону микробиологическом институте Наркомздрава // Юго-Восточный вестник здравоохранения (Ростов-на-Дону). 1923. № 10—11. С. 53—55.
 18. *Его же*. Красная птица. Ростов н/Д., 1920. 30 с.
 19. *Его же*. Павел Кузьмич Белецкий // Фельдшерская мысль. 1913. № 11. С. 606.

А. Н. ПЕРЕПЕЧ

ЖЕНСКАЯ УЧЕБНАЯ КОММУНА ИМЕНИ АРТЮХИНОЙ

На Сальской земле в 1920—1930-е годы наряду с колхозами и товариществами по обработке земли (ТОЗы) создавалась особая форма ведения хозяйства — коммуны: в Новогорлыкском сельском совете — коммуна «Новый Свет», в Сандатовском — «Новая Заря» и «Красное Знамя», в Кручёно-Балковском — «Новая идея», в Воронцово-Николаевском — «Память Ленина». Известна на всю страну многонациональная коммуна «Сеятель» (1922) [1]. Но есть страница в истории Сальска, которая может стать незаслуженно забытой. Речь идёт об учебной женской коммуне имени А. В. Артюхиной (её называли ещё «вдовья»). Это коллективное объединение стало первой на Северном Кавказе учебно-показательной женской коммуной.

Потери кормильцев в крестьянских семьях в годы Первой мировой и Гражданской войн привели к сплочению вдов, оставшихся с детьми, и одиноких женщин в коллективные объединения по ведению хозяйства с целью выжить.

Идею по созданию женских коммун в стране подала активный организатор женского

А. В. Артюхина. Фото с сайта «Герои страны»

рабочего движения, в 1924—1930 годы — заместитель, затем заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК партии и одновременно редактор журнала «Работница» Александра Васильевна Артюхина.

Такие «вдовьи» коммуны по замыслу Артюхиной создавались с целью поддержки бывших батрачек в бытовом и социальном плане. Ставились задачи обучить женщин грамоте, ведению хозяйства, работе с техникой. В те годы земледелие было технически слабо оснащено, основывалось на непосильном для женщин тяжёлом ручном труде. Была ещё задача: из женщин с передовыми взглядами готовить организаторов сельскохозяйственного производства.

В 1924—1930 годы город Сальск являлся административным центром Сальского округа. По итогам переписи 1926 года в округе был один город, 10 районов, 125 сельсоветов, 1323 населённых пункта [2].

Е. А. Сорокина. (см.: Красные косынки. Ростов н/Д., 1971. С. 135)

В районах Сальского округа жило много вдов. Большинство женщин потеряло мужей в годы Гражданской войны. Жили тяжело, в нужде. При этом женщины-вдов с трудом принимали в колхоз, отказывая под предлогом, что у них

дети, нет ни коров, ни лошадей. Чтобы помочь таким женщинам, возникла идея организовать сельскохозяйственную коммуну из вдов. Инициатором создания такой коммуны стала активистка женского движения Екатерина Абрамовна Сорокина, заведовавшая женотделом Сальского округа.

Одобрила идею создания женской коммуны в степном районе заведующая краевым женотделом О. Соколова [3, с. 133—134].

Женскую коммуну решили создать за рекой Средний Егорлык, где в 1925 году иногородние жители села Воронцово-Николаевское получили наделы земли и образовали хутор «Заречный». Организовал хутор первоконник Иван Сергеевич Сериков с женой Гликерией Авксентьевной. Сначала они агитировали хуторян за создание ТОЗа (в те годы далеко не у всех в личном хозяйстве были лошади и коровы). В 1926 году товарищество официально утвердили — оно состояло из семи дворов. Через год в нём было уже сорок дворов, а в начале 1928-го, ТОЗ реорганизовали в сельскохозяйственную артель «Сальск», которая и стала базой женской коммуны. И. С. Сериков, как активный организатор нового колхозного движения, осенью 1929 года был направлен Сальским окружкомом в Северо-Кавказскую краевую практическую академию сельского хозяйства имени А. А. Андреева. После двух лет учёбы он работал в совхозах Северного Кавказа [4].

Выбор места для коммуны был предопределён — недалеко проходила железная дорога. Подготовительную работу начали в 1928 году.

В сельхозартеле имелось четыре лошади, быки, пятнадцать коров, пять верблюдов, две телеги и одна линейка. Числилось за артелью 150 гектаров земли. Присоединили к владениям будущего хозяйства ещё 200 гектаров свободной земли, которая граничила с совхозом № 1 «Гигант» и конезаводом имени С. М. Будённого. В течение месяца составили экономический проект плана и чертежи строительства. Основными отраслями производства наметили овощеводство и птицеводство.

Е. А. Сорокина вскоре отправилась в Москву к М. И. Калинин и встретила с Н. К. Крупской, рассказала о начинаниях. Получила добро создать самостоятельную женскую коммуну, в которой будут работать и одновременно учиться одинокие женщины, вдовы и 16-летние воспитанницы детских домов. Н. К. Крупская приняла самое активное участие в создании и в дальнейшем развитии коммуны [3].

Работники Сальского окружного женотдела спешили сделать как можно больше. Они

Коммуна имени Артюхиной. 1930 г. Фото из личного архив Л. Н. Перепеч.

увлечённо готовили вдов к вступлению в коммуны. Созвали городское собрание делегатов Сальска и взяли с них обещание во всём помогать хозяйству. В основном из соседних районов потянулись направленные женотделом первые члены коммуны. Окрколхозсоюз и крайколхозсоюз выдали средства на её организацию. Были закуплены первые несколько домиков. Приезжающих принимали радушно, расселяли и они тут же приступали к работе. Готовили парники и помещения для яровизации картофеля. Взяли в кредит племенных свиноматок, сортовые семена зерновых и овощных культур. Электротехники подвели к территории коммуны высоковольтную линию, построили трансформаторную будку и помещение под инкубатор. Сразу же подали в соответствующие инстанции заявки на инкубаторы, сельскохозяйственные машины и два трактора. Только после всего сделанного на общем собрании избрали правление коммуны из семи человек, куда вошли прежний председатель артели Сериков и его заместитель Могила. Первым председателем коммуны стала Екатерина Абрамовна Сорокина. Новое хозяйство назвали «Учебно-показательная сельскохозяйственная коммуна имени А. В. Артюхиной» [3, с. 135].

Вскоре из Москвы приехал представитель ЦК ВКП (б) Козлов, три экономиста и главный бухгалтер. Коммуна была утверждена в окружкоме.

В создаваемую женскую коммуны принимали как одиноких женщин, так и семьи. Пополнение коммуны специалистами всячески

поощрялось. В хозяйстве нужны были кузнецы, плотники, столяры, машинисты, сапожники, портные, а в будущем и киномеханик. Никому из коммунарок не запрещалось выйти замуж. Если коммунарка выходила замуж, её муж должен был стать членом коммуны и работать по специальности. К осени 1929 года создались две семьи, которые получили первые квартиры [3, с. 135].

Женщины приносили с собой в общий котел всё, что имели: «2 чугуна, корыто и 5 кур», «вилы, серп и 1 овца». Завхоз тщательно вёл записи в журнале: «Сданы 2 ложки».

Первый руководитель коммуны Е. А. Сорокина одновременно была и заведующей женотделом Сальского окружкома. С 1 сентября начинались занятия колхозуча при коммуне. Екатерина Абрамовна стала его директором. Нагрузка большая. Хотелось энергию направить на создание нового, перспективного хозяйства. Согласовав в Москве вопрос с А. В. Артюхиной, Екатерина Абрамовна оставила работу в окружном женотделе и переключилась полностью на работу коммуны [3, с. 138].

Коммуна относилась к Воронцово-Николаевскому сельскому совету. По деревянным кладкам через реку Средний Егорлык молодёжь коммуны ходила в село Воронцово-Николаевское. Вместе проводили свободное время, отмечали праздники. Выглядели по последней тогда моде: стрижка с круглой гребёнкой в волосах, ситцевое платье, надраенные мелом спортивные прорезиненные тапочки.

*Центральная усадьба коммуны имени Артюхиной. Район Заречный. 1929 г.
Фото из Сальского художественного музея им. В. К. Нечитайло*

Молодые, красивые, трудолюбивые коммунарки решили на общем собрании, что коммуна не должна напоминать монастырь, а, напротив, как можно больше слиться с народом. Но было принято строгое решение: если кто вздумает позорить своим недостойным поведением честную семью коммунарок, будет немедленно из коммуны исключён.

Так женский союз вступал в свои права. Каждый новый день приносил радость: поступали кредиты на льготных условиях, прибывал строительный лес и другие стройматериалы. Отдел работниц ЦК ВКП (б) добился, чтобы коммуне выслали два инкубатора. Вскоре с помощью кредитного товарищества была приобретена партия американских инкубаторов «Джемсвей», тракторы «Фордзон», «Джон Дир» и «Интернационал», жатка и сноповязалка [3, с. 136]. В июле 1929 года правительство страны, несмотря на тяжёлое положение с сельскохозяйственной техникой, вместо двух, выделило женской коммуне три молотилки.

Работали дружно, весело, с энтузиазмом, даже самоотверженно, часто с песнями. Отношения коммунаров строились на доверии

и уважении друг к другу. В хозяйстве не было прогульщиков и больных. Если кто-то сильно переутомлялся, его временно переводили на более лёгкую работу.

В момент организации коммунарам приходилось жить в хатах скученно по несколько семей. Первое время устраивались кто где: в городе у знакомых, на чердаках производственных помещений. Кроватей не было, обходились деревянными топчанами, которые на время дал Сальский горвоенкомат. Матрасами служили набитые соломой парниковые маты. Не у всех были одеяла и подушки. Коммунарки не жаловались на условия, терпели временные неудобства и преодолевали их сообща.

Для улучшения быта коммунарок была выделена большая сумма денег. Однако строить большой корпус общежития и жилые двух-трёх квартирные домики не спешили.

Из леса, который поступал, в первую очередь строили хозяйственные помещения: коровник, конюшню, силосную башню, десять птичников на сто голов каждый, инкубаторы, пекарню, здание под учебный комбинат — колхозуч. Вместо заводского кирпича часто использовали саман,

который сами же месили ногами, используя глину и солому. Формировали его, затем высушивали на солнце. Многие приезжающие в коммуну делегации удивлялись пирамидам сохнувшего самана.

Женской учебной коммуне оказывали всестороннюю помощь все. Купить трансформатор помог первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А. А. Андреев. Сотни сальчан провели двухдневный субботник, помогая прорыть каналы для полива овощей и раннего картофеля. В степной засушливой зоне имело большое значение орошаемое овощеводство. Уже весной 1929 года четыре электромотора подавали воду из реки, а в мае заработала высоковольтная электролиния, которая давала хозяйству ток.

Работа по созданию женской учебной коммуны имени Артюхиной на Сальской земле велась одновременно с организацией на целинных землях летом 1928 года зерносовхоза № 1 «Гигант». В нём так же сначала рабочие жили в палатках и полевых вагончиках.

В первые годы своего существования в коммуне состояло 470 человек (123 мужчины и 347 женщин). Все средства производства и помещения были обобществлены. На кухне для всех коммунаров готовили обед.

На производственных участках была чёткая организация труда. Коммунары работали по бригадам: полеводческая, огородническая, птицеводческая. Каждая бригада делилась на звенья с закреплёнными участками работы. Учётчики труда регистрировали сколько труда затрачено на тот или иной вид работ, количество и качество произведённого. Заработанные деньги выдавали коммунарам на руки за вычетом расходов на питание, одежду и прочие общие расходы. Все производственные звенья коммуны выполняли и перевыполняли свои планы.

В начале июня 1929 года убрали первый ранний картофель. Освободили землю под поздние огурцы и капусту. Уезжая в Москву за новыми сельхозмашинами, Е. В. Сорокина взяла с собой образцы выращенного картофеля. Зашла в Центральный комитет ВКП (б), где остались довольны успехами коммунаров и обещали всестороннюю помощь. Сорокина часто бывала в московских командировках на совещаниях, решала насущные вопросы. Она вспоминала, что необходимо было закупить оборудование для сельскохозяйственных кабинетов и лабораторий колхозуча. Оно стоило свыше 100 тысяч рублей. Обратилась к Н. К. Крупской, которая порекомендовала пойти к «всесоюзному

старосте» М. И. Калинин, поговорить о долгосрочных кредитах. Он уже знал о нуждах коммуны. Коммуна получила для приобретения оборудования долгосрочные кредиты, а крайвым организациям было дано указание оказывать коммуне всестороннюю помощь [3, с. 137].

Уже в 1929 году инкубаторий коммуны дал 10 000 цыплят, а начиная с 1930-го коммунарки выращивали в год по 12—15 тысяч. Молодых кур в специальной таре поездами и самолётами отправляли во многие области Советского Союза [3, с. 138]. А начинали птицеводство всего с 6000 цыплят, которых распределяли по хатам и сараям местных жителей.

18 июля 1929 года коммуну посетили члены правительства и общественные деятели Н. К. Крупская и М. И. Ульянова [5; 6; 7; 8]. Посёлок быстро оббежала радостная весть: «Едут посмотреть на наши дела». На самой лучшей площадке комсомольцы соорудили небольшую трибуну. К одиннадцати часам дня показалась легковая машина и сопровождавшие её конники. Перед трибуной выстроились коммунары, приветствуя гостей. Перешли в кинозал, где собралось много народу — «яблоку негде упасть». Коммунары пришли за два часа занять место. Бурными аплодисментами встретили гостей. Приветствуя коммунаров, Крупская говорила о том, что своим примером они показали, на какие большие дела способны женщины и пожелала коммуне стать показательной, чтобы люди шли к ним за опытом. Говорила тихим голосом 40 минут. Однако её было слышно — присутствующие боялись пошелохнуться. Затем выступила М. И. Ульянова. Коммунары задавали много вопросов. Спустя годы бывшая коммунарка Дина Привайло вспоминала о приезде Крупской и Ульяновой. Её письмо юным краеведам города хранится в Сальском художественном музее имени В. К. Нечитайло [9].

К приезду гостей нашли красный ситец, пошили галстуки, и дети коммунаров Аня Жогина, Дина Китчишенко, Стелла Коклина приняли гостей в почётные пионеры коммуны [6]. После митинга коммунарки разошлись по рабочим местам, а гости стали знакомиться с небогатым пока хозяйством. Они выезжали в поле, наблюдали, как молотят зерновые культуры, побывали на стройках, осмотрели животноводческое хозяйство, производственные постройки, птичники. Крупская беседовала с людьми, интересовалась их работой, учёбой, бытом, настроением. Общаясь, гости находили каждому тёплые слова. Вечером в их честь комсомольцы в небольшом клубе устроили представление, ставили пьесу, пели частушки. Играл женский оркестр.

На прощанье гостям вручили букеты цветов. Приезд членов ЦК воодушевил коммунаров. На Сальской земле они пробыли два дня. Посетили и совхоз «Гигант». Коммуне имени Артюхиной в подарок пришла грузовая автомашина [4; 6; 8].

В 1929 году на Всесоюзном совещании по улучшению труда и быта женщин Н. К. Крупская говорила о коммуне: «...Пришлось мне видеть ещё летом на Северном Кавказе одну очень интересную вещь. Около Сальска есть колхоз имени Артюхиной. Колхоз этот имеет трактор. Отведено там под огород приблизительно около 20 гектаров земли, там водоем устроен и пр. Это учебный колхоз. Туда женщины со всего Северного Кавказа, крестьянки собрались, есть и из других областей, также и из Сибири одна там была, пришлось с ней разговаривать. Они намереваются в этом колхозе пробыть года два для того, чтобы научиться колхозному делу и научиться организовывать колхозное дело.<...> И вот цель этого колхоза имени Артюхиной заключается в том, чтобы из женщин подготовить этих организаторов...» [10].

Далее она рассказывала: «Приехала я в Москву, вижу: на синей бумаге прислана большая смета на те постройки, которые должны там производиться. Я прочитала смету — 300 000 рублей. Обращение в Главполитпросвет. В Главполитпросвете на такую постройку никаких денег нет. У нас нет строительного фонда в Главполитпросвете. У нас вообще смета такая, что приходится дорожить буквально каждой копеечкой. Пошли в Колхозцентр. В Колхозцентре говорят, что это должно пойти за счёт Главполитпросвета. А те 14 000 рублей, которые ассигнованы на постройку бани, столовой и т. д., можно получить на месте в кредит от такого-то банка, но сначала нужно произвести обследование. Я не знаю, кто мне прислал эту смету, она была без всякой сопроводительной бумажки. Конечно, местная власть прекрасно знает, что делается в коммуне, какое именно здание будет построено, как именно они поселят на зиму этих женщин, и они как-нибудь выйдут из этого положения. Сейчас у них есть трактор. И когда нам пришлось разговаривать с ними, они заявили: "Ты не думай, мы все трудности перенесём и научимся быть организаторами колхоза". Видна громадная энергия, громадная зарядка, но никто не заботится о том, чтобы прийти на помощь в смысле стройки» [10].

В сентябре 1929 года пять лучших пионеров побывали в Москве на всесоюзной олимпиаде. В столице пробыли восемь дней. Их встретили

Н. К. Крупская и М. И. Ульянова, показали Москву. А когда делегация детей уезжала домой, каждому подарили по большому альбому [8].

1 сентября 1929 года в коммуне был праздник. Женщины ходили нарядные. Началась учёба в оборудованных классах. За партами сидели прилежные и любознательные ученицы, пожилые и молодые. С большим упорством постигали они знания. Специалисты и преподаватели, с целью закрепления у коммунарок знаний, проводили беседы по пройденному материалу перед началом работы и в перерывах в поле, на ферме, в птичниках, после окончания трудового дня в общежитии [3, с. 140].

Коммунарки трудились, набирались опыта, обустроивались, и только в конце октября 1929 года, после уборки урожая и окончания строительства общежития и части домиков провели торжественное открытие коммуны. Всего за несколько месяцев были построены: хлебопекарня, прачечная, баня, зал заседаний, водяная мельница с помолотом зерна на камне. В общежитии были светлые просторные комнаты. Налаживался быт. У каждой женщины, возможно впервые, появилась кровать, постель и тумбочка. Посредине комнаты для занятий стояли большие столы. На окнах красовались занавески. В здании общежития разместили большую столовую, клуб, где показывали кино, играл духовой оркестр, в котором были только девушки. По вечерам работали кружки, художественная самодеятельность. Две комнаты выделили специально для приезжающих на экскурсии гостей и специалистов. Ещё две комнаты заняли под канцелярию.

В декабре 1929 года Е. А. Сорокина с двумя передовиками, птичницей и овощеводом, приняли участие во Всесоюзном съезде ударных бригад. С высокой трибуны, волнуясь, Екатерина Абрамовна рассказала делегатам о первых успехах. Домой вернулись окрылённые. Вскоре из Москвы приехали специалисты, которые помогли расширить птицеводство: зоотехник Анна Ивановна Гаконова и Татьяна Паваджанова. Подготовив себе смену, они уехали.

Учёные для хозяйства составили почвенную карту полей, разработали экономически выгодные предложения. Уточняли планы и экономические перспективы хозяйства и убедительно доказали, что выгодно заниматься птицеводством.

Государством были отпущены средства на постройку жилых зданий. Госбанк выделил на развитие ссуду. В 1930 году построили три больших кирпичных здания.

В первое перевели начальную школу, которая ютилась в маленьком домике

в хуторе Заречный. В школе было четыре большие классные комнаты. Дети получали 4-классное образование. Школа стала начальной с № 12. При школе были две квартиры учителей, а четвертую часть здания занимало правление коммуны.

В уставе учебной коммуны имени Артюхиной было прописано, что для каждой коммунарки работа и учеба обязательны. Не все умели писать, были и малограмотные. Такие коммунарки занимались на курсах по ликвидации неграмотности. А окончившие начальную школу, могли продолжить учёбу и получить здесь же семилетнее образование.

Коммунары учились без отрыва от производства. В вечернюю смену в здании школы занимался колхозуч. Занятия начинались в 18 часов. Колхозуч имел птицеводческое направление. Для этого оборудовали два учебных кабинета: биологический и химический. В круглом зале школьного здания проходили собрания, приезжающие специалисты читали лекции. Здесь было несколько радиофицированных столов с наушниками. Коммунарки в нерабочее время также слушали лекции в записи. Готовились кадры по птицеводству для хозяйств Сальского округа. При колхозуче были организованы и курсы специалистов по птицеводству, слушателями которых стали сальчанки и сорок горянок с Северного Кавказа. Это были первые, отправленные на учёбу в Сальские степи женщины Кавказа [11]. Занятия проводили специалисты и научные работники Тимирязевской академии и Загорского научно-исследовательского института птицеводства. Операторов инкубаторов подготовили специалисты Загорского научно-исследовательского института птицеводства. Овощеводы и полеводы учились выращивать высокие урожаи у опытных практиков и агрономов [3, с. 139]. Коммуна имела свой рабфак. Окончившие его могли поступать в вузы и техникумы. Много лет директором колхозуча был Иван Васильевич Чубин.

Коммунарки участвовали и в культурно-просветительских мероприятиях. При колхозуче работали кружки: драматический и хоровой, девичий духовой оркестр. Культурно-массовая работа проводилась в клубе и на полевых станах. Учителя выступали с докладами, читали газеты. В ежедневной стенгазете «Коммунар» рассказывали о передовиках и клеймили сатирой отстающих. С жёсткой категоричностью коммунары требовали, чтобы отстающая бригада выходила на работу под «рогожным» знаменем, а в общежитии в комнате «нерях» красовался «орден хавроньи».

Второе большое здание было предназначено для общежития. В его маленьких комнатах жили семейные коммунары, в больших по несколько человек — одинокие.

В третьем здании разместили детские ясли и детский сад. Воспитатели (большинство из коммунарок) обучались на семинарах по уходу и воспитанию детей. Дошкольные учреждения дали возможность женщинам работать. Детские ясли были тогда редким явлением и многие жители села Воронцово-Николаевского с удивлением и опаской приходили смотреть как там содержатся дети.

Отдельно были простроены кухня, пекарня, прачечная. При переходе коммуны в колхоз это здание переоборудовали под клуб со сценой. Здесь же размещалась библиотека с читальней.

Одновременно коммунары своими силами построили баню, саманные помещения для скота: конюшню на 150 лошадей, коровник на 150 голов, свинарник на 300 голов. Помещения были утеплённые, с деревянным полом и имели освещение. Зерно молотье возили уже не в село Капустино, а на свою мельницу.

Птицеводство и овощеводство приносили хорошие доходы. Укрепилась материальная база, рос авторитет коммуны. Со всех концов округа, из дальних сёл, хуторов и станций приезжали экскурсии. Были и иностранные делегации [3, с. 136]. Так вдовья коммуна своими успехами тормозила, переубеждала, воспитывала новое поколение крестьян. Как правило, крестьяне, побывав в хозяйстве, создавали колхозы. Коммунарки не только щедро делились опытом, показывали свои успехи, но и помогали, чем могли. Одним давали цыплят, другим — во временное пользование тракторы. В начале 30-х годов о них много писали. В одной из книг есть авторское посвящение «...передовому борцу за переделку сельского хозяйства, большевистски разрешающему мясную проблему на Северном Кавказе коммуне имени Артюхиной Воронцово-Николаевского района» [12].

Несмотря на успехи, коммуна развивалась в острой классовой борьбе. Многие крестьяне сохраняли недоверие и даже враждебное отношение как к коммуне, так и к форме социальной и производственной организации. Зажиточные селяне из ближайших сёл устраивали провокации, подкуп, убийства с целью разогнать коммуны. Они пугали, что там, где пройдёт трактор, даже трава расти не будет, выступали против детских ясель. Однажды вечером, когда коммунарки в клубе рассказывали приехавшим на экскурсию гостям о достижениях, были убиты мужа председателя коммуны Е. А. Сорокиной и учительницы Сильницкой.

В 1930 году в коммуне начала работать птицефабрика. Подросших инкубаторных цыплят рассылали во многие районы специальными вагонами и даже на самолётах. В этот год коммуна только от птицеводства получила 1700 рублей прибыли. К концу 1930 года в коммуне уже было 43 коровы, 62 лошади, 12 пар волов, 2 сенокосилки, 3 лобогрейки, 3 трактора «Джон-Дир». На тракторах и других машинах работали женщины. Молодые коммунарки стремились овладеть всем новым, передовым. В эти годы в стране была развёрнута широкомасштабная кампания: «Девушки — на трактор!». Женщины-механизаторы стали символом эпохи. Девушки из коммуны имени Артюхиной обучались на тракторных курсах в совхозе «Гигант». О трудовых успехах женской коммуны Сальского округа Северо-Кавказского края свидетельствовал плакат: «XVI съезду ВКП (б) рапорт женской коммуны имени А. В. Артюхиной».

В 1930 году Екатерину Абрамовну Сорокину командировали в Москву в Высшую партийную школу, затем она с отличием окончила сельхозакадемию и в течение восемнадцати лет работала на руководящей сельхозработе по семеноводству и сортоиспытанию.

Е. А. Сорокину сменила Татьяна Львовна Чеботарёва (1930—1933). В середине 1933 года Т. А. Чеботарёва была переведена председателем Анапского райисполкома (1933—1937). Частая смена руководства не влияла на работу коммунаров. Хозяйство успешно развивалось. В 1931—1932 годах в коммуне было уже 102 коровы, 92 лошади, 92 пары волов, 1200 овец, имелось 3333 гектара земли. Овощами коммунары обеспечивали себя полностью, сдавали государству и продавали на рынке. Заведовал огородом Максим Абрамович Рындя (погиб в феврале 1942 года). Росла культура земледелия. Коммунары постепенно расширяли производство, сеяли новые культуры, такие, как пшеница, кукуруза, ячмень, просо. Спасать урожай от суховея помогали лесополосы. Первая лесозащитная полоса была посажена коммунарами в 1932 году. Лесополосы препятствовали сильным зимним и весенним чёрным бурям [13].

В эти годы построили ещё два инкубатора на 4500 яйцемест и на 25 000 яйцемест. Заведовал инкубатором Антон Иванович Закутнев. Птицеводство стало прибыльным и в 1932 году построили уже 25 птичников на 2000 штук взрослой птицы и 8000 цыплят каждый. К концу 1932 года в них содержалось 15 500 взрослой птицы, 42 000 цыплят и ежедневно снимали от 8000 до 12 000 яиц. Коммуна славилась породой кур леггорны. На птицефабрике работали

93 человека. Среди передовых птицеводов были Елена Рябцева (заведующая птицефермой) Александра Змеёва, Татьяна Певнева, Анна Кульченко, Серафима Серикова. Они выхаживали 97% цыплят. Яйцо и птицу коммунары сдавали государству, сверхплановую продукцию (яйца, птицу, молоко, масло, муку и овощи) продавали. Коммуна имела свой ларёк в Ростове при Донской табачной фабрике. Об ударной сельскохозяйственной коммуне имени Артюхиной в эти годы ИЗОГИЗ выпустил серию почтовых карточек.

В 1933 году коммуну посетила активистка женского движения в России, зав. отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП (б), редактор журнала «Работница» Александра Васильевна Артюхина, имя которой и носила коммуна. Она интересовалась хозяйством коммуны, жизнью и бытом коммунаров.

В середине 1933 года сменилось руководство коммуны. Третьим руководителем коммуны стала Вера Абрамовна Гайдукова (1933—1937; 1941—1942).

В 1935 году по решению правительства коммуны перешли на колхозный устав. В. А. Гайдукова стала первым председателем колхоза имени Артюхиной. Каждый коммунар как колхозник получил жилое помещение и корову, приусадебный участок от 0,45 га до 0,55 га. Земля в 3333 га закрепилась за колхозом. Хороший по тем временам урожай зерновых по 35 центнеров с гектара был получен в 1937 году. Зерновая отрасль стала главной в хозяйстве. Колхозники на трудодень получили по 11 кг 700 г зерна. Значительно улучшилось их материальное положение. Они приобретали велосипеды, патефоны, швейные машинки.

По мере роста и укрепления полеводства крепло и животноводство. Колхоз имел несколько ферм: коневодческую, крупного рогатого скота, свиноводческую, овцеводческую, птицеводческую. Выходила своя еженедельная газета «За большевистский колхоз». Газета была злободневная, острая, звала колхозников к самоотверженному труду. Редактор газеты К. Я. Рябцева и её помощники учителя отмечали успехи и критиковали недостатки.

В. А. Гайдукову на посту председателя сменила двадцатипятилетняя Елизавета Александровна Муравейская (1937—1941; 1943—1949) [6], дочь Александра Васильевича Муравейского, питерского рабочего-железнодорожника, участника Гражданской войны, впоследствии — председателя ревкома. Двадцатилетняя Елизавета Муравейская работала в пионерском лагере окрпозсоюз, снабжавшем сельхозмашинами товарищества

по совместной обработке земли, в Цимлянске вожатой. В 1929 году её направили в коммуну имени Артюхиной секретарём комсомольской ячейки. Все эти годы она возглавляла комсомольскую организацию коммуны.

*Е. А. Муравейская (Сальская степь.
1969. 26 февр. С. 3)*

В 1938-м на общем собрании колхозников решили продать два больших здания для организации в них Дома инвалидов (в настоящее время это старые корпуса психоневрологического интерната). В 1939 году Дом инвалидов разместили в корпусах бывшей коммуны имени Артюхиной. Имя первого директора дома для престарелых и инвалидов история не сохранила. А когда с фронтов вернулись домой кадровые офицеры, пост руководителя предложили Константину Терентьевичу Егорову. Начальная школа № 12 была преобразована в среднюю и переведена в более приспособленное здание в село Воронцово-Николаевское. Бывшие коммунары, проживавшие в общежитии, построили себе дома.

Примечательно, что все председатели коммуны имени Артюхиной были городскими женщинами и стали активными участниками объединения «смычки» города с деревней. Не случайно, в городе Сальске ещё долго часть

современной улицы Ленина от реки Средний Егорлык до площади Юбилейной называлась улицей Смычки.

В 1941-м многие колхозники ушли защищать Родину. Остались старики, женщины и дети. Вновь возглавила хозяйство Вера Абрамовна Гайдукова (1941—1942).

За шесть месяцев немецкой оккупации колхозу был нанесен огромный урон (убытки составили 2 478 400 руб.) [14]. Немецко-фашистские оккупанты разрушили многие постройки, привели в негодность оборудование, вырубili виноградники и полезащитные полосы, сожгли большое двухэтажное здание школы № 12 и её филиал, где учились дети 1—4 классов, здание детского сада. Во время эвакуации на Кавказ в хозяйстве погибли 960 голов овец, 1020 голов крупного рогатого скота, много лошадей. Однако, колхозники сумели сохранить семенной фонд зерна, около 200 центнеров семенного картофеля, закопав всё в землю.

Бывшие коммунары и коммунарки спасали имущество, продукты и людей. Известно, что Семён Александрович Самойленко в своём доме все шесть месяцев оккупации города и района прятал Елизавету Муравейскую, которая с детьми и матерью не выходила из дома. Полицаям говорили, что в семье карантин и есть больные.

После освобождения города и района в январе 1943-го колхоз вновь возглавила Е. А. Муравейская, начав его восстановление. Она руководила колхозом по 1949 год.

В 1951 году было принято решение о слиянии небольших пригородных колхозов имени А. В. Артюхиной, «Новая нива» и «Кучерда» в колхоз имени А. А. Жданова, часть земель которого в 1956-м стала 11-м отделением совхоза «Гигант» [3, с. 141]. Со временем территория, где располагалась центральная усадьба коммуны имени Артюхиной вошла в черту города Сальска.

Учебно-показательная коммуна, как и предполагалось — стала кузницей кадров. Коммуна воспитала колхозных вожаков, инициаторов ударной работы. Часто менялись председатели, сделав образцово свою работу, получив производственный опыт, они шли на повышение. Даже небольшой, полученный ими опыт, ценился высоко. Многие коммунарки стали руководителями производств.

К примеру, Дина Привайло на Ставрополье занималась организацией колхозов, была председателем Изобильненского горсовета, секретарём райкома, возглавляла райздравотдел [7; 9]. Мария Некрасова стала директором птицеводческой фабрики, Куля

Д. Н. Рыбальченко, бывший член коммуны им. Артюхиной в гостях у пионеров школы № 1 г. Сальска. Ноябрь 1980 г. Фото из фонда Дома пионеров и школьников им. Н. И. Филоненко г. Сальска

Соколенко — председателем сельсовета, Евдокия Фирнова — секретарём парткома колхоза, Серафима Серикова и Нина Плясова — комсомольскими вожаками.

Известны имена передовых коммунаров. Февронья Калюжная пришла в коммуну в 1937-м, работала на огороде. Ольга Назаровна Колиева, приехавшая в 16 лет на курсы из Ремонтненского района, осталась жить и работать в коммуне, создала семью, вырастила семерых детей. В 1929-м в коммуну пришли Ирина Михайловна Нечитайло (училась и работала учётчиком на МТФ, затем стала воспитательницей детского сада), Акулина Николаевна Мещерякова, воспитанница детского дома, работала на огороде поливальщицей, Наталья Полифеевна Венецкая, трактористка, работала в полевой бригаде. В 1930 году в коммуну пришли Нина Смолякова, птичница, Ксения Завадская — работала в полевой бригаде. С четырьмя маленькими детьми пришла в коммуну Анна Трофимовна Адабаева. Донской художник Иван Васильевич Чичеров попал в коммуну из детского дома, проживал в семье Остапенко, всегда с гордостью отмечал, что он жил и трудился в коммуне имени Артюхиной.

Эти имена первых коммунаров сохранили для потомков юные краеведы 1970-х годов

Р. Д. Жигалова (слева в 1-м ряду среди учителей школы № 10 г. Сальска). Фото из личного архива Л. Н. Перепеч

вместе со своим учителем, сальским краеведом Раисой Даниловной Жигаловой.

Они разыскали А. В. Артюхину. Началась переписка. В одном из писем Александра Васильевна отвечала краоведам: «...Сообщаю, что в Сальском районе действительно была коммуна женская им. Артюхиной и я была в этой коммуне. Председателем коммуны была т(оварищ) Сорокина Екатерина Абрамовна. В эту коммуну приезжала Н. К. Крупская и очень помогла коммуне. Т(оварищ) Сорокина написала о коммуне в книге, вышедшей в 1962 г. "Участницы великого созидания"... А. Артюхина. 11.04.1967" [15].

В истории Сальска и памяти сальчан зареченский район города остался бывшей коммуной имени А. В. Артюхиной. Помещения по левую сторону реки Средний Егорлык, как были построены в 1930 году, так и стоят сегодня. За эти годы только менялось их предназначение. Сегодня одна из улиц Сальска названа именем Артюхиной в память о событиях почти вековой давности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коммуна «Сеятель» и лесополосы из Америки // Меотида и окрестности : История, культура, природа Нижнего Дона и Приазовья : [сайт]. URL: <https://meotyda.ru/node/1159> (дата обращения: 08.08.2024)
2. Список населённых мест Сальского округа Северо-Кавказского края. Сальск, 1927. С. IX.
3. Сорокина Е. А. Коммуна вдов // Красные косынки. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1971. С. 133—142.
4. Бицкий Ф. Слово о создателе коммуны имени Артюхиной // Сальская степь. 1968. 7 авг. С. 4.

5. Калиева О. Незабываемая встреча // Сальская степь. 1969. 26 февр. С. 2.
6. Муравейская Е. Добрая память // Сальская степь. 1969. 26 февр. С. 3.
7. Привайло Д. П. Встреча с Крупской и Ульяновой : странички воспоминаний // Сальская степь. 1971. 21 янв. С. 3.
8. Рыбальченко Д. Как завещал Ленин // Сальская степь. 1969. 26 февр. С. 3.
9. Привайло Д. П. [Письмо юным краоведам г. Сальска] // Сальский художественный музей им. В. К. Нечитайло. Основной фонд.
10. Крупская Н. К. Выступление на Всесоюзном совещании по улучшению труда и быта женщин // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 8. Библиотечное дело. Избы-читальни. Клубные учреждения. Музеи. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. С. 70. URL: <https://libking.ru/books/nonf/nonf-publicism/270998-70-nadezhda-krupskaya-bibliotechnoe-delo-izby-chitalni-klubnye-uchrezhdenii-muzei.html> (дата обращения: 08.08.2024).
11. Жигалова Р. Кавказских женщин учили в Сальске // Сальская степь. 1997. 16 мая. С. 3.
12. Тихомиров Н., Гладков С., Ругенко В. Коммуна ударная. Ростов н/Д. : Сев. Кавказ, 1932. 53, [2] с. : ил. (Растрате колхозного опыта положим конец).
13. Сальский район / Я. И. Звягинцев, П. И. Рудаков, В. А. Мидцев, В. С. Лермонтов. М. : Сельхозгиз, 1952. С. 70.
14. Сальский муниципальный архив. Ф. 23. Д. 2. Л. 16000.
15. [Копия письма А. В. Артюхиной учащимся школы № 7 г. Сальска] // Личный архив Л. Н. Перепеч.

О. М. МОРОЗОВА

МИРОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Первый памятник Ленину был открыт уже на следующий день после его смерти в Ногинске. В нём ещё не найден характерный ленинский призывающий жест, сохранённый кинохроникой и фотосъёмкой. Но он уже угадывается в другом памятнике, установленном в 1925-м в Твери на территории бывшей морозовской мануфактуры.

Пластика, выражающая мощь ленинского призыва, найдена и воплощена скульптором С. А. Евсеевым в памятнике у Финляндского вокзала (1926 г.). Передача индивидуального сходства сохранена, но уходит на второй план, когда фигура вождя революции приобретает атлетизм, а его поза прочность и динамику одновременно. Стиль этого памятника — вождь-оратор — был в дальнейшем скопирован в работах других скульпторов. Любопытно, что во всех поданных на конкурс монумента у Финляндского вокзала проектах присутствовал броневи́к как основание для фигуры вождя. У получившего первую премию художника А. М. Ляндсберга вздыбившийся бронеавтомобиль имеет вполне натуральные очертания [1]. С Ростовом-на-Дону победивший в итоге проект объединяет то, что авторами цоколя стали архитекторы В. Щуко и В. Гельфрейх, будущие создатели здания театра имени М. Горького. Постамент выполнен в стиле конструктивизма и с помощью лаконичных штрихов передаёт контуры броневи́ка, указывая на обстоятельства эпохального выступления Ленина в апреле 1917-го. В подобных монументах обозначается традиция совместного выполнения проекта скульптором и архитектором, когда мощное высокое подножие венчает полноростная фигура.

Памятник В. И. Ленину в Ростове-на-Дону (авторы — скульптор Г. В. Нерода, архитектор П. Н. Андреев) был установлен в 1929 году и стал одним из первых в СССР. Он предвосхищал основные тенденции советского монументального искусства. Это скульптурная бронзовая фигура на высоком сложносоставном каменном основании из контрфорсов, выступающих из пьедестала и выполняющих роль ступеней и трибуны.

Делегаты Первой Северо-Кавказской краевой конференции Всесоюзного общества старых большевиков у памятника В. И. Ленину. Ростов н/Д., 1932. (ЦДНИРО. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 36. Л. 1.)

В связи с этим представляет интерес частью какой культурной традиции стал памятник и влияние каких проектов испытал, ведь спустя почти век он не выглядит архаичным и воспринимается как добротный образец советского монументализма.

Рассматривая вопрос об истоках советского монументального искусства, выдающийся искусствовед В. П. Толстой отмечал рецепцию античной эстетики в её византийском изводе, влияние эпохи Возрождения (на фресковую живопись, прежде всего) и что ценно — делал замечание о воздействии на работы советских монументалистов искусства модерна [2]. В целом, теме советского художественного наследия посвящена многочисленная литература. Это обзоры сложившихся школ, творчества

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета. Сообщение на Чтениях под названием: «Первые советские революционные памятники на Юге России» (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.)

отдельных мастеров, фотоальбомы объектов культурного наследия с наибольшим интересом к огромному наследию в виде мозаичных панно, витражей, малых архитектурных форм [3; 4]. Е. Ю. Лекус отмечала влияние на судьбы мемориальных проектов раннего этапа выбора между футуристическим и реалистическим направлениями в монументальной пропаганде [5]. Изучению влияния текущего художественного процесса на конкретные архитектурно-скульптурные произведения уделено меньше места, обычно это второстепенные сюжеты в текстах книг и статей.

В. И. Ленин придавал огромное значение всем видам пропаганды, монументальная не стала исключением. Символическое значение памятников в стране, где устанавливался политический режим со сложно передаваемой широким массам идеологической составляющей, было высочайшим. 14 апреля 1918 года председатель Совета народных комиссаров подписал декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Понимая, что гранит и бронза недоступны к широкому использованию в воюющей стране, он призывал создавать временные памятники из дешёвых материалов — дерева, гипса, бетона, но так, чтобы они выполняли своё основное назначение — увековечивали важное для революции событие или отличившегося в мировой истории человека.

Первыми кандидатами на увековечивание памяти становились выдающиеся революционеры и мыслители. По замыслу Ленина их фигуры должны были выступать в роли некой азбуки в истории, политике и естествознании для малограмотных масс. Одним из первых был открыт памятник К. Марксу скульптора А. Т. Матвеева в Петрограде перед Смольным (1918). Он был выполнен из гипса и демонтирован уже в 1923 году. Скульптура была исполнена в авангардистской манере. Лицо и фигура составлены из плоскостей, создавая тот же эффект раздробленно-соединённого пространства как на супрематистских двухмерных изображениях.

Ещё более экспериментальный характер носили скульптурные памятники анархисту М. А. Бакунину, французскому революционеру Ж. Ж. Дантону, народоволке С. Л. Перовской. Но они были негативно встречены и партийной верхушкой, и рядовыми гражданами. По словам А. В. Луначарского, кубическая фигура Бакунина вызывала оторопь у проходящих и проезжающих по Мясницкой [6]. Гипсовая голова гильотинированного Дантона покоилась на гладком

*Памятник К. Марксу у Смольного в Петрограде
(Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Собр.
соч. в 15 т. Т. 15. М. : Правда, 1964.)*

*Бюст Ж. Ж. Дантона для памятника
на пл. Революции в Москве (Шклярская Я. Г. Народ
и памятник // Искусство. 2012. № 3 (582). С. 42.)*

пьедестале, напоминая икону Усекновения головы Иоанна Крестителя.

Так называемые формалистские тенденции в отечественной скульптуре не были чем-то новым. Они отчётливо представляли уже в творчестве П. П. Трубецкого, автора конной статуи императора Александра III (1909). Такая же ассиро-вавилонская мощь передана в портретах политических деятелей, советских идеологов, деятелей культуры и науки работы А. Н. Андреева, автора памятника Дантону. Авангардистский памятник Ф. Лассалю в Ленинграде первоначально был выполнен из гипса, но получил хвалебные отзывы за выразительное воплощение бунтарской натуры германского политика, из-за чего автору бюста В. А. Синайскому был сделан заказ на выполнение его в граните. В. В. Маяковский разразился критическим стихотворением «Халтурщик», не приняв, казалось бы, близкую ему графичность памятника, установленного в 1923 году и демонтированного в 1937-м.

Изготовленные из недолговечного материала монументы 1918—1920 годов простояли недолго и были демонтированы. Левый уклон

Памятник Ф. Лассалю в Ленинграде
на пр. «25 Октября» (Невском) (Красная панорама.
1923. № 22 (64). С. 6.)

в монументальной скульптуре был негласно осуждён, поэтому соискатели государственных заказов, желавшие продолжать поиск новых выразительных форм, пробовали другие соотношения реализма и «формализма» в своих проектах. Выполненный из гранита памятник академику К. А. Тимирязеву (авторы монумента — скульптор С. Д. Меркуров и архитектор Д. П. Осипов, 1923 г.) условностью и лаконичностью форм напоминает более поздние эталоны, характерные для 1960—1980-х годов.

В 1920-е годы всё большее предпочтение отдавалось реалистичной пластике.

Популярность конструктивистских приёмов в архитектуре показывает проект памятника Артёму (Ф. А. Сергееву) на Донбассе (автор — скульптор И. П. Кавалеридзе). В сравнении с реализованным вариантом в нём присутствуют оголённые несущие конструкции, придающие композиции лёгкость и одновременно технократичность. Этому должен был служить и проложенный в основании памятника тоннель для прохода и проезда. Высота сооружения составляла более 25 м, фигуры — более 10 [7]. Портретное сходство с основателем Донецко-Криворожской республики было сохранено, но исполнение фигуры испытало влияние супрематической концепции архитекторов.

Этот термин ввел в 1923 году К. Малевич, назвав так объёмные модели из врезающихся друг в друга геометрических фигур [8; 9]. Таким образом, проект увековечивания памяти товарища Артёма находился на самом острие интеллектуально-эстетических поисков русских авангардистов.

Столь сложная конструкция могла быть выполнена только из железобетона. Первоначально планировалось сооружение монумента в г. Юзовка, но затем он был реализован в небольшом городке Бахмут, который, однако, в 1920—1924 годах был административным центром новообразованной Донецкой губернии Украинской ССР. Открытие монумента прошло в августе 1924-го, к тому же времени относится переименование города в Артёмовск.

В 1920-е годы получила развитие и другая модель мемориалов, когда основным элементом становился обелиск. Таковым стал памятник, возведённый в станице Славянской-на-Кубани в 1923 году в ознаменование пятилетия похода Таманской армии. Автором проекта стал краснодарский архитектор А. А. Юнгер. С точки зрения символики монумент ничем не заявляет о советской идеологии, кроме, пожалуй, герба на его вершине. Обелиски по своей сути не связаны с христианством, и кубанский

Проект памятника тов. Артёму в Юзовке.

памятник наполнен древневосточной символикой возрождения для вечной жизни в виде восьми сторон основания монумента. Бетонная стела визуальнo оторвана от своего постаментa, так как под ней находится раздавлённый её тяжестью змей, символизирующий «гидру контрреволюции». Памятник был сооружён по инициативе ветеранов-таманцев на собранные ими средства при некоторой помощи командования Северо-Кавказского военного округа [10].

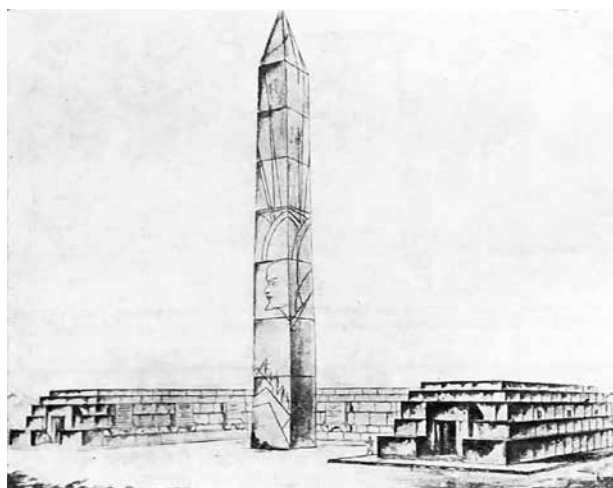
В 1924 году в Кривом Роге в память большевиков, казнённых в 1918-м оккупационными властями, установлен обелиск, чья поверхность была свободна от каких-либо элементов, кроме плиты с надписью и бронзового венка. Местом его установки была определена братская могила погибших подпольщиков. Камень заимствован из разрушенного памятника императору Александру II.

Первую премию на конкурсе, объявленном в 1924 году Одесским губисполкомом, получил проект памятника В. И. Ленину, испытавший явное влияние древнеегипетских храмовых комплексов — стела в окружении П-образного в основании здания, напоминающего ступенчатые мастабы.

Большинство мемориальных сооружений, возводимых по инициативе местных властей и в память о событиях местного значения, отличала лаконичность художественных форм

Митинг по случаю открытия памятника тов. Артёму в Бахмуте, 1924 г. Уничтожен во время фашистской оккупации (Глинский Е. Монументальный памятник // Красная панорама. 1924. № 35 (77). С. 2)

Проект памятника В.И. Ленину в Одессе. 1924 г. (Красная панорама. 1924. № 18 (60). С. 8.)

и скромность бюджета. Примером может быть памятник «Борцам за советскую власть» в г. Шахты, возведение которого было завершено к 10-й годовщине Октябрьской революции. Стороны памятника украшены чугунными барельефами, а верх — символической грудой угля и гербом РСФСР.

*Открытие памятника «Борцам за советскую власть» в г. Шахты, 1927 г.
(Из фондов Шахтинского краеведческого музея)*

Монумент носит не просто мемориальный характер, он также отмечает братскую могилу погибших за установление советской власти. Деньги на изготовление мемориала были собраны на городских воскресниках.

В 1920-е годы мировое культурное пространство оставалось единым. В то десятилетие законодателем моды в архитектуре и планировании городского пространства становится США. Но в области монументального искусства там не ощущались никакие новые веяния.

В XIX веке в Новом Свете установилась прочная традиция сооружения антропоморфных памятников. В США самым популярным образом стал солдат, сначала сражавшийся против англичан колонист (например, памятник первому сражению войны за независимость при Банкер-Хилл, 1842 г.), потом — солдат армий конфедератов или федералов — в зависимости от штата. Таких внешне похожих между собой объектов на территории США было сооружено более 2 тыс.

Накануне Первой мировой войны в архитектуре возник, усилившись после неё, интерес к по-новому осмысленному античному наследию. Этот поиск привёл к появлению украшенных колоннадными группами крупных

публичных зданий. Мемориал Линкольна в Вашингтоне, в основу плана которого положен периптер, был построен в 1922 году. В частично отделённом стенами от уличного пространства помещении расположена сидящая фигура президента, создавая аллюзию статуи Зевса в Олимпии работы Фидия. В американской традиции мемориальной скульптуры, связанной с архитектурным пространством, продолжал доминировать классицизм. Аллегорическая фигура, собирательный образ или индивидуализированное изображение подчинялись требованиям реализма. Пьедестал, как правило, не имел самостоятельной роли и отличался скромными размерами. Среди материалов наибольшую популярность приобрела бронза.

В это время ноты новизны появляются в культурной среде Среднего Запада. Новая чикагская школа в архитектуре первоначально избегала всех исторических реминисценций, сделав ставку на простые кубические формы. Но затем в интересах индивидуализации проектов архитекторы обратились к эстетике монументального искусства цивилизации майя. В Чикаго появляются башни-зиккураты (башня газеты «Чикаго Трибюн», архитектор Р. М. Худ, 1922), которые затем стали появляться и в Нью-Йорке,

других городах мира, в том числе и в Москве (знаменитые высотки). Контрфорсы на фасадах скоро придали их универсальной геометрии неоготическую тональность.

Грубые и угловатые формы приобретают тяготеющие к чикагскому эпицентру и некоторые мемориальные объекты. Памятник Л. Пастеру представляет собой бюст, как бы вырастающий из огромного гранитного постамента. Степень его новаторства для американской традиции снижают вырезанные из того же камня барельефные фигуры женщин и детей, возлагающих к его подножию пальмовые ветви. Но в целом, он имеет признаки стилистики арт-деко, для которой характерно сочетание монументальных утяжелённых форм с изощрённым украшательством, геометрией и условностью орнамента.

Памятник Л. Пастеру в Чикаго
(Красная панорама. 1924. № 22 (64). С. 2.)

Несмотря на то, что 1920—1930-е годы считаются эпохой арт-деко, в монументальной скульптуре США этот стиль стал чаще появляться только с конца 1930-х. (статуя Атланта, Рокфеллеровский центр, Нью-Йорк, 1937). Это явление связывают с массовой эмиграцией европейских модернистов в Соединенные Штаты. В полной мере это эстетическое направление развилось в Европе — в архитектуре, в искусстве, в дизайне, включая промышленный, но в монументальной пластике — в меньшей степени за редким исключением, например, творчество норвежца Г. Вигеланда. Одним из последствий мировой войны стало сокращение некоммерческих расходов на культуру и искусство.

В целом, арт-деко отличается дешевизна материалов в сравнении с нью-артом (модерном). На смену горному хрусталу приходит стекло, натуральному жемчугу — искусственный, чистому

золоту — металл пониженной пробы. В межвоенной Германии, обременённой выплатами по репарациям, перешли к стандарту изготовления золотых изделий 333 пробы. Начал культивироваться общественный образ, который был противоположен тому, который был характерен для предвоенной Европы — сытой, довольной, находящей шик в изысканности форм и богатстве материалов. Теперь же благодаря стилю арт-деко простота и умеренность могли считаться достойным выходом для обедневших европейцев.

Но дешёвые гипсовые памятники не были востребованы европейским обществом. Память о недавнем кровопролитии нашла выражение в установке в послевоенное десятилетие стел, обелисков, мемориальных стен из кирпича и природного камня. Возведённый в 1920 году в Лондоне Воинский мемориал сотрудникам железнодорожной компании London and North Western Railway отличается относительной дороговизной исполнения и художественными достоинствами по сравнению с другими образцами монументального искусства того времени. Он композиционно перекликается с памятником таманцам, установленным в станице Славянской-на-Кубани. Та же простая с минимальным декором стела, тот же ступенчатый цоколь, так же ориентированные по сторонам света крупные металлические акценты. У лондонского монумента — это четыре литые человеческие фигуры. У кубанского — восемь ориентированных на четыре стороны корабельных пушек.

Кандидатов для персональной мемориализации после тяжёлой войны было немного. В Германии редким примером обратного порядка стал Танненбергский мемориал на территории Восточной Пруссии, построенный в 1924—1927 годах к 80-летию президента П. Гинденбурга. Его финансово поддерживали общественные силы восточных земель Германии, не смилившиеся с поражением страны. После прихода А. Гитлера к власти разрабатывался проект превращения мемориала в имперский памятник погибшим воинам.

Примером монументальной пластики межвоенного периода в стиле арт-деко стал первоначально называвшийся так «Имперский колониальный монумент чести в Бремене», задуманный скульптором Фрицем Беном ещё в 1913 году и реализованный в 1932-м. Он должен был увековечить память немецких солдат, погибших в колониях. Ныне он именуется «Антиколониальный монумент». Сложенное из обожжённого кирпича фигурное изображение слона носит на себе черты традиционной

*Имперский колониальный монумент чести
в Бремене (Германия) (Волохова У. Памятники
преткновения // Коммерсант. 2017. 8 дек. С. 8.)*

африканской резной скульптуры. Пьедестал имеет сложную конструкцию, поддерживающую мемориальную символику

Затишье в создании мемориальных объектов в странах Западной Европы в десятилетие 1920-х объясняется не столько состоянием экономики, сколько сменой мировоззренческих ориентиров и перераспределением финансовых ресурсов к слоям, не приобретшим ещё видение исторической перспективы. США и Советская Россия стали культурным пространством, где этот процесс шёл с незатухающей силой при всех различиях в материальных и технологических ресурсах.

Не только в СССР мемориализация прошлого страны, положенного в основу её идеологии, символики и базовых ценностей, являлась частью государственной политики. В США в 1930-е годы начинает формироваться федеральная система сохранения объектов американской истории. В 1933-м все виды памятников, кроме воинских мемориалов, были переданы в ведение Службы национальных парков (National Park Service). Только тогда начала разрабатываться процедура информационного сопровождения мемориалов, целью которой был вызов всплеска патриотических эмоций [11].

Многие процессы, послужившие основой современного искусства XX века, шли параллельно в странах независимо от их политического режима. Например, вопросы синтеза архитектуры, скульптуры и живописи обсуждались в 1934 году на совещании Союза советских архитекторов в Москве и на аналогичной конференции в Милане [12]. Эстетические поиски шли в русле развития стиля арт-деко, что объясняет появление в 1930-е годы удивительно похожих между собой монументальных

архитектурных и скульптурных объектов в разных странах мира.

Но в 1920-е годы в СССР, когда проекты памятников ещё не стали серийными, каждый автор вырабатывал своё видение замысла, советские архитекторы и скульпторы нащупали ряд отличительных признаков советской мемориальной монументалистики в отношении полноростовой скульптуры исторического лица. Нюансы иных видов памятников, к примеру, аллегорических фигур, имеют своеобразие, которое останется за рамками данного обобщения.

Итак, во-первых, максимальное обеспечение портретного сходства приёмами, близкими к реалистическим. Во-вторых, продумывание инструментов эмоционального воздействия на зрителя — поза, жест, дополнительные элементы и выстраивание пространственной темы. Третье, важная композиционная роль постамента, который значительно массивнее, чем в традиционных образцах. Он мог выполнять прикладную задачу, служить трибуной. Он имел и смысловое значение, вознося фигуру высоко вверх, подчёркивая её гигантское значение для Революции. Опоры памятника, сформированные из архитектонов, как например, у «Рабочего и колхозницы» Веры Мухиной в версии, реализованной на Парижской выставке, создавали чувство стремительного движения вперёд. Ростовский памятник Ленину имеет ряд этих черт, хотя кое-что у него отобрали новейшие практики организации городских пространств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памяти Вождя // Красная панорама. 1924. № 17 (35). С. 8.
2. Толстой В. П. У истоков советского монументального искусства. 1917—1923. М. : Изобразительное искусство, 1983. 239 с.
3. Монументальное искусство СССР / Авт.-сост. В. П. Толстой. М. : Советский художник, 1978. 380 с.
4. Гусев К. Д. Развитие советского монументального искусства в 1921—1928 гг. // Молодой учёный. 2015. № 24 (104). С. 818—823.
5. Лекус Е. Ю. Монументальная пропаганда как выражение социокультурных противоречий советской системы 1920-х гг. // Вестник культуры и искусств. 2021. № 4 (68). С. 70—79.
6. Луначарский А. В. Ленин о монументальной пропаганде // Воспоминания

- и впечатления. М. : Советская Россия, 1968. С. 199.
7. Глинский Е. Монументальный памятник // Красная панорама. 1924. № 35 (77). С. 2.
 8. Ракитин В. И. Николай Михайлович Суевин. М. ; СПб. : РА, 1998. С. 86.
 9. Анисимова Е. А. Казимир Малевич: фрактализация как путь к супрематизму // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 66—73.
 10. Морозова О. М. Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам // Наследие веков. 2020. № 3. С. 29—39.
 11. Albright H. The Origins of National Park Service Administration of Historic Sites. Philadelphia : Eastern National Park and Monument Association, 1971. P. 13.
 12. Струкова А. И. «Мы являемся подлинными наследниками всего великолепия человеческой культуры»: стилистические ориентиры в монументальной живописи 1930-х годов // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 8 : Сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018. С. 411.

С. А. ШПАГИН

РОСТОВСКАЯ СТАЧКА 1902 ГОДА

Осмысление исторического события и объекта историко-культурного наследия

Памятник «Преемственность поколений». Фото с сайта «Система культурных координат»

В истории Ростова-на-Дону было несколько знаковых событий, выходящих за рамки не только краеведения, но и общероссийской истории и превратившихся в элемент политики памяти.

Иногда они выглядят как чемодан без ручки — от фантомных болей «Парамонов» (руины Парамоновских складов) и советского китча (мозаика в пешеходных переходах), до болезненной

Сергей Алексеевич Шпагин, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.)

проблемы трагедии Змиёвской балки. Эти и другие объекты исторического прошлого города, признанные официально в качестве объектов культурного наследия или нет и вызывающие споры, являются реально существующей проблемой и вызовом для администрации города, историков, краеведов и активных горожан.

О 120-летию Ростовской стачки 1902 года в городе вспомнила лишь Донская государственная публичная библиотека [1]. В некотором смысле, это повод оценить способность общества извлекать уроки из своей собственной истории и формировать адекватную политику исторической памяти. Это особенно важно, поскольку история и современность региональной столицы с областной судьбой вновь включается внешними обстоятельствами в контекст мировой политики, формируя навязываемую реальность в условиях системного реваншизма. В центре внимания отмеченного выше процесса, пока доминируют проблемы ревизии и фальсификации роли СССР в периоды, связанные со Второй мировой войной, оставляя в тени проблематику рабочего движения и историю Российской империи начала XX века в целом. Как отметила И. М. Пушкарёва из Института Российской истории РАН, почти забыта тема истории массового рабочего движения [2, с. 47]. Конкретно о стачке 1902 года даже ростовские коммунисты последний раз вспоминали в 2011 году [3]. Между тем, публикации местных историков и краеведов, посвящённые Ростовской стачке 1902 года ранее регулярно выходили, начиная с 1926-го и вплоть до начала Великой Отечественной войны [4].

В послевоенное время выходили работы, посвящённые непосредственно этому событию или о стачке упоминали в контексте краеведческой истории рабочего движения на Дону [5]. Анализ соотношения Ростовской стачки 1902 года как исторического факта и её отображение в историографии стали предметом отдельного исследования цитировавшейся выше И. М. Пушкарёвой [2]. Без осмысления современных процессов и вызовов в отношении проблематики социальных, классовых, политических конфликтов в России трудно вырабатывать адекватную политику памяти в отношении объектов культурного наследия, признанных в советское время и попадающих в «корзину» неудобной памяти. Интересно, что феномен забвения неудобной памяти и соответственно, «недовольство» мемориальной культурой отмечен западноевропейскими культурологами на примере своих стран, и прежде всего, послевоенной Германии [6].

В современной России непосредственно после распада Советского Союза также наметился процесс, связанный с не всегда обоснованным отказом от мемориализации событий и исторических личностей советского периода. Естественно, он не принял таких масштабов, как в странах Восточной Европы и в бывших субъектах СССР. Но интересно, что понижение статуса ряда объектов культурного наследия в Ростове-на-Дону от федерального до регионального как раз коснулось памятников, относящихся к советскому прошлому. И не только мемориального комплекса на месте многолюдных митингов во время ноябрьской стачки 1902 г., но и памятников Карлу Марксу и С. М. Кирову [7].

Современники события обратили пристальное внимание на 22-х дневную (4—25 ноября 1902 года) стачку в Ростове-на-Дону. Но в историю она вошла благодаря оценке, данной ей В. И. Лениным [8]. Находясь в Женеве, Ленин удачно встроил информацию о событии в своё представление о желаемом уровне рабочего движения, продемонстрировав метод навязываемой реальности [9]. Так что памятник Стачке [10] и название проспекта, фактически связаны не столько с самим событием, сколько с посвящёнными ей работами Ленина. В советское время сакрализация классовой борьбы «при царизме», сопровождалась вытеснением представления о возможности рабочих протестов при социализме. Акцент на диссидентстве интеллигенции в СССР удачно затушёвывал возможные протесты уже советских рабочих.

Сегодня важно то, что лидерами Стачки выступили профессиональные революционеры, хоть и связанные пребыванием в Ростове, но получившие опыт организации стачек за пределами Области войска Донского (ОВД) и города. Весь комплекс событий наглядно показал — Ростов-на-Дону превратился в современный промышленный город с активным рабочим классом, который будет играть важную роль в социально-политической жизни региона, превращая его в важный региональный центр, включённый в общероссийский и международный контекст. И это особенно важно на фоне изменения роли казачества как военно-служивого сословия. По факту, события 1902 года закрепили двойной статус не войскового города в составе ОВД — «купеческий» в его историческом центре, и рабочий по его окраинам. И таким образом, памятник Ростовской стачке как бы противопоставлен явно мифологизированному и чуждому характеру Ростова-на-Дону — города-купца, или скорее, города-коробейника. Учитывая транзитный

характер города и его торговли, образ купца не вполне характерен в качестве символа Ростова-на-Дону. Тем более, с учётом полиэтничности, ставших едиными тогдашних Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону.

Оставив в тени причину стачки — пренебрежение к работникам со стороны низовой администрации и неумение погасить конфликт руководством железнодорожных мастерских Владикавказской железной дороги, в советской концепции упор делался на руководстве большевиками стачечного движения. Расплата за невыученный урок истории и невнимание к экономическим проблемам рабочих, пришла спустя 60 лет — в Новочеркасске в 1962 году. Возможно, тогдашнему директору Новочеркасского электровозостроительного завода, как и ранее Марии-Антуанетте, приписали фразу: «нет мяса — ешьте ливер».

Сама Ростовская стачка 1902 года, как и аналогичные протесты начала XX века, возможно, уже не столь актуальна для историков. Но в плане мемориальной политики «постсоветской» России, память и интерпретация любых протестных движений, способствовавших краху российской государственности, рано или поздно, превратятся в острую проблему и инструмент мягкой силы в конфликте с недружественными странами.

Протест тогдашних рабочих в форме стачки и «многолюдных митингов», носил закономерный характер, но он никак не предполагал слом российской государственности. После слома Российской империи, мемориализация Ростовской стачки, как и последовавших в этом же районе города вооружённых выступлений в 1905 году, приобрели иной масштаб и идеологическую окраску. Идеологическое «отречение от прежнего мира» логично придало сакральный характер революционным событиям в стране и регионах. Но прекращение существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» привело к изменению отношения к фактам и событиям советской эпохи. Понятно, что юридическое изменение статуса материальных объектов, особенно объектов культурного наследия разного уровня, оказалось растянутым во времени. Иными словами, изменения в оценках событий и исторических личностей, связанных с революционной тематикой, в незначительной степени сопровождалось официальным снятием статуса объектов культурного наследия с памятников, монументов и других форм мемориализации в городском пространстве. Неявно двойственность политики исторической

памяти в отношении к материальным символам советской эпохи, выражалась в некотором разделении исторической памяти о событии и «ценностью» материального объекта с художественной точки зрения.

В Ростове-на-Дону, как и в большинстве регионов постсоветской России, всё же владел здравый смысл в едином подходе к наследию истории страны. Применительно к комплексу памятников на месте Ростовской стачки 1902 года это отражено в смысловом единстве двух памятников — стелы «1902», установленной в год юбилея революции в 1967 году, и скульптурной композиции «Преемственность поколений» [11], открытой в 1975-м, в год 30-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Новые изменения в идеологии государственности России — в поправках к Конституции в 2024 году закрепляли иные ценности — историческое единство российской государственности, идеалов и веры в Бога [12], Новая концепция внешней политики рассматривает Россию как самобытное государство-цивилизацию [13]. В этих условиях, и с точки зрения внутренней политики памяти, и позиционировании России как государства самобытной цивилизации, революционные идеалы и революционный интернационализм отодвигаются в музейную и архивную сферу. На первый план выходит преемственность истории российского государства. И в этом смысле упор в монументальном комплексе на смысловое понятие «Преемственность поколений» выглядит более предпочтительней, нежели вырванное из контекста истории начала XX века понятие «Ростовская стачка 1902 г.».

Осмысление истории на вербальном уровне отличается от более затратных и менее оперативных форм мемориализации в городском пространстве. Применительно к объекту мемориального пространства и монументов, признанных объектами культурного наследия, существуют ещё более сложные формы изменения их статуса и юридического закрепления. К тому же, необходимо учитывать и общие процессы развития — смену поколений, влияние цифровизации и возрастающую роль визуализации в жизни Homo Дигиталис или Человека Цифрового. Как пишет турецкий исследователь Угур Сарыгюль: *«Человеческая визуальная жизнь, визуальное мышление, визуальные эмоции, визуальное воображение и зрительная память во многих областях являются средством, с помощью которого человек соотносит себя и своё окружение.<...> Функционирование нашего визуального разума вместе с другими*

элементами позволяет нам строить будущее» [14].

Иными словами, к смене интереса и переоценки важности ценностей советского периода России, добавляются и общемировые тенденции глобального процесса, включая и последствия использования клавиши «Delete» для стирания памяти о проблемном прошлом, и новые формы визуального мировосприятия. Однако, важно понимать различия между тенденциями в странах с иной историей, иной культурной традицией и собственную историю, её ценность как основу мировоззрения граждан страны, которая всё чаще определяется как государство-цивилизация в своём историческом единстве.

В практике мемориализации невоенного прошлого России, в данном случае, форм борьбы рабочих за свои интересы в условиях антагонистических классовых противоречий Российской империи, приходится иметь в виду общемировой процесс банализации и трагического, и отчасти героического прошлого. Для молодых поколений часть истории XX века представляется далёким прошлым. Это требует разработки новых форм и методов мемориализации, выстраивания оптимальной политики исторической памяти, в которой новые страницы истории нынешних поколений не вытесняли бы смыслы исторической памяти прошлых поколений.

Первоначальный смысл слова «стачка» давно утерян: это просто локация — «живу на стачках», «выхожу на стачках» и название повести А. Кивинова (А. В. Пименов, автор сценария сериалов «Улицы разбитых фонарей» и «Убойной силы») «Кошмары на улице Стачек» [15]. Для истории города, события 1902-го — определённый маркер превращения бывшего местечка еврейской черты оседлости, инкорпорированного в слабо урбанизированную Область войска Донского, в динамично развивающийся российский город. К этнической Нахичевани-на-Дону и транзитно-купеческому Ростову-на-Дону, добавились пролетарские районы, слабо интегрированные в общегородскую общественную жизнь.

Бурное развитие транзитной торговли потребовало модернизации порта — появились «босьяки», т. е. ещё не состоявшиеся докеры. Строительство железной дороги способствовало формированию пролетариата, а он формировался не из казачьего населения, а из приехавших крестьян других губерний и соседних сёл. В итоге добавились относительно нищие окраины: Нахаловка, Темерник, своеобразные «гетто», среди обитателей которых было

немало женщин — работниц из соседнего Койсуга. Вот эти новые и не типичные для прежнего Ростова-на-Дону жители города и стали героями исторического контекста Ростовской стачки 1902 года. Одновременно, они и локальное событие превратили постфактум события ноября в событие двойного значения. Для одних — антигосударственное выступление рабочих, для других — революционное выступление против режима. Соответственно, маятник мемориализации события и места качался несколько раз, застыв неподвижно в 2022-м, в год 120-летия события.

Сегодня для нас важен не локальный аспект Ростовской стачки — рост самосознания местного пролетариата, а формирование под её влиянием доктрины классового антагонизма и непримиримости классовых борьбы. И вчера, и завтра — это элемент мягкой силы, способной раскачать российское общество. Системный реваншизм, понимаемый как нейтральный термин, это ностальгия по любому утраченному прошлому, в т. ч., и по советскому, с его мифологемами. В этом смысле, последствия Ростовской стачки для населения Области войска Донского — хороший, но не выученный урок. Стачка нарушила ранее существовавшую атмосферу относительной бесконфликтности в среде местного населения. Ведь неслучайно, местное руководство затребовало ввода не казачьих частей, а подразделения жандармов, солдат из других регионов и столичных агентов охранного отделения. Наметившийся раскол усилится после Революций и Гражданской войны, разделив уже и само казачество на белых и красных.

В современной политике памяти Ростовская стачка 1902 года превращается в уравнение с несколькими неизвестными — прежде всего как пример классовой борьбы пролетариата в условиях постсоветского и квазикапиталистического общества. Актуализация памяти о Стачке 1902 года как форме силового решения накопившихся проблем потенциально опасна, а в политике постсоветского системного реваншизма как напоминание о классовой борьбе — избыточно радикальна.

Теоретик и практик революции и классовой борьбы Ленин сделал свои выводы. Не столь важно, отвечали ли они характеру самого события. Важно то, что включение регионального события в более широкий контекст, подпитывало представления о закономерности следовавших за этим исторических событий, которые привели мир и Россию к тяжёлым последствиям и трагедиям.

А ведь, если бы не жадность и недальновидность хозяев Главных мастерских Владикавказской дороги, невниманье и неуступчивость властей к реальным запросам и требованиям бастующих, не родилась бы теория о непримиримости классовой борьбы. Бурное развитие экономики может создавать и усиливать социальные, политические и региональные диспропорции и противоречия. Рост экономики, не подкрепляемый социальными мерами, неизбежно приводит к классовому антагонизму и социальным взрывам. Идеология и практика классовой ненависти, жесткая защита своих классовых, социальных, групповых интересов в ущерб другим, приводит к социальным конфликтам. Стачка 1902 года и события, связанные с её организацией и подавлением, неправильные политические и идеологические выводы привели действительно к росту революционной активности и ожесточённой классовой борьбе. И эта война всех против всех, начатая борьбой за справедливость и лучшие условия жизни, натолкнувшаяся на непонимание, привела к Русской смуте, потере государства.

Сегодня важен опыт не провоцирования конфликта, а его предотвращение. Возвышающийся над нынешним проспектом Стачки, вокзалом и бывшими железнодорожными мастерскими, памятник «1902» должен восприниматься именно как комплекс мемориала «Преемственность поколений» и единства общества сегодняшней России, а не память о былом стачечном опыте пролетариата Юга России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как возгоралось пламя: 120 лет Ростовской стачке // Донская государственная публичная библиотека : сайт. URL: <http://www.dspl.ru/blog/pro-vystavki/kak-vozgoralos-plamya-120-let-rostovskoy-stachke/> (дата обращения: 25.06.2024).
2. Пушкарёва И. М. Ростовская стачка в ноябре 1902 г.: факт исторический и факт историографический // Научные ведомости. 2008. № 1 (41). Вып. 5. С. 47—57.
3. Животов Д. 109-ой годовщине ростовской стачки посвящается. 22.11.2011 // КППФ. Ростовская область : [сайт]. URL: <http://www.kprf-don.ru/index.php/component/content/article;/220.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
4. Ян Г., Янчевский Н. Л. Работа и борьба большевиков в Ростовских главных

мастерских им. В. И. Ленина за 20 лет : Краткий очерк / под ред. Л. Ильина и В. Толмачёва. Ростов н/Д., 1926. X, 59, [1] с., [1] л. ил. : ил.; Янчевский Н. Л. Генеральная репетиция // Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов н/Д., 1927. С. 72—108; Коган И. И. Ростовская стачка (2—25 ноября 1902 г.). М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. 22 с., [2] с. объявл. : портр.; Мошинский И. Н. Всеобщая забастовка и темерницкие митинги // На Темернике, или Достоверный рассказ о том, как и за что ростовские пролетарии боролись в дореволюционные годы с царским самодержавием и капиталистами. М., 1929. С. 826; Панасий Г. Рабочее движение в Азово-Черноморье : (1860—1900 годы) / Истпарт Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Ростов н/Д. : Азово-Черноморское краевое книгоизд-во, 1935 : Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае девяностых и начала девятисотых годов : Сб. док. и материалов / Сост. Я. Раенко; под общ. ред. М. Корчина. Ростов н/Д. : Азово-Черноморское краевое книгоизд-во, 1935. 256, [4] с., 1 л. портр.

5. Семернин П. В. Дон накануне революции 1905—1907 года // 1905 год на Дону. Ростов н/Д., 1945. С. 3—29; Корчин М. Ростовская стачка 1902 года и деятельность Донкома РСДРП : (К пятидесятилетию стачки. Ростов н/Д., : Рост. обл. книгоизд-во, 1952. 47, [1] с.; Вещиков А. Т. Ростовская стачка 1902 года // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 89—111.
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. М. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
7. Об отнесении памятников, исключённых из Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, к категории памятников истории и культуры областного значения : Постановление Главы Администрации Ростовской области от 06.10.1997 № 352. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1334058> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Ленин В. И. Новые события и старые вопросы // Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 7. С. 59; Его же. Первые уроки // Там же. Т. 9. С. 251; Его же. Тезисы статьи

- «Первые уроки». // Там же. Т. 9. С. 400; *Его же*. Самодержавие и пролетариат // Там же. Т. 9. С. 135; *Его же*. О хороших демонстрациях пролетариев // Там же. Т. 9. С. 140.
9. Зарезин М. Ленин о Ростовской стачке 1902 года // Конт. Платформа для социальной журналистики [сайт]. URL: <https://cont.ws/@mzarezin1307/856081> (дата обращения: 20.05.2024).
 10. Памятник стачке 1902 года. // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B5_1902_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 22.06.2024).
 11. Памятник «Преемственность поколений» [Ростов-на-Дону, проспект Стачки. Скульптор А. Скнарин, горельеф Э. Мирзоева, архитекторы Я. Занис, П. Ибалаков, А. Яконин] // Система культурных координат [сайт]. URL: https://culttourism.ru/rostovskaya/rostov-na-donu/pamyatnik_preemstvennost_pokoleniy.html (дата обращения: 20.05.2024).
 12. Конституция Российской Федерации. Последние изменения, дополнения и комментарии. URL: <https://konstitutsiia.ru/67-1> (дата обращения: 23.06.2024).
 13. Концепция внешней политики Российской Федерации // Кремль.ру URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 20.06.2024).
 14. Uğur Sarıgül. Görsel zihin görüntüleyici // Kafkassam Editör. 29 Temmuz 2024. URL: <https://kafkassam.com/ugur-sarigul-gorsel-zihin-goruntuleyici.html> (дата обращения: 25.06.2024).
 15. Кивинов А. Кошмар на улице Стачек // Кивинов А. Чарующие сны : Повести. М. : ОЛМА-Пресс; СПб, 1997. С. 5—102.

В. И. АФАНАСЕНКО

В ПАМЯТИ И СЕРДЦЕ — НАВСЕГДА!

Судьба и любовь капитана И. М. Утюскина

В январе-феврале 2017 года ко мне пришла пожилая женщина З. И. Терская с кипой писем военных лет, хранившихся в её семье. Двадцать одно письмо было написано её отцом, лётчиком, капитаном Иваном Михайловичем Утюскиным, погибшем в 1943 году в районе станции Чертково Ростовской области. Передавая мне письма¹, Зинаида Ивановна, одна из трёх дочерей Утюскиных, просила рассказать об отце-герое. Вскоре она уехала из Ростова в Краснодар, где проживала с мужем и внуками; больше мы не встретились.

Это история яркой жизни советского воина, отважного сталинского сокола Ивана Михайловича Утюскина. Он родился 28 августа 1909 года в станице Невинномысской² в казачьей семье. С детства привык к труду, после окончания сельской школы работал слесарем. В ноябре 1931 года был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Через год поступил в Ейскую военную школу морских лётчиков и лётчиков-наблюдателей ВВС РККА имени

Сталина (так именовалось авиаучилище с августа 1930 г.). В этом же году от Ейского авиаучилища отпочковалась и передислоцировалась в город Николаев, на Украину, школа лётчиков имени Сигизмунда Леваневского, которая, как и Ейская авиашкола, готовила лётчиков-наблюдателей (летнабов) для морской авиации. В 1934-м двадцатипятилетний Ваня Утюскин успешно закончил Ейскую авиашколу и начал службу в авиачастях Белорусского военного

Владимир Иванович Афанасенко, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 19 сентября 2024 г.) под названием: «Письма капитана И. М. Утюскина (1941—1942 гг.) как исторический источник». Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН на 2024 год «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII—XXI вв.)» № гр. проекта 122020100347-2.

¹ В публикации писем сохранена авторская орфография.

² С 1939 г. — г. Невинномыск Ставропольского края.

И. М. Утюскин. Москва, 3 июня 1942 г.

округа: сначала пилотом, затем, последовательно, командиром авиазвена, помощником командира авиаэскадрильи 39-го бомбардировочного полка, сформированного в 1936 году в городе Старый Быхов.

На вооружении полк имел бомбардировщики СБ¹. До войны полк принимал участие во всех воздушных парадах в небе над Москвой. В сентябре 1939 года в составе 39-го авиаполка Утюскин участвовал в походе в Польшу, а с декабря 1939-го по 13 марта 1940 года совершал боевые вылеты в ходе Зимней войны с Финляндией. За боевые отличия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1940 года старший лейтенант Утюскин был награждён медалью «За отвагу». Накануне, 19 мая 1940 года, ему было присвоено звание капитан с назначением на должность командира 2-й эскадрильи родного 39-го скоростного ближне-бомбардировочного авиаполка, которым

с 1 мая 1940-го по 10 октября 1941 года командовал майор Павел Никитич Захарычев. Полк базировался на аэродроме Жабчицы в 6 километрах западнее Пинска и входил в состав 10-й смешанной авиадивизии полковника Н. Г. Белова (ВВС Западного особого военного округа). К началу войны на его вооружении было 43 самолёта СБ (два из них — неисправные), а также 9 новеньких «Пешек» — пикирующих бомбардировщиков Пе-2². Их экипажи полка пока не успели освоить.

Накануне войны Иван Михайлович вместе с красавицей женой, Раисой Ильиничной, и тремя малолетними дочками — Валентинкой, Зиной и Сталиночкой приехал к родителям жены в Краснодар. Они были молоды и счастливы. И вдруг, как гром среди ясного неба, телеграмма о срочном вызове в полк. Последним мирным воспоминанием осталось в памяти дружной семьи Утюскиных как в ночь с субботы на воскресенье в лесу тревожно ухал сын и пищали вылупившиеся у курицы-наседки цыплята (21 цыпленок! — так и запомнилось дочкам на всю жизнь).

На рассвете 22 июня аэродром в Пинске подвергся четырём бомбёжкам. На земле сгорело двадцать пять СБ и пять Пе-2. В 7 часов восемнадцать уцелевших СБ нанесли удар по переправам врага через Буг у деревни Мельник. Я специально публикую таблицу экипажей с фамилиями воинов, принявших первый бой 22 июня 1941 года и сгоревших в пламени войны [1].

Лётчик	Штурман	Стрелок-радист
Левин	Перов	Сергодеев
Бакурадзе	Прокопенко	Поцелуев
Утюскин	Лебедев	Казаченко
Горелихин	Рябиков	Родионов
Бритов	Кочерга	Пичиненко
Суховой	Галь	Титерский
Савченко	Федоренко	Шемет
Журавский	Воробьёв	Килбас
Коновалов	Гримайто	Коряко
Приказчиков	Щербаков	Кучмель
Леушин	Лазько	Порошин
Горбушев	Пехтерев	Смирнов
Сизов	Зарецкий	Муравьёв
Заяц	Новиков	Зверьков
Скрипалев	Рожков	Тимофеев
Суслопаров	Конев	Сылка
Петров	Акуленко	Агеев
Щербаков	Зарукин	Костин

¹ СБ — советский двухмоторный многоместный фронтовой (средний) бомбардировщик. Выпускался в 1935—1941 гг. и активно применялся в первой половине Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

² Пе-2 — советский двухмоторный пикирующий бомбардировщик. Основной фронтовой бомбардировщик во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В боевом донесении указывалось: «Взлёт 9-20, посадка 12-10. В 9-20 вышли из-под удара противника с аэродрома Жабчице. В 10-50 была получена радиограмма о посадке на аэродром Бобруйск и в 12-10 группа в количестве 18 самолётов произвела посадку на аэродроме Бобруйск. В 17-25 вышли из-под удара с аэродрома Бобруйск в количестве 17 самолётов. Группа в количестве 11 самолётов под командованием капитана Левина произвела посадку на площадке Н. Серебрянка, а группа в количестве 6 самолётов под командованием капитана Заяц произвела посадку на площадке Тейковичи (в районе Бобруйск). Один самолёт капитана Журавского из-за неисправности остался на аэродроме Бобруйск» [2, л. 669].

Оказавшись на чужом аэродроме, не имея своих авиамехаников, своей ремонтной базы, запасных частей, после тяжёлых боевых суток наутро 23 июня готовыми к вылету оказались только девять самолётов, которые и ушли на выполнение нового задания (экипажи Левина, Утюскина, Бакурадзе, Горелихина, Бритова, Сухового, Петрова, Савченко и Сизова).

«Взлёт 7-05, посадка 10-35. Произведено бомбометание скопления войск противника в районе местечка Сопецкин (сев.-зап. г. Гродно). Сброшено с высоты 2000 м 54 ФАБ-100¹. Замечены сильные взрывы и очаги пожаров в местах скопления войск и автомашин. В районе цели обстреляны огнём ЗА² и атакованы истребителями МЕ-109³. В воздушном бою стрелок-радист Сергодеев сбил МЕ-109. Все самолёты произвели посадку на своём аэродроме благополучно» [2, л. 670]. В следующий боевой вылет ушли экипажи Левина, Утюскина, Бакурадзе, Горелихина, Бритова, Савченко.

«Взлёт 15-20, посадка 17-55. Произведено бомбометание мото-мехколонны в районе Пружаны — Ружаны. Сброшено с высоты 2000 м 36 ФАБ-100. Уничтожено до 20 автомашин с войсками и грузами. В районе цели обстреляны интенсивным огнём ЗА и атакованы истребителями МЕ-109 до 20 штук. В результате воздушного боя было сбито 6 истребителей МЕ-109, наши потери — 3 экипажа» [2, л. 670]. Четвёртый день войны стал для 39-го авиаполка последним днём его боевой работы на самом первом этапе кровавого противостояния с фашистскими захватчиками. В эти сутки в полёт ушли шесть экипажей.

«Взлёт 11-05, посадка 13-15. Произведено бомбометание войск противника на переправе через реку Шара в районе Чемелы (35 км южнее г. Слоним). Сброшено с высоты 1800 м 36 ФАБ-100. В результате бомбометаний разрушена переправа и убито много живой силы. В районе цели обстреляны интенсивным огнём ЗА и атакованы до 30 штук МЕ-109. В воздушном бою было сбито 5 истребителей противника, наши потери 5 самолётов» [2, л. 671—672].

На протяжении четырёх самых тяжёлых дней фашистского нашествия 39-й авиаполк, потерявший в ходе боёв девять своих экипажей, оставался в строю и оказывал достойное сопротивление превосходящему по силам и средствам противнику. Из 57 самолётов полка потери в воздухе составили 15,8%, в результате бомбардировок — 21%; были брошены из-за отсутствия запасных частей, горюче-смазочных материалов, возможностей восстановительного ремонта и транспортировки — 63,2%. Практически полностью был сохранён технический и лётный состав. В тот же день полк получил приказ на эвакуацию в район Гомеля. Осенью 1941 года остатки полка действовали под Москвой, базируясь в Раменском. К октябрю в части оставался один самолёт. В середине октября 1941-го полк был отправлен в г. Энгельс на переформирование, где получил на вооружение самолёты Пе-2. С декабря 1942-го входил в состав 202-й бомбардировочной авиадивизии. В дальнейшем полк принимал участие в сражениях под Сталинградом, освобождении Украины, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и закончил свой боевой путь на территории Австрии как 39-й ордена Александра Невского, Никопольский отдельный разведывательный авиаполк [1, с. 89].

Капитан Утюскин, вылетавший на боевые задания 22—25 июня 1941 года, только 26-го написал первое письмо семье, закончив его 29 июня после передислокации лётного состава в Москву.

Простым карандашом, на листочке блокнота: «26.6.41. Здравствуйте, Рая, Валя, Зина и Лина. Здравствуйте, Папа и Мама. Сообщаю Вам, что я жив и здоров, чего и Вам желаю. Рая, сегодня получил сведения о вашей судьбе, а также фотокарточку. Очень рад, что ты своевременно и без особой паники справилась со своей задачей. Рая, прошу тебя, береги детей. Это я писал в одном из местечек около Гомеля. Сегодня

¹ ФАБ-100 — фугасная авиабомба весом 100 кг советских ВВС.

² ЗА — зенитная артиллерия.

³ МЕ-109 — одномоторный поршневой истребитель-низкоплан, состоявший на вооружении Люфтваффе и ВВС различных стран.

29.6.41. Я нахожусь в Москве, всё хорошо. Уже поработал во славу русского оружия, отомстил врагу за его гнусную провокацию. Но это ещё не всё, скоро ему достанется так, как когда-то досталось Наполеону, будем бежать до самого некуда. Вот пока у меня и всё, агресса у меня пока нет. Сегодня ходили на Киевский вокзал и видели список, кто куда убыл. Кроме того, приходила Левина и говорила тоже, что вы уехали. Всё. Будьте бодры, не падайте духом, всё на работу, всё для войны и враг будет разбит. Советские лётчики сумеют отомстить за всё с большим процентом. Рая, напиши в Невинку¹. Целую всех. Ваш И. М. Утюскин. Москва. 29.6.41 г.».

Спустя много лет Раиса Ильинична Утюскина вспоминала июнь 1941 года:

«Когда ранним утром 22 июня началась атака немецких бомбардировщиков, все лётчики бросились на аэродром, а жёны и дети лётчиков побежали в ближайший лесок. Падали в траву, закрывая головы руками. Когда налёт закончился, нас погрузили на машины и повезли на восток. Сначала жили в здании бывшего монастыря под Могилёвом. Затем, вместе с семьями артиллерийского полка, последним поездом Варшава — Москва, удалось вырваться из прифронтовой полосы. Двери вагонов были заперты, и женщины с детьми, приставив лестницы, лезли через окна» [3].

Из вещей у Раисы Ильиничны был только чемодан мужа с самым необходимым. Даже в канун своего 92-летия, в мае 2005 года, она помнила свои переживания, и то, что при поспешной эвакуации забыла закрыть двери дома, а её старшая дочь Валентина, которой тогда, в июне 1941-го, было одиннадцать лет, вспоминала, как при посадке, в суматохе потерялась младшенькая сестричка Сталиночка, которая дала о себе знать громким плачем, когда поезд тихо тронулся. По требованию сопровождавших военных Раиса Утюскина с детьми доехала до Москвы, где ей выписали литерные билеты до Краснодара. В Краснодар Утюскины прибыли поездом 30 июня [3].

Иван Михайлович Утюскин при малейшей возможности посылал телеграммы и писал письма родителям жены в Краснодар и матери в Невинномысскую о своей лётной работе и ненависти к врагу с нескрываемой тревогой за своих любимых. Вот эти письма:

«14.7.41 г. Здравствуйте, многоуважаемая моя семья: жена, дети, отец и мать, а иначе это выглядит так: Рая! Валя! Зина! Лина! Папа! Мама! Вот сейчас я себя спрашиваю,

что мне писать? И я не нахожу ответа. Как я только начинаю писать. Так и...??? Как живёт моя семья и где они сейчас? И, если вы все вместе, на что я всё-таки имею надежды, так как и я, беспокоюсь обо мне. У меня всё обстоит хорошо. Коварный враг не сумел застигнуть мой самолёт врасплох, а также и самолёты моих товарищей. Мы потеряли на земле несколько самолётов. Весь наш коллектив в полном порядке, с 22 июня мы начали боевую работу по уничтожению вражеских самолётов, есть и моего экипажа часть. В один только этот вылет, что описывает Ременюк, моим экипажем сбито два вражеских самолёта, но это ещё не всё — били ещё крепче, как на земле, так и в воздухе, а будем бить в десятки раз крепче. Вот поэтому я и нахожусь сейчас в Новочеркасске, а до этого был в Калининне. Как я уже всем сообщал. Будем бить врага так, чтобы у него навсегда отпала охота раскрывать рот на советский душистый хлеб. Вот у меня пока и всё. Беспокоюсь о вас. В Краснодар я послал 2 письма и 2 телеграммы, в Невинномысск одну телеграмму отослал. Одновременно с этим письмом, посылаю и второе письмо, ценное, в котором высылаю тебе две справки: 1-я, как удостоверение для предъявления там, где нужно, и 2-я для получения заборной книжки в Военторге. Деньги мы ещё не получили, как получу, так я не задержу, вышлю. Я с получением ответа вышлю и аттестат. Рая, с получением справок обязательно обращай к властям для получения помощи, ибо время идёт к зиме, а семья большая. Папа, от моего имени передайте привет Андрею Дорофеевичу. Я его очень убедительно прошу, чтобы он также документально через власти и своё учреждение оказал помощь со своей стороны. Со своей стороны я обещаю честно выполнить свой воинский долг перед Родиной, бить врага, не щадя своей жизни. Ну вот у меня писать нечего, ещё один раз прошу Вас всех — берегите детей. Отвечайте срочно, пишите все и обо всём. Мой адрес: Ростовская область, г. Новочеркасск, полевая почта 199/3. И. М. Утюскин. Целую всех! Всех! Всех! Рая, пиши». И трогательное письмо дочерям: «Здравствуйте, Валечка, Зиночка и Линочка. Зина, ты тише смейся, а то Лина на тебя смотрит и тоже смеётся. А мама, наверное, сейчас скажет, вернее, закричит: "Зинка!!! Отойди! Перестань и т. д.". Ну ладно, смейтесь, только громко. Чтобы и я слышал. Вот так. Зина, ты почему не слушаешь маму? А дедушку почему не слушаешь? Бабушку тоже не слушаешь, а! Лина тоже не слушает

¹ В Невинномысске жили родители Ивана Утюскина. — В. А.

— да? Это не хорошо, надо слушать. Лиана, послушай меня и спроси у Вали, почему она не пишет мне писем и, если она скажет, что не умеет, ты её научи. И ещё один вопрос: часто ли вы дерётесь и с кем больше всего и кому больше всего достаётся. Валя! Пиши всё. Пиши о Зиночке, о Линочке, пиши о своей учёбе. Я, как приеду, схожу с тобой в школу. Валя, Зина и Лиана, скоро придёт дедушка с работы, вы ему прочитайте письмо, а когда читаете, то все поцелуйте за меня маму, дедушку и бабушку, а Зина ещё раз поцелует маму за меня — Крепко! Крепко!!!

Я написал письмо бабушке Утюскиной, чтобы она приехала к вам. Если приедет, то все целуйте за меня. А сейчас я вам всем посылаю свой воздушный поцелуй — ловите его, только здесь, в письме, а не во дворе. Что вам посулить ещё и сам не знаю. Посмотрел бы я на вас не знаю как, а поцеловал бы знаю как: и маму и дедушку и бабушку и вас всех. С приветом. Ваш папа Ваня».

«10.9.41 г. Здравствуйте, Рая, Папа, Мама, Валя, Зина и Сталина. Сообщаю вам, что я жив и здоров и нахожусь на старом месте. Рая, вчера, т. е. 9-го, я получил от тебя три письма сразу. По каким-то причинам они задержались. Одно из них шло 2 дня, одно — 4 дня, а одно шло очень быстро, т. е. с Краснодара 4.9.41, а в Новочеркасск прибыло 5.9.41 г., но это письмо и все остальные я получил вчера. Телеграмму получил 1 сентября, не отвечал потому, что предполагалось убить, всё выяснялся вопрос, в настоящее время так же. Вопрос разрешится на днях. Я сегодня отправил тебе телеграмму, в которой сообщил: выезжать воздержись, жди письмо. Рая, если бы я знал, что задержусь ещё до 10 числа, то, конечно, я бы немедленно сообщил тебе о выезде. Сейчас вопрос разрешится через 3—4 дня, и если я узнаю, то обязательно тебе сообщу телеграммой. С Невинномыска пока ещё ничего не получал, не знаю в чём там дело, сегодня напишу ещё. 4-го числа получил письмо от Василия Владимировича, чему очень рад. Он чувствует себя хорошо, находится в действующей армии. 17 августа он получил целую кипу писем. Читал их с наслаждением. Я очень рад за него, пишет, что фашистская свинья никогда не покушает кубанского хлеба. Русская армия ещё не знала поражения, так будет и сейчас. Фашизм найдёт свою могилу на наших колхозных полях, а остатки его будут бежать так, как бежала армия Наполеона. Враг будет уничтожен с корнем. Папа, пишите мне чаще письма, я очень буду рад их получать от Вас, да и не только я, но и мои товарищи, которые шлют свой авиационный привет. Из всех писем,

которые получает наш коллектив, мы видим, что русская армия с её резервами крепка и монолитна и плохо будет тому, кто обнажил кровавый меч против русского народа, веками храбро сражавшегося за свою Родину и не знавшего поражения. Вот что пела русская армия в своих песнях: "Недаром помнит вся Россия про день Бородина". Да, это помнится недаром: деды и прадеды нам об этом напоминают. Так не посрамим же и мы русской чести. И если придётся пасть на поле брани, то только во славу русского оружия и его многонационального народа. Привет всему вашему коллективу и его руководителям. Целую. Ваш И. М. Утюскин. Действующая армия, полевая почтовая станция 303, 6-й сводный полк».

Следующее письмо из-за напряженной боевой работы капитан Утюскин написал только через 40 дней, 20 октября 1941 года.

«Здравствуйте! Все! Все! И все. Крепко целую вас всех, дорогая моя семья: Рая, Папа, Мама, Валя, Зина и Лиана. Вот уже прошло много времени, как я не сообщал вам о себе. Причины этому таковы: некогда, нужно как есть больше уничтожать фашистов, его живой силы и технических средств. Как вы знаете из газет, что начался второй этап наступления врага, так как первый этап был сорван, а второй уже начал проваливаться. Потеснив наши войска на втором этапе, враг захлебнулся в крови своей армии, на некоторых участках, потерпев поражение, перешёл к обороне, неся при этом большие потери. Вот то, что мог кратко сообщить в своём обзоре. Как же я уничтожаю врагов? Это вас, конечно, интересует. Здесь ответ мой будет таков — так, как и положено для воина Красной армии + коммуниста + гражданина великой советской семьи. Ни один мой вылет не проходит так, чтобы враг не почувствовал его на своей шкуре. Однажды был такой случай с моим самолётом, а почему с самолётом, да потому что самолёт был повреждён прямым попаданием зенитного снаряда и несколько мелких попаданий, а экипаж не получил ни одной царапины. Было это так: вылетев на разведку, мы обнаружили большое скопление войск противника. Выполнив задачу по разведке, нужно было освободиться от груза бомб. Нашли подходящую цель. Враг метался по дороге, но было уже поздно, бомбы били в цель: две машины с горючим сразу загорелись, несколько машин с пехотой разлетелись как щепки. Они стояли на дороге в четыре ряда, так что винегрет получился, как полагается. На этом всё ещё не кончается. Решил я штурмовать этих гадов, заработал мой экипаж вместе со мной. Смертельный броневой

В день вручения награды. Слева направо: 1 ряд — Прохоров Дм., Утюшкин И. М.
2-й ряд — Маханин Л. Д., Рябинов С. М., Левин М. С. Москва, 2 июня 1942 г.

и зажигательный огонь полился на головы фашистов. Снова смерть врагу, снова горят машины врага. Так я проделал несколько заходов, при последнем выводе машины с пикирования самолёт вздрогнул и здесь мы только заметили, что море огня обрушилось на наш самолёт со всех сторон. Маневрируя, я ушёл с опасного места. Осмотревшись и проверив всё. Оказалось, что самолёт был повреждён в нескольких местах, но работа моторов не была нарушена, благополучно прилетели на свой аэродром. Сейчас мой самолёт в полной исправности. Алексей Иванович Молодкин видел мой самолёт уже исправным. Я ему тогда черкнул маленькую записочку, которую вы, наверное, уже получили. Он обещал при первой возможности с отправкой. 18 числа у меня был большой и радостный день: я получил два письма и одну открытку, которые были посланы в Ногинск, получил письмо с Невинномыска и от вас, папа, а открытку от тебя, Рая. Это произошло просто случайно, так как мы убыли из Ногинска уже давно, но тут случайно попал наш человек и привёз письма. Вот у меня пока и всё, жду от вас сообщений. Целую вас всех крепко-крепко! Ваш верный непоколебимый боец и защитник. Крепко жму ваши руки и ещё раз целую всех крепко, крепко. Рая, целую тебя, а ты целуй всех. Мой адрес:

Красная армия. Полевая почтовая станция № 262. 39 ББАП¹. И. М. Утюшкин».

А через пять дней — ещё одно письмо:

«25.10.41 г. Здравствуйте, Рая, Папа, Мама, Валя, Зина и Сталина. Сообщаю вам, что я жив и здоров, надеюсь, что и у вас всё обстоит в порядке. У меня дела идут по-прежнему хорошо — «били, бьём и будем бить!». За меня прошу не беспокоиться, я крепко оберегаю свою жизнь, и она для врага очень дорога, так что нужных им средств не хватит. Я же решил отплатить врагу за тех, кто пал на поле боя и плачу не скупясь — выплату произвожу с разных высот и разного калибра, а вообще получают гады по заслугам. Читайте «Один взлёт» и «Налёт на вражескую мотоколонну». Правда, после этого было уже и покрепче. Это прочтаете в газетах. Вот пока у меня и всё, живу очень хорошо. Рая, пиши, как дети и как все остальные. Высылаю Вале, Зине и Сталиночке по салфеточке. Очень соскучился, конечно, за всеми вами. Обстановку в отношении фронтов вы, конечно, знаете, думаю, что газеты читаете, так, что в курсе всего. Всё. Целую всех крепко! Крепко!!! Ваш И. М. Утюшкин. Мой адрес: Действующая Красная армия. Военно-почтовая станция 262. 39 ББ авиаполк. На днях я письмо уже вам одно послал. Это — второе, кроме того,

¹ ББАП — ближнее-бомбардировочный авиаполк.

одновременно с этим посылаю ещё открытку. Ну, всё. Целую ещё много раз».

За успешную боевую работу в период оборонительного сражения под Москвой Иван Михайлович Утюскин был представлен к награждению орденом Боевого Красного Знамени и приказом Военного совета Западного фронта от 5 декабря 1941 года награждён орденом Красного Знамени [4]. Вручение произошло в Кремле 2 июня 1942 года. В семье Утюскиных сохранились две фотографии этого памятного события.

Всё первое полугодие 1942 года капитан Утюскин писал письма любимой семье.

«5.01.42 г. Рая! Я просил тебя, ещё будучи в Новочеркасске, что при первой возможности вы все сфотографируетесь, так как обстоит дело? Если есть фотокарточки с детьми, обязательно вышли. Я что-то стал забывать Сталиночку, какая она там есть, часто ли она стоит в углу и слушает ли она Дедушку и Бабушку? [далее текст для дочек. — В. А.] Как только перебею всех фашистов, а вы будете хорошо слушать Дедушку и Бабушку, то я привезу вам куклы и много-много книг. Целую вас всех и маму, Дедушку и Бабушку тоже. Ваш папа Ваня».

«31.1.42 г. Город Энгельс. Здравствуйте, Раечка. Папа, Мама, решительно все и ещё раз все, для поднятия, Валя, Зина, и Линочка! Это письмо, как и за 30.1.42 г., убывает на самолёте до Сталинграда. Рая, как получишь, сообщи сколько дней они шли до Краснодара. Мне это нужно знать. Папа, спасибо Вам за письмо, лучше реже, чем никогда. Мне приятно, когда я в курсе о делах в нашем советском тылу. Решительно всё и ещё раз всё, для поднятия боеспособности нашей могущественной Красной армии. Ни малейшего сомнения — победа за нами! Для меня сейчас сидеть в тылу — это очень нехорошо в такое время, когда мой краснозвёздный самолёт коршуном бы носился над вшивыми колбасниками. Я уже им отпустил солидную порцию перцу для их вонючих колбас, но он им показался не по вкусу и они от него начали протягивать лапы. А чтобы я делал с ними сейчас, когда они бегут — я бы их с высоты заставил рыть себе могилу руками, правда. Неподходящий навоз для удобрения нашей могучей плодородной земли. Но чёрт с ними, возможно, кое-какие паразиты от них подохнут. “Один вылет” — да, это один. Которых у меня было много. И покончим на этом. Разве я приговаривал только так. Конечно. Нет. Я приговаривал по-русски, с присыпкой, нужно же для смелости. Ведь смелых и пуля не берет! Да, кроме того, у меня экипаж есть, нужно мне и им пригать

смелости, ведь я их командир. А командир в бою — это друг и товарищ. Серёжа мало написал о себе и о нашем стрелке-радисте, они тоже поработали неплохо. Скоро снова фронт, советские самолёты — это моя жизнь, а для врага — это смерть. Вот так, коротенько, я вам рассказал о нашей боевой жизни. В данный момент приступили к своей работе, всё идёт хорошо.... Да. Когда я писал открытку Войцеховичу, то я одновременно писал и комиссару военкомата, и начальнику депо ст. Невиномыссск. Ответа нет от комиссара, будешь получать деньги, спросишь. С приветом, целую вас всех крепко! Крепко!!! Ваш Ваня».

«г. Энгельс. п\я 28. 15 марта 1942 г. 9-00. Здравствуй, Рая! Привет всем — Папе, Маме, Зиночке и Линочке, а Вале я буду писать отдельно. Целую вас всех крепко, крепко, Рая. Я не знаю, с чего мне сейчас начинать писать или, почему долго не писал, или о последнем твоём и Валином письме. Правда, для меня сейчас важнее письмо, которое я получил от Вали. Ну, а раз так, то начну писать о последнем письме, о письме от Вали. Когда я получил письмо, а получил его 5 марта, и когда я его вскрыл, то сразу не мог определить, от кого письмо, т. е. то, которое было написано рукой Вали. Когда я убедился, что письмо от Вали, то я начал читать его первым. Раечка, ты не представляешь, сколько у меня было радости, восторга, даже гордости, как у отца, получившего такое письмо от своей дочери. От радости у меня забило сердце, я весь, до глубины души, был опьянён этим письмом. Я не верю своим глазам, которые от радости немного подшалили, искрами заблестело письмо и мне как-то стало приятно. Раечка! И все! Целуйте за меня Валу. Мне кажется, Рая, что для тебя это не явилось неожиданностью, потому что всё это готовилось на твоих глазах. Так, как будто бы и надо было. О! Нет, для меня это большое событие — первое такое большое событие в нашей семейной жизни. Рая, ну а в отношении твоего молчания, то мне кажется, что и так всё будет ясно из Валиного письма. Рая, день за днём, а время всё уходит. Я получил от тебя телеграмму, на которую дал немедленный ответ. Раечка, ты не представляешь, как мне хочется поехать к вам...но?!!. Это проклятое НО! Результат на днях получу — да или нет. Сегодня получил письмо от Перовой Веры, тоже нужно отвечать. Я уже получил много таких писем и на все нужно отвечать. 13-го уже получил от Конева, он очень благодарен тебе за восстановление связи со своей семьёй. Вот у меня на сегодня и всё. Целую. Ваня».

Форма № 4

Место для штампа

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш Муж, командир эск-льи в/ч полков. почта
(муж, сын, брат, военное звание)

№3898 Капитан УТЮСКИН Иван Михайлович
(фамилия, имя и отчество)

Орден Отечественной войны 1-й степени
уроженец Чертковского района, д. М. М. М.
(область, район, деревня, село)

В бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество 11 января 1943 г.
погиб при выполнении боевого задания на Юго-Западном фронте.
(убит, ранен, умер от ран.)

Похоронен ст. Чертково, Ростовской области.
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. (Приказ НКО СССР № 220-41г.)

Ком-р в/ч Чертково №3898
Воинком "Лавина" 3
М. П. 11.09.43 1943 г.

КОРЕШОК ИЗВЕЩЕНИЯ

Кому выдано извещение (звание, отцу, матери, фамилия, имя и отчество)

Кула выслано (почтовый адрес)

На кого выдано (звание, фамилия, имя и отчество)

Извещение о гибели И. М. Утюскина [5].

Мемориал «Скорбящая мать». Чертково, Ростовская область. 9 сентября 2012 г. Архив Администрации.

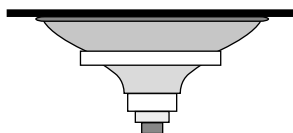
Переучивание на новый бомбардировщик Пе-2 или как его называли «Пешка», длилось три месяца. 1 июля 1942 года Иван Михайлович Утюскин отправил письмо, которое оказалось последней весточкой. С августа 1942 года по 13 февраля 1943 года Краснодар находился в оккупации. Вскоре после освобождения города Раиса Ильинична получила извещение о гибели любимого мужа и отца трёх её дочерей.

Как записано в журнале боевых действий 39-го ближнего-бомбардировочного авиаполка, *«11 января 1943 г. при выполнении боевого задания на разведку в районе Чертково сбит оружейно-пулемётным огнем экипаж капитана Утюскина. Погибли и похоронены в Чертково штурман полка капитан Рябиков, командир эскадрильи капитан Утюскин, начальник связи эскадрильи старший сержант Козаченко. Самолёт разбит. Восстановлению не подлежит. Командир 39 ББАП Фёдоров, начальник штаба подполковник Альшович»* [6].

Помним! Скорбим! Гордимся! Бездонного неба Вам, Иван Михайлович Утюскин!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков В. Е. «Не зная ни шифров, ни паролей» : 39-й авиационный полк Западного фронта в первые дни Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 6. с. 86—90.
2. ЦАМО РФ. Ф. 39. Оп. 200876. Д. 10/1.
3. Шаньгина Е. Повторившие подвиг Гастелло // Вольная Кубань. 2005. 20 мая. С. 3.
4. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 227. Л. 257.
5. Там же. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 98. Л. 167.
6. Там же. Ф. 39 ББАП. 1943. Оп. 200875. Д. 3. Л. 5.

ПРОЩАНИЕ

А. А. ШТАВДАКЕР

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Памяти Э. В. Тимошенко

Э. В. Тимошенко

19 июля 2024 года ушла из жизни Элла Валентиновна Тимошенко, библиограф Таганрогской городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова, моя подруга, очень близкий мне человек.

Мы познакомились в середине 1980-х. Тогда, будучи заведующей краеведческим отделом (создан в 1977 г.) Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (ныне Донская государственная публичная), я оказывала методическую помощь районным и городским библиотекам — центрам ЦБС области — в организации краеведческого справочно-библиографического аппарата. В эти годы во многих сельских и небольших городских библиотеках-филиалах краеведческие каталоги (картотеки) нуждались в редактировании. В основе краеведческих

каталогов и картотек библиотек с 1960-х годов лежала «Типовая схема классификации для краеведческих каталогов областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек» (проект З. Н. Амбарцумяна) [1]. На её основе в краеведческом отделе областной библиотеки в 1980-х годах была разработана обновлённая схема в помощь библиотекам области для классификации краеведческой литературы и организации краеведческого фонда [2]. Эта методика была опробована в Вёшенской центральной и Кружилинском сельском филиале Шолоховской ЦБС, где с 1982 года работала школа передового опыта по библиотечному и библиографическому краеведению для библиотек севера области [3]. Подобную «школу» мы с Элой Валентиновной задумали создать и в Таганроге

для библиотек, расположенных на юге области. К этому времени Элла Валентиновна была уже признанным специалистом в своём деле, руководителем справочно-библиографического отдела городской центральной библиотеки Таганрога. Как справедливо заметила её коллега З. А. Бойко, в начале 2000-х — заведующая нотного-музыкальным отделом: «Справочный аппарат читального зала и всей библиотеки — дело ... её рук, ума, души» [4].

Следует отметить, что в эти годы Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина (ныне Российская государственная) разрабатывала таблицы библиотечно-библиографической классификации (ББК) для разных типов библиотек. Специалисты научно-исследовательского отдела ББК Библиотеки Ленина были одержимы идеей применения таблиц ББК для краеведческих каталогов. Проект «Таблиц ББК для краеведческих каталогов» был разослан библиографам-краеведам областных и краевых библиотек и, хотя большинство их не признало, «Таблицы...» всё же были изданы [5]. Библиотеки страны получили их вместе с методическими рекомендациями [6]. Публикация «Таблиц...» вызвала дискуссию на страницах журнала «Советская библиография» [7]. И я, и Элла Валентиновна были согласны с доводами сотрудников Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная, Санкт-Петербург) А. А. Бобровой, Г. М. Вольберг и Л. М. Федюшиной о необоснованности многих делений в разделах таблиц ББК для краеведческих каталогов, в которых неизбежно будут отражаться материалы не краеведческого содержания. На наш взгляд, также не имело смысла предложение специалистов НИО ББК осуществить современную научную редакцию «Типовой схемы...», стабильность которой подтвердила более чем тридцатилетняя практика в областных, краевых библиотеках страны. Однако «Таблицы» пришли в библиотеки нашей области и оставаться в стороне мы не могли.

Карточный краеведческий каталог Таганрогской центральной библиотеки тогда, в начале 90-х, был не только отредактирован Э. В. Тимошенко согласно рекомендациям областной библиотеки, но и стал примером для библиотек-филиалов Таганрогской ЦБС. Э. В. Тимошенко разработала «Примерную схему краеведческого каталога (картотеки) городской (районной) библиотеки» и «Примерную схему краеведческой картотеки для филиалов ЦБС». Обе схемы вошли в методическое пособие областной библиотеки под названием «В помощь

краеведческой работе библиотек Ростовской области» [8], где буквально сказано: «Схема краеведческого каталога (картотеки) составлена заведующей справочно-библиографическим отделом Таганрогской центральной библиотеки Э. В. Тимошенко на основе схемы библиографического указателя "Литература о Ростовской области", разработанной в краеведческом отделе Донской государственной публичной библиотеки. По вопросам редактирования краеведческих каталогов и картотек обращаться в Таганрогскую ЦБ, тел 6-30-71 и в краеведческий отдел ДГПБ (Ростов) тел. 66-64-60».

Это пособие в несколько листочков на серой бумаге сохранилось, наверное, только в краеведческом отделе Донской публичной библиотеки. Но какую важную роль оно сыграло в своё время! Это была реальная помощь библиотекарям в библиографировании статей из местной печати и расстановке краеведческого фонда. Примечательно, что до сих пор краеведческие фонды во многих библиотеках области организованы по этим схемам.

Школу передового опыта на базе Таганрогской центральной библиотеки мы с Эллой Валентиновной не организовали — наступали другие времена, другие задачи стояли перед библиотеками. Но Элла Валентиновна вела большую методическую работу, передавая свой опыт молодым. Семинары для библиотек-филиалов с её участием проходили ярко, эмоционально. Во многом благодаря ей «была создана лучшая в Централизованной библиотечной системе города справочно-библиографическая служба.<...> На протяжении всех лет Э. В. Тимошенко получала заслуженные благодарности и поощрения. В 1976 году награждена знаком "За отличную работу" Министерства культуры СССР. В 1986 г. за долголетний добросовестный труд награждена медалью "Ветеран труда" [9].

Общая работа и интересы сблизили нас, мы и не заметили, как подружились. Элла оказалась очень разносторонним человеком. Она владела огромной информацией — от увлечения туризмом, плаванием, парашютным спортом в юности, до любви к кулинарии, народной медицине, искусству. Но главным было любимое дело — «свои читатели» и книги. Таких «своих» у неё было немало.

«Не знаю большего наслаждения, чем живое общение с людьми и книгой» — призналась как-то Элла Валентиновна и добавила — это у меня от мамы»

О своей жизни рассказывала интересно, но записала по моей просьбе лишь воспоминания из детства:

«Я родилась 22 февраля 1940 года в Таганроге. Мама, Любовь Константиновна Филиппова, из мещан, рано потеряла родителей. В 12 лет стала жить в семье своей тётки Нюры как прислуга: стирала, убирала, нянчила детей. Она была рукодельницей: красиво вышивала. Всегда полуголодная, тётка кормила плохо, подкармливал иногда её муж, мясник. Однажды в школе у неё случился голодный обморок. Образование у мамы было начальное, но она страстно любила читать, хотя в семье тётки и это запрещалось, читала украдкой, по ночам. Любовь к книгам — это у меня от неё.

От такой жизни, вероятно, мама рано вышла замуж — в 16 лет. Бабушка с дедушкой жили на улице Антона Глушко в маленьком домике. Папа, Валентин Петрович, на 11 лет старше мамы, был военным. В 1931 или 32 году родился Юра (умер маленьким во время оккупации), в 1933 году — Ангелина, моя старшая сестра. Из своего детства я помню оккупацию. Мы жили на этой же улице Антона Глушко. Неподальку от нашего дома была военная комендатура. Женщин отправляли туда на работы: чистили картошку, а очистки забирали домой и варили. Несколько раз мама приносила плитки шоколада и делила по кусочкам между детьми. Шоколад давал немец, который знал, что у мамы «трое киндер», а у него дома осталось двое детей. Ещё помню старую соседку-провизора Агелю Ивановну. У неё дома хранились банки с касторовым маслом. Она жарила на этом масле пышки, запах был ужасный, но пока пышки были горячие их можно было есть (Агеля Ивановна делилась с нами). Мама часто уходила на базар менять вещи на продукты, приносила кукурузу. Я до сих пор не могу её есть. А мы, дети, прятались в это время под кроватью, занавесившись одеялами. Так и выжили.

В школе любимым моим занятием было чтение: читала везде на уроках и вместо них дома, подложив под учебник художественную книжку» [10].

Окончила Элла школу № 2 имени А. П. Чехова. Поработав на заводе измерительных приборов, поступила в Ростовский библиотечный техникум, а позже заочно — в Московский институт культуры.

— «Профессию я выбирала осознанно, — вспоминала Элла Валентиновна, — хотя с юности мечтала летать. Время тогда было романтическое, казалось, всё возможно. Обучаясь в библиотечном техникуме в Ростове, я занималась в аэроклубе, получила третий разряд по прыжкам с парашютом. Но дальше по состоянию здоровья не прошла» [11].

О том, что из неё не вышло лётчицы, Элла Валентиновна не жалела. Отработав заведующей в сельской библиотеке в Красноярском крае, она вернулась в Таганрог, устроилась сначала в библиотеку Таганрогского радиотехнического института, а потом — в городскую.

— «В любимой “чеховке” я работаю 50 лет... С 1979-го по 2001 год была заведующей отделом. Когда появились новые технологии, побоялась, что не справлюсь, подала, как говорится, в отставку, но навыками компьютерной грамотности овладела» [11].

Но не эти «навыки» имели значение в её общении с читателями, разными по возрасту и статусу. «Каким мастерством и знаниями надо было обладать, чтобы работать с любой аудиторией — начиная со школьного возраста, и заканчивая учителями, профессорами, инженерами... К ней шли не только за книгами и нужной информацией, но и за дружеской поддержкой, пониманием, советом» [12, с. 175].

Это строчки из статьи Э. В. Тимошенко о Генриетте Дмитриевне Жаровой, которую Элла Валентиновна считала для себя образцом Библиотекаря и Человека, но я не могу избавиться от чувства, что это сказано о ней самой.

«Дар. Слово-то какое! Говорит о доброте, способности, таланте. А если дарят самое дорогое, что есть у тебя — труд, знание, умение — то это уже бесценный дар!» [12, с. 175].

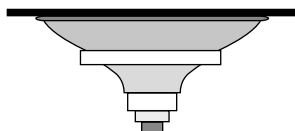
Таким даром обладала Элла Валентиновна Тимошенко. Светлая ей память!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краеведческая работа областных библиотек : метод. пособие / Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина, Моск. гос. библиотеч. ин-т; [Ред. Л. М. Вадиковская и В. А. Николаев]. М., 1961. С. 148—164.
2. Вопросы классифицирования краеведческой литературы и организации краеведческого фонда и каталога : метод. рекомендации / Рост. обл. науч. б-ка им. К. Маркса, краевед. отдел. Изд. 2-е. Ростов н/Д., 1987.
3. Королёва А. Т., Штавакер Л. А. Вёшенские встречи // Библиотекарь. 1985. № 5. С. 54.
4. Бойко З. А. На всю оставшуюся жизнь // Библиотечная газета (Москва). 2003. № 19.
5. Библиотечно-библиографическая классификация : таблицы для краевед.

- каталогов библиотек. М. : Российская книжная палата, 1989. 322 с.
6. Перевод на ББК краеведческих фондов и каталогов библиотек : метод. рекомендации / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1989. 80 с.
 7. Советская библиография. 1990. № 4. С. 16—22.
 8. В помощь краеведческой работе библиотек Ростовской области / Донская гос. публич. б-ка, краевед. отдел; предисл. Штавдакер Л. А. Ростов н/Д., 1992.
 9. Характеристика Тимошенко Эммы Валентиновны 22.02. 1940 г. р., образование высшее специальное, ведущего библиографа отдела информационной и справочно-библиографической работы Центральной городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова // Архив Таганрогской центральной городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова.
 10. [Воспоминания Э. В. Тимошенко. Июнь 2007 г.] // Личный архив Л. А. Штавдакер.
 11. Хранительница духовной культуры // Таганрогская правда. 2013. 1—7 марта. С. 17.
 12. Тимошенко Э. В. Диалоги с Генриеттой Жаровой // Донской временник. Год 2009-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2008. С. 174—175.

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автомототуризм 55—57, 59—65

Автопробеги 59—65

Аксацкий (бывший Казачий), остров 175—178, 180

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, поэт, общественный деятель 30—32

Алабов Рафаил Михайлович, астраханский купец, организатор экспедиции в Индию и Туркестан (1835—1836) 17

Александровск-Грушевский, г. см. *Шахты*

Александр Шендеров = Aleksandr Shenderov : судьба художника в зеркале времени : к 110-летию со дня рождения художника : [альбом / сост., рез. и ст. «Судьба художника» О. Родичкиной ; ст. «В зеркале времени» Э. Ганкиной]. Киев : Мистецтво, 2007. 302, [1] с. : ил., цв. ил., портр.

— о книге 140—144

Артюхина Александра Васильевна, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП (б), редактор журнала «Работница» в 1924—1930 гг. 195—196, 202, 205

Археологические съезды (1869—1911) 167—168, 170—172

Афанасенко Владимир Иванович (1951), историк 218—226

Ахвердовы, дворянский род 31

Бандурин Николай Сергеевич, учитель 86—91

Белаш Денис Андреевич, работник социальной сферы 79—85

Боглачёва И. А. Татьяна Аркадьевна Марутова. Пятигорск : Снег, 2024. 44 с. : ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; Вып. 8).

— о книге 151—154

Вегерин Василий Иванович (1964), краевед, г. Константиновск 69—73

Ведерников, хутор (Константиновский р-н)

— история 69—73

Войновский-Кригер Эдуард Брониславович (1864—?), управляющий Владикавказской железной дорогой (1909—1915) 99, 101—106

Волошинова Любовь Феофистовна (1952), архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону 140—144

Высоцкая Елена Петровна (1959), генеалог 5—40

Гаген фон Фердинанд Августович (1849—1899), архитектор 125

Гайдукова Вера Абрамовна, председатель женской коммуны имени А. В. Артюхиной в Сальском округе (1933—1937; 1941—1942) 202—203

Гридасова Женета Петровна (1954), журналист 112—121

Грушевское горное поселение *ист.* 79—83

Данибегашвили (Данибегов, Денибеков) Рафаил Иосифович (?—1827), губернский секретарь, путешественник по странам Востока и Индии 8—11

Денибек Мария Алексеевна (1863—1941) см. *Кондратович*

Денибек, род, из грузинских дворян 5—40

Денибеков Александр Яковлевич (1821— после 1882), генерал-майор, участник Кавказской (1817—1864) и русско-турецкой (1877—1878) войн, награждён золотой саблей «За храбрость» 22—26, 37

Денибеков Алексей Яковлевич (1828—1897), статский советник, заседатель уездного суда (1856), депутат дворянства (1866), мировой судья, земский начальник 3-го участка Калужской губернии (до 1897) 35, 37

Денибеков Андрей Осипович (1795—?), титулярный советник, член Смоленской палаты уголовного суда 22

Денибеков Иван Осипович (1784— после 1851), подполковник в отставке, смотритель судоходства 1 класса в г. Вышний Волочёк, городничий г. Данилова (1851), помещик Ржевского уезда 21—22

Денибеков Иосиф (Осиф, Осип Романович) Ревазович (1756—не ранее 1836), статский советник, городничий г. Челябинска (1797—1805), председатель Кавказской палаты уголовного и гражданских судов (1805), председатель Смоленской палаты уголовного суда (1805—1829), председатель Кавказского областного суда (1829—1836) 6, 19—21

Денибеков Николай Яковлевич (1832 — после 1865), штабс-капитан, участник Кавказской войны (1817—1864), кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (1859) 22—26

Денибеков Реваз Залиевич (? — не позднее 1787), астраханский купец, фабрикант 6, 12, 14—19

Денибеков Яков Осипович (1783—?), подполковник в отставке, предводитель дворянства Калужского уезда (1826) 21

Дзюба Виктор Андреевич (1938), ветеран завода «Ростсельмаш», заслуженный путешественник России 49—68

Добровольческая армия (1917—1920) 115—117

Донские войсковые ведомости см. *Донские областные ведомости*

Донские областные ведомости, газета (1839—1917, Новочеркасск) 93

Донской временник, краеведческий альманах (с 1993 г., Ростов-на-Дону) 137—138

Дунин-Слепец А. И., управляющий Владикавказской ж. д. 1918—1919 гг. 102

Женская учебная коммуна имени А. В. Артюхиной (Сальский округ, 1920-е гг.) 195—205

Жигалова Раиса Даниловна, учительница, краевед, г. Сальск 204—205

Задёра Григорий Пантелеймонович (1871—1937), фельдшер, литератор 189—195

Зайцева Александра Сергеевна, журналист 73—79, 155—160

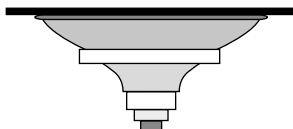
Залиев Реваз см. *Денибеков*

- Иванов Николай Тимофеевич, городской голова г. Борисоглебска в 1860-х гг. 42
 ИМАО см. **Императорское Московское**
 Императорское Московское археологическое общество (1864—1923), научно-общественное объединение 160—175
 Иоанн Кронштадский (1829—1908), святой праведный 47
 Казарова Нина Акоповна (1957), историк 189—195
 Козлов Владимир Фотиевич, историк, краевед, руководитель Центра краеведения, москвоведения и крымове-
 дения Института Наследия, г. Москва 135—137
 Кондратович Константин Александрович (1860—1935) потомственный дворянин, коллежский советник, док-
 тор медицины, врач больницы Северо-Кавказской железной дороги, ростовской городской Николаевской
 больницы 5, 38
 Кондратович Мария Алексеевна (1863—1941; в девичестве Денибек), жена доктора К. А. Кондратовича 5, 36,
 38
 Краеведческая периодика России, база данных Российской национальной библиотеки 138
 Краеведческие чтения
 — Коршиковские (*Ростов-на-Дону — Таганрог, 19—20 сентября 2024 г.*) 155—160
 — Выступления на Чтениях 41—49, 69—73, 73—79, 79—85, 112—121, 160—175, 175—188, 189—195, 195—205,
 206—213, 213—218, 218—226
 Криворожье, сл. (Миллеровский р-н) 86—91
 Крупская Надежда Константиновна (1869—1939), государственный и партийный деятель 196—200, 205
 Ленин Владимир Ильич (1870—1924), революционер, создатель советского государства
 — памятники 206-207, 209, 214
 Ленци, род 26—34, 36
 Ленци Доротея, польская дворянка, жена И. И. Ленци 27, 28, 30
 Ленци Елизавета Павловна (1840—1904), жена Алексея Яковлевича Денибекова 34—36
 Ленци Иосиф Иванович (Серафим Иосиф) (?— после 1837), из тосканских дворян, надворный советник,
 член Тайной канцелярии (1799—1801), директор Волочискской (1801), Цебровской (1811) и Люблинской
 (1821—1822) таможен 26—30
 Ленци Павел Иосифович (1809—1852), смотритель богоугодных заведений Калужской губернии (1840—1846),
 губернский секретарь, письмоводитель и заведующий библиотекой Императорской Академии художеств
 (1848—1852) 30—34
 Максимович Константин Клавдиевич (1849—1916), войсковой наказной атаман Донского казачьего войска
 (1899—1905) 131—133
 Мамсуров Роман Александрович (?—1937?), управляющий каменным карьером в г. Шахты 74—78
 Мамсурова Лидия Александровна (в девичестве Торлецкая; 1885—1968), учительница 74—78
 Марков Сергей Дмитриевич (1880—1922), начальник Северо-Кавказской железной дороги (1920—1922)
 110—112
 Марутова Татьяна Аркадьевна (1930—2014), директор Пятигорской городской центральной библиотеки
 им. М. Горького (1962—1986) 151—154
 Мерецкий Эрнст Львович (1938—2007), мастер спорта СССР 54—55, 58, 59, 67
 Месняев Григорий Валерьянович (1892—1967), писатель 30, 36
 Мининков Николай Александрович (1950), историк 92—97
 Моляко-Высоцкая Нина Константиновна (1893—1969), хранительница семейного архива 5, 30, 38
 Монастырский городок, *ист* 176—177
 Морозова Ольга Михайловна, историк 206—213
 Муравейская Елизавета Александровна, председатель женской коммуны имени А. В. Артюхиной в Сальском
 округе (1937—1941; 1943—1949) 202—203
 Мухановы, дворянский род 30—34
 Нацаренус С. П., временно исполняющий обязанности управляющего Владикавказской железной дороги
 108—109
 Новочеркасский музей истории донского казачества 122—134
 Номиков Семён Филиппович (1837—1900), журналист, краевед, редактор «Донских областных ведомостей»
 132
 Ознобишин Григорий (Егор) Андреевич (1837—1902), художник, преподаватель рисования Новочеркасской гим-
 назии и инспектор народных училищ ряда округов Войска Донского, археолог-любитель, краевед 122—124
 Осипов Николай Павлович, управляющий Владикавказской железной дороги (1916—1918) 101—103
 Памятники
 — революционные 206—218
 Пашутин Иван Алексеевич (1864—1924), доктор медицины, основатель зубоврачебной школы в Санкт-Петер-
 бурге 43
 Перепеч Людмила Николаевна (1958), краевед, г. Сальск; в 2001—2015 гг. — директор центральной городской
 библиотеки г. Сальска 195—205
 Песков Юрий Александрович (1936—2020), генеральный директор завода «Ростсельмаш» в 1978—1996 гг.
 52—54, 66
 Петерс Я. Х., комиссар Владикавказской железной дороги 109
 Печковский Владимир Николаевич, председатель правления Общества Владикавказской железной дороги
 (с 1910 г. по май 1917 г.) 99, 106

- Планета, клуб (Ростов-на-Дону) 58—59, 62, 64, 66
 Полупанов Андрей Николаевич, горный инженер 79—85
 Поляков Яков Соломонович (1832—1909), купец 124, 126
 Попов Харитон Иванович (1834—1925), заведующий Донским музеем в Новочеркасске 125, 132
 Поповка, хутор *ист. см. Шахты*, г.
 Поречный (бывший Раздорный, или Раздорский), остров 176—182
 Потапов Александр Львович (1818—1886), наказной атаман Донского казачьего войска (1865—1868) 123
 Пугачёва Татьяна Леонидовна, библиотекарь 144—150
 Раздорский городок, *ист.* 178—184
 Ростовская стачка 1902 г. 213—218
 Ростсельмаш, завод 49—68
 Рудь Михаил Анатольевич, горный инженер 79—85
 Савельев Андроник Минаевич (1835—1875), историк, журналист 122—123
 Сафронов Александр Николаевич (1940—1986), мастер спорта СССР. Его имя носит клуб «Планета» завода «Ростсельмаш» 55, 59, 67
 Сахаров Павел Петрович (1884— после 1963), историк 92, 96
 Святополк-Мирский Николай Иванович (1833—1898), донской войсковой атаман (1881—1898) 124—126, 131, 133
 Севастьянов Иоанн (1836—1912; Савостьянов Иван Иванович), иерей 117—119
 Северо-Кавказская железная дорога 98—112
 Сенюткин Михаил Христофорович (1825—1879), историк и литератор, редактор «Донских войсковых ведомостей» (1851—1858) 92—97
 Сериков Иван Сергеевич, организатор хутора «Заречный» и колхозного движения в Сальском округе в 1920-е гг. 196—197
 Сидоренко Виталий Трифонович (1930—2023), инженер путей сообщения, краевед, г. Ростов-на-Дону 98—112
 Сидоренко Сергей Витальевич, инженер 98—112
 Скориков Дмитрий Дмитриевич (1978), краевед, г. Ростов-на-Дону 41—49
 Слесов Иван Васильевич (1936—1979), альпинист 58, 67
 Смирнов Виктор Алексеевич, педагог 155—160
 Смирнова Александра Геннадьевна (1967), историк, краевед, г. Москва 137—138, 160—175
Современная краеведческая периодика России. Опыт и перспективы развития : Материалы Всерос. науч.-практ. семинара. (Москва, 1 марта 2019 г.) / Центр краеведения, москвоведения и кримведения Ин-та Наследия; Союз краеведов России; «Московский журнал»; отв. ред. А. Г. Смирнова; сост. К. А. Смирнова. М. : ИЦ «Краеведение», 2023. 255 с.
 — о книге 135—140
 Солодов Николай Фёдорович, купец 41—42
 Солодов Фёдор Николаевич (1836—1905), коммерции советник, предприниматель и общественный деятель Ростова-на-Дону 41—49
 Солодова Екатерина Николаевна, председатель правления «Товарищества Ростовской на Дону паровой вальцово-мельницы» после 1905 г. 42
 Сорокина Екатерина Абрамовна, заведующая женотделом Сальского округа в 1920-е гг., первый председатель женской коммуны имени А. В. Артюхиной 196—197, 199, 200, 205
 Студеникин Пётр Семёнович (1850—1912), архитектор 126, 128—129, 130
 Суханова Наталья Алексеевна (1931—2016), писатель 144—150
Суханова Н. А. Искус : [роман в 5 кн.]. Т. 1, [кн. 1—3]. Т. 2, [кн. 4—5]. Таганрог : Ньюанс (ИП Кучма Ю. Д.), 2011.
 — о книге 144—150
 Таллако П. Г., зам. начальника Владикавказской железной дороги (1920), начальник Юго-Восточной железной дороги (1921) 111
 Тимошенко Элла Валентиновна (1941—2024), библиограф, заведующая справочно-библиографическим отделом Таганрогской центральной публичной библиотеки имени А. П. Чехова (1979—2001) 227—230
 Токаренко Сергей Фёдорович (1957), археолог, краевед, г. Семикаракорск 175—188
 Толстой Лев Николаевич (1828—1910), писатель 191—193
 Торлецкий Александр Александрович, предприниматель, гласный Московской городской думы XIX в. 77
 Торлецкий Василий Александрович (1868—1930-е гг.), инженер-технолог, владелец строительной конторы в Ростове-на-Дону в начале XX в. 75—76, 129—130
 Торлецкий Логин Григорьевич (ок. 1770 — ок. 1844), купец 76—77
 Торлецкий Николай Александрович, гласный городской думы г. Новочеркасска 75
 Торлецкий Сергей Александрович, изобретатель пустотелого кирпича 75
 Уваров Алексей Сергеевич (1824—1884), учёный-археолог, создатель и руководитель Императорского Московского археологического общества (1864—1884) 161—167
 Уварова Прасковья Сергеевна (урожд. княжна Щербатова; 1840—1924), председатель Императорского Московского археологического общества (1885—1917) 161—173
 Утоскин Иван Михайлович (1909—1943), лётчик, погибший в районе ст. Чертково 218—226
 Фотеев Владимир Константинович (1935), советский государственный и политический деятель 51—52, 66
 Халдаев Евгений Васильевич (1959—2023), журналист, краевед, г. Новочеркасск 112—121
 Хейфец Ольга Абрамовна, краевед, г. Пятигорск 151—154

- Центр краеведения, москвоведения и крымовеждения Института Наследия (г. Москва) 135—136, 161
 Чеботарёва Татьяна Львовна, председатель женской коммуны имени А. В. Артюхиной (1930—1933) 202
 Черкасский городок, *ист.* 177—178
 Чеснок Валерий Фёдорович (1942—2023), организатор, популяризатор и научный сотрудник музея-заповедника «Танаис» 65
 Чибисова Светлана Павловна (1965), историк 122—134
 Шахты, г.
 — история 73—85
 Шендеров Александр Семёнович (1897—1967), художник 140—144
 Шпагин Сергей Алексеевич (1950), историк 213—218
 Штавакер Лариса Александровна (1945), библиограф-краевед, заведующая отделом краеведения Донской публичной библиотеки (1977—2004) 135—140, 227—230
 Янушевский П. С., инженер путей сообщения 101, 103, 109—110
 Ярмарки
 — Криворожье, сл. (Миллеровский р-н) 86—91

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ББАП — ближнее-бомбардировочный авиаполк
Г. р. — год рождения
ГААО — Государственный архив Астраханской области, г. Астрахань
ГАРО — Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, г. Москва
ГАХО — Государственный архив Харьковской области, г. Харьков
ДТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы, Пушкинский Дом, Санкт-Петербург
НИО ББК — научно-исследовательский отдел библиотечно-библиографической классификации Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ныне Научно-исследовательский центр развития ББК (НИЦ ББК) Российской государственной библиотеки, г. Москва
ОГАОО — Объединённый государственный архив Оренбургской области, г. Оренбург
ОГАЧО — Объединённый государственный архив Челябинской области, г. Челябинск
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, г. Москва
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
Сл. — слобода
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, г. Подольск
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.
2. Подписанная *Автором(ами)* рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал — одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tif или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
3. Объём статьи не должен превышать 1 а. л., включая список литературы, таблицы и подписанные подписи, 5 — 6 рисунков или фотографий.
4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvrem@yandex.ru
5. При оформлении статьи *Автор(ы)* должны учитывать, что
 - название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
 - не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
 - ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определённые идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
 - Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008.
6. К рукописи статьи *Автор(ы)* прилагает сведения о себе.
7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.
8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.
9. Краеведческий альманах «Донской временник» с 2021 года размещается в Научной электронной библиотеке в национальной библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 33

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавакер Л. А.

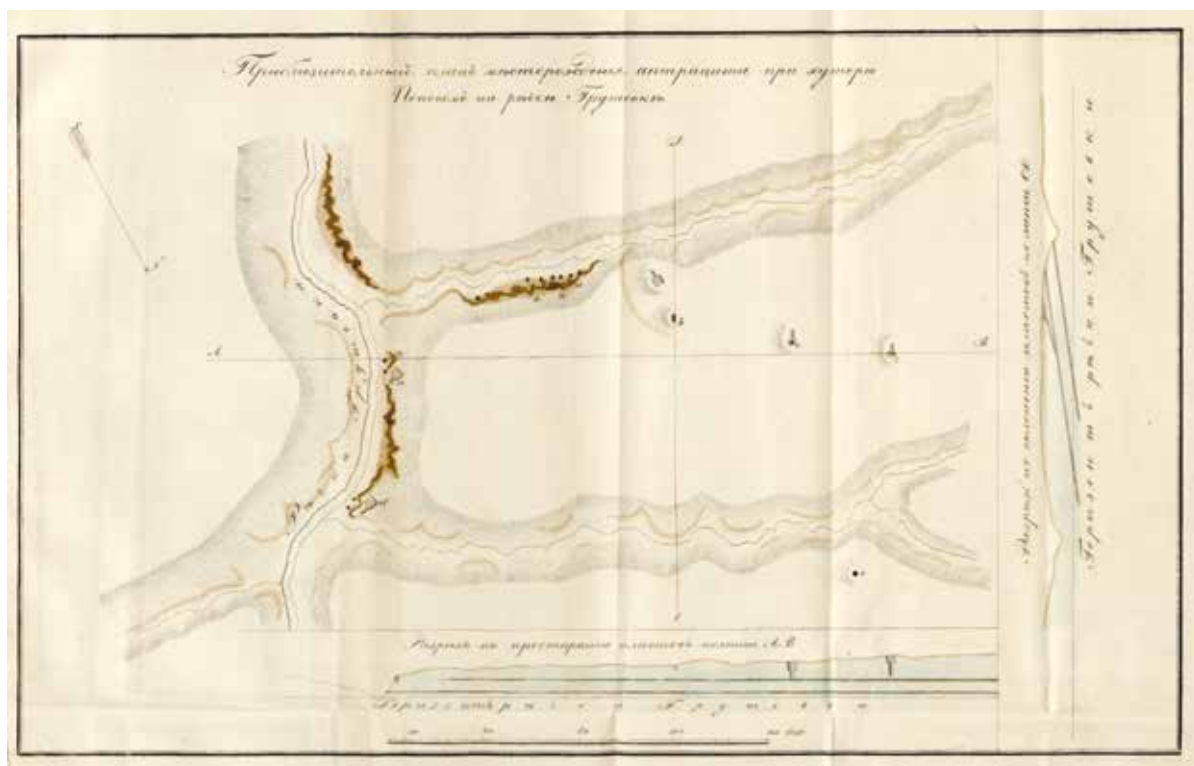
Вып. 33. Сдано в набор 01.10.24. Подписано в печать 05.12.24.
Дата выхода в свет — 2024 год. Тираж 250 экз. Заказ № 127.

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

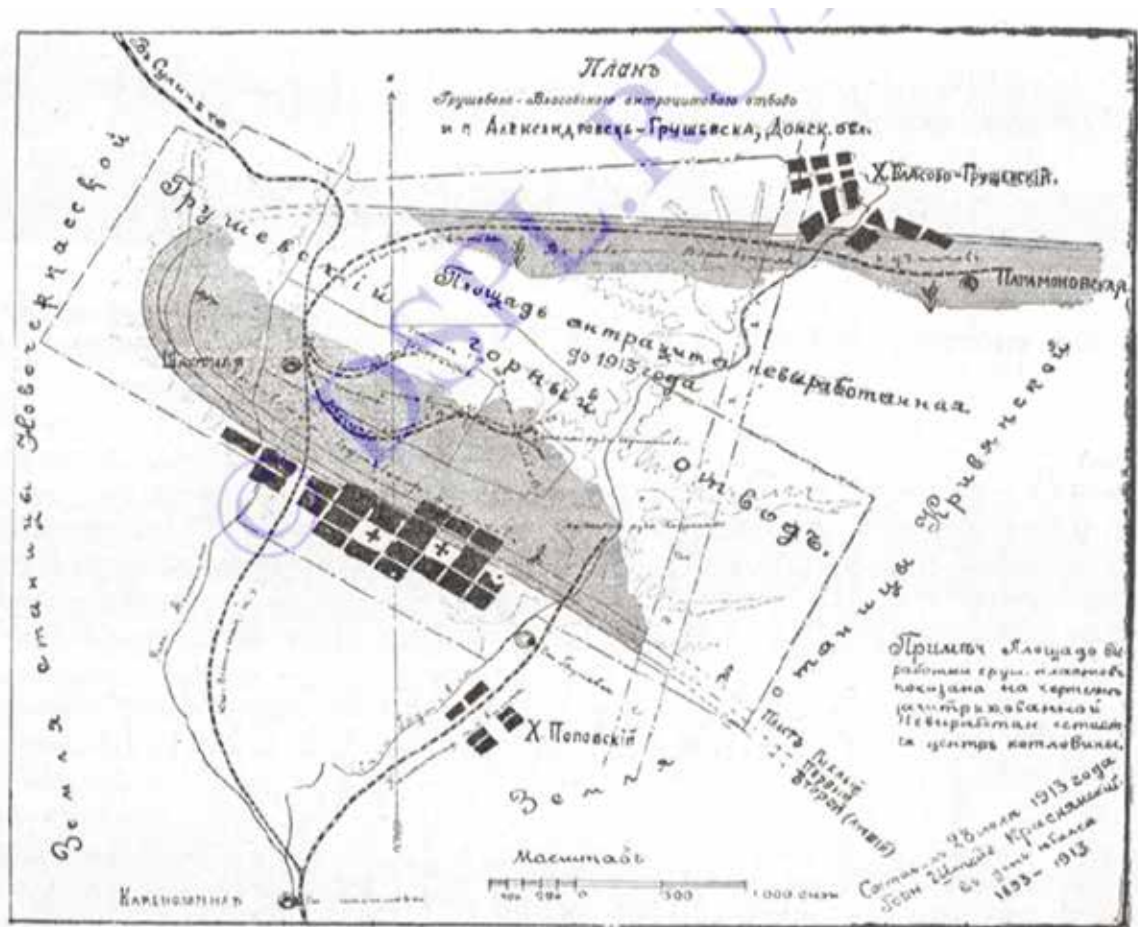
Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

Карта Земли войска Донского. Масштаб 1 : 1, 260,000. На врезке — план г. Новочеркасска // Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. Издание картографического заведения А. Ильина. СПб., 1871. 6 с., 70 л. карт.

Приблизительный план месторождения при хуторе Поповом на реке Грушевке (Горный журнал. 1839. № 7)

Пластовая карта Грушевского антрацитового месторождения с показанием штрихами выработок антрацита к 28 июля 1913 г. (Краснянский М. Б. Записки донского штейгера. Т. 1. Ростов н/Д., 1915. С. 303)

*Карта РККА центральных областей Европейской части СССР. Сборная карта, составленная из листов карт Генерального штаба Красной армии. Использованы листы из квадратов О-36, О-37, №-36, №-37.
Издание 1938—1941 гг. Масштаб 1:100,000 — 1 км в 1 см*